Перекрёстки

N 3-4 / 2011

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

EUROPEAN HUMANITIES UNIVERSITY
EHU
20
YEARS

Европейский гуманитарный университет
Центр передовых научных исследований и образования (CASE),
проект «Социальные трансформации в Пограничье: Беларусь, Украина, Молдова»

Перекрестки № 3–4/2011
Журнал исследований восточноевропейского Пограничья
ISSN 1822-5136

Журнал включен в международные базы данных EBSCO-CEEAS (Central & Eastern European Academic Source) и Indexed in the MLA International Bibliography

Журнал выходит с 2001 г.

Адрес редакции и издателя:
Европейский гуманитарный университет
Tauro str. 12, LT-01108
Vilnius Lithuania
E-mail: perekrestki@ehu.lt

Формат 70x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 32,38. Тираж 300 экз.
Отпечатано: «Petro Ofsetas»
Savanorių pr. 174D, LT-03153 Vilnius

На обложке использован фрагмент картины белорусской художницы
А. Силивончик «Черная королева, белый король», 2005.

ЕГУ выражает глубокую признательность за помощь и финансовую поддержку проекта
Корпорации Карнеги, Нью-Йорк.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В БАЛТИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ В РЕГИОНЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕНТРА CASE

CONTENTS

«ЕВРОПА РЕГИОНОВ? ПОСЛЕ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ»
Беседа с профессором Майклом Китингом

Номер журнала, который Вы держите в своих руках, посвящен, с одной стороны, традиционной для этого издания тематике – анализу национальных процессов и социально-политических трансформаций в регионе Восточной Европы, с другой стороны, он предлагает читателям задуматься над самими основаниями единства региона, расположенного между Балтийским и Черным морями. Для осмысления возможных оснований регионального единства, скорее всего, нам придется в определённой степени абстрагироваться от существующих определений региона и прибегнуть к анализу социальных проблем и индикаторов, характеризующих его пространство с различных сторон. Мы хорошо знаем, что конфигурации регионов имеют особенность наследовать те исторически сложившееся формы политических союзов и проектов, которые ранее существовали на данной территории. Однако, насколько возможны на такой территории проекты, которые определяются не только общим историческим прошлым, в котором регион представлял собой политическое единство, но являются достаточными для конструирования новых региональных образований в современных условиях?

Статьи, собранные в этом номере, подтверждают идею о том, что концепт «постсоветские» и «восточноевропейские» в регионе Междуморья для кого-то все дальше уходят в прошлое, а для других – не позволяют продолжать движение вперед. Наши авторы – исследователи из самого региона и ученые, наблюдающие за его развитием извне, сходятся во мнении, что не столько границы прежних и существующих

ныне государственных образований влияют на особенности сотрудничества в регионе, сколько качественные социально-политические, экономические, ресурсные и военные характеристики определяют новые конфигурации взаимодействия акторов, зачастую выходящих за пределы национальных государств.

Важным событием, положившим начало для таких размышлений, стала организованная Европейским гуманитарным университетом при поддержке фонда Конрада Аденауэра конференция «Новый регион Европы: парадигмы регионального развития в Балтийско-Черноморском междуморье», прошедшая в ноябре 2010 г. в Вильнюсе. Участники дискуссии договорились понимать под «новым регионом» группу государств, расположенных в Балтийско-Черноморском междуморье, которые в настоящее время уже нельзя обозначать только с помощью эпитета «постсоветский». «Новым регионом» была названа совокупность государств, находящихся в процессе интеграции различной степени интенсивности. Процессы эти, определяя новые границы региона, в то же время подтверждают его наличие, поскольку б*о*льшую часть существующих здесь социально-политических проблем можно разрешить только в рамках всего региона, а не отдельных национальных государств. Выводы, к которым приходили участники конференции, подтверждали большое значение межгосударственных и трансграничных отношений, а также процессов, происходящих в экономике, правовых и политических системах. На страницах «Перекрестков» вы познакомитесь с некоторыми из них.

В качестве пролога к этому номеру журнала, позволяющего глубже понять проблематику регионального дискурса, я хочу привести выдержку из беседы с профессором Майклом Китингом, известным исследователем в области региональной европейской политики и теории национализма из Абердинского университета. Майкла Китинга можно определить как регионалиста, однако сферу интересов этого ученого сложно описать одним направлением, поскольку рассматриваемые им проблемы всегда комплексны и междисциплинарны – будь то трансформации современных систем управления, деволюция Шотландии, методология социального знания или формирование новых европейских регионов. Это, на мой взгляд, не случайно и вполне отражает сложную природу региона и региональных процессов. Более того, персональная и профессиональная истории Майкла Китинга настолько переплетены, что сложно разобраться, где заканчивается одна и начинается другая. С этого вопроса и началась наша беседа с профессором в Вильнюсе: «Так ли это?»

Майкл Китинг:

– Предполагаю, что это, действительно, так. Меня воспитали на севере Англии мои родители: отец – ирландец, мама – шотландка. Образование получил в ирландской католической школе. Большую часть своей жизни я работал в Шотландии и Канаде, и у меня три паспорта – британский, ирландский и канадский.

По этой причине идея того, что нация и государство должны всегда совпадать, никогда не казалась для меня столь очевидной. Я встречался с различными концепциями наций, например во Франции этот феномен все еще идентифицируется с государством, в то время как в Германии нация неминуемо рассматривается как культурная форма. Ни одно из этих определений не является универсально истинным.

Ольга Бреская:

Основным рабочим понятием, с помощью которого Вы изучаете процессы европейского политического и экономического развития, выступает «регион как социальная конструкция». Именно в период, когда в социологии начинают развиваться функциональные теории – Мертона, Парсонса, Лумана, – интерес к функциональным аспектам территорий начинает усиливаться. Общества, в которых функциональный принцип становится главенствующим, определенным образом меняют представления о территориально-пространственном устройстве мира. Какова, на Ваш взгляд, дальнейшая траектория взаимодействия территориального и функционального принципов в социальной науке о регионах?

Майкл Китинг:

В своих работах я последовательно развиваю идею, что регион – это особое образование, которое, будучи связанным с территорией, в такой же степени связано с функцией – культурной, политической, этнической, преобладающей и конструирующей пространство региона. Функция и территория никогда не выступали альтернативными или соревнующимися принципами социальной организации. Любая система одновременно территориальна и функциональна. Современные социологи, которые доказывали, что территория исчезает, игнорировали тот факт, что национальное государство является территориальной конструкцией (хотя Дюркгейм видел эту взаимосвязь более комплексно). Постмодернистские социологи, которые говорят о конце территории, как правило, имеют в виду только конец национальных государств как единственного определителя территории. В ситуации ослабления «территориального принципа» и благодаря мышлению через «понятие регион» мы можем находить новые формы общественного пространства, в меньшей степени связанные с государственным уровнем.

Ольга Бреская:

Не способствуют ли такие факторы потере контроля со стороны государства над процессами, происходящими на их территориях? Может быть, мы можем говорить об окончании «эпохи государств» в современной Европе и о переходе к концепции «Европа регионов»?

Майкл Китинг:

Идея Европы регионов очень точно соответствует реальной ситуации. Она предлагает новую иерархию, позволяющую заместить старую. Это конкурирующие проекты определения территории как формы разграничения социальных систем. Государства больше не являются субъектами, которые в состоянии устанавливать одну-единственную территориальную картографическую сетку.

Ольга Бреская:

Можно ли сегодня сделать определенный вывод о результатах деволюции в Шотландии? Приводит ли деволюция к ослаблению государства или же она свидетельствует о важной тенденции эволюции государственности? И какие тенденции регионального развития намечаются в Восточной Европе?

Майкл Китинг:

В своих работах «Plurinational Democracy. Stateless Nations in a Post-Sovereignty Era» (2001) и «Nations against the State. The New Politics of Nationalism in Quebec, Catalonia and Scotland» (2001) я ввожу понятие постсуверенитета, которое связано с процессами ослабления центральной власти и диверсификации управления. В книге 2009 г. «The Independence of Scotland. Self-government and the Shifting Politics of Union» я говорю о том, что происходит в Шотландии, в категориях деволюции. Ослабление суверенного независимого государства означает, что Шотландия вряд ли станет суверенным государством в традиционном смысле. С другой стороны, это – укрепление Шотландии в качестве политического сообщества. В будущем, вероятно, будет происходить продолжающееся укрепление шотландского проекта в рамках более крупных союзов. Станет ли наиболее важным союзом Соединенное Королевство или Европейский союз, сейчас не ясно. На данный момент они оба испытывают серьезные проблемы. Кризис еврозоны в настоящее время (ноябрь 2011 г.) отвлекает внимание от серьезных проблем, стоящих перед Великобританией.

Восточная Европа испытывает ощутимую несбалансированность пространственного развития и неравенство. В какой-то момент эти проблемы придется решать. Вероятность их артикуляции и решения остается небольшой до тех пор, пока политическая власть остается столь централизованной, а правительства так и не желают децентрализации.

Артем Улунян

НОВОЕ «MIĘDZYMORZE» – «INTERMARUM» как геопространственный ретропроект в концепции «Европы регионов»: существует ли геоисторическая парадигма «гибких регионов» в Восточно-Центральной Европе?

Abstract

Geopolitical changes in Eurasia in the late 80-es – early 90-es of the previous century have brought about revival of so called retro images in public discourse and assisted to place them into the focus of discussions among politicians and experts. By renewing historically based Polish-Lithuanian geopolitical retro project called during Intra-war period as "Intermarum" with broader border perimeter then it had been defined earlier there made vital the idea of Intermarum geopolitical space as distinct geopolitical zone possessing significance for European security architecture in politics, defense and economy, and playing important ideological role in public discourse of the countries situated in the region and became element of European identity. This fact has determined new course in interpreting number of reper points that define maritime part of the construct and finds its display in bringing to light new version of "Intermarum" as the project of "Three Seas" such as 1) Baltic, Black and Mediterranean seas; 2) Baltic, Black and Caspian seas and 3) Baltic, Black and Adriatic seas. So called Baltic-Black sea – Caspian-Mediterranean geoconstruct became combination of several projects considered to consolidate different parts of this wide space.

Keywords: Intermarum, East Central Europe, Geohistorical Paradigma, Flexible Regions.

Геополитические изменения в Евразии, происходившие в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. и выразившиеся в дезинтеграции ряда полиэтнических государственных образований – бывшей титовской Югославии, Чехословакии и СССР, – способствовали возрождению в общественном дис-

курсе так называемых ретрообразов, что нашло свое выражение в актуализации этой проблемы в политических и экспертных кругах ряда стран. Особенность процесса конструирования геопроектов в контексте «новой политической географии» заключалась в том, что «создается новое глобальное геополитическое пространство, в котором пересекаются, взаимодействуют, борются постоянно изменяющиеся ключевые геополитические образы мира. Наиболее эффективные из этих образов порождают свои геополитические контексты, свои образные зоны влияния и вспомогательные, буферные геополитические образы» (Замятин, 2002).

В первой половине 90-х гг. XX в. и в начале XXI в. актуализировались и подверглись редакции с позиций новых геополитических реалий несколько наиболее важных для евразийского пространства геоконцептов, имевших определенное влияние на общественное мнение и общественно-политическое развитие ряда стран в период, предшествовавший Первой мировой войне, а также в межвоенные годы. Пространственно-географические реалии общественно-политических трансформаций способствовали актуализации проблемы системного моделирования пространства, долгое время сегментированного в силу незавершенности общественно-политического развития и государственного строительства, начатых еще в период дезинтеграции континентальных империй: Австро-Венгерской, Германской, Османской и Российской. Одной из составляющих этого процесса являлась дискуссионность географического атрибутирования части Европы, где появились после распада империй, а затем и *Pax Sovietica* (включая бывшие советские территории), независимые государства. В этой связи усиливалась роль так называемых геополитических образов (ГПО) – «целенаправленных и четко структурированных представлений о географическом пространстве, включающем наиболее яркие и запоминающиеся символы, знаки, образы и характеристики определенных территорий, стран, регионов, маркирующие их с политической точки зрения. Речь в данном случае идет о фактическом отождествлении определенного географического пространства с конкретной проводимой кем-либо политикой. Следует сразу отметить, что ключевые ГПО характеризуются наиболее целенаправленными геопространственными представлениями и наиболее мощными используемыми территориальными и страновыми символами и знаками» (Замятин, 2002).

Обсуждение этой темы носит как культурно-исторический, так и отчетливо проявившийся политический характер, затрагивая важный с точки зрения общественного дискурса в странах региона, расположенного восточнее границ «классической» (Западной) Европы, вопрос их принадлежности общеевропейскому пространству, ныне входящему в Объединенную Европу и являющемуся частью евроатлантического сообщества. Использование определения «Центральная» или «Восточно-Центральная (Центрально-Восточная)», а также «Средняя» Европа в новейшей политической традиции базируется на различных версиях

интерпретации базисных факторов исторического развития народов этого региона (Исламов, Фрейдзон, 1992: 119–133; Миллер, 2001: 75–96; Janowski, 2005: 5–58; Mitteleuropa, 1994). В соответствии с версией О. Халецкого – известного польского историка-культуролога, работавшего в США и являвшегося автором термина «Восточно-Центральная Европа», – Центральная Европа состоит из двух геоисторических и геокультурных секторов: германского западно-центрального, где определяющей является имперская традиция германской государственности, и восточно-центрального, в которой проживают народы на пространстве от Финляндии до Греции, занимая пространство между Скандинавией, Германией, Италией и Советским Союзом (Halecki, 1950). Однако помимо этого определения столь обширного с географической точки зрения региона существует еще несколько, оформленных в концептуальном отношении как культурно-исторические и политические конструкты. Одно из них основывается на утверждении о том, что Центральная Европа представляет собой регион, тесно связанный с западной цивилизацией, включая германское, австро-венгерское, а также польско-литовское историческое наследие, и выступает как граничащий с Россией и Юго-Восточной Европой, основу культурно-исторической традиции которой составляет османское наследие.

В более узком смысле определение Центральной Европы дается в геопространственном конструкте, основывающемся на концепции, в соответствии с которой этот регион включает территории Габсбургской монархии, оставившей свое культурное наследие народам, создавшим после ее распада на ее бывшей территории собственные государства. Ответом на подобную интерпретацию геопространственного позиционирования этого региона является конструкт Восточно-Центральной Европы, в котором базовым является принцип культурного наследия так называемого польско-литовского сообщества, выступающего основой для территориального определения региона, в который включаются современная Беларусь, Литва, Польша и Украина. Политизированный характер дискуссии о принадлежности Восточно-Центральной Европе наиболее отчетливо проявился в выдвижении двух других концептов: так называемого белорусско-российско-украинского, включающего славянско-православный этноконфессиональный компонент, и юго-восточно-европейский, сторонники которого стремятся также расширить географические границы ЦВЕ с целью подчеркнуть принадлежность народов этих секторов европейского пространства остальной Европе и западной культурной традиции (Kłoczowski, 2004: 29–30).

Многие из этих подходов к позиционированию ЦВЕ способствовали историзации современных субрегиональных геоконструктов применительно к отдельным секторам евразийского пространства. Основой процесса выступила имеющая историческую составляющую концепция объединения масштабных водно-сухопутных массивов севера и юга – от Балтийского моря до Средиземноморско-Черноморского бассейна, ведущая к созданию так называемого

Балто-Черноморского субрегиона, предпосылки чему имели доказанную историческую основу. Эта тема являлась предметом не только политологических исследований, но и археологического изучения, которое способствовало исторической концептуализации идеи в созвучном общественно-политическому дискурсу направлении (Лебедев, Жвиташвили, 2000). Примечательным фактом в данном контексте является попытка реализации подобного плана в начале XX в. в форме сооружения Балто-Черноморского канала, предлагавшаяся российским военным ведомством. Очевидность особого географического и геостратегического значения двух регионов – Балтийского и Черноморского – для российской имперской политики способствовала появлению конкретного проекта. Целевое обоснование, включая финансово-техническую часть, было впервые детально разработано в 1900 г. одним из представителей научно-технического экспертного сообщества инженером В. фон Руктешелем. В 1891 г. с этой идеей к российскому правительству обратился бельгийский инженер Густав Дефосс, но без детального технического и финансового обоснования. Предложение фон Руктешеля, адресованное военному министру А.Н. Куропаткину, заключалось в том, чтобы построить искусственный водный путь – канал Рига – Херсон. При этом отмечалось, что «все главные реки Европейской России могут быть разделены главным образом на две группы рек, на северную и на южную, причем истоки некоторых северных рек берут начало вблизи истоков рек южной системы. Таким образом, при известном приспособлении водяных бассейнов возможно объединение северо-западной и южной России, иначе говоря, Балтийского моря с Черным»[1]. Наряду с хозяйственно-экономическим значением предполагавшийся канал, строительство которого заняло бы около 16 лет, а стоимость работ составила бы 300 млн рублей, имел еще одно: «…со стратегической точки зрения устройство подобного водного пути имеет для России весьма важное значение, так как тогда военные суда будут в состоянии перемещаться из одного моря в другое для защиты своих портов в самое короткое время»[2]. Маршрут этого гигантского сооружения предлагалось определить в следующем виде: Рига – Фридрихштадт (Яунелгава) – Двинск – Дрина – Могилев – Киев – Черкасов – Кременчуг – Екатеринославль (Днепропетровск) – Херсон.

Трансформационный конструкт геопространства между Россией (СССР) и Германией на протяжении первой трети XX в. имел несколько интерпретаций, которые содержали два общих для них элемента: политический и стратегический (в смысле его оборонной, экономической и коммуникационной важности). Именно они способствовали актуализации взаимосвязанных концептов новой организации геопространства от Балтии до Черного моря уже в период после окончания холодной войны в виде нескольких миросистемных доктрин, сформированных геополитическими ретрообразами. Идейно-политическая направленность и практическая реализация геоконструкта стали получать оформление в начале XX в. и были сформулированы совершенно разными авторами.

Один из них – Х. Маккиндер, британский географ и политический эксперт на Парижской мирной конференции после окончания Первой мировой войны, – рассматривал пространство между Германией и Россией, с одной стороны, как принципиально важный для мировой политики, а с другой, как наиболее уязвимый сектор в системе международных отношений, способный спровоцировать новую мировую войну: 1) в случае внутриполитической нестабильности в нем; 2) в случае его поглощения Россией или Германией и сближения границ двух государств (Mackinder, 1919). Автор второй концепции – деятель польского национального движения Й. Пилсудский. Он сформулировал свою идею в меморандуме, направленном японскому правительству в 1904 г. Суть этого документа заключалась в рекомендации Токио учитывать и использовать национально-освободительные движения народов Российской империи. С позиций польского национального движения, как они определялись Й. Пилсудским в упомянутом меморандуме, делалось заключение: «Сила и важность Польши среди составляющих российское государство частей укрепляет нас в постановке политической цели раскола российского государства на основные составляющие и освобождение стран, которые насильно были включены в империю. Мы рассматриваем это не только как выполнение культурных устремлений нашей страны к независимому существованию, но и как гарантию этого существования, так как Россия, лишенная своих завоеваний, будет существенно ослаблена и перестанет быть грозным и опасным соседом» (Charaszkiewicz, 2000: 56).

После приобретения Польшей независимости и усиления давления на нее со стороны Советской России, которая попыталась, используя военную силу, навязать ей коммунистический режим, Й. Пилсудский стал инициатором реализации идеи «прометеизма» – поддержки освободительной борьбы народов бывшей империи за свою независимость. Будучи названной так по имени греческого мифического героя Прометея, который вопреки воле богов дал людям огонь, данная концепция имела геополитическое содержание, так как ставила своей задачей освобождение от советского режима и создание национальной государственности народов бывшей империи[3]. В геопространственном отношении она включала широкую полосу от Балтии до Черного и Каспийского морей, а также отдельные географические регионы Поволжья. Реализация балто-черноморского проекта была сформулирована в геоконструкте «Междуморье» (имелись в виду Балтийское и Черное моря), автором которого был Й. Пилсудский (Międzymorze, 1995; Dziewanowski, 1969; Levy, 2007; Okulewicz, 2001). Проект предусматривал конфедерацию государств, расположенных как в балтийском секторе Европы, так и в черноморско-средиземноморском: Латвии, Литвы, Финляндии и Эстонии, а также Белоруссии, Венгрии, Румынии, Украины, Чехословакии и Югославии. Идею не поддержала практически ни одна из стран, которые рассматривались как потенциальные кандидаты, так же как и большинство политических деятелей-эмигрантов из стран, включенных в РСФСР/СССР и имевших отношение

к проекту. Причиной негативного отношения к «Междуморью» стало нежелание поступаться национальной свободой, угроза которой виделась в региональном доминировании Польши. Против усиления Варшавы были и многие европейские державы. В то же время проект, как полагала польская сторона, должен был опираться на поддержку Франции и Бельгии, став основой континентального антигерманского союза (Беларусь – Польша 2005)[4].

Несмотря на бесспорное авторство Й. Пилсудского, геоконструкт «Междуморье»[5] обладал характерными для каждого из подобных мегапроектов «мозаичными» чертами и включал в виде элементов субрегиональные конструкты. Одним из них, выступавшим в роли центрального, был проект Балтийского союза, выдвигавшийся на протяжении 1917–1920 гг. и предполагавший создание военно-политического блока в составе Польши, Латвии, Литвы и Эстонии, становившихся независимыми государствами в результате распада Российской, Австро-Венгерской и Германской империй. Вариантом такого объединения мог стать Балто-скандинавский блок, авторство идеи которого принадлежало эстонскому политику Яну Тынисону – лидеру Демократической партии (ее наследницей в 1919 г. стала Народная партия), стремившемуся добиться с помощью этого межгосударственного объединения гарантий безопасности для Балтии и Северной Европы. Однако Скандинавские страны не проявили заинтересованности из-за нежелания быть вовлеченными в военно-политические конфликты в Балтии (Lubelski, 2010: 186–189).

Дальнейшее развитие геопространственного концепта Междуморья нашло отражение в проекте создания так называемой Третьей Европы, автором которого являлся Й. Бек – глава польского МИДа и один из ближайших сподвижников Й. Пилсудского. Вместе с двумя другими соратниками умершего 15 мая 1935 г. главы Польши, президентом И. Мосцицким и генералом Э. Рыдз-Смиглы, Бек продолжал формировать внешнеполитический курс страны. В соответствии с его концепцией в число государств Междуморья или Третьей Европы, находящейся между Германией и СССР, должны были войти помимо Балтийских стран Венгрия, закарпатская Русь, Румыния, Югославия, Италия, Турция (при определенных обстоятельствах Греция), а также северные страны – Швеция и Финляндия, но при этом исключалась Чехословакия (Kornat).

В аналитическом документе «Основы польской политики в Средней Европе и на Балканах», составленном в польском МИДе в 30-е г. XX в. (к сожалению, публикаторы не приводят точной даты его создания и, скорее всего, он относится ко второй половине 1930-х гг.), его автор определял задачей польской внешней политики «обеспечить себе свободное пространство между Третьим рейхом, с одной стороны, и московским государством (СССР), с другой, для развития своих политических, культурных и экономических возможностей. Эта цель является категорическим императивом польского raison d'etat, представляется нам последствием проблемы распространения и укрепления в части Европы от

моря до моря». В этом же документе подчеркивался факт существования угрозы со стороны Германии в отношении Балтийских государств, включая Польшу, центрально-европейской Чехословакии, Турции, Румынии независимо от того, что Третий рейх может и не иметь общих границ с какой-либо страной, и итальянской угрозы в отношении Балканских стран (Białobłocki, 2001: 26).

Довольно близкими к «классическому» геополитическому плану Междуморья по своему географическому очертанию являлись соответствующие геоконцепты, выдвигавшиеся представителями украинской и белорусской общественно-политической мысли за пределами СССР. Их главным отличием от «оригинала» было обращение авторов проектов к роли и месту Украины и Беларуси в этой геополитической конструкции.

Осовременивание польско-литовского геополитического ретропроекта, получившего в межвоенный период расширительное толкование геоконструкта «Междуморье», происходило на фоне окончания холодной войны, дезинтеграции СССР и создания независимых государств на его территории. Актуализация темы межморского геопространства как особой геополитической зоны, важной для европейской архитектуры безопасности, включая политические, оборонные, экономические элементы, и имеющей идеологическое значение для общественно-политического дискурса в странах региона в деле закрепления их общеевропейской идентичности (Europa Środkowo-Wschodnia, 2004; Wolański, 1996), превращалась в инициирующий момент поиска новой формы Междуморья (Пазьняк; Салтовский, 1996). В отдельных работах, имеющих экспертно-аналитический характер и принадлежащих исследователям из Балтийских стран – бывших советских республик, – особое внимание придавалось исторической роли трех народов континентальной Балтии (латышей, литовцев и эстонцев) и их государственности в формировании всего балтийского регионального геоконструкта. Так, в частности, отмечалось, что «в период советской оккупации в наше сознание очень быстро внедрилась концепция "Балтийского трио" (Латвии, Литвы и Эстонии) или "Балтии", которая, казалось, является вековой. В то же время в создавшейся политической ситуации 1990-х гг. наиболее актуальной становилась концепция, имеющая более короткую историю, и время от времени на повестке дня развивалась дискуссия о том, представляют ли Балтийские государства единое геополитическое пространство или нет» (Pääbo, 2005: 41). Появление новых геопространств, определяющих морскую составляющую конструкта, способствовало выдвижению в конце XX – начале XXI в. следующих версий «Междуморья» в виде проекта «трехморья»: 1) Балтика, Черное и Средиземное моря; 2) Балтика, Черное и Каспийское моря; 3) Балтика, Черное и Адриатическое моря. Самороспуск СССР, создание на постсоветском пространстве Содружества Независимых Государств, членами которого стали бывшие советские республики, за исключением трех балтийских, ликвидация Восточного блока, распад Югославии и роспуск Чехословакии, принятие пост-

коммунистическими государствами Восточной Европы курса на вступление в евроатлантическое сообщество стали основными факторами в формулировании новых региональных геопространственных проектов в отношении постсоветской части Евразии, сочетавших прагматические соображения с историческим компонентом. Немаловажную роль в формулировании подобных проектов сыграла менявшаяся система международных отношений конца XX – начала XXI в., одной из характерных черт которой явилось обострение противоборства за влияние на постсоветском пространстве, и в частности между Москвой и Вашингтоном, что позволяло делать вывод: характер американо-российских взаимоотношений сейчас в какой-то степени сопоставим с первой холодной войной во второй половине XX в. Эта война являлась жесткой конфронтацией между геоидеологическими и геополитическими проектами, сторонники которой (иногда помимо своей воли) объединялись вокруг США и СССР» (Harutyunyan).

В новых условиях ориентированность на европейскую модель предполагала и определенную «европеизацию», которая выступала как символ геополитического развития, включавший несколько составляющих, главными из которых стали изменение внешних границ Единой Европы, развитие институтов управления на уровне Европейского союза, взаимопроникновение национальных и наднациональных уровней управления, реализация политического проекта, нацеленного на создание объединенной и политически сильной Европы (Olsen, 2002: 923, 924). На этом фоне интенсифицировался в общественном дискурсе многих посткоммунистических стран, а также государств евроатлантического сообщества процесс актуализации ряда геополитических ретропроектов, имевших в прошлом прямое отношение к позиционированию пространства от Балтики до Черного моря (Łukasz, 2007).

Основными геопространственными конструктами, актуализировавшими в различной степени ретропроекты XX в., стали, во-первых, так называемый Черноморский концепт, нашедший свое выражение в форме Организации черноморского экономического сотрудничества и расширенный в пространственном отношении за пределы собственно Черноморского региона; во-вторых, межгосударственная организация ГУ(У)АМ, фактически обеспечивавшая связь сначала трех регионов – Восточной Европы, Южного Кавказа и Центральной Азии, а затем первых двух и трансформировавшаяся в Организацию демократии и экономического развития (Organization for Democracy and Economic Development); в-третьих, объединение государств под названием «Сообщество демократического выбора» (The Community of Democratic Choice), призванное обеспечить геополитическую связь Балканского региона, Центрально-Восточной Европы, Балтии и Южного Кавказа. Характерная черта последней из перечисленных организаций – выдвижение на первый план политически мотивированного единства на основе общей целевой установки: выход из постсоветского и посткоммунистического периода развития и окончательный переход к демократической

модели общественно-политического устройства. Таким образом, выдвигавшиеся идеологические геопространственные концепты «переформатирования» политической карты имели определенные закономерности: они включали «цивилизационный либо национальный элемент и апеллировали к определенной экономической системе» (Harutyunyan).

В начале 90-х гг. XX в. ввиду произошедших изменений в системе международных отношений и самороспуска СССР, а также создания СНГ Черноморский субрегион, где иным стало прежнее соотношение сил и появились новые, стремящиеся оказывать влияние в нем, превратился в важный геопространственный проект для государств, имевших к нему непосредственное отношение. Турция, которая использовала свои позиции в евроатлантическом сообществе и особые отношения с США, сочла наступивший момент удобным для реализации ее внешнеполитических устремлений в черноморском, кавказском и центрально-азиатском направлениях и способствовала созданию Организации черноморского экономического сотрудничества (Black Sea Economic Cooperation). (О роли Турции и значении Черноморского субрегиона со стратегической точки зрения см., например, материал капитана ВМФ Орхана Бабаоглу, сотрудника отдела планирования и политического анализа Министерства обороны Турции, Babaoglu, 2005.) 25 июня 1992 г. на Стамбульском саммите глав 11 государств подписано Босфорское заявление, которое стало юридической основой существования BSEC, основанной 1 мая 1999 г. со штаб-квартирой в Стамбуле.

Организация черноморского экономического сотрудничества (BSEC)

Члены	**Наблюдатели**
Азербайджан	Австрия
Армения	Беларусь
Албания	Германия
Болгария	Египет
Греция	Израиль
Грузия	Италия
Молдова	Польша
Россия	Словакия
Румыния	США
Сербия и Черногория (2004)[6]	Тунис
Турция	Франция
Украина	Хорватия
	Чехия

Пространственная характеристика BSEC превратила его в многомерный геопроект, составными элементами которого стали: во-первых, концепт Меж-

думорья в его новой расширенной редакции, включающей Балтийское, Каспийское, Черное и Средиземное моря; во-вторых, идея единства Центрально-Восточной Европы, «классической» Европы и Балкан (Юго-Восточной Европы); в-третьих, проект расширения евроатлантического пространства при укреплении позиций стран Новой Европы (посткоммунистических государств) и одновременное включение в BSEC участников геоконструктов «Большого Среднего (Ближнего) Востока» и средиземноморского пула. Это способствовало появлению концепции «широкого Черноморского региона» (Broader Black Sea region).

Выявилась коммуникационная важность Черноморья в новых условиях создания альтернативных транспортных путей доставки углеводородов в США и государства Европы, а также оборонное стратегическое значение субрегиона для евроатлантического сообщества. В то же время в геопространственном оформлении Черноморья обнаружилось определенное своеобразие: оно оказалось «политически сконструированным регионом[7], порожденным в большей степени рисковой и стратегической важностью, нежели своей идентичностью. В отличие от Балкан и региона Балтики Черноморье не выполняло функции общего пространства с особой региональной идентичностью на протяжении сотен лет. Это сделало его уязвимым при определении его идентичности извне или доминирующими действующими силами внутри него или вокруг. В результате региональное определение оказалось обязано своим использованием внешним силам в связи с другими соседними региональными участниками» (Grotzky, Isic, 2008: 5). Существенны различия между Средиземноморьем и Черноморьем в определении единого историко-культурного наследия: этот факт подчеркивается участниками средиземноморского неформального сообщества и фактически отвергается членами черноморского пула (King, 2004; Lesser, 2007). Геоисторический образ Черноморья не был связан в прошлом с такой характеристикой, как регион, что отмечалось иностранными дипломатами с целью подчеркнуть становление его как нового региона[8]. В определенной степени этот процесс нашел свое объяснение в заключении о том, что «системные теоретики и политэкономисты обычно рассматривают рост регионов как функцию роста или упадка гегемонии или как ответ на давление глобализации» (King, 2004). Примечательным фактом в данном контексте становилось определение Черноморья не только как моста в политическом, культурном и экономическом отношениях, а также между цивилизациями, но и, по мнению ряда аналитиков, «стратегическим барьером» между соревнующимися цивилизациями (Lesser, 2007: 12). Одним из важных мотивационных факторов, повлиявших на разработку геопространственного конструкта «широкое Черноморье», стала концепция демократической безопасности, заявленная в Венской декларации (октябрь 1993 г.), базирующаяся на утверждении о том, что демократические страны не будут воевать друг с другом и, таким образом, строительство демократии, а также ее про-

странственное расширение способствуют укреплению безопасности (Cornell, Jonsson, Nilsson, Häggström, 2006).

Расширительное толкование черноморского пространства[9] и историзированный концепт Междуморья, применяемый в отношении Черного и Каспийского морей, создали основу для появления нового конструкта – «широкая черноморско-каспийская область» (Wider Black Sea/Caspian Area [WBSCA]), который подчеркивал значение этого «межморского» пространства одновременно как транспортного коридора[10], стратегического пространства и «широкой области» в силу своей многофункциональности (Japaridze, 2007; Minchev). В реализации геоконцепта широкого Черноморья определенную роль сыграла актуализация панъевропейской идеи в начале 90-х г. XX в., произошедшая в связи с усилением евроатлантического вектора в общественно-политическом развитии большинства посткоммунистических государств, стремившихся стать членами объединявшейся Европы. Идея эта создала предпосылки для формулирования специального понятия – Европейское соседство (European Neighbourhood), которое стало служить для обозначения геопространства за пределами Европейского сообщества, прежде всего Южного и Восточного Средиземноморья, Южного Кавказа и Черноморья, а также Беларуси и Российской Федерации. Политика в этом направлении являлась частью общеевропейской тактики по созданию геопространственного конструкта Объединенной Европы, что подразумевало также реализацию параллельного проекта – процесса стабилизации и ассоциации, распространявшегося на европейскую часть членов евроатлантического сообщества и кандидатов в него из числа посткоммунистических стран и Турцию. Таким образом, балто-каспийско-черноморско-средиземноморский геоконструкт, формировавшийся на принципах Междуморья, становился комбинацией нескольких проектов, направленных на решение задачи консолидации отдельных секторов этого пространства. Естественным в этом контексте становился геопроект (ГУАМ), ставящий целью объединить центральноазиатское, южнокавказское и черноморское пространства в интересах реализация плана создания альтернативных транспортно-сырьевых коммуникаций из Центральной Азии и Южного Кавказа в Европу. 10 октября 1997 г. в Страсбурге была достигнута договоренность о создании консультативного форума межрегиональной межгосударственной организации Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы, к которым весной 1999 г. присоединился Узбекистан, приостановивший свое участие в 2002 г. и отказавшийся от договоренности в мае 2005 г. после Андижанских событий с последующей денонсацией 29 декабря того же года практически всех базовых документов. 7 июня 2001 г. заключена Ялтинская хартия, ставшая манифестом ГУАМ. Подписание серии документов в период 1999–2001 гг. трансформировало ГУАМ в структуру, ориентированную на решение не только транспортно-сырьевых задач, но и политических, среди которых особое место заняли за-

мороженные этнотерриториальные конфликты и проблемы безопасности. Состоявшийся 22 апреля 2005 г. в Кишиневе саммит глав государств-членов ГУАМ (за исключением президента Узбекистана И. Каримова) четко определил геополитический характер проекта, что было подтверждено как присутствием на встрече в качестве наблюдателей президентов Т. Бэсеску (Румыния), В. Адамкуса (Литва) и специального представителя США по переговорам по Нагорному Карабаху и конфликтам в Евразии С. Манна, так и принятыми документами: декларацией «Во имя демократии, стабильности и развития» и совместным заявлением «Создавая демократию от Балтики до Черного моря». Такой подход к конструированию нового геополитического пространства демонстрировал устойчивый и исторически обусловленный характер естественного процесса создания современной версии Междуморья – Балтики, Черного и Каспийского морей уже в условиях расширения евроатлантического сообщества, элементом которого являлась Единая Европа. Новый геопроект – Сообщество демократического выбора, созданное 2 декабря 2005 г., включал государства Балтии, Центрально-Восточной Европы, Балкан и США, а также региональные организации – Европейский союз и ОБСЕ.

Сообщество демократического выбора

Члены	**Наблюдатели**
Грузия	Азербайджан
Латвия	Болгария
Литва	Венгрия
Македония	Европейский союз
Молдова	ОБСЕ
Румыния	Польша
Словения	США
	Чехия
	Эстония

Новейший геоконструкт Междуморья оказался завершенным вследствие создания сплошной геополитической полосы от Балтики до Черного и Каспийского морей. Это пространство, названное на Тбилисской конференции 2006 г. с участием парламентариев из стран СДВ Балтийско-Черноморско-Каспийским регионом, рассматривалось в данном контексте как часть «единого европейского и евроатлантического пространства», куда ему предстояло интегрироваться в интересах «упрочения демократии, стабильности и экономического благосостояния во всей Европе»[11]. В то же время оно отличалось от исторической версии 20-х гг. XX в., в которой его важной составляющей наряду с Украиной была Белоруссия. Особое значение для формирования СДВ имел характер

взаимоотношений внутри СНГ, где четко обозначилась принципиально важная для общественно-политического развития стран-участниц Содружества проблема. Ее суть заключалась в том, что «едва ли какое-либо другое событие в регионе имело столь серьезное влияние на постсоветские режимы, как электоральные революции. Эти режимы рассматривали электоральные революции как смертельную опасность их власти и оценивались как наиболее серьезный враг, с которым надо вести борьбу и разгромить всеми имеющимися средствами» (Kechaqmadze; The Fourth Wave of Democracy, 2002).

Концептуализация геоконструктов, позволяющих формировать новые регионы с помощью объединения традиционных европейских пространств с учетом существовавших на протяжении XX в. ретропроектов, фокусировалась на создании мегарегионов, имеющих принципиальное значение для Европы с точки зрения ее стратегических интересов в нескольких областях. Различные планы Междуморья свидетельствовали об основном векторе развития геопространственных конструктов в среде европейских политиков. Необходимость консолидации европейского массива проявилась в концепции «Европа регионов», которая могла базироваться не столько на государственно-территориальной основе, сколько на регионально-областной, т.е. без включения всей территории конкретных государств для реализации геопространственной программы. Ее основа была определена в начале 2000-х гг. и включала несколько географических регионов: Центральную Европу – адриатическое – дунайское – юго-восточное европейское пространства. Программа центрально-адриатическо-дунайско-юго-восточного европейского пространства (Central, Adriatic, Danubian and South-Eastern European Space, CADSES) выступила в роли инструмента формирования нового большого Европейского региона, куда оказались включены не только целые государства, но и находящиеся в пределах национально-территориального суверенитета соседних стран области, являющиеся частями заявленных в программе регионов. Из 18 государств-членов CADSES 7 не являются членами Европейского союза, а ряд государств присутствуют в программе своими областями (Италия и Украина).

План CADSES в складывавшихся условиях усиливавшейся конкуренции геопространственных конструктов «больших» Ближнего/Среднего Востока, Центральной Азии, Средиземноморья и Балто-Черноморско-Каспийского проекта, а также геоконцептов тюркской взаимности и фарсоязычного единства выявил серьезную особенность. Она заключалась в следующем: формирование нового геополитического массива проходило в рамках жесткого регионального подхода без включения в него конкретных государств полностью, а лишь только тех областей, которые имели непосредственное отношение к конструируемому пространству, что создавало основу для формулирования подлинно регионального геоконцепта без формального изменения государственных границ или подобных планов в будущем.

Формулирование геополитических субрегиональных геоконцептов евразийской проекции в политических и экспертных кругах стран евроатлантического сообщества, а также ряда постсоветских государств являлось отражением общей тенденции, выявившейся в общественном дискурсе после окончания холодной войны. Геопространственное конструирование новых региональных общностей с доминирующим политическим содержанием было обусловлено объективным процессом поиска геополитической идентичности и необходимостью обеспечения ее сохранения с учетом сложившейся в системе международных отношений ситуации. Последняя свидетельствовала об усиливавшемся конфликте между демократической и условно называемой неосоветской (антидемократической) моделями общественного развития.

Примечания

1 Архив внешней политики Российской империи. Ф. 165. Оп. 1. Д. 655. Л. 2.2 (об.). Краткая записка к проекту инженера В. фон Руктешеля об устройстве канала для глубокосидящих судов, соединяющего Балтийское море с Черным. 1900 г.

2 Там же. Л. 4. Впоследствии этой темой занимались в 1909 г. латвийский инженер А. Пабст и Бруно фон Гернет в 1914 г. К реализации проекта в разные годы перед Первой мировой войной обращались зарубежные финансисты и инженеры, пытавшиеся организовать специальный банковский пул. Однако ввиду изменившейся международной ситуации проект остался невыполненным.

3 План «Прометей» являлся составной частью внешнеполитического курса Польши. Трактовка освободительной борьбы народов СССР против коммунистического режима даже после его крушения продолжает базироваться на советских оценках, предпринимаются попытки создать идеологически и политически мотивированные аналогии. См., например: Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 131–141.

4 Советское руководство рассматривало план «Междуморье» как опасный для экспансионистских планов СССР на балтийском и южном черноморском направлениях. Уничтожение польской государственности совместными действиями нацистской Германии и Советского Союза в 1939 г. было завершающим этапом на пути ликвидации угрозы скоординированных действий малых стран региона.

5 Масштабный план создания межгосударственного объединения стран Балтии, Центрально-Восточной Европы и Балкан в виде конфедерации выдвигался известным политическим деятелем генералом Вл. Сикорским, когда он занимал пост премьер-министра Польши (16.12. 1922 – 26.4.1923 гг.). Геопространство этого объединения, где Польше суждено было играть роль «ядра», ограничивалось на севере Балтикой, а на юге – Эгейским морем.

6 Ввиду отказа Турции согласиться со вступлением Кипрской Республики в BSEC Греция заблокировала заявку Черногории, которая после прекращения существования совместного с Сербией государства стала независимой. См.: Kurt S. Montenegro Denied BSEC Membership Because of Turkish-Greek Rift // Today's Zaman. 6.11.2006.

7 В историографической традиции политической географии существует несколько подходов к определению ряда пространственных секторов, которые рассматриваются и как

регионы, и как субрегионы. В отношении Черноморья используются нередко оба этих определения.

8 Ambassador's remarks and Public Events. Democracy and Security in the Black Sea American Ambassador Ross Wilson ARI Movement's 8th Annual Security Conference. Istanbul, June 29, 2006 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://turkey.usembassy.gov/amb_062906.html

9 В соответствии с географическим определением Черноморского региона Европейской комиссией, к нему относятся государства, расположенные на западе (Болгария, Греция, Молдова и Румыния), на севере (Россия и Украина), на востоке (Азербайджан, Армения и Грузия) и юге (Турция).

10 Ambassador's remarks and Public Events.

11 Содействие демократии: усиление роли парламентской демократии. Совместное коммюнике. Тбилиси, 1 декабря 2006 г. Тбилисская конференция, 2006 г. / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cdc.parliament.ge/files/78_22_421342_Communique_R.doc. Российская оценка концепта Междуморья в этот период варьировалась от крайне негативной до умеренно-критичной. См., напр.: Неменский О. IV Речь Посполитая: взгляд на Восток. 19.1.2006. АПН.РУ / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.apn.ru/opinions/article9544.htm; Лурье С. Речь Посполитая, империя-ловушка. Историческая политика: случай Польши // Русский Журнал. 31.08.09 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Rech-Pospolitaya-imperiya-lovushka. Эта позиция была отмечена украинскими политологами и публицистами: Карайченцев П. Литва и Польша спешат на помощь. Попытки реанимации Балтийско-Черноморского союза // Диалог.ua. 15.06.2004 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dialogs.org.ua/issue_full.php?m_id=1255. В то же время среди белорусских публицистов и экспертов существует точка зрения на этот проект как достаточно выгодный для России, что было замечено даже российским консервативным информационно-аналитическим порталом «Геополитика». (Геополитика постмодерна: Сивицкий А. Балто-Черноморский коридор развития как модификация «Восточного партнерства» // Геополитика. 24.12.2009 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://geopolitica.tv/index.php).

Источники

Архив внешней политики Российской империи (АВПР). Фонд 165. Опись 1. Дело 655. Лист 2, 2(об.) Краткая записка к проекту инженера В. фон Руктешеля об устройстве канала для глубокосидящих судов, соединяющего Балтийское море с Черным. 1900 г.

Литература

Ambassador's remarks and Public Events. Democracy and Security in the Black Sea American Ambassador Ross Wilson ARI Movement's 8th Annual Security Conference. Istanbul, June 29, 2006 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://turkey.usembassy.gov/amb_062906.html

Babaoglu O. The Black Sea Basin: A New Axis in Global Maritime Security // Policy Watch. № 1027. 24.08. 2005 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.harvard-bssp.org/bssp/publications/109

Balceraka W. Koncepcje integracjne w polskiej polityce zagranicznej (1918–1939) // Dzieje Najnowsze. № 1. 1970. S. 30–56.

Białobłocki Z. Próby realizacji koncepcji «Trzeciej Europy» a ZSRR 1934–1938 // Zeszyty Naukowe. Wyższa Szkoła Gospodarki Krajowej w Kutnie. Kutno: Wyższa Szkoła Gospodarki Krajowej, 2001. Tom I. S. 25–66.

Charaszkiewicz E. Zbiór dokumentów ppłk. Edmunda Charaszkiewicza. Opracowanie, wstęp i przypisy Andrzej Grzywacz, Marcin Kwiecień, Grzegorz Mazur. Kraków: Fundacja CDCN «Księgarnia Akademicka», 2000.

Cornell S., Jonsson A., Nilsson N., Häggström P. The Wider Black Sea Region: An Emerging Hub in European Security. Silk Road Paper. Washington, December 2006.

Dziewanowski M. Joseph Pilsudski: a European Federalist, 1918–1922. Stanford Calif., Hoover Institution Press, 1969.

Europa Środkowo-Wschodnia w polskiej myśli politycznej / Pod red. Mirosława Dymarskiego i Jerzego Juchnowskiego. Wrocław: Uniw. Wrocławski, 2004.

Grotzky D., Isic M. The Black Sea Region: Clashing Identities and Risks to European Stability // Policy Analysis Research Group on European Affairs. Münich. № 4. October 2008.

Halecki O. The Limits and Divisions of European History. London; New York: Sheed & Ward, 1950.

Harutyunyan G. New «Cold War» and transformation of «deterring strategy». Noravank Foundation. 4 December 2006 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://noravank.am/en/?page=analitics&nid=495

Inventory of Black Sea regional Activities of the European Commission. Націоналний Інформаційний Центр І Співробітництва з ЄС у Сфері Науки І технологій / [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.fp6-nip.kiev.ua/ 211106/bsec1.doc

Janowski M., Iordachi C., Trencsenyi B. Why Bother About Historical Regions? // East Central Europe. V. 32. N I-II. 2005. P. 5–58.

Japaridze T. Security Risks and Dilemmas in the Wider Black Sea Region: Back to «Realpolitik» or Simply Going through a Crunch? // Harvard Black Sea Security Program. Expert Opinion. Harward, 2007. P. 57–65.

Kechaqmadze M. Anti-Revolutionary Measures of the Post-Soviet Regimes / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gfsis.org/pub/files/publications_politics/kechaqmadze_anti-revolutionary.pdf

King Ch. Is the Black Sea a Region // The Black Sea Region: Cooperation and Security Building / Ed. by Pavliuk O., Klympush-Tsintsadze I. EastWest Institute. New York, 2004. P. 13–27.

Kłoczowski J. Actualité des grandes traditions de la cohabitation et du dialogue des cultures en Europe du Centre-Est // L'héritage historique de la Res Publica de Plusieurs Nations. Lublin: Towarzystwo Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej, 2004. S. 29–30.

Kornat M. Realna koncepcja czy wizja ex post? Polska idea «Trzeciej Europy» (1937–1938) / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://politologia.wsb-nlu.edu.pl/uploadedFiles/file/M_Kornat%20-%20Realna%20koncepcja%20czy%20wizja%20ex%20post.pdf

Kurt S. Montenegro Denied BSEC Membership Because of Turkish-Greek Rift // Today's Zaman, 6.11.2006.

Lesser I. Global trends, regional Consequences: Wider Strategic Influences on the Black Sea // International Centre for Black Sea Studies (ICBSS). Xenophon Paper. November 2007. № 4. P. 1–31.

Levy J. The Intermarium: Madison, Wilson, and East Central European Federalism. Boca Raton, Florids: Universal-Publishers., 2007.

Lubelski J. Związek Bałtycki i Trzecia Europa. Koncepcje reorganizacji Europy Środkowej w polityce zagranicznej II Rzeczypospolitej // Nowa Europa. № 1 (9). 2010. S. 183–217.

Łukasz M. Alternatywne koncepcje polskiej polityki zagranicznej w środowiskach antyintegracyjnych po 1989 roku // Alternatywne koncepcje polskiej polityki zagranicznej w środowiskach antyintegracyjnych po 1989 roku. Wrocław, 2007. P. 99–111.

Mackinder H. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. London: H. Holt, 1919.

Międzymorze: Polska i kraje Europy Środkowo-Wschodniej XIX–XX wiek. Studia ofiarowane Piotrowi Łossowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin / Red. Andrzej Ajnenkiel. Warszawa: Instytut Historii PAN, 1995.

Minchev O. Major Interests and Strategies for the Black Sea region. Institute for regional and International Studies. Framework Analytical Review. September 2006 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.iris-bg.org/index.php?q=publications&pid=59

Mitteleuropa. History and prospects / Ed. by P. Stirk. Edinburgh: University Press, 1994.

Okulewicz P. Koncepcja «miedzymorza» w myśli i praktyce politycznej obozu Józefa Piłsudskiego w latach 1918–1926. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2001.

Olsen J. The Many Faces of Europeanization // Journal of Common Market Studies. № 40 (5). 2002. P. 921–952.

Pääbo H. Balti riikide geopoliitilise tähenduse ajalooline kujundamine // Maailmast. 2005. RSR artiklite kogumik: pühendatud professor emeritus Eero Loonele 70. sünnipäevale. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2005. Lk. 40–104.

McFaul M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World // World Politics. V. 54. N. 2. January 2002. P. 212–244; http://muse.jhu.edu/about/muse/publishers/hopkins; Wolański M. Europa Środkowo Wschodnia w myśli politycznej polskiej emigracji 1945-1975. Wrocław: Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego, 1996.

Беларусь – Польша: путь к сотрудничеству (Беларусь – Польшча: шлях да супрацоўніцтва; Bialorus – Polska: droga ku wspolpracy): материалы международной научной конференции. Минск, 11 ноября 2004 г. – Минск: БГУ, 2005.

Замятин Д. Динамика геополитических образов современной России (1991–2001) // Человек. № 6. 2002. С. 53–61. Цит. по: Замятин Д. Динамика геополитических образов современной России (1991–2001) / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://spkurdyumov.narod.ru/DZamiyatin.htm

Исламов Т., Фрейдзон В. Средняя Европа – миф, плод воображения или реальность? // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1992. С. 119–133.

Карайченцев П. Литва и Польша спешат на помощь. Попытки реанимации Балтийско-Черноморского союза // Диалог.ua. 15.06. 2004 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dialogs.org.ua/issue_full.php?m_id=1255.

Лебедев Г., Жвиташвили Ю. Дракон «Нево»: На пути из варяг в греки: Археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем. СПб.: Нордмед-издат, 2000.

Лурье С. Речь Посполитая, империя-ловушка. Историческая политика: случай Польши // Русский Журнал. 31.08.09 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Rech-Pospolitaya-imperiya-lovushka

Миллер Л. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое литературное обозрение. 2001. № 52 (6). С. 75–96.

Неменский О. IV Речь Посполитая: взгляд на Восток. 19.1.2006. АПН.РУ / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.apn.ru/opinions/article9544.htm

Пазьняк З. Беларусь – фарпост на ўсходзе // Беларус. Інтэрнэт-вэрсія беларускай газэты ў вольным сьвеце. № 464 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bielarus.org/viestki.php?n=464&a=0

Салтовский А. Геополитическая составляющая государственнической мысли (первая половина XX века) // Украинская государственность в XX веке. (Историко-политический анализ) Киев: Політична Думка, 1996. Цит. по: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://litopys.org.ua/ukrxxr/a05.htm

Сивицкий А. Балто-Черноморский коридор развития как модификация «Восточного партнерства» // Геополитика. 24.12.2009 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://geopolitica.tv/index.php

Содействие демократии: усиление роли парламентской демократии. Совместное коммюнике. Тбилиси, 1 декабря 2006 года. Тбилисская конференция, 2006 г. / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cdc.parliament.ge/files/78_22_421342_Communique_R.doc

Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. М.: Рипол классик, 2003.

Олег Бреский

INTERMARUM. ПРОЛЕГОМЕНЫ К ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ В РЕГИОНЕ

Abstract

The article examines the issues of regionalization of space between the Baltic and Black seas and their interrelation with the general European processes in a broad historical and theoretical context. The range of problems is defined, which actualizes the regional practices and contribute to the transformation of the space and social knowledge in the region. Particularly, the transit from the state-centric paradigm, in which the territory and region were external political factors and resource to a regional paradigm, characterized by the processes of "space construction" in which the regions acquire the properties of actors, is analyzed. The unsuccessful attempts of regionalization in the Baltic-Black Sea Intermarum in the past, in which the nation-state has played the leading role don't cause the mandatory failures in emerging of regional structures in Intermarum at the present time, taking in account common regional challenges for the societies in the economic, demographic, security, and cultural spheres. The article raises a number of questions about the state of regional space and the most important points of its development, indicating the possibilities of spatial policy in the region: the standardization of citizenship policy, cross-border interactions, practices in the sphere of human rights and constitutionalism.

Keywords: Intermarum, region, decentralization, federalism, Eastern Partnership, integration, Baltic sea, development, territory, construction, space.

Постановка проблемы

Когда мы задумывали конференцию «Новый регион Европы: парадигмы регионального развития в Балтийско-Черноморском междуморье»[1], нас интересовали такие социальные и политические процессы, частью которых является Европейский гуманитарный университет и которые нельзя точно и полно описать, оставаясь в масштабах национального государства или же в дисциплинарных границах определенной науки. К примеру, мы можем быть связаны с Беларусью, но когда мы начинаем осмысливать Беларусь, то непременно обращаемся к более широкому пространству – образовательному, пространству науки, социальных, правовых и экономических процессов. Тем более это справедливо по отношению к специализированным отраслям, в которых существует ряд исследовательских и практических проблем, связанных с необходимостью получения знания о социальных процессах, прямо не подконтрольных власти национального государства и никак не обусловленных «национальными» интересами. Вопросы образования и науки, миграции и экологии, безопасности и прав человека, экономического развития или регионального развития раздвигают национальное пространство, фрагментируют его, дробят и представляют в совершенно новом качестве. Так изменяются горизонты социального и гуманитарного знания и, очевидно, должен изменяться язык и подход к изучению такого рода процессов.

Надо отметить, что изменения и в социальном пространстве, и в осмыслении его отдельных аспектов происходят несинхронно. Часто наука лишь фиксирует произошедшие изменения и не в состоянии сама проектировать и направлять трансформации.

Во многом эта ситуация объясняется тем, что развитие социальной и гуманитарной науки и политики в XIX и XX вв. было подчинено логике процессов модернизации. Эпоха Модерна началась с географических открытий и пересмотра географии и в целом – с пересмотра концепции пространства. Раздробленное многоплановое пространство Средневековья заменялось унифицированным пространством Государства – определяемого концепциями суверенитета, юрисдикции и границы, которые были созданы юристами и интеллектуалами XV–XVI вв. Националистический патриотизм XIX–XX вв. можно представить как процесс сакрализации географической карты. В это время внимание социальной мысли сосредоточивается на отдельных институтах и явлениях, связанных с национальным государством. Ключевым актором социальных и международных процессов стали государства или нации. Социальная наука создала в это время такие концепты, как «общество», «государство», «экономика», «народ», которые до сих пор определяют во многом ход гуманитарной и социальной мысли. Подобные конструкции предполагают практическое и научное упрощение – сегментацию и трансформацию социальных структур и редуцирование объекта иссле-

дования к универсальным и общим структурам. Универсальной здесь является ситуация, при которой внимание приковывается к «народу», «государству» или «экономике», а на противоположном полюсе – к «психике» или «физиологии» индивида. Средний уровень остается долгое время вне внимания – уровень повседневности, быта, семьи, обычаев, социальных норм, самоуправления. Для появления интереса к проблемам взаимодействия регионального и национального, проблемам «среднего уровня», необходимой была, очевидно, смена самого контекста исследований. Средний уровень заставляет изменяться концепцию целого, которой до сих пор выступало национальное государство и «общество».

Во второй половине XX в. в свободном мире, и в несколько редуцированных формах – в социалистическом лагере, – начинается трансформация знания и трансформация представления о самом социальном пространстве. Так, в 70–80-е гг. XX в. происходит перелом в социологии: появляются теории Гидденса (Giddens, 1990) и Кастельса (Кастельс, 2000), которые построены на признании социальной многоплановости, несубстанциальности социального. Идея «общества» заменяется концептом организации социальной жизни во времени и пространстве. Так ставится вопрос о преобразовательных способностях человеческой деятельности, включая самые рутинные ее формы, а также о том, что все виды принуждения и ограничения, которые встречаются в обществе, также являются и возможностями, средством санкционирования деятельности. Э. Гидденс также ставит вопрос о том, что является в действительности важным с точки зрения протекания социальных процессов: о локальных и региональных структурах, не являющихся простыми элементами национального. «Понятие места действия (локальности) подразумевает использование пространства с целью обеспечения среды протекания взаимодействия, необходимой для определения его контекстуальности» (Гидденс, 2007: 185). К этому же времени относится и труд Анри Лефевра «Конструирование пространства» (Lefebvre, 1974), который очень точно обозначает направление трансформации представлений о пространстве, возникающем через деятельность независимых частных и юридических лиц, не являющихся простыми агентами государства, элементами более сложной системы.

Саския Сассен замечает, что в 80-е гг. XX в. резко изменяется положение национального государства вследствие приватизации, прекращения регулирования, открытия национальных экономик для зарубежных фирм и все более активного участия национальных субъектов в мировом рынке (Sassen, 1996). Алармисты заговорили в это время о закате и умирании государства. Но все-таки скорее всего происходит изменение масштаба стратегических территорий, которые формируют новую пространственную систему. В этих условиях возникают предпосылки для появления других пространственных единиц, масштабов или образований. И по-новому представляется проблема интеграции социального пространства: оно объединяется не только с помощью государства, но также и

другими способами и с участием других субъектов. Такой переход представляет собой масштабные изменения в политическом и социальном устроении современного мира. Общества, не использующие факторы регионального развития, очевидно, не могут формировать эффективные структуры социального пространства. И сегодня мы можем видеть выражение такой тенденции на примере появления маркеров новых государственных образований: «несостоявшиеся государства», «неполноценные государства», «квазигосударства».

К этому же времени (второй половине XX в.) относится и внедрение в политические практики Европы федерализма – и на национальном, и на наднациональном уровне, а также широкие процессы деволюции и децентрализации на национальном уровне. Совет Европы, ООН, Всемирный банк и различные межнациональные учреждения подчеркивают существующую потребность делегировать и передавать власть локальным сообществам, которые могут действовать как частные корпорации или частные лица. Чрезвычайно важными эти процессы делают также способности регионов производить богатство и экономический рост, их потребность быть материально жизнеспособной и уверенной в себе силой и их способность развивать хорошее администрирование. С изменением положения регионов возникает и новый набор идей о желательных отношениях между правительствами государств и местными органами власти, включая идею об уровне местной автономии, идею о разграничении власти между национальными и локальными уровнями, и степени гибкости, которая должна существовать, чтобы адаптировать один уровень власти к другому. Именно возникновение субнациональных регионов парадоксальным образом чрезвычайно облегчает интеграционные процессы в современном мире.

Многие из правовых изменений, сопровождающих новое глобальное видение региональных и локальных юридических лиц, только начинают проявляться. Действия специального агентства ООН, нацеленного на принятие Всемирной Хартии о местном самоуправлении, уже положило начало обязательному международному юридическому документу. Региональные трактаты и межнациональные соглашения, такие как североамериканское Соглашение о свободной торговле (NAFTA), членство в Генеральном соглашении по тарифам и торговле (GATT) и Всемирной торговой организации (WTO) также начали затрагивать регионы и нормы, создаваемые местными органами власти, побуждая их к становлению в качестве глобальных субъектов развития, в то время как согласие государств и локальных органов власти на ориентацию на международные стандарты является медленным и совсем неполным. Тем не менее возможно предсказать результаты этого перехода, так же как проанализировать обоснования его нормативных основ.

Эти тенденции можно обозначить термином «новая регионализация». С 80-х гг. XX в. наблюдается всплеск создания региональных проектов, суще-

ственно отличающихся от того, как пространство организовывалось ранее, еще в 1950–1960-е гг. Это качественно отличное явление наблюдалось учеными в областях международных отношений (IR) и международной политической экономии (IPE) и совпало с концом холодной войны и периодом увеличения глобальной экономической целостности, т.е. как раз с рождением новой конфигурации в Восточной и Центральной Европе. Новое районирование привело к возникновению региональных организаций, которые были более открытыми в области торговли и политики, чем сформированные в предыдущую эру.

С появлением таких региональных организаций, как Ассоциация юго-восточных азиатских наций (АСЕАН), Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (APEC), Европейский союз (ЕС), Североамериканское соглашение о свободной торговле (NAFTA) и Южное африканское сообщество развития (SADC), в середине 1980-х и начале 1990-х возросла и степень региональной политической деятельности и деловой активности. Эти региональные процессы вызвали усиление академического интереса в сфере регионализации, которое привело к выводу о возникновении новых ее форм, отличных от типа, распространенного сразу же после Второй мировой войны. Эксперты идентифицировали несколько контуров новой регионализации, которая проявилась в пределах контекста политического и экономического мироустройства. Новая регионализация характеризовалась несколькими дуальными признаками.

1. Единство – многообразие.

Во-первых, эта новая форма регионализации возникла по окончании холодной войны; биполярный мировой контекст исчез, и мир становился все более и более многополюсным. Это изменение равновесия сил, возможно, обеспечило существование стимула для увеличения числа региональных организаций и их членства. Кроме того, региональные организации, сформированные в более раннем контексте холодной войны, сложились на пересечении интересов доминирующих супердержав главным образом с помощью политических средств и силы. В новом контексте регионалистские проекты были все более и более формируемы «снизу» интересами таких акторов, как внутреннее гражданское общество, приобретающее характер глобального актора.

2. Государственный протекционизм – свобода торговли.

Старая форма регионализации имела тенденцию к протекционистским экономическим блокам, где торговля между государствами-членами поощрялась, но торговле со странами вне блока препятствовали внешние торговые барьеры. Напротив, новая регионализация имела более открытую форму, где льготы для регионов и их акторов, которые предоставлялись государствами, также оказывались доступными для регионов вне национальной территории[2]. В данном контексте утверждается, что такая открытая форма включает регион в глобальную

конкуренцию и вместе с другими средствами поддержки наделяет их стратегически необходимыми стимулами для того, чтобы конкурировать на глобальном рынке. Парадоксально, но эти новые регионалистские проекты, вместо того чтобы представлять препятствия глобальной интеграции, помогают в содействии этой цели.

3. Узкие цели регионализации – масштабные программы регионального развития.

Новое районирование также дало начало региональным организациям, у которых есть всесторонний набор установленных основных плановых целей и задач. Принимая во внимание, что предыдущие формы региональных проектов касались экономики или политики безопасности, – политика, выработанная региональными учреждениями, сформированными или трансформированными в конце 1980-х – начале 1990-х, охватила экологию и социальную политику, так же как политику поощрения прозрачности и ответственности в управлении (governance). Относительно региональных проектов, начатых бедными странами, такими как SADC в южной части Африканского континента, эти региональные организации включают широкие цели, связанные с развитием вне торговли и валютной политики, рассматривая понятие развития как многомерный процесс. Регионалистские организации осуществляют политику в области здравоохранения, образования, борьбы с бедностью, обеспечения гендерного равенства.

4. Изоляционизм – глобализация.

Наконец, новое районирование – процесс, который не только способствует, но и взаимодействует с процессами глобализации. В отличие от старой регионализации, которая больше ориентировалась на взаимодействия между государствами, новая регионализация вовлекает множество государственных и негосударственных акторов, имеющих отношение к процессу преобразования мироустройства. Таким образом, социальные процессы глобализации оказывают воздействие на формирование новой регионализации, которая, в свою очередь, влияет на формирование процесса глобализации. Силы глобализации воздействуют на реструктурирование социальных, политических и экономических составляющих регионов, в то время как государства и общества приспособились к этим воздействиям, содействуя, изменяя или полностью трансформируя эффекты глобализации через процессы регионализации. Поэтому новая регионализация, с ее большей открытостью к мировой экономике и к глобальным политическим силам, является процессом, с помощью которого государства содействуют своей презентации в существующем мироустройстве. В то время как региональная договоренность, сформированная в период старой регионализации, оказалась нежизнеспособной, именно новые региональные учреждения становятся главным аспектом современного и будущего мироустройства.

5. Национализм – федерализм и конституционализм.

Старая регионализация была тесно связана с национальными проектами унификации социального пространства, гомогенизации его политической и экономической составляющих. В новой регионализации гораздо большее значение имеют гарантии статуса субъектов и инструменты его участия в публичных и экономических процессах. Эта программа описывается на языке федерализма и конституционализма, которые предоставляют необходимые средства для фиксации этой сложной реальности. Таким образом, новый регионализм связан с действием универсальных структур, функциональных и властных. В этих структурах обнаруживаются смыслы для отдельного человека, семьи, локальных сообществ. В такой перспективе мы находим основания для получения знания о пределах власти и о дополнительных свойствах публичного пространства. Представляется, что в этой области находятся ответы на важные вопросы нормообразования, решение проблемы практической этики и соблюдения отдельных свобод, реализации новых политических идей, а также решение проблемы субъекта публичных отношений.

Между Черным и Балтийским морями

Пространство между Балтийским и Черным морями – очень раздробленное, с сильными национализмами, испытало в XX в. мощнейшую индустриализацию и крайне болезненные политические, культурные, этические и экономические трансформации. Эти изменения фиксируются в разных отраслях знания и связаны с невозможностью игнорировать вызовы, заключающиеся в усилении многоплановости и усложнении социального пространства. Однако такое многообразие можно как использовать, так и игнорировать его возможности; многообразие может иметь как положительное, так и очень отрицательное воздействие на процессы развития. Использование этого многообразия не происходит в автоматическом режиме, а требует субъекта, принимающего очень важные решения.

История, право, социология, политология дают нам срезы рассматриваемого региона; и эти срезы трудно складываются в общую картину. Для понимания того, что же мы видим, нам необходимо представление не столько об отраслевой принадлежности знания, сколько о том, в каких пространственных контекстах происходит развитие этого знания и какой именно субъект и каким образом выстраивает это пространство.

В восприятии внешнего мира, т.е. политических деятелей, представителей СМИ и общественности, так же как историков или политологов, применяющих сравнительный подход, фактически регион Intermarum проявляется как историческая область, созданная не столько между Балтией, Адриатикой и Черным морем, сколько между Востоком и Западом, как буферная зона, представленная

тем или иным составом государств. И сегодня мы часто сталкиваемся с конфликтом или дефицитом языковых средств, связанными со сложностью именования этого пространства. Его обозначают как постсоветское, постсоциалистическое, транзитивное, называют Восточной Европой, иногда – Западной Евразией. Часто это пространство никак не называют, обращаясь только к наименованиям государств, расположенных между Балтийским и Черным морями. Мишель Уэльбек пишет: «Нелепые страны, образовавшиеся после распада Восточного блока» (Уэльбек, 2006).

Это важный симптом: за отсутствием названия часто может грозно скрываться отсутствие самого предмета или субъекта. И мы попытались обозначить пространство, в котором возникают эти процессы, Междуморьем, Intermarum, новым регионом Европы. О существовании этого региона напоминают многочисленные попытки как-то обозначить это пространство – и наименование его постсоветским, и понятие «Восточная Европа», и концепция Европы Центральной, и такой прекрасный пример, как деятельность Ежи Гедройца с его знаменитой «Культурой». И существуют огромные человеческие связи, интерес и амбиции развития, которые требуют для себя широкого пространства.

С историей этого региона мы сталкиваемся в первую очередь как с историей самостоятельных государств и народов, а также объединений и особой политики империй, которую они проводили по отношению к региону, будучи не в состоянии не учитывать его специфику. Потребность в наименовании региона существует всегда у определенного субъекта, создающего пространство. Такими субъектами являлись империи, СССР, США, ЕС, предлагавшие и предлагающие собственные модели пространственной интеграции. Это были процессы, внешние по отношению к самому региону и его субъектам. Но существуют традиция и идеи, связанные с формированием региона теми субъектами и силами, которые являются неотделимой частью самого региона. Часто это были неудачные попытки.

Впервые в эпоху модерна идея о регионе Междуморья возникла у князя А. Чарторыйского[3]. В своей книге «Essai sur la diplomatie» («Эссе о дипломатии»), законченной в 1827 г., но изданной только в 1830 г., Чарторыйский заметил, что, расширив ее влияние на юг и запад и будучи по природе вещей неуязвима с востока и севера, Россия становится источником постоянной угрозы Европе. Он утверждал, что она добьется большего успеха, выращивая «друзей, а не рабов». Он также идентифицировал будущую угрозу, исходящую от Пруссии, и убеждал читателя в необходимости объединения Восточной Пруссии в возрожденной Польше (Czartoryski, 2011).

Чарторыйский стремился, прежде всего, воссоздать с французской, британской и турецкой поддержкой польско-литовское Содружество, объединить его с чехами, словаками, венграми, румынами и всеми южными славянами**.** Польша,

в его понимании, способна была погасить конфликты между Венгрией и славянами, а также между Венгрией и Румынией. План казался достижимым в период национальных революций в 1848–1849 гг., но провалился из-за нехватки западной поддержки на фоне венгерской непримиримости к чехам, словакам и румынам и ввиду роста германского национализма. Вместе с тем труды князя представляют собой результат обмена опытом между Ягеллонской федерацией XVI ст. и Иосифом Пилсудским с его программой Междуморья и, более того, между федералистскими идеями отцов американской конституции и настоящим Восточной Европы.

Идеи князя наследовал Пилсудский, который также мыслил геополитически и видел Intermarum как противовес русскому коммунизму и германскому национализму – видел его как Третью силу, как еще одну Империю, пускай и демократическую, в Европе. Одновременно в идеях Пилсудского можно найти и федеративные начала Междуморья. Этот его план никогда не был систематизирован. Согласно британскому историку Джорджу Сэнфорду, уже во время польско-советской войны 1920 г. Пилсудский признал, что план был невыполнимым. В 2007 г. вышла книга Джонатана Леви «Intermarium: Wilson, Madison and Eastern-Central European Federalism», в которой он очень подробно разбирает происхождение самой идеи Междуморья и ее перспективы. Леви отмечает, что план Пилсудского был атакован одновременно с четырех сторон очень грозными врагами. Это:

1. **Советы,** сфере влияния которых Междуморье непосредственно угрожало и которые работали, чтобы помешать повестке дня Intermarum. Силы союзников предполагали, что большевизм был только временной угрозой, и не хотели замечать планов важного (с точки зрения равновесия сил) традиционного союзника в лице Польши. Они негодовали на отказ Пилсудского помочь их Белым союзникам, рассматривали Пилсудского с подозрением, признавали его планы нереалистичными и убеждали Польшу ограничиться областями с ясной польской этнической принадлежностью.

2. **Национализм,** который как никакая другая сила в Восточной Европе препятствовал федерации. Литовцы, которые восстановили независимость в 1918 г., не желали присоединиться; Украинцы, также в поиске независимости, аналогично боялись, что Польша могла поработить их, а Белорусы, у которых не было развитого национального самосознания, не интересовались предложениями союза. Возможности для схемы Пилсудского были еще более ослаблены рядом локальных войн, случившихся уже после Первой мировой войны (польско-советская война, польско-литовская война, польско-украинская война), и пограничными конфликтами между Польшей и ее соседями на спорных территориях (к примеру, конфликтом между Польшей и Чехословакией).

3. **Сопротивление внутри Польши (этатистский изоляционизм)**, где лидер-демократ Роман Дмовски приводил доводы в пользу этнически более

чистой Польши, в которой меньшинства будут полонизированы. Многие польские политические деятели выступали против идеи федерации, относящейся к разным культурам, предпочитая работать на унитарное польское этническое государство. Политика самого Пилсудского после 1926 г. также оказалась сосредоточенной на полонизации восточных славянских меньшинств страны и на централизации власти.

4. **Демократия,** которая требовала необходимости в распространении участия и распространения стандартов и гарантий многообразия по всей глубине пространства. Демократия пугала Пилсудского. Пилсудский все более и более разочаровывался польской демократией. Он организовал государственный переворот в 1926 г. и принял диктаторские полномочия.

Пилсудский мыслил геополитически. Парадоксально, но человек, который утверждал, что «не может быть никакой независимой Польши без независимой Украины», больше интересовался отделением Украины от России, чем благосостоянием украинцев или статусом их государства. Он не смущался использовать войска ради расширения границы Польши в Галиции и Волыни, а также сокрушить украинскую попытку самоопределения на спорных территориях к востоку от Западного Буга.

Размышляя о будущих границах Польши, Пилсудский говорил, что все, что мы (Польша) можем получить на Западе, зависит от дружеского соглашения между государствами – в той степени, до которой это может ограничить Германию, в то время как на Востоке есть двери, которые открываются и закрываются, и это зависит от того, кто вынуждает их открыть и как далеко. После польско-советской войны (1919–1921) идея Пилсудского о федерации центральных и восточноевропейских стран, основанных на польско-украинской оси, потеряла любой шанс реализации.

Пилсудский позже рассматривал возможность федерации или союза с Балтийскими государствами и странами Балканского полуострова. Этот план предполагал Центрально-Европейский союз, включая Польшу, Чехословакию, Венгрию, Скандинавию, Балтийские государства, Италию, Румынию, Болгарию, Югославию и Грецию, ориентируя этот союз не только на Восток и Запад и не только на пространство от Балтии до Черного моря, но главным образом между Севером и Югом – от Северного Ледовитого океана до Средиземного моря. Этот проект также потерпел неудачу: Польше не доверяли Чехословакия и Литва; и в то время как у Польши были относительно хорошие отношения с другими странами, у этих стран были напряженные отношения с их соседями, что делало фактически невозможным создание в Центральной Европе большого блока. В конце концов вместо большой федерации в 1921 г. был заключен только польско-румынский союз.

В 1935 г. Пилсудский умер. Более поздняя версия его идеи принадлежит польскому министру иностранных дел Йозефу Беку, который между войнами,

ближе к концу 1930-х писал и говорил о «Третьей Европе» – союзе Польши, Румынии и Венгрии. Но и эта идея также не получила развития, прежде чем началась Вторая мировая война.

Концепция «Центрально-Европейского союза» – треугольного геополитического образования, расположенного между Балтийским, Черным и Адриатическим или Эгейским морями, – была восстановлена во время Второй мировой войны в польском правительстве Сикорского в изгнании. Первый шаг к выполнению плана – переговоры 1942 г. между Грецией, Югославией, Польшей и Чехословакией относительно предполагаемых греко-югославской и польско-чехословацкой федераций, в конечном счете провалился в связи с активностью советской оппозиции, которая поколебала решимость Чехии и в целом Запада, если не вызвала враждебности по отношению к данным вопросам. Другие формы этой идеи возродились в конце XX – начале XXI в., включая предложения о региональной безопасности[4].

Соседи Польши, однако, продолжали относиться к этой идее как к империалистической. После того как Варшавский договор разрушился, Польша, Венгрия и Чешская Республика присоединились к НАТО в 1999 г., а Болгария, Эстония, Латвия, Литва, Румыния, Словакия и Словения – в 2004 г. Украина также выразила интерес к присоединению. С 2004 г. Польша, Чешская Республика, Словакия, Венгрия и Балтийские государства стали членами Европейского союза.

Эти внешние региональные объединения свидетельствовали, что государства региона не могли создать – самостоятельно или совместными усилиями – функционального сообщества без национального лидерства, не разрушая при этом само государство и не предъявляя существенных требований к внутреннему устройству государств, не основываясь скорее на нормативной, чем политической, власти. И сегодня федералистские идеи работают на уровне всего европейского и атлантического пространства, создавая перспективы для пространства Междуморья как составной региональной структуры общего европейского и атлантического пространства.

Вместе с тем очевидно, что существующие политические границы в Восточной Европе создают ситуацию разделенности региона. Сегодня страны Междуморья оказались в разных блоках. Но включение этих государств в современные модели интеграции не снимает с повестки дня ни одной региональной проблемы и проблем построения общего регионального пространства.

С 2009 г. существует региональный проект ЕС «Восточное партнерство». Этот проект видит пространство между Балтийским и Черным морями как единый регион и рассматривает его не только как совокупность государств, но и как все социальное и политическое пространство. Это чрезвычайно важно для региона, потому что позволяет осуществляться в нем глубокому строительству собственного пространства с обширной программой – от трансформации внутренней государственной политики до интеграционных проектов, от социальных про-

грамм и вопросов статуса человека до институционального обустройства государств. Существует ряд объединений, которые подталкивают государства региона к изменению концепции интеграции собственного национального и регионального пространства. Вместе с тем проект Восточного партнерства – внешний, он не создан силами и инициативой государств и обществ региона, что накладывает на его перспективы ограничения.

Регион как принцип организации и интеграции пространства

«Когда люди говорят "Англия", они иногда имеют в виду Великобританию, иногда Соединенное Королевство, иногда Британские острова – но никогда Англию», – писал венгерско-английский сатирик Джордж Майкс. Подобное ускользание смысла существует и по отношению к интересующему нас пространству. Когда мы говорим «регион», мы можем подразумевать под этим словом структурную часть государства, можем понимать какой-то природный регион, с природными границами, можем понимать какой-то сегмент территории, объединяющий государства. Но на самом деле, употребляя термин «регион», мы проблематизируем пространство, в которое входим, поскольку предлагаем некий новый способ его видения и модели его интеграции.

С одной стороны, Междуморье – это довольно условное обозначение пространства, в которое попадают страны, расположенные между тремя европейскими морями. С другой стороны, мы употребляем это слово не ради механического и произвольного объединения отдельных государств в некую группу. Наверное, такой подход являлся бы легкомысленным и был бы похож на поверхностную геополитическую игру. Речь идет именно о смене оптики и масштабов рассмотрения самого пространства. Подобный регион образуется не благодаря фактору расположения и окружения, хотя, конечно, зависит и от этого, но благодаря субъектам, которые регион образуют.

Вне зависимости от того, о каком регионе мы говорим – о современном макрорегионе Европы, расположенном между Балтийским и Черным морями, или о микрорегионе, например Виленщине, в Литве или Полесье в Украине и Беларуси, – мы говорим о подобных структурах, в основании которых лежит не столько власть, политическая или административная, сколько социальные процессы, в рамках которых происходит локализация и регионализация пространства, а также власть нормативная, позволяющая существовать столь сложным децентрализованным структурам.

Регион является всегда частью чего-то большего. Это большее – не еще одно пространство, а субъект, который производит регионализацию пространства, творит это пространство. Таким субъектом может быть ЕС, создающий инициативу «Восточное партнерство» и предлагающий принципы такого партнерства,

стимулирующие к подключению к нему разнообразных субъектов, и не только государства. Таким бóльшим может быть государство, производящее децентрализацию управления, и таким субъектом может быть территориальное сообщество.

Для региона в этом случае чрезвычайно важным является способ интерпретации его статуса, пресекающий возможность превращения региона в предмет, которым можно манипулировать и лишать связи с внутренними задачами региона и его субъектов. Имперская политика в отношении региона – это политика, основанная на интересах целого, империи, способная игнорировать субъектность региона и его акторов. И этот опыт пройден обществами Междуморья сполна. Не случайно здесь родились такие писатели, как Кафка или Гомбрович. В. Гомбрович мог только в контексте реальности Восточной Европы написать свои романы, темы которых строятся вокруг проблемы Личности, находящейся постоянно под воздействием восприятия себя иными и воспринимающей себя через восприятие иными. В его романе «Фердыдурка» изображается такое самовосприятие, возможное только как отражение себя в интерпертирующем сознании другого. Что представляет собой такая личность? Как она возможна? Как ей научиться жить в таком состоянии и как состояться ее свободе? Встречая себя в чужом восприятии, ты взаимодействуешь с этим восприятием как с самим собой и находишь в этом отражении самого себя. Нечто подобное – манипулятивный абсурд – возникает и у Кафки, в романах которого обычное повседневное существование оказывается невозможным и странно-чужим, не связанным ни с волей, ни с рассудком самого субъекта. Существование в таком случае сводится к случайным событиям, которые увлекают героя в своем течении, с которым невозможно не только бороться, но и по-настоящему взаимодействовать, поскольку не очевидно само существование субъекта.

Подобные практики определения региона извне замыкают пространство, изолируют его и ослабляют в конце концов. Может быть, потому в Восточной Европе господствуют три феномена – национализм, авторитаризм и локализм, препятствующие регионализации и стремящиеся к предельной унификации и гомогенизации пространства.

Таким образом, главными вопросами о регионе являются вопросы о том, кто этот регион формирует и способны ли акторы, находящиеся между Черным и Балтийским морями, сформировать такое пространство региона? Либо они входят исключительно в более сложные структуры и подчиняются всецело логике развития этих структур? Построение государств и регионов на любом уровне является свойственной правящему классу операцией, заметил Раймонд Вильямс (Williams, 1958). Мы можем фиксировать управляемые элитами процессы раскрытия потенциала этого пространства, протофедералистское видение этого пространства и мировоззрение локальное и изоляционистское, не имеющее выхода к морю, – от раннего современного периода до порога XXI сто-

летия. Последний вариант является согласием этих обществ на провинциализм и отказ от постановки и решения глобальных задач.

На исторических примерах мы можем наблюдать провалы проектов Междуморья – сокрушительные провалы интеграционных проектов в рамках Восточной Европы, – в то время когда Междуморье мыслился не как регион, а как самостоятельная структура имперского порядка. Те исторические примеры, когда Intermarum пытались выстроить политическими средствами, дают нам лишь картины краха и несбыточных ожиданий, – несбыточных уже при своем рождении. Таковы великие идеи великих людей XX в. – Пилсудского и Масарека. Регион – это продукт человеческого воображения и действия, знающего, что такое целое. И очень важно, что Междуморье может не мыслиться такой целостностью, выступая структурной частью Европы или Атлантического мира. Междуморье определяет изменение ракурса взгляда на регион, традиционно рассматриваемый как расположенный между Востоком и Западом. На самом деле современные региональные процессы главным образом представляют собой совокупность социальных процессов, в которых участвуют субъекты и которые лишены выраженного географического профиля.

И потому в обозначении этого пространства нет ничего случайного. Подобные вопросы не относятся к существованию некоего отвлеченного объекта, который легко можно изучать, находясь вне его. Возможности конструирования этого пространства открываются только тому, кто находится в положении одного из его элементов. Умберто Эко замечает в одной из своих книг, что вид с холмов на иконах открывается только тем, кто стоит на этих холмах. И они по-особому видят границы своего пространства. Мы являемся частью этих процессов, и они во многом оказываются таковыми, каковыми мы их мыслим, и настолько, насколько мы позволяем им следовать собственными путями, безответственно не включая их в область нашего сознания.

Существование региона сегодня – это вызовы современным интеграционным процессам и вызовы возможной субъектности обществ, живущих в пространстве между Черным и Балтийским морями, и различного рода организаций внутри региона. Каждый народ и каждое государство в Междуморье нуждается в такого рода пространстве, которое бы усиливало его собственное положение.

Падение режимов в Восточной Европе в 1990-е гг. выявило пределы трансформации государства. Там, где государство не преобразуется, где не создается новая модель интеграции и построения пространства, наблюдаются значительные трудности, связанные с использованием возможности создания современного пространства, рассчитанного на существование трансграничного и регионального уровня субъектности, с которым связаны возможности современного развития и реализации европейских ценностей. Национальное государство сегодня слишком многое не регулирует и не контролирует. Национальный тренд не продолжается без изменений на глобальном, или регио-

нальном, или индивидуальном уровне. Кроме того, изменение пространства и пространственной политики требует и изменения исследовательских подходов.

Нормативная власть и новая регионализация

Итак, регионализация проявляется и вовне, и внутри современного национального пространства; в регионе объединяются не только государства. Государства представляют собой определенную и необходимую модель интеграции пространства. Без существования государства бесплодно говорить о регионе и регионализации. Регион образуется иными практиками, по отношению к которым государство выполняет важную, но все-таки субсидиарную функцию. Государство нуждается в микрорегионе, с помощью которого организуется его внутреннее пространство, и макрорегионе, с помощью которого государство организует свое внешнее пространство сегодня.

Регион указывает на многообразие и нецелостность, вернее несубстанциональность социального пространства. Это пространство обладает не только физическими характеристиками, оно более сложное, поскольку имеет и измерения культуры, права, языка, образования, науки, политики, экономики. В 1970-е гг. возникло понимание, что пространство – конструируется, точнее – создается, созидается. Intermarum – это сегмент нового пространства, в котором его дискретность имеет значение не меньшее, чем неразрывность, а фрагментарность – не меньшее, чем целостность.

При переходе с национального уровня на уровень глобальный или региональный, очевидно, требуется изменять оптику наблюдений и исследований, а также инструменты управления, поскольку прежние становятся не вполне пригодными. Тенденции, которые мы видим на уровне национальном, не продолжаются на глобальном уровне, также и на региональном уровне нас встречают совершенно иные проблемы. И мы здесь сталкиваемся именно с такой парадоксальной ситуацией: ты можешь находиться в пространстве, которое возникает с одновременным осмыслением его и одновременным его созиданием. Такие вопросы, как: каковы отношения между человеком и пространством и возможности воздействия на него? в каком пространстве ты находишься? что ты представляешь собой в этом пространстве? что ты можешь в этом пространстве? что может пространство по отношению к тебе? – указывают на становление субъекта, который производит регионализацию. Это не под силу субъекту, меньшему, чем государство, идет ли речь о транснациональных регионах или о регионах субнациональных.

Но эффект регионализации заключается в том, что в результате возникает регион, который, являясь частью целого, одновременно является большим, чем обыкновенная часть целого. Регион позволяет обнаружить структуры другой, нежели национальная, природы, о которых Э. Гидденс говорит как о структурах

контекстуализации. Через регионы мы открываем существование структур, гораздо более широких, чем национальное государство. Выходя за пределы национального государства, сегодня мы оказываемся не в другом национальном государстве, а в совершенно ином измерении, предоставляющем другие возможности.

Хотя часть государств этого региона вошла в большой проект ЕС, часть в другие проекты наподобие Союзного государства России и Беларуси или Таможенного союза, или Евразийского экономического сообщества, это не исключает необходимости формирования субъевропейских региональных образований и тем более изучения, формирования и научения управлению такими процессами, связанными с безопасностью, правом, человеческим измерением пространства и развитием.

Новые проекты и инициативы – такие как Восточное партнерство или проекты трансграничного сотрудничества – представляют собой попытки формирования сегодня регионального пространства между Черным и Балтийским морями. Множественность, фрагментарность и изменчивость – характеристики этого региона. Эти факторы могут быть как положительными, так и отрицательными для складывания региона, который неотделим от проекта построения единого европейского пространства, дающего шанс обществам региона на развитие конституционализма и формирование федеративных начал, децентрализации и концентрации власти. Именно решение региональных проблем может создавать для обществ, находящихся между Черным и Балтийским морями перспективу сближения. Однако эти изменения не могут осуществляться без участия субъектов внутри региона, в том числе академического и экспертного сообщества.

Литература

Czartoryski A. J. Rozważania o dyplomacji. Wydawnictwo Literackie, 2011.

Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990.

Lefebvre H. Production of Space. Blackwell, 1991.

Levy Jonathan. Intermarium: Wilson, Madison and Eastern-Central European Federalism. Dissertation. Com, 2007.

Sassen S. Losing Control?: Sovereignty in an Age of Globalization. N.Y.: Columbia University Press, 1996

Williams R. H. Culture and Society. 1958.

Гидденс Э. Устроение общества. М., 2007. С. 185.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

Уэльбек М. Возможность острова. М.: Иностранка, 2006.

Примечания

1 23–24 ноября 2010 г., Вильнюс, Литва. Международная научная конференция «Новый регион Европы: парадигмы регионального развития в Балтийско-Черноморском междуморье». Организаторы конференции – Европейский гуманитарный университет (Вильнюс, Литва), Фонд Конрада Аденауэра, Университет Витовта Великого (Каунас, Литва), Министерство иностранных дел Литовской Республики.

2 Последний яркий пример тому – одновременное вступление Российской Федерации в ВТО, планируемое на конец 2011 г., и формирование Россией Евразийского экономического пространства с государствами, не являющимися членами ВТО (Беларусью).

3 В юности Чарторыйский участвовал в противороссийских кампаниях – сначала в ходе войны 1792 г., затем – в восстании Костюшко 1794 г. Однако в 1795 г. он и его младший брат поступили в российскую армию, и Екатерина Великая была так впечатлена ими, что вернула им часть их конфискованных имений. Адам Чарторыйский впоследствии служил царям Павлу и Александру I как дипломат, министр иностранных дел и как попечитель Виленского учебного округа и Виленского университета. Однако в ноябре 1830 г. Чарторыйский стал одним из лидеров Польского восстания и после его подавления был приговорен к смерти, но в конечном счете получил позволение удалиться в изгнание во Францию. В Париже государственный деятель и прежний друг, доверенное лицо и фактический министр иностранных дел царя Александра действовал как «некоронованный король и непризнанный министр иностранных дел» несуществующей Польши.

4 Так, например, 12 мая 2011 г. государства Вышеградской группы заключили соглашение о формировании к 2016 г. объединенной военной группировки. Командование в группировке будет принадлежать Польше. Группировка создается вне структур НАТО, и если она состоится, это будет означать окончательное перераспределение сил в Восточной Европе, построение многоэтажной архитектуры европейской безопасности, гарантированной не только глобальными структурами НАТО, но и региональными военными союзами. Также это решение является важным для судеб восточноевропейских национализмов и развития федерализма.

Филипп Першок

TARPJŪRIS: РЕГИОН БЕЗ ИМЕНИ?

Abstract

Taking into consideration the ambition of the Lithuanian foreign policy after 1991and 2004 to become a regional leader in the European post-soviet space, this article tackles the semantic aspect of this foreign policy. It notes that this "region" Vilnius wanted to lead has no proper name, neither given from the outside nor claimed by these countries themselves. In addition, the enlargement of the European Union in 2004 created new dividing lines that prevent the emergence of the regional feeling and strengthened the semantic problem of the Lithuanian foreign policy.

Keywords: Diplomacy, regionalism, Lithuania, Belarus, constructivism.

После обретения независимости Литва стремилась к формированию региона и определению вектора его внешней политики. Данная статья ставит своей целью проанализировать эту политику в семантическом измерении. Следует отметить, что большинство теоретиков [4; 27; 19] рассматривают международную политику в материальном аспекте. Тем не менее (таких взглядов придерживается, например, социолог Р. Арон) именно семантические действия составляют основу деятельности дипломата, так как он говорит от имени коллектива.

Невозможно переоценить ту значимость, которую имеет в западных обществах присвоение имен. Человеку не только присваивается имя при рождении, но и сам человек выступает как «дающий имена». Согласно Библии (Книга Бытия), именно человек присваивает имена всем сотворенным объ-

ектам. Религиозная традиция требует, чтобы вступающие в монашеские ордена принимали новое имя, подобно последователям Христа.

Не меньшую значимость имеет и обратное действие – отмена имени. Достаточно вспомнить римскую традицию *damnatio memoriae,* чтобы понять: теряя имя, вещь теряет существование. Американское правительство, не признавая оккупацию балтийских государств Советским Союзом в период холодной войны, делало соответствующую отметку об этом на географических картах, чтобы даже с помощью такого мелкого символического жеста внести вклад в идеологическую борьбу.

Присвоение имен играет центральную роль в западной культуре, и международная политика связана с постоянным присвоением имен. Как отмечал Фуко [10], в этом и состоит специфика западного сознания в отличие от китайской практики классификации каждой вещи в отдельную категорию, герметично закрытую для других вещей. Западное сознание стремится к тому, чтобы его категории возможно было использовать наиболее универсально. Некоторые авторы исследовали феномен перемещения таких категорий, как «правовое государство», «суверенитет» или «рынок», из одной культуры в другую под влиянием различного рода изменений. Целью международной политики часто становятся семантические конфликты. Например, в случае с признанием независимости Косово конфликт имеет географическую подоплеку: международное сообщество может признать независимую и легитимную сущность в определенных географических границах. Тем не менее ничто в ландшафте не указывает на то, что Косово начинается у одной границы и заканчивается у другой. Взаимное признание подобных конвенций является предметом международных конфликтов. Сербы и косовары не могут находиться в одних и тех же границах, поскольку европейское сознание хочет, чтобы одна вещь не была в то же время иной и чтобы они обладали различными именами в силу своего соответствия понятию суверенитета.

Литература, посвященная теме национализма, в основном считается с этим измерением борьбы за значение. Поскольку нация является «воображаемым сообществом» [1], ее продвижением занимаются «деятели в области идентичности», и их интерес состоит в том, чтобы попытка создать новое значение получила максимальную поддержку. Международная политика может быть направлена и на то, чтобы присвоить имена событиям прошлого. Этот вопрос, в частности, важен для Центральной Европы, где на протяжении трех последних веков большинство больших городов не раз меняли названия [26].

За многообразием названий, безусловно, стоит одна географическая реальность, но эпохи, население, культура, определяющие имена городов, – различны, поэтому выбор названия привносит такие оттенки значения, которые могут сыграть роль в международных отношениях (табл. 1). Например, назвать в 1990-х Словению Балканской страной означало подчеркнуть нестабильность обста-

новки в данной стране, даже если это не соответствовало действительности. Сегодня же обозначение Словении как Балканской страны показывает, что нет «балканского рока» и что страна ЕС может стать мостиком между различными странами региона. Имя в некотором смысле создает реальность, которую описывает. Подтвердить этот аргумент позволяют два следующих примера.

Таблица 1. **Названия городов Центральной Европы в различных языках**[1]

Французский	Английский	Немецкий	Русский	Украинский
Vilnius	Vilnius	Wilna	Вильнюс	Вільнюс
Lviv/Lvov	Lviv	Lemberg	Львов	Львів
Kiev	Kyiv	Kiew	Киев	Київ
Minsk	Minsk	Minsk	Минск	Мінськ
Galicie	Galicia	Galizien	Галиция	Галичина
Volynie	Volhynia	Wolhynien	Волынь	Волинь
Pologne	Poland	Polen	Польша	Польща
Lituanie	Lithuania	Litauen	Литва	Литва
Biélorussie	Belarus	Weißrussland	Белоруссия	Білорусь
Ukraine	Ukraine	Ukraine	Украина	Україна
Russie	Russia	Russland	Россия	Росія

Слово «холокост» появилось после Второй мировой войны и выражало в словесной форме достаточно сложную реальность. И хотя у Примо Леви, собиравшего свидетельства преступлений [17], и у Рауля Гилберга, проводившего исследования в этой области, ушли на это годы, понятие стало общепринятым [13].

В то же время такое название, как Юлеландия, которое продвигает президент Республики Эстония [14] в своих многочисленных выступлениях, кажется, не находит поддержки в странах, которых касается (рис. 1).

Мы понимаем, что стоит за этим эстонским проектом региона: Эстония хочет связать свою историю с более широким регионом, чем Скандинавские страны[2]. Ильвес приводит аргументы из различных областей – истории, религии, этики (отсутствие коррупции), говорит об особом развитии технологий. Цель построения его ассоциаций – распространить определенный образ Эстонии после окончания холодной войны.

Здесь стоило бы остановиться на определении того, что мы называем регионом. Прежде всего это внутренние административные единицы в некоторых странах. Европейская интеграция придала больше самостоятельности этому промежуточному уровню управления. Достаточно упомянуть, что Франция в 1980-е признавала за ним конституционную и экономическую реальность и что страны, вошедшие в ЕС после 2004 г., сумели реформировать свою террито-

риальную организацию так, чтобы усилить или создать этот новый уровень. С другой стороны, регион можно понимать как «макрорегион», то есть как более крупное, чем государство, территориальное образование.

Рис. 1. Карта Юлеландии Тоомаса Ильвеса

Иногда регионы в этом смысле становятся объектами международной политики, не будучи политическими образованиями и не требуя признания со стороны входящих в них стран (как, например, Балканы). И наоборот, в некоторых случаях регионы конструируются в результате политического волеизъявления акторов, которые используют институциональные инструменты, чтобы создать и заставить международное сообщество признать за регионом его новое значение. Такое случилось с идеей Центральной Европы, придуманной диссидентами во времена холодной войны [22; 16]. Она воплотилась в организации Вышеградской группы в 1990 г. Именно о такой концепции региона идет речь в данной статье – о механизмах его создания и стратегии признания в качестве объекта международных отношений.

Безусловно, во внешней политике приходится считаться как с материальными факторами, как того хотят реалисты [4; 19; 27], так и с тем, что семантические аспекты также играют важную роль. Международное противостояние – это в том числе и борьба за значение, которое, в случае если оно не принимается естественным образом, приходится внедрять силой. Международная политика – это внедрение смысла, совершаемое не только средствами дипломатии в культуре или экономике, но и военными средствами [7]. Как, в таком случае, можно оценить внешнюю политику Литвы после 1991 г.? Наш основной тезис состоит в том, что она была не просто политикой консолидации для того, чтобы получить независимость, но и политикой внедрения нового значения, относящегося к новому региону и претендующего на новую интерпретацию пространства между Варшавой и Москвой.

После распада СССР Литва оказалась «на пересечении» нескольких регионов, которые могли сделать ее субъектом международной политики. «Постсоветская Европа», «бывший СССР», «ближнее зарубежье», «Восточная Европа» – все эти «регионы» не позволяли литовской дипломатии консолидировать идею независимости, поскольку подчеркивали, что она, прежде всего, «больше не то» (и никогда не хотела этим быть), но не указывали, чем она хотела бы стать после обретения независимости. Литовская дипломатия пыталась найти в прошлом такие значения, которые могли бы позволить наполнить позитивным содержанием современную политику. Возвращаясь к этому периоду, следует проанализировать прецеденты уже существовавших регионов литовского окружения и рассмотреть, каким образом Литва попыталась примерить на себя роль создателя региона перед тем, как перейти к результатам этой политики.

В поисках имени

Создание макрорегионов почти всегда сопровождается ссылкой на предыдущий исторический опыт. Средиземноморское сотрудничество в ЕС имеет корни в римском прошлом, в то время как балтийское сотрудничество отсылает нас к Ганзейскому союзу и крупному торговому обороту между балтийскими портами в эпоху Средневековья. В обоих случаях исторический опыт положительно оценивается участниками международной кооперации. Где же искать исторический опыт, который связал бы современную Литву со своими соседями?

Первый ориентир, который подхватывается литовцами, – исторический опыт Великого Княжества Литовского (после XII в.) и Речи Посполитой двух народов (1569–1795). Литовская историография говорит о Великом Княжестве как о первом опыте литовской нации, государстве, занимавшем территорию от Польши до Западной части России и от Литвы до берегов Черного моря.

В национальных историографиях соседних стран этот период имеет различные оценки. Поляки ставят под сомнение литовский характер Великого Княжества после объединения государств [8; 9]. Элиты Великого Княжества были не только «литовские» и языческие, но и те, которые происходили из областей, относящихся к современным Беларуси и Украине, к тому же жители Великого Княжества пользовались старобелорусским языком. Поэтому национальные историографии других стран региона не могут видеть в Великом Княжестве чисто литовский опыт и признают его отчасти колониальный характер. Для самих литовцев постепенная полонизация «литовских» элит внутри Речи Посполитой двух народов переживалась как опыт потери литовской идентичности.

Последующий период, а именно включение большей части современной Литвы в состав Российской империи («малая Литва» была включена в Королевство Пруссия), не имеет положительных коннотаций в исторической памяти литовцев. Между 1795 (третий раздел Речи Посполитой) и 1918 гг., в конце XIX в.

произошло рождение национального литовского движения не только благодаря признанию идентичности, отличной от польской, но и из-за борьбы против царской политики русификации. Наряду с этим административные перераспределения территорий Российской империи не позволяли сформировать отдельный регион, как и законы о переселении евреев внутри империи.

Рис. 2. Карта исторической Литвы

Период между мировыми войнами был ознаменован возникновением первого национального литовского государства. Внешняя политика Литвы во многом определялась волей молодой республики – заставить признать Вильнюс (ставший польским после переворота генерала Желиговского) своей столицей. Несмотря на то что литовцы составляли меньшинство жителей этого города, они рассматривали его как легитимную столицу своего государства, потому что в Средние века здесь располагалась резиденция великого князя [24]. Польско-литовский конфликт помешал государствам, находившимся между Германией и СССР (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша), выработать заслуживающую доверия политику защиты собственной независимости. По иронии судьбы, именно советская оккупация позволила удовлетворить литовские тре-

бования, несмотря на притязания Белоруссии, которая также запрашивала его в свой состав.

Именно советская оккупация в течение пятидесяти лет вынуждала литовские элиты представлять собственное будущее вне какой-либо связи с бывшим оккупационным режимом, в то время как в период своей первой независимости Литва поддерживала хорошие отношения с СССР. Литовская конституция 1992 г., принятая прямо перед победой Альгирдаса Бразаускаса (представителя бывшей номенклатуры Литовской Коммунистической партии) на президентских выборах, свидетельствовала о том, что страна закрыла себе пути сотрудничества с Востоком [2]. И наоборот, отношения с Польшей в середине 1990-х стали спокойнее, в частности, благодаря влиянию европейских инстанций и высказываний значимых польских фигур, бывших в изгнании [25], которые отчаялись воплотить мечту о возвращении бывших польских территорий. Литва, «застрявшая» между Россией на Западе[3] и Белоруссией на Востоке, во второй раз оказалась перед необходимостью найти пространство для своей дипломатии. Она с самого момента обретения независимости пытается завязать контакты с европейскими организациями и НАТО. Она обращается к Соединенным Штатам [5; 6] и Скандинавским странам, чтобы они поддержали ее ходатайство о незамедлительной депортации российских войск, и, опираясь на их поддержку, подписывает договор с Россией и берет на себя часть расходов по перемещению войск в Калининградскую область [21].

Тем не менее Литва не хочет отстраняться от своего регионального окружения по различным причинам: идеологическим (бывшие коммунисты вернулись к власти между 1992 и 1996 гг.[4]), географическим (Литва контролирует трассу между Россией и Калининградом и потому вынуждена вмешиваться в решение проблемы границ), а также из-за того, что в начале 1990-х невозможно было предсказать, какова будет политика России в 2000-х. Как и предугадать пути развития Беларуси и Украины. Из трех балтийских государств именно у Литвы в отличие от Эстонии и Латвии ввиду отсутствия территориальных претензий установились наименее конфликтные отношения с Россией. Такая ситуация сложилась также по той причине, что Литва предоставила гражданство всем резидентам на момент признания независимости. Напомним, что в Эстонии и Латвии[5] вопрос гражданства является причиной постоянных конфликтов с Россией [11; 12; 20]. На первый взгляд, Литва находится в таком положении, что может стать «мостом» между «постсоветским» пространством, от которого дистанцируется, и Центральной Европой, большими шагами движущейся к евроатлантической интеграции. Тем не менее одной из важнейших проблем такой политики остается то, что «мост» существует между уже сложившимися пространствами, в то время как Литва претендовала на то, чтобы создать свое собственное пространство или хотя бы найти для него название. Вильнюс не хочет быть «постсоветским», находиться в «Восточной Европе» или в «ближнем зару-

бежье России». Однако процесс нахождения имени, которое несло бы положительные коннотации сотрудничества с соседями, опирающиеся на исторические прецеденты, для Вильнюса затруднителен.

Литва как региональный деятель

Как подчеркивает Йонавичус [15], обретение независимости и избрание пути, ведущего в Европейский союз и вступление в НАТО, – все это было предпринято Литвой для того, чтобы добиться собственного признания в качестве регионального актора. Исследователь цитирует речь временно исполнявшего обязанности президента Артураса Паулаускаса 24 мая 2004 г.[6] в Вильнюсском университете: «Сегодня я предлагаю новый, более широкий взгляд. Я вижу Литву в качестве регионального лидера, поскольку она является членом ЕС и НАТО, активно развивает отношения с соседними странами. Я вижу Литву в качестве регионального центра, а Вильнюс – региональной столицы».

Такое видение весьма распространено в литовском политическим истеблишменте и постоянно воспроизводилось, о чем свидетельствует произошедший месяцем ранее консенсус между партиями относительно внешней политики [3]. Можно также утверждать, что Вильнюс уже давно пытался стать скорее центром, чем периферией Европейского союза и НАТО. Уже в 1997 г. Вильнюс и Варшава организуют первое собрание руководителей десяти стран Центральной и Восточной Европы (включая Россию) в Вильнюсе. Данное событие кажется невероятным успехом политики Литвы, поскольку впервые после распада СССР она собрала вне ОБСЕ президентов Беларуси, Болгарии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литвы, Молдовы, Польши, Румынии, Украины и премьер-министра России. Не придерживаясь исторически сложившегося образа, эти страны занимают критическую позицию по отношению к ситуации с правами человека в Беларуси, но в то же время заявляют, что не хотят выбирать между бывшим Востоком и бывшим Западом. Надо сказать, что если Россия с трудом приняла включение Польши в НАТО на саммите ОБСЕ в Париже, то в случае с балтийскими странами она пыталась даже препятствовать этому процессу, настаивая на том, что ключом к безопасности этих стран являются соглашения с Москвой, а не с Вашингтоном. Балтийские делегаты противостояли такой позиции, единодушно отказавшись от предложений Москвы. Однако саммит был отмечен сменой курса в сторону ослабления интенсивности процесса интеграции балтийских государств в ЕС и особенно в НАТО.

Тем не менее инициированный в Вильнюсе процесс достаточно быстро потерял актуальность. Государства не чувствовали себя «регионом» и у них не было общего значимого исторического опыта, кроме печально известного пакта Молотова – Риббентропа [23]. Наряду с этим у инициаторов объединения были сложные отношения друг с другом. Варшава периодически интересовалась пра-

вами польских меньшинств в Вильнюсе, ситуацией с сохранением их языка, что создавало напряженные отношения между Варшавой и Вильнюсом. Поэтому построение региона, на центральное положение в котором в своих официальных заявлениях претендовала Литва, стало проблематичным: не существовало исторического прецедента, который мог бы легитимировать этот регион, не было найдено для него названия.

Помимо этого процесс интеграции в Европейский союз и НАТО создавал новые преграды. Если границы между Литвой, Калининградской областью, Латвией и Белоруссией во времена СССР были лишь административными, то сейчас пришлось столкнуться с необходимостью пересечения границ. Экономический и культурный обмен затруднялся вследствие отдаленности стран, от которых Литва была физически отрезана в начале 1990-х: договоры о сотрудничестве облегчали обмен с ЕС и странами-кандидатами на вступление в ЕС, произошла успешная либерализация виз, Литве была оказана финансовая помощь до принятия в Европейский союз, которая способствовала развитию культурных и научных проектов. Пытаясь создать регион между двумя пространствами, которые становились все ближе друг к другу, Литва оказалась перед дилеммой – продолжать стремиться к роли центра или же стать периферией. К тому же идея разделения обязанностей между Польшей и Литвой по созданию региона в бывшем СССР казалась все более и более иллюзорной, учитывая плохие отношения, установившиеся между столицами.

В установившемся гомогенном мире, который вышел из состояния холодной войны, у Литвы был карт-бланш. Создание региона стало возможным, поскольку отличия между государствами региона не являлись фундаментальными. Достаточно откровенные высказывания Бориса Ельцина о направлении экономического и политического переходного периода, позволяли думать (несмотря на проблему перемещения российских войск и неопределенность), что «все идут в одном направлении», включая Россию, ставшую объектом американской (как Совет НАТО – Россия в 1997 г.), европейской (как северное направление европейской политики в 1997 г.) и региональной (такой как Совет государств Балтийского моря и саммит в Вильнюсе в 1997 г.) политики.

Обширный регион Центральной и Восточной Европы теперь стал *однополярным* (только Соединенные Штаты были действительным полюсом притяжения) и относительно *однородным* – или, по крайней мере, находящимся в процессе кажущейся гомогенизации на уровне ценностей и режимов (эти понятия употребляются в том смысле, в котором их разрабатывал Р. Арон [4]). В начале 2000-х еще можно было надеяться, что такая тенденция будет поддерживаться после «революций на выборах» в Сербии (2000), Грузии (2003), Украине (2004) и даже в Беларуси (2005). Литва пыталась сыграть свою роль в этом процессе, принимая участие в европейском посредничестве, предложенном Украине в 2004 г. вместе с Польшей Верховным представителем Европейского союза по ино-

странным делам и политике безопасности Хавьером Солана. Когда Литва интегрировалась в Европейский союз и НАТО, ее воля быть региональным актором в новом регионе, казалось, могла частично воплотиться.

Таблица 2. **Россия, балтийские страны и евроатлантическое сближение после окончания холодной войны**

	Эстония	Латвия	Литва	Россия
СБСЕ/ОБСЕ	10.09.1991	10.09.1991	10.09.1991	01.08.1975
Совет государств Балтийского моря	03.1992	03.1992	03.1992	03.1992
Наблюдательные миссии ОБСЕ	15.02.1993 – 31.12.2001	19.11.1993 – 31.12.2001		
Совет Европы	14.05.1993	10.02.1995	14.05.1993	28.02.1996
«Северное измерение»	1997–1999	1997–1999	1997–1999	1997–1999
Северо-Европейская инициатива США	1997	1997	1997	1997
НАТО	26.03.2004	26.03.2004	26.03.2004	
ЕС	01.05.2004	01.05.2004	01.05.2004	

Бенилюкс, Веймар, Вышеград и..?

Тем не менее Литва столкнулась с множеством крупных препятствий. С одной стороны, относительная открытость региона в начале 2000-х в действительности не привела в странах европейского соседства к такому сотрудничеству, которое сложилось между Балтийскими странами. Оранжевая революция в Украине регрессировала после успешных массовых акций протеста, а в Беларуси после подавления протестов в 2005 г. президентская власть еще более укрепилась. С другой стороны, Россия усиливала свои позиции в регионе и пыталась позиционировать себя как альтернативу модели регионализма, предложенной ЕС и США. Постепенно устанавливалась новая биполярность, сопровождаемая уменьшением гомогенности режимов и ценностей. Новое распределение влияний было усилено географическим разделением, которое наметила новая граница Европейского союза в регионе, усилив традиционную интерпретацию политики Запад – Восток в ущерб модели Север – Юг, предложенной Литвой.

Как мы подчеркнули ранее, попытка Литвы создать новый регион с туманными границами не могла опереться на исторический прецедент, имеющий положительные коннотации. Она не смогла найти место в пространстве в период фрагментации, вызванной расширением Европейского союза и НАТО. Бенилюкс вошел в ЕЭС в 1957 г., и Вышеградская группа образовалась в городе, который имел значимость для всех трех стран. Кроме того, их объединяла перспектива

вступления в ЕС в 2004 г. Даже Веймарская группа была создана с целью присоединения Польши к ЕС посредством участия Франции в примирении Германии с Польшей. На заседаниях в Вильнюсе не удалось убедительно представить участникам те преимущества, которые приносило бы объединение стран предполагаемого нового региона и других региональных акторов.

Литва была вынуждена переориентировать свою специфическую политику, касающуюся Беларуси, в то время как Польша приняла на себя ответственность за Украину. Невозможность действовать в новом международном статусе в регионе подтолкнула Вильнюс к участию в роли регионального актора, специализирующегося на внешней политике. В этой ситуации Литва пытается снять с себя роль посредника отношений между Брюсселем и Минском, возвращаясь к более типичной политике страны среднего размера внутри ЕС. Очевидно, что сложности в нахождении своего имени регионом, в котором Литва хотела стать лидером, создали определенные семантические проблемы для новой внешней политики Литвы. Не похоже, чтобы регион, простирающийся от Балтийского до Черного моря, демонстрировавший определенные взаимосвязи в Средние века, объединялся в каком-либо виде в настоящее время, принимая во внимание интерес к нему со стороны России и ЕС. Такая ситуация должна подвести нас к переосмыслению взаимосвязи реалистического подхода к международным отношениям и семантического измерения международной политики.

Литература

1. Anderson B. L'imaginaire national: réflexions sur l'origine et l'essor du nationalisme / Trad par. P. Dauzat. Paris: La Découverte, 2002.
2. Anon R. Constitution de la République de Lituanie. Novembre 2. 1992.
3. Anon R. Resolution on Directions in Foreign Policy of the Republic of Lithuania Following Lithuania's accession to NATO and the European Union // Lithuanian Ministry of Foreign Affairs. Avril 1. 2004. http://www.mfa.lt/popup2.php?nr=1&item_id=8500&_m_e_id=4&_menu_i_id=162;240&no_cache=1
4. Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris: Calmann-Lévy, 2004.
5. Asmus R. Opening NATO's door: how the alliance remade itself for a new era / Éd par. Council on Foreign Relations. New York: Columbia University Press, 2002.
6. Asmus R. VONDRA. The Origins of Atlanticism in Central and Eastern Europe // Cambridge Review of International Affairs. 18 (2) (juillet). 2005. P. 203–216. doi:10.1080/09557570500164439
7. Clausewitz C. von. De la guerre / Éd par. G. CHALIAND; Trad par. L. Murawiec. 2006.
8. Davies N. God's Playground: A History of Poland. Vol. 2. 1795 to the Present. 2 vol. Oxford: Clarendon Press, 1981a.
9. Davies N.God's Playground: A History of Poland. Vol. 1. The Origins to 1795. 2 vol. Oxford: Clarendon Press, 1981b.
10. Foucault M. Les mots et les choses: une archéologie des sciences humaines. Bibliothèque des sciences humaines. 1966.

11. Galbreath D.J. International Sources of Domestic Policy: Europe and Latvia in the context of minority rights // European Consortium for Political Research joint sessions workshop on 'International Organisations and Policy Implementation', Uppsala Universitet. 2004. P. 13–18.
12. Galbreath D.J. From nationalism to nation-building: Latvian politics and minority policy // Nationalities Papers. 2006. № 34 (4). P. 383–406.
13. Hilberg Raul. La destruction des Juifs d'Europe / Trad par. Marie-France de Paloméra et André Charpentier. Vol. 2. 3 vol. Collection Folio. Histoire. Paris: Gallimard, 1991.
14. Ilves T.H. Estonia as a Nordic Country. Dans Swedish Institute for International Affairs. 1999, décembre 14. http://www.vm.ee/eng/nato/1210.html
15. Jonavicius L. Geopolitical Projections of New Lithuanian Foreign Policy // Lithuanian foreign policy review. 2006. № 17. P 15–40.
16. Kundera M. Un Occident kidnappé, ou la tragédie de l'Europe centrale // Le Débat 1983. № 27. P. 3–22.
17. Levi P. Si c'est un homme / Trad par. Martine Schruoffeneger. Presses pocket. Paris: Pocket, 2003.
18. Malia M. L'Occident et l'énigme russe: du cavalier de bronze au mausolée de Lénine / Trad par. J-P. BARDOS. L'Univers historique. Paris: Éd. du Seuil, 2003.
19. Morgenthau H.J. Politics among nations: the struggle for power and peace / Éd par. K.W. Thompson, W.D. Clinton. Boston, Mass.: McGraw-Hill Higher Education, 2006.
20. Petersoo P. Reconsidering otherness: constructing Estonian identity / Nations and Nationalism 2007. № 13 (1). P. 117–133.
21. Romer J-C. Les États baltes entre Nord, Centre et Est // Stratégique. 1992. № (55). P. 97–114.
22. Rupnik Jacques. L'autre Europe: crise et fin du communisme / Trad par. Jean Bonnefoy. 1993.
23. Snyder T. Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin. London: The Bodley Head Ltd, 2010.
24. Snyder T. The reconstruction of nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999, 2004.
25. Struck S. La diplomatie polonaise: de la doctrine «ULB» au Partenariat Oriental // Nouvelle Europe. 2010. № 23. http://www.nouvelle-europe.eu/node/916
26. Truchlewski Z. Généalogie des perceptions Est-Ouest. Les risques du Cercle Herméneutique // Emulations (6. Regards sur notre Europe). 2009.
27. Waltz K.N. Theory of international politics. Addison-Wesley series in political science. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1979.

Примечания

[1] Согласно [26].

[2] Эстонское Министерство туризма опубликовало брошюру «Эстония, самая маленькая скандинавская страна».

[3] Литва – единственное европейское государство, которое «на Западе» граничит с Россией (Калининградская область).

[4] Три премьер-министра этого периода поддерживались социал-демократической партией: Брониславас Лубис (2 декабря 1992 – 10 марта 1993 г.), Миндаугас Станкявичус (15 февраля 1996 – 27 ноября 1996 г.), Повилас Жилис (17 декабря 1992 – 10 декабря 1996 г.),

который оставался министром иностранных дел на протяжении всего периода нахождения у власти президента Бразаускаса (25 февраля 1993 – 25 февраля 1998 г.).

5 После Второй мировой войны СССР присоединил некоторые эстонские и латвийские регионы к России. Даже если возвращение этих территорий Эстонии и Латвии после обретения независимости было маловероятным, преемственность суверенитета во время оккупации заставляла эти страны обращаться к данному вопросу. Соглашение о границах было подписано между Латвией и Россией в 2007 г. Но у Эстонии и России до сих пор не разрешены территориальные споры.

6 В это время Литва уже месяц был членом ЕС и два месяца членом НАТО.

Анастасия Климович

«ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ» КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (на примере участия Беларуси в транснациональной программе «Регион Балтийского моря»)

Abstract

"Territorial thinking" is clearly represented in wide array of EU programs and instruments of territorial cooperation within the EU. The main goal of the cooperation is to create a common European partnership space by involving local, regional and national actors into thematic cooperation for the EU's sustainable future. European Neighborhood Policy (ENP) with its instruments preconditions partnership with non-EU countries. Being included in a number of programs and instruments, Belarus doesn't exercise its potential to the full extent due to certain systemic and procedural factors. The article examines "territorial thinking" as a factor of regional development (on the case of Belarus' participation in the "Baltic Sea Region" transnational program)" tends to analyze Belarusian potential in cooperation with European territories on the case of Baltic Sea Region transnational program. Lacking territorial approach in Belarusian regional policy together with numerous internal barriers, don't permit the country to be included in European partnership network. Though the author claims that the regionalization strategy may create a window of possibility for Belarusian actors to be actively involved into the EU partnership, notwithstanding a rather strained political dimension of Belarus-EU relations.

Keywords: regionalization, Europeanization, territorial cooperation, EU-Belarus, regional cooperation, transnational programs of cooperation.

В ЕС установилась тенденция рассматривать страны, регионы, районы, прибрежные зоны речных бассейнов как территориальные образования. Территория все чаще становится отправным пунктом исследования как процессов развития внутри одного государства, так и трансграничных отношений. Утверждение М. Китинга о том, что «территория связана с идентичностью и политикой» (Китинг, 2008), можно считать базовым для так называемого территориального мышления как нового типа восприятия всех аспектов жизни региона, области, макрорегиона. Уже сегодня оно находит отражение в публичной политике ЕС и других стран.

Взгляд на белорусские приграничные территории в территориальном преломлении помогает понять, какую функцию они выполняют в Европе. Включение Беларуси в список стран-участниц в транснациональной программе «Регион Балтийского моря» говорит о том, что страна воспринимается как неотъемлемая часть европейских территорий. Тем не менее в силу различных факторов Беларусь не достаточно активно включена в общеевропейские процессы развития и построения региональных партнерских сетей.

В ЕС преобладает **территориальное видение** развития (совместное преодоление угроз и решение проблем локального характера), приоритетным является территориальное сплочение, которое находит воплощение в программах EQUAL, URBACT, INTERREG и программах Европейской политики соседства («Польша – Беларусь – Украина», «Латвия – Литва – Беларусь», «Регион Балтийского моря»). В Беларуси территориальный подход проявляется в сотрудничестве с ЕС по предотвращению торговли людьми, борьбе с наркотраффингом, инициативах по обустройству пограничных переходов при поддержке ЕС и т.д. Тем не менее многие факторы серьезно влияют на степень вовлеченности белорусских территорий в общеевропейские процессы развития, прежде всего на активность участия белорусских партнеров в трансграничных и транснациональных проектах и программах ЕС.

В ЕС существует устоявшаяся практика разработки стратегий с фокусом на региональное развитие и территориальное сплочение. Так, в стратегических документах ЕС «Регионы-2020», «Доклад ЕС о сплоченности», «Территориальное сближение», «Европа регионов» Комитета регионов ЕС представлен системный анализ концепции регионального выравнивания в ЕС, территориального сплочения, становления и реформирования региональной политики ЕС. В ЕС сформировалось представление об инструментах региональной интеграции, а стратегия регионализации имеет свой инструментарий. В аналитическом документе Ассамблеи европейских регионов «Towards a territorially-based policy for all Europeans?» стратегическими целями являются: преобразование территорий и стимулирование включенности регионов в систему общеевропейского партнерства; поддержка местных сообществ и инвестирование в локальные инициативы, основанные на совместном решении важных для региона (территории) проблем

безотносительно границ национальных государств (AER study on cohesion policy 2013+ 2008). Аналогичный подход заложен, например, в концепции еврорегионов, транснационального и трансграничного сотрудничества. Региональная политика ЕС, политика сплочения имплементируются за счет инструментов регионализации. Углубление европейской интеграции привело к увеличению числа политик и сфер, в которых европейские регионы делят влияние с ЕС как с наднациональным политическим образованием: окружающая среда, транспорт, культура и т.д. (Carter, Pasquier, 2006).

Белорусские территории, прежде всего приграничные, также включены в систему европейского партнерства, основанную на «территориальном мышлении». Свои стратегии в регионах Беларуси реализует как государство, так и наднациональные акторы. Приграничные территории страны не могут не вовлекаться в трансграничное сотрудничество с соседними государствами, так как пять из шести областей Беларуси приграничные. Беларусь имеет общую границу с тремя странами ЕС. Территории – это объект, на который направлены действия государства по реализации ряда политик и стратегий, управлению и выполнению госпрограмм других функций (Г. Алмонд и Б. Пауэлл выделяют экстрактивную, дистрибутивную, регулятивную и символическую функции государства (Ровдо, 2007: 273)). Совокупность действий государства в регионах можно назвать регионализацией, поэтому для рассмотрения территориального мышления и его практической составляющей необходимо обратиться к понятиям регионализации и регионализма.

Регионализм и регионализация

Территориальный подход к имплементации политик – ключевой в ЕС. Так, в имплементации региональной политики, политики сплочения, структурной политики и Европейской политики соседства руководство ЕС определяющую роль отводит регионам и территориям как государств ЕС, так и регионам граничащих с ЕС стран. Комплекс мер, реализуемых на конкретной территории национальным государством, ЕС или группой государств, будем называть **регионализацией.** Совместные действия регионов, направленные на экономическую трансформацию, экологическую безопасность, укрепление человеческого капитала и т.д. финансируются из структурных фондов ЕС, в частности из Европейского фонда регионального развития (в рамках третьего приоритета региональной политики ЕС «Территориальное сотрудничество» (EU Regional Policy, 2010)). Построение функционального пространства и создание «*новой территориальной иерархии, новой системы действия*» (Китинг, 2003) приводят к тому, что государство освобождает себя от ряда функций, а решение региональных и локальных вопросов лежит в плоскости их возникновения. Такой подход, состоящий из ряда инструментов, можно назвать **регионализацией управления территориями**.

Для корректного определения регионализации и анализа ее процессов необходимо развести это понятие с термином «регионализм». Разведение понятий **«регионализм»** и **«регионализация**» представляет сложность, так как в разных сферах и измерениях существования государства они могут пересекаться.

М. Китинг говорит о регионализме как об идеологии, которая не ограничена рамками национального государства (1) и направлена на конкурентное противостояние регионов в развитии (2): «регионализм избавляется от своих провинциальных и архаических коннотаций и предлагает путь к модернизации и глобализации, оказываясь столь же обоснованным, как и путь, олицетворяемый национальным государством» (Китинг, 2003).То есть регионализм осмысливает возможность развития региона в условиях конкуренции с целью его продвижения и формирования новой идентичности.

Регионализация в этой связи – политика, направленная на решение проблем и продвижение ценностей, основанных не на конкуренции, а на объединении и более тесном «стягивании» пространства с учетом территориального (культурного, социального, экономического) разнообразия. Этот процесс может исходить от центра и возникать локально, поскольку парадигма таких отношений не конкурирует с приоритетным положением государства, а также со стремлением наднациональных образований утвердить свое присутствие на той или иной территории.

Регионализация сотрудничества может являться комплементарным инструментом европеизации. В то время как европеизация имеет вполне выразительно очерченную связь с институтами ЕС (Schimmelfennig, 2001), процессами европейской интеграции и критериями соответствия европейским стандартам, регионализация – стратегия сотрудничества, которая оформилась очень давно (например, в формате еврорегионов). Регионализация – инструмент, получивший широкое развитие в связи с постепенным пространственным расширением ЕС, которое повлекло за собой помимо увеличения численности европейских регионов ряд проблем, связанных с разным уровнем экономического развития этих регионов. Регионализация стала одним из инструментов решения таких проблем, как региональная дивергенция (неравенство) (Heidenreich, Wunder, 2008).

В ЕС регионализация является самостоятельным интеграционным инструментом. Характерно, что данная модель не привязана к институциональному устройству ЕС, так как не всегда сосредоточена исключительно на ЕС и его регионах и допускает участие регионов из граничащих с ЕС государств (с помощью Европейского инструмента добрососедства и партнерства (ЕИДП), выполняющего распределительную и координационную функции). Некоторые программы ЕС апеллируют к местным сообществам, направлены на выстраивание общего микроклимата и не имеют ярко выраженных политических коннотаций. Регио-

нальное развитие и инвестирование в территории видится гарантией стабильности государственных образований, а также прочной основой стабильности ЕС (EU Macro-regional strategy, 2010). Среди подобных программ – программа транснационального сотрудничества «Регион Балтийского моря» (EU strategy for the Baltic... 2009).

Регионализм характерен для стран с региональной дифференциацией, где региональный фактор влияет на политическое измерение государства. Важно понимать, что под регионализмом понимают как идеологию, так и процесс, который может проявляться в децентрализации на региональном уровне. Говорить о регионализме в Беларуси, где региональное разнообразие не имеет политической коннотации, а децентрализация в регионах отсутствует, нецелесообразно. Регионализм – идеология, которую можно противопоставить процессам глобализации, направленным на адаптацию и универсализацию явлений социально-экономической и культурной жизни. Регионализация же направлена на включение территорий разных стран в разрешение локальных проблем и на актуализацию уникальных для ее развития вопросов. Регионализация не является альтернативой глобализации – это сотрудничество территорий безотносительно государственных границ. Регионализация может быть ее инструментом (например, привнесение местного колорита в продукты транснациональных компаний, использование местных языков в рекламных кампаниях и др.). Возможно ли применение термина «регионализация» по отношению к такому государству, как Беларусь? Страна является унитарной и полномочия региональных властей ограничены жесткой системой подотчетности. Центральная власть представлена в регионах институтом советников президента РБ, в обязанности которых входит мониторинг областных и районных администраций и контроль за соответствием их деятельности государственным стратегиям и официальной позиции (Указ, 2001). В социально-культурном измерении предпосылок к регионализму в Беларуси нет: культурное разнообразие не влияет на восприятие страны как единого целого и не артикулировано политически. Однако процессы регионализации могут иметь место, когда мы говорим о действиях государства, направленных на поддержание региональной самобытности, с одной стороны, и процессах культурного сближения, с другой.

Территориальное сотрудничество Беларуси с ЕС

Программы территориального сотрудничества ЕС являются инструментом Европейской политики соседства (European Neighborhood Policy, ENP), имплементация которой происходит при помощи Европейского инструмента соседства (добрососедства) и партнерства (ЕИДП). В рамках ЕИДП Беларусь участвует в программах «Польша – Беларусь – Украина», «Литва – Латвия – Беларусь», «Регион Балтийского моря».

Сотрудничество Беларуси и ЕС ранее не рассматривалось как территориальное. Представление о странах как о территориальных организмах получило распространение с принятием в ЕС первого и второго докладов о сплочении, а позднее – Лиссабонской декларации «Сети для устойчивого пространственного развития Европейского континента: Мосты через Европу». В Европейской политике соседства заложены те же принципы: соседи ЕС представляют собой территориальные образования и имеют общие с ЕС угрозы, вызовы и интерес в их преодолении. Подобное отношение к партнерам не только декларативно: ЕС подтверждает свои намерения инструментами внешнего сотрудничества (ЕИДП). Территориальный подход является нейтральным и действенным в формулировке внешней политики (Лиссабонская декларация, 2006).

Территориальное сотрудничество в различных формах является инструментом регионализации интеграционных процессов в ЕС. Рассмотрение его под таким углом может открыть новые перспективы как в теоретизировании интеграционных процессов на европейском пространстве, так и в моделировании отношений ЕС с внешними политическими акторами, в частности с РБ. Регионализация отношений может также стать средством снятия напряжения в стремлении национальных государств к доминированию в европейской политике.

Типология проектов территориального сотрудничества в ЕС включает транснациональное, трансграничное и межрегиональное сотрудничество. Основная сложность их анализа состоит в разграничении проектов территориального сотрудничества (трансграничных программ ЕИДП) и национальных программ предоставления технической помощи. Цели этих программ во многом пересекаются (инновационное развитие, конкурентоспособность территорий, устойчивое развитие и др.), различие же состоит в европейских инструментах взаимодействия и определяется тем, что процесс реформирования инструментов внешней политики ЕС не завершен, вырабатываются новые инструменты сотрудничества с граничащими странами из Восточной Европы (региональная программа «Восточное партнерство»). Степень включенности белорусских территорий в общеевропейскую партнерскую сеть будет рассмотрена ниже на основе европейской классификации территориального сотрудничества в рамках Региональной политики ЕС.

Трансграничное сотрудничество. В белорусских источниках можно обнаружить смешение понятий, когда любые совместные европейские проекты называются трансграничными. Интерпретация ЕС предполагает четкие критерии определения трансграничного сотрудничества: участие приграничных территорий, региональный и локальный характер кооперации с участием местных органов власти. Среди программ ЕИДП, в которых принимает участие Беларусь, трансграничными являются «Латвия – Литва – Беларусь», «Польша – Беларусь – Украина». Помимо этого, некоторые белорусские районы входят в состав пяти

еврорегионов, которые являются институционализированной формой территориального (трансграничного) сотрудничества (Перкманн, 2002).

Примером проекта трансграничного сотрудничества является проект «Укрепление региональных возможностей по предупреждению химических чрезвычайных ситуаций с угрозой появления трансграничного эффекта в регионе Беларусь – Латвия – Литва», в котором ведущим партнером от белорусской стороны выступило МЧС РБ. Его обоснованием послужила большая концентрация объектов нефтехимической отрасли в приграничной зоне: «Нафтан», «Полимир», нефтепровод «Дружба», «Азот». Какие-либо совместные действия в направлении предупреждения возможных угроз между тремя странами не проводились, в то время как недостаточная оснащенность сил реагирования может стать усугубляющим фактором при возникновении потенциальной угрозы. Четыре тематических направления сотрудничества – коммуникация и создание контактных сетей; совместное обучение и профессиональная подготовка; наращивание технических мощностей; информационные кампании и PR. Всего за последние пять заявочных конкурсов было подано 70 заявок на проекты с участием 168 белорусских партнеров, из которых 13 было отобрано для финансирования (Программа «Латвия – Литва – Беларусь» 2010).

Трансграничная программа ***«Польша – Беларусь – Украина»*** имеет три приоритета: увеличение конкурентоспособности приграничной зоны, улучшение качества жизни, построение сетей и межчеловеческие контакты. Помимо этого, в рамках данной программы предусмотрена возможность реализации стратегических крупномасштабных проектов, которые совместно определяют сами страны. В целом из 29 заявок с участием белорусских партнеров для финансирования было отобрано 7 проектов. Бюджетный масштаб проектов с белорусскими партнерами – от 50 тыс. евро до 1 млн евро (Программа «Польша – Беларусь – Украина» 2007).

Результаты участия Беларуси в проектах трансграничного и транснационального сотрудничества, реализованных за 2002–2006 гг. (за предыдущий программный период) следующие (Белицкий, Былина, Одинец, Орлов, 2010): в 15 проектах партнерами выступили республиканские органы госуправления и местные органы власти, в 7 проектах – учреждения образования и НИИ, в 5 проектах – общественные объединения, в одном – учреждения здравоохранения. Общее количество проектов с белорусскими участниками – 17, в них принимает участие всего 31 белорусская организация-партнер. На фоне общего числа заявок с белорусскими партнерами в названный период – их 70 – автор отмечает низкий удельный вес успешных инициатив (из-за невыполнения формальных требований и недостаточного финансирования самими партнерами (обязательным является софинансирование в размере 10% от гранта).

В целом трансграничное сотрудничество в Беларуси построено на принципе тесного партнерства, количество партнеров небольшое, проекты направлены

на решение локальных проблем. В то время как транснациональные проекты с участием белорусских партнеров более обширны, глобальны, это касается как пространственного параметра, так и целей.

Транснациональное сотрудничество. Транснациональное сотрудничество – такая форма территориального сотрудничества, среди участников которой есть как региональные, так и национальные акторы (институты власти, агентства, общественные организации). Транснациональное сотрудничество в ЕС имеет 4 измерения – Северное, Южное, Западное и Восточное, которые являются платформами для всех транснациональных проектов. Транснациональные программы более масштабны и охватывают большие территории. Самой масштабной является транснациональная программа «Юго-Восточная Европа»: 16 стран, 8 из которых члены ЕС, 6 потенциальные кандидаты на вступление в ЕС и 2 страны, которые были включены в Европейскую политику добрососедства. Северное измерение представлено программами «Южная Финляндия – Эстония», «Северо-Западная Европа» и др. В целом Северная программа сосредоточила вокруг себя около 900 партнеров. В результате было реализовано 99 проектов по устойчивому развитию, общий объем выделенных средств – 660 млн евро. Тематика сотрудничества – создание транспортно-логистических систем, производство энергии из возобновляемых источников, развитие экономики знаний, преодоление демографических угроз и управление последствиями миграции (North-West Europe, 2007). В целом в ЕС реализуется 13 программ транснационального сотрудничества.

Участие Беларуси в программе «Регион Балтийского моря»

Транснациональной программой, в которой могут принимать участие партнеры из Беларуси, является программа «Регион Балтийского моря», финансирование которой на 2007–2013 гг. составляет 230 млн евро на все четыре приоритета программы (Towands an integrated... 2007). Среди ее приоритетов – инновации, транспорт, управление Балтийским морем как всеобщим ресурсом, конкурентоспособность и привлекательность городов и регионов, техническая помощь (Стратегия ЕС региона Балтийского моря 2009). Программа объединяет много стран: Данию, Эстонию, Германию, Латвию, Литву, Польшу, Финляндию, Швецию, Норвегию, Беларусь, а также Россию. Программа включает Беларусь, так как она косвенно участвует во многих актуальных процессах развития макрорегиона Балтийского моря, хоть и не имеет выхода к морю.

Партнерами с белорусской стороны выступают государственные учреждения, некоммерческие организации общенационального и регионального масштаба: Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды, Белорусская торгово-промышленная палата (отделения в Минске и Бресте), институты, университеты, академии, общественные объединения молодых ученых,

облисполкомы, горисполкомы, районные советы депутатов. Программа финансируется из структурных фондов ЕС (приоритет «Инициативы сообществ», Европейский фонд регионального развития), Европейским инструментом добрососедства и партнерства (ЕИДП), программой ИНТЕРРЕГ 4В. В табл. 1, 2 приводятся проекты с участием белорусских партнеров в программе «Регион Балтийского моря» с 2002 по 2006 г. и с 2007 по 2013 г.

Таблица 1. **Транснациональные проекты программы «Регион Балтийского моря» с участием Беларуси (2002–2006 гг.)***

Аббревиатура	**Название проекта**	**Ведущий партнер**	**Партнеры из Беларуси**	**Суть проекта**
MECIBS	Диалог средних городов в регионе Балтийского моря	Датский исследовательский институт леса и ландшафта	Институт регионального и городского планирования в Беларуси, Сморгонский райисполком, Волковысская районная администрация, город Кобрин	Стимулирование развития малых и средних городов в регионе Балтийского моря. Форма сотрудничества: конференции, информационные платформы, региональное планирование, транснациональные сети между городами
BUUF	Балтийский городской и университетский форум	Университет Упсала (программа «Балтийский университет»)	Белорусский национальный технический университет	Разработка местных стратегий развития: пространственное планирование, строительные стратегии, развитие инфраструктуры, мониторинг городского хозяйствования, экономические и социальные аспекты городского управления, внедрение результатов исследования в университетские программы

* Таблица составлена на основе материалов сайта программы «Регион Балтийского моря» ИНТЕРРЕГ 3В // Baltic Sea Region 2007–2013. Projects database. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bsrinterreg.net/projects.html

COMMIN	Продвижение пространственного развития	Академия пространственных исследований и планирования (Ганновер, Германия)	Белорусский институт регионального и городского планирования	Содействие реализации транснациональных и трансграничных проектов, языковое обеспечение, информирование и популяризация трансграничного сотрудничества, правовое консультирование, проектное проектирование, консультирование по пространственному развитию
CastleTomorrow	Развитие замков и усадеб региона Балтийского моря, охрана объектов культурного наследия, городских центров в сельских местностях	Районный совет города Ливани, Латвия	БГУ, Институт «Проектреставрация»	Сохранение культурного наследия региона Балтийского моря (замки, исторические застройки) и усиление общественного интереса к проблеме
FEM	Форум женщин-предпринимательниц в регионе Балтийского моря	Министерство внутреннего развития, Департамент регионального развития и публичного управления	Гродненская региональная общественная организация молодых интеллектуалов «ВИТ», Центр информационной поддержки гражданских инициатив «Третий сектор», НГО «Модем».	Доступ женщин к рынку труда, развитие предпринимательских качеств у женщин, содействие личностному росту женщин-предпринимательниц, создание женских ресурсных центров поддержки женщин из регионов, консультирование (всего 21 ресурсный центр)

B-SME	Балтийское пространственное развитие и форма участия бизнеса	Ганзейский парламент (Гамбург, Германия)	Белорусская торгово-промышленная палата	Конкурентоспособность Балтийского региона, сотрудничество малого и среднего бизнеса из «старых» и «новых» стран ЕС, разработка политических концепций продвижения малого и среднего бизнеса, создание партнерских сетей, образование и тренинги для представителей бизнеса, разработка единых стандартов качества в регионе Балтийского моря
RECO	Региональное сотрудничество в управлении отходами	Окружной административный совет города Стокгольма	Белорусская общественная организация «Экологический менеджмент», Белорусский научно-исследовательский центр «Экология», Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды	Создание эффективных структур и разработка схем по переработке муниципальных отходов (Региональное агентство по переработке отходов), увеличение осведомленности граждан к проблеме, уменьшение вредоносных влияний на окружающую среду, привлечение инвестиций в отрасль, пространственное планирование совместно с партнерами из разных стран
AGORA	Развитие сетевого экологически устойчивого туризма в регионе Балтийского моря	Университет Эрнст – Мориц – Арндт г. Грейфсвальда	Белорусская ассоциация «Отдых в деревне»	Развитие сельского туризма, пространственное планирование в сельской и неосвоенной местности, разработка критериев устойчивого развития сельского туризма и мониторинга туристских проектов

BEEN	Балтийская энергоэффективность, строительная сеть	Правительство Берлина, Сенат департамента городского развития	Минское региональное унитарное предприятие «Управление жилищно-коммунальными услугами», Жодинский горисполком	Оптимизация потребления энергии в жилых многоэтажных домах, сокращение потерь энергии, энергоэффективное строительство жилых домов, сотрудничество с жилищными кооперативами
TRABANT	Транснациональная сеть речных бассейнов Восточного побережья Балтийского моря	Финский институт изучения окружающей среды	Институт комплексного использования водных ресурсов	Управление водными ресурсами, мониторинг использования водных ресурсов, совместное пространственное планирование
BEN	Балтийская сеть еврорегионов	Северный совет министров (отделение в Литве)	Браславский районный совет	Сеть еврорегионов региона Балтийского моря: мониторинг, координация деятельности, стратегическое планирование, взаимодействие с властями
Part II: WEBSR	Энергия ветра в РБМ – планирование, строительство и инвестиции	Город Росток	Университет экологии имени А. Сахарова	Партнерская сеть исследовательских и практических учреждений ветроэнергетического сектора
BEN-EAST	Балтийская сеть еврорегионов «Восток»	Информационное бюро Северного Совета министров (Санкт-Петербург)	Браславский районный совет, «Еврорегион “Беловежская пуща”», Комитет экономики Гродненского облисполкома	Восточная сеть еврорегионов: мониторинг, координация деятельности, стратегическое планирование, взаимодействие с властями

Таблица 2. **Транснациональные проекты программы «Регион Балтийского моря» с участием Беларуси (2007–2013 гг.)***

Аббревиатура	**Название проекта**	**Ведущий партнер**	**Белорусские партнеры**	**Суть проекта**
BSR QUICK	Квалификация, инновация, сотрудничество малых и средних предприятий в регионе Балтийского моря	Ганзейский парламент, Германия	Торгово-промышленная палата (Минское отделение), Торгово-промышленная палата (Брестское отделение), Брестский государственный технический университет, Минский областной исполнительный комитет	Трансфер технологий, поддержка малого и среднего бизнеса, трансграничное сотрудничество предприятий, обучение и повышение квалификации сотрудников, разработка инновационной политики
IBI Net	Международная сеть бизнес-инкубаторов	Организация регионального планирования г. Риги, Латвия	Научно-технологический парк Белорусского национального технологического университета «Политехник»	Транснациональная сеть бизнес-инкубаторов, содействие обмену знаниями и технологиями и опытом в ведении бизнеса
Ecovillages	Экодеревни за устойчивое сельское развитие	Литовский аграрный экономический институт, Литва	Центр экологических решений	Экологически устойчивое образование, выработка рекомендаций стейкхолдерам, планирование и внедрение экодеревень

* Таблица составлена на основе материалов сайта программы «Регион Балтийского моря» ИНТЕРРЕГ 4B // Baltic Sea Region 2007-2013. Projects database. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eu.baltic.net/index.php?&id=5308&contentid=>

COOL Bricks	Движения за изменение климата, культурное наследие и эффективную энергетику	Свободный и ганзейский город Гамбург, Учреждение культуры, спорта, СМИ и охраны исторических памятников, Германия	Республиканский центр трансфера технологий, Ассоциация по инновациям «Академтехнопарк»	Содействие сокращению выбросов углекислого газа, разработка технических решений по энергопотреблению в исторических зданиях, обучение архитекторов, инженеров, мастеров, продвижение дискуссий по новым типам сотрудничества государства, строительных организаций
BALTRAD	Сеть погодных радаров в регионе Балтийского моря	Шведский метеорологический и гидрологический институт, Швеция	Республиканский гидрометеорологический центр	Обмен данными по метеорологическому наблюдению и совместному управлению чрезвычайными погодными условиями, сбор информации с целью оптимизации управления транспортными потоками, уборки снега и т.д.
EWTC II	Транспортный коридор «Восток – Запад 2»: концепция зеленого коридора в рамках Северной транспортной оси	Регион Блекинге, Швеция	Глубокский совет депутатов, Международная академия транспорта, Комитет экономики Витебского областного исполнительного комитета	Внедрение коммуникационных технологий и связь Минска, Вильнюса, Клайпеды, Калининграда с западными городами, создание логистических центров, «зеленого» транспортного коридора

Baltic. AirCargo. Net	Улучшение воздушного грузооборота посредством ИКТ, создание логистических сетей	Высшая школа Висмара, Университет прикладных наук: технология, бизнес, дизайн, Германия	«Белаэронавигация» (Гродно), Гродненский государственный университет имени Я. Купалы	Улучшение воздушно-транспортного сообщения в регионе Балтийского моря: оснащение региональных аэропортов, увеличение возможностей транспортировки грузов, внедрение единой ИКТ инфраструктуры перевозки грузов, включение единого сообщения грузов в транспортную стратегию региона Балтийского моря
PURE	Проект по снижению городской эвтрофикации	Союз балтийских городов по охране окружающей среды, Финляндия	Брестводоканал	Очистка сточных вод, управление отходами из сточных вод, совместное предотвращение попадания фосфора в Балтийское море, обмен опытом и применение технологий
BalticCOMPASS	Инвестиции в устойчивое сельское хозяйство	Шведский сельскохозяйственный университет, Швеция	Центральный научно-исследовательский институт комплексного использования водных ресурсов, Научно-практический центр НАН Беларуси по механизации сельского хозяйства	Сокращение эвтрофикации в Балтийском море, продвижение экологически дружественного сельского хозяйства, пользование земными угодьями в регионе, партнерство, инвестирование в экологические проекты

BERAS IMPLEMENTATION	Балтийское экологическое сельское хозяйство и переработка	Высшая школа Седертерна, Центр изучения прибрежного менеджмента, Швеция	Международная общественная ассоциация животноводов «Восток – Запад»	Исследования сельскохозяйственных циклов с целью сократить выбросы азота и фосфора в Балтийское море. Мониторинг процессов эвтрофикации Балтийского моря и разработка мер по их замедлению. Выявление связи разумного ведения сельского хозяйства с сокращением выбросов. Переход к экологическому сельскому хозяйству, основанному на местных возобновляемых ресурсах. Выработка политики в области экологического сельского хозяйства. Показательные фермы. Обмен опытом, рекомендации, образование
Bioenergy Promotion	Биоэнергия в Регионе Балтийского моря	Национальная энергетическая ассоциация, Швеция	Министерство лесного хозяйства РБ, Волковысское лесничество	Развитие единой сети производства и потребления биоэнергии в регионе. Обмен опытом и создание единой информационной сети, выработка согласованной политики регионального развития, консультирование бизнеса на предмет производства биоэнергии

Urb. Energy	Энергоэффективность и единые меры по городскому развитию	Немецкий союз жилищного хозяйства, градостроительства и регионального развития, Германия	Гродненский областной исполнительный комитет, Отдел жилищно-коммунального хозяйства	Повышение осведомленности граждан, разработка стратегии по сокращению выбросов углекислого газа, оптимизации расхода энергии в жилищном фонде, мониторинг выбросов углекислого газа. Восстановление и обновление жилых зон по результатам проекта BEEN, разумный расход энергии в городской среде, оценка экологической устойчивости города. Подготовка строительства инфраструктуры энергоснабжения
ImPrim	Равнодоступное медицинское обслуживание высокого уровня, улучшение здоровья граждан	Международный комитет здравоохранения и медицинского сотрудничества, Швеция	Белорусская медицинская академия непрерывного образования, Гомельский областной комитет по охране здоровья	Содействие равному оказанию медицинских услуг разным категориям граждан в городской и сельской местности. Первичная медицинская помощь в сельской местности: меры по улучшению обслуживания. Предотвращение «социальных» заболеваний, информирование населения, повышение квалификации медперсонала, сокращение территориального неравенства в оказании медицинских услуг
Egoprise	Электронное правительство: инструмент работы с малым и средним бизнесом в сельской местности	Объединение электронного управления Макленбург – Померания, Германия	Академия управления при президенте Республики Беларусь	Развитие бизнесориентированного местного госуправления в сельской местности, улучшение качества административных услуг, электронное правительство, упрощение процесса трудоустройства на предприятиях малого и среднего бизнеса

AGORA 2.0	Туристическое наследие и идентичность региона Балтийского моря	Университет Грейфсвальда, Институт географии и геологии, Германия	Белорусская ассоциация «Отдых в деревне»	Конструирование общей идентичности жителей региона Балтийского моря посредством улучшения туристической привлекательности территорий (восстановление объектов, популяризация), маркетинговые стратегии, создание инновационного туристического продукта, ориентированного на потребителя
RB21T	РЕКОБалтик21 Tech	Шведский экологический научно-исследовательский институт, Швеция	Общественная организация «Экологический менеджмент»	Управление отходами на местном и региональном уровнях, продвижение инновационных бизнес-моделей по переработке отходов, содействие регионам в выполнении Директивы ЕС по утилизации отходов

Анализируя проекты с участием Беларуси в программный период 2007–2013 гг., можно сказать, что пространственное, либо территориальное, мышление постепенно начинает укореняться как у представителей государственных структур и учреждений, так и у независимых организаций. Беларусь участвует в проектах по каждому из четырех приоритетов программы: экологические проекты (водоочистительные, метеорологические), повышение энергоэффективности жилых фондов, равный доступ к медицинским услугам, повышение туристической привлекательности и т.д. Однако потенциал участия белорусских партнеров реализуется не до конца, несмотря на отмеченную динамику участия партнеров из РБ в программе.

Проекты не ставят каких-либо политических целей, кроме как привлечение внимания чиновников к объективно существующим проблемам территории, более активной включенности местных и региональных властей в процесс имплементации проектов. Стратегическая цель подавляющего количества проектов – повышение конкурентоспособности региона Балтийского моря в целом. Преодоление национальных границ посредством транснационального сотрудничества является одним из компонентов политики регионализации в регионе. Такой подход характерен и является императивом в транснациональных программах.

Масштаб финансового участия белорусских партнеров в транснациональном сотрудничестве – 25 белорусских партнеров в 16 проектах. Суммарное финансирование, полученное белорусскими партнерами, – 3 112 093 евро из 55 296 620

евро по всем проектам на настоящий момент (с 1 декабря 2010 г. планируется четвертый конкурс проектных заявок программы), что составляет 5,63% от общего объема средств. Из табл. 3 видно, что максимальное количество партнеров из Беларуси (четыре) в одном проекте BSR QUICK, в то время как аналогичные показатели выше у других стран.

Таблица 3. **Финансирование белорусских партнеров в программе «Регион Балтийского моря (2007–2013 гг.)***

Проект	Общий бюджет проекта (евро)	Белорусский партнер 1	Партнер 2	Партнер 3	Партнер 4	Всего средств, выделенных белорусским партнерам
BSR QUICK	3 688 000	100 000	100 000	60 000	50 000	
IBI Net	677 050	100 450				
Ecovillages	1 467 330	148 785				
COOL Bricks	4 308 970	178 992				
BALTRAD	2 133 500	34 600				
EWTC II	5 992 400	80 000	50 000	30 000		
Baltic.AirCargo.Net	3 073 000	110 000	190 000			
PURE	3 168 620	446 940				
Baltic COMPASS	6 678 210	84 713	284 713			
BERAS IMPLEMENTATION	4 467 130	50 000				
Bioenergy Promotion	5 062 910	98 000	24 200			
Urb.Energy	3 768 840	200 000				
ImPrim	2 644 200	58 500	187 200			
Egoprise	2 546 000	70 000				
AGORA 2.0	2 834 050	115 000				
RB21T	2 786 410	260 000				
	55 296 620	2 135 980	836 113	90 000	50 000	3 112093

* Таблица составлена на основе данных сайта программы «Регион Балтийского моря» ИНТЕРРЕГ 4В // Baltic Sea Region 2007-2013. Projects database. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eu.baltic.net/index.php?&id=5308&contentid=

По количеству партнеров Беларусь уступает Польше, Литве, Латвии, Германии, Швеции, Дании и другим странам-участницам программы. Недостаточное включение в транснациональные проекты можно объяснить как процедурными, так и системными факторами. Так, системными барьерами можно назвать низкую степень децентрализации власти и, как следствие, ограниченные полномочия местных органов самоуправления, слабую мотивацию участия местной власти и органов самоуправления в транснациональных проектах, систему подотчетности и вертикаль власти. Процедурными барьерами являются недостаточный ресурс информационно-коммуникационных технологий на местном уровне, низкая компетентность областных и районных госорганов в подготовке проектных предложений, языковой барьер, усложненная процедура утверждения проектов Советом Министров РБ (с 2003 г. все проекты с привлечением международной технической помощи утверждаются правительством).

Принимая во внимание макрорегиональную стратегию ЕС и логику трансформации программ территориального сотрудничества в ЕС, можно утверждать, что территориальное мышление обретает практическое воплощение. Территориальное видение сотрудничества, регионализация отдельных отраслей и сфер деятельности внутри государства являются конструктивным способом преодоления политических разногласий и барьеров внутри ЕС, а также могут быть применены за его пределами.

Основные положения региональной политики в Беларуси инкорпорированы в ряд программных документов и стратегий социально-экономического развития. Положение о развитии регионов и территорий существует в виде раздела Программы социально-экономического развития Беларуси до 2015 г. Имплементация региональной политики Беларуси до 2010 г. проводилась согласно документу Министерства экономики РБ «Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2010 гг.». В Беларуси появляется понимание важности региональной политики (Фатеев, 2008). Однако с точки зрения территориального видения развития регионов, а также регионализации сотрудничества и партнерства с граничащими странами региональная политика Беларуси является малоэффективной: «Главной целью региональной экономической политики является обеспечение роста благосостояния населения независимо от мест его проживания на основе повышения уровня комплексного развития производительных сил и конкурентоспособности экономики регионов» (Госпрограмма, 2007). Развитие регионов и сотрудничество с другими государствами на региональном уровне видится только через призму внутреннего экономического роста и совместного получения выгоды, а такие важные моменты, как совместное развитие территорий, сохранение их целостности и уникальности, совместное предотвращение угроз, в программных документах отсутствуют. Декларируемое «расширение взаимовыгодных экономических связей со странами ближнего и дальнего зарубежья,

прежде всего с регионами Российской Федерации» (Госпрограмма, 2007), существенно ограничивает потенциал регионализации сотрудничества и сближения с граничащими территориями ЕС.

Процессы регионального развития стимулируются посредством активного участия европейских регионов в программах ЕС. Аналогичные процессы имеют место и в Беларуси: белорусские организации постепенно включаются в европейскую партнерскую сеть по ключевым для развития территорий вопросам (инфраструктура, безопасность, культурное и природное разнообразие и т.д.). Такой вид территориального партнерства содействует региональному развитию страны, формируя его территориальное видение. Однако этот процесс долгосрочный, и для его стимулирования государству необходимо проводить последовательную политику благоприятствования территориальному сотрудничеству организаций, учреждений на местном, городском, региональном и республиканском уровнях, анализируя лучший европейский опыт. Однако для соизмеримого сближения территорий в масштабах отдельно взятого «трансграничного» региона должно сформироваться так называемое региональное видение, закрепленное в стратегиях регионального – или территориального – развития, а эта идея в настоящее время не артикулирована в Беларуси. Преодоление системных и процедурных барьеров, мотивация внутренних акторов в сочетании с благоприятным внешним политическим климатом позволят Беларуси полноценно участвовать в программах территориального сотрудничества, а впоследствии сформировать территориальное мышление, что положительно скажется на социально-экономическом развитии РБ, а также станет основой постепенной европеизации страны.

Заключение

В статье проанализирована реализация транснациональной программы «Регион Балтийского моря» с точки зрения характера участия в ней белорусских партнеров. Участие в программе Беларуси ограничено, что видно из указанных количественных данных.

Программы территориального сотрудничества ЕС – разветвленная и комплексная совокупность инструментов – основаны на так называемом «территориальном мышлении» (М. Китинг), когда государства декларируют приоритетность развития территорий безотносительно границ и политических условий взаимодействия. Так, программа «Регион Балтийского моря» включает большое количество стран, объединяя их вокруг общей стратегической цели – повышения конкурентоспособности макрорегиона.

Беларусь рассматривает участие в проектах территориального сотрудничества ЕС как дополнительный ресурс устойчивого социально-экономического развития в рамках Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г., Программы социально-

экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 гг., Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг.; Национальной программы международного технического сотрудничества.

Государственная политика в области МТП (международной технической помощи) определяется разрабатываемыми Министерством экономики **Национальными программами международного технического сотрудничества**, которые устанавливают приоритеты в области привлечения и использования МТП и содержат проектные предложения госорганов и иных организаций по приоритетным направлениям сотрудничества.

Официальная позиция РБ в отношении программ территориального сотрудничества состоит в том, что Беларусь рассматривает ЕС как стратегического партнера, однако дискурс территориального сближения и совместного преодоления общих угроз не актуализирован. В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития РБ на период до 2020 г. говорится о том, что международная техническая помощь, предоставляемая ЕС, является залогом социально-экономического развития страны. Территориальное сотрудничество с ЕС рассматривается как «важный инструмент проведения внешней политики государств, его основная цель в достижении взаимного общеэкономического роста, налаживании сотрудничества между экономическими, научными, культурными и муниципальными институтами регионов» (Субрегиональное сотрудничество, 2005: 20).

Однако территориальное сближение на основе взаимодействия белорусских и европейских партнеров на местном, региональном и национальном уровнях, подкрепленное «территориальным мышлением», не является приоритетным для региональной политики Беларуси, которая в основном сконцентрирована на экономическом росте регионов и городов, а территориальный аспект прилегающих территорий других стран в ней отсутствует. Так, среди целей и задач регионального развития единственным упоминанием международного измерения регионального развития является следующее: «расширение взаимовыгодных экономических связей со странами ближнего и дальнего зарубежья, прежде всего с регионами Российской Федерации» (Госпрограмма, 2007). Идея сотрудничества с целью интегрированного развития территорий приграничных стран в Беларуси не артикулирована, несмотря на очевидное желание властей «перезагрузить» отношения с ЕС на фоне серьезных политических противоречий. Подчеркнем, что речь идет не столько о политическом сближении, сколько о естественной необходимости включенности белорусских регионов и страны в целом в основные тенденции и процессы развития единой Европы – и как континента, и как надгосударственного образования. Создавая благоприятные условия для региональных и местных инициатив по территориальному сближению с ЕС, а также для участия в более масштабных транснациональных программах ЕС, Беларусь сможет заложить фундамент европеизации и сделать этот процесс более полноценным и не обусловленным политическими факторами.

Литература

Белицкий В.Ф., Былина И.В., Одинец Е.В., Орлов, Л.П. Первые итоги реализации Европейской политики добрососедства в Беларуси // Беларусь и современная Европа: политика, экономика, культура: материалы научных семинаров, 2008–2009. Минск: Минский международный образовательный центр им. Й. Рау, 2010.

Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2010 гг. // Министерство экономики Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.economy.gov.by/dadvfiles/001438_831830_Programma.doc

Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Ruthenia. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/40/07.pdf

Китинг М. Новый регионализм как возможность // Россия в глобальной политике. № 4. Июль – Август 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11153

Лиссабонская декларация «Сети для устойчивого пространственного развития Европейского континента: Мосты через Европу» // Министерство регионального развития РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archive.minregion.ru/OpenFile.ashx/7_lissabon.doc?AttachID=2190

Памятка по подготовке и одобрению проектов (программ) международной технической помощи // Еврорегионы Беларуси. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.beleuroregion.by/index.php?option=com_content&view=article&id=67&Itemid=56&lang=ru

Программа трансграничного сотрудничества «Латвия – Литва – Беларусь» // Координационное бюро программы «ТАСИС» ЕС в РБ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cu4eu.net/ru/instruments/enpi/cbc/llb/

Ровдо В.В. Сравнительная политология. Ч. 1. Раздел 8. Государственная (публичная) политика. Вильнюс; М.: ЕГУ, 2007.

Субрегиональное сотрудничество. Перспективы белорусских еврорегионов. Материалы международной научной конференции. Минск: Центр международных исследований БГУ, 2005.

Фатеев В.С. Европейский Союз в 2007–2013 годах: прогнозы и приоритеты регионального развития, отношения с новыми соседями на Востоке // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: Материалы V междунар. науч. конф. Минск: НИЭИ Минэкономики РБ, 2004. С. 343–348. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ekonomika.by/downloads/fat3.pdf

Фатеев В.С. Перспективные направления совершенствования региональной политики и местного самоуправления в Республике Беларусь // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы IX Междунар. науч. конф. (Минск, 16–17 окт. 2008 г.): в 4 т. Т. 1 Минск, 2008. С. 66–78.

Указ Президента РБ «Об утверждении положения о помощнике Президента РБ». Белорусский правовой портал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravoby.info/docum09/part26/akt26110.htm

AER Recommendations on the Future of Cohesion Policy post-2013. Towards a territorially-based policy for all Europeans? // Assembly of European regions. [Электронный ресурс].

Режим доступа: http://www.aer.eu/fileadmin/user_upload/MainIssues/CohesionRegionalPolicy/2009/AER-Cohesion Recommendations-Nov-2009-EN.pdf

Baltic Sea Region Programme 2007–2013 // European Commission. Regional Policy. Development programmes. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/regional_policy/country/prordn/details_new.cfm?gv_PAY=BY&gv_reg=ALL&gv_PGM=1293&LAN=7&gv_per=2&gv_defL=7

Carter C., Pasquier R. European Integration and the Transformation of Regional Governance: Testing the Analytical Purchase of 'Europeanisation // Queen's Papers on Europeanisation, European Research Papers Archive. 1/2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.qub.ac.uk/schools/SchoolofPoliticsInternationalStudiesandPhilosophy/Research/PaperSeries/EuropeanisationPapers/PublishedPapers/

Cross-Boarder Cooperation Programme «Poland – Belarus Ukraine 2007–2013». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pl-by-ua.eu/

EU Macro-regional Strategy // European Commission. Regional Policy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/regional_policy/cooperation/baltic/pdf/macroregional_strategies_2009.pdf

EU Strategy for the Baltic Sea Region // Regional Policy. Inforegio. [Электронный ресурс]. Режим доступа: /http://ec.europa.eu/regional_policy/cooperation/baltic/

European Regional Development Fund // European Commission. Regional Policy. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://ec.europa.eu/regional_policy/funds/feder/index_en.htm#European_Territorial_Cooperation

Heidenreich M., Wunder C. Patterns of Regional Inequality in the Enlarged Europe // European Sociological Review. Vol. 24. № 1. 2008. P. 19–36. Режим доступа: www.esr.oxfordjournals.org

Leibenath M., Knippschild R. Territorial Cohesion and Transboundary Governance: Insights from the Polish-German and the Czech-German Borders // Territorial Cohesion. German Annual of Spatial Research and Policy. 2007. P. 123–150. Доступ через SPRINGER: http://www.springerlink.com/content/q1663m1481v50280/?p=3ab73274ec1242bfb74c9ae039bebcf8&pi=0

North-West Europe 2007-2013 // European Commission. Regional Policy. Development programmes. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/regional_policy/country/prordn/details_new.cfm?gv_PAY=BE&gv_reg=ALL&gv_PGM=1267&LAN=7&gv_per=2&gv_defL=7

Perkmann M. Euroregions: institutional entrepreneurship in the European Union // Loughborough university. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dspace.lboro.ac.uk/dspace-jspui/handle/2134/659

Schimmelfennig F. The Community Trap: Liberal Norms, Rhetorical Action, and the Eastern Enlargement of the European Union // International Organization. Vol. 55. № 1 (Winter, 2001). P. 47–80. Режим доступа: http://www.jstor.org/stable/3078597

Towards an integrated Baltic Sea Region: Cities and Regions as drivers for spatial development and integration // Vision and Strategies around the Baltic Sea 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vasab.org/east-west-window/documents/WG1_report_final_version.pdf

Донатас Вайналавичус[1]

ПЕРСПЕКТИВА ПОСТМОДЕРНОГО ПОРЯДКА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БАЛТИЙСКОМ И ЧЕРНОМОРСКОМ МЕЖДУМОРЬЕ И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ

Abstract

This article argues that the area between Baltic and Black seas is divided between post-modern, where rules and cooperation between states take place of absolute sovereignty and force, and modern, where strong states emphasize their sovereignty and do not hesitate to use force, parts of international system. Elements of both perceptions can still be found at the meeting point, because some states continue to pursue their interests on the basis of sovereignty and balance-of-power, while others attempt to pursue the post-modern approach. Therefore the article is focused on security implications arising from interaction of post-modern and modern actors of international system in the area.

Keywords: European Security Order, foreign policy, EU and NATO membership, Baltic-Black sea Intermarum, Russia.

Мировой порядок, определенный в Ялте, положил конец попыткам установить независимое самостоятельное образование, которое должно было протянуться от Балтийского до Черного моря (область так называемого Intermarum – Междуморье) в 1945 г. Новый импульс для регионального сотрудничества появился в связи с геополитическими изменениями по окончании холодной войны. Процессы европейской и евроатлантической интеграции предоставили региону шанс повторно войти в европейскую семью, живущую в мире, безопасности и свободе[2], в качестве организованного самостоятельного субъекта. Можно долго спорить о пер-

спективах региона и его возможностях стать независимым субъектом порядка европейской безопасности. Различия в регионе между Черноморским и Балтийским морями перевешивают существующие сходства[3]. Поэтому существование четкого постмодерного заказа в регионе Междуморья остается сомнительным из-за постоянно меняющегося характера и интересов соответствующих государств.

В данной статье особое внимание уделяется разделению области между Балтийским и Черным морями на постмодерную (где правила и сотрудничество между государствами имеют значение абсолютного суверенитета и силы) и модерную (где сильные государства подчеркивают свой суверенитет и не боятся применять силу и использовать элементы международной системы). В отдельных случаях элементы этих систем могут все еще обнаруживать общие точки пересечения, так как одни государства продолжают преследовать свои интересы, полагаясь на суверенитет и равновесие сил, в то время как другие пытаются использовать постмодерный. Поэтому особый акцент в статье делается на вопросах безопасности, вытекающих из взаимодействия постмодерных и модерных акторов международной системы в регионе.

Современная система безопасности очень сложна, а ситуация в регионе составляет обязательную часть системы европейской и международной безопасности. По мнению Николь Гнесотто, мир стал более многополюсным и может развиваться либо избрать путь усугубления конфликтов между государствами, либо стать анархическим, либо превратиться в систему, которая регулируется с помощью международных институтов, норм и правил[4]. Поэтому вопрос о quo vadis для Европейского союза, НАТО, США, России, Беларуси, Украины, Молдовы и в определенной степени Южного Кавказа остается в центре внимания при обсуждении перспектив постмодерной европейской безопасности на территории между Балтийским и Черным морями.

Несколько процессов формируют ситуацию безопасности в регионе: во-первых, расширение ЕС и НАТО; во-вторых, внешняя политика России, включая экономические и энергетические вопросы в отношениях с соседними государствами, ЕС, НАТО и Содружеством Независимых Государств; в-третьих, постоянные страхи, связанные с рисками и угрозами безопасности, основанными на историческом опыте некоторых государств; в-четвертых, углубляющаяся глобализация и многостороннее сотрудничество; и, наконец, национальные интересы, преследуемые отдельными государствами для получения большей власти и влияния в регионе.

Расходящиеся векторы безопасности, постмодерные и модерные элементы мира, сосуществующие в регионе, обеспечивают государствам-членам ЕС и НАТО, а также странам, которые хотели бы стать их членами, своего рода постмодернистский порядок европейской безопасности. Устойчивость такого порядка зависит от политики ЕС, НАТО и событий в отдельных странах.

Постмодерное преобразование международной системы в Европе

Построение современной международной системы стало возможным благодаря заключению Вестфальского мира после подписания ряда мирных договоров в Оснабрюке и Мюнстере в 1948 г. Национальные государства стали уделять особое внимание суверенитету, рассматривая его как невмешательство во внутренние дела других государств, так как только государство способно обеспечить политический контроль и установить исключительную власть над населением в пределах своей территории. После Первой мировой войны сформировалось многостороннее равновесие сил в целях предотвращения дальнейших конфликтов. 1945 год стал поворотным: прежнее многостороннее равновесие сил в Европе сменилось двусторонним, основанным на стратегии сдерживания.

Переход от сдерживания к тесному сотрудничеству ознаменовал конец холодной войны, подкрепленный встречей Джорджа У. Буша-старшего с Михаилом Горбачевым на Мальтийской конференции в 1989 г. На повестке дня стояли вопросы нового мирового порядка: контроль над вооружением, региональные споры и сотрудничество великих держав в сфере безопасности и экономики. Лидеры обсуждали также и новые последствия объединения Европы для НАТО и стран Варшавского договора. Эта встреча определила потенциальные рамки постмодерного порядка.

Постмодерный миропорядок, связанный с поствестфальским порядком, артикулирует заявленное и добровольное сотрудничество с другими государствами, участие в процессе интеграции и открытость внутренней правовой системы, а также рыночное принятие совместно согласованных правил поведения[5]. Разрушение Берлинской стены и крушение Советского Союза послужили импульсом для развития начального постмодерного порядка европейской безопасности.

Существует мнение, что постмодерная форма порядка начинается там, где появляются идеи «разделенного суверенитета», в то время как лояльность национальным государствам и национальному патриотизму исчезает[6]. В отличие от Вестфальской системы постмодерный суверенитет не обязан своим появлением войне и не привязан к национальному государству. В постмодерное время суверенитет мог бы перейти к другому государству, международной организации или негосударственному актору[7]. Поэтому безопасность, стабильность и процветание в соседних регионах стали решающими факторами для каждого международного актора. Президент Грузии Михаил Саакашвили призвал к использованию оси Балтийское – Черное море для продвижения очередной волны демократических изменений на бывшем советском пространстве[8]. Чтобы снизить возможные риски для собственной национальной безопасности, ЕС и

государства-члены НАТО начали искать пути к привлечению большего институционального внимания и возможности для вступления стран-соседей или политических союзников. Россия поступила так же, пытаясь ограничить воздействие данных организаций и сохранить влияние в бывших советских государствах, создавая СНГ.

Роль НАТО

К 1991 г. стратегическая концепция НАТО предусматривала «потребность преобразовать Альянс, чтобы отразить новую, более многообещающую эру в Европе благодаря значительным политическим изменениям в Центральной и Восточной Европе, которые значительным образом улучшили систему безопасности»[9]. Впоследствии НАТО было преобразовано из военного союза в политический и военный форум для консультаций, переговоров и защиты. Хотя Альянс признает, что новая система не меняет цели или функции безопасности НАТО, интересы безопасности могли быть затронуты взаимными рисками, включая увеличение производства оружия массового поражения, нарушение притока жизненно важных ресурсов, международный терроризм и диверсии. Новая система безопасности постепенно создала для НАТО возможности для осуществления его стратегии за пределами территории государств-членов этой организации.

Хотя некоторые из элементов, которые доминировали над современным миром, были включены в постмодерную международную систему, вторая половина XX и начало XXI в. представили более существенные изменения в европейском порядке. Двери НАТО открылись для государств с функционирующими демократическими политическими системами, основанными на рыночной экономике, справедливом обращении с меньшинствами, обязательствами по мирному разрешению конфликтов, способностью и готовностью вносить военный вклад в операции НАТО, преданностью демократическим нормам отношений между гражданским обществом и военными, а также институциональным структурам. Вступление Чешской Республики, Венгрии и Польши (1999), Болгарии, Эстонии, Латвии, Литвы, Румынии, Словакии и Словении (2004), Албании и Хорватии (2008) подтвердило место этих государств в европейской системе безопасности.

Широкий круг партнерства НАТО представлял программу Альянса, направленную на развитие диалога и предоставление консультаций по политическим вопросам и проблемам безопасности. Альянс дал обязательство укреплять мирные и дружественные международные отношения и поддерживать демократические институты. Появление нового европейского порядка выразилось в интересе обеспечить необходимую базу для устойчивой системы безопасности в Европе, основанной на росте демократических институтов и

выполнении обязательств по мирному разрешению споров, при которых никакая страна не могла бы запугать или принудить любую европейскую нацию к чему-либо или же установить гегемонию с помощью угроз или использования силы.

В 2010 г. состоялась встреча группы экспертов, которые разработали рекомендации для новой стратегической концепции НАТО. Было заявлено, что без НАТО в 1990-е гг. недавно освобожденные государства Центральной и Восточной Европы испытали бы недостаток в мощном стимуле для установления демократии внутри своих стран и уничтожения барьеров при налаживании отношений с внешними соперниками; без НАТО не существовало бы эффективного форума для евроатлантических государств, необходимого для того, чтобы справляться с традиционными угрозами, а перспективы международной стабильности и мира были бы гораздо менее определенными, чем сейчас[10].

Роль ЕС

Постмодерный подход к европейской безопасности также нашел отражение в создании европейской идентичности в сфере безопасности и защиты, что подтверждает готовность европейцев к тому, чтобы взять на себя большую долю ответственности в вопросах обеспечения безопасности и укрепления трансатлантической солидарности. Маастрихтский договор явился новым стимулом для изменения внутренней и внешней политики, отказа от применения силы в случае возникновения разногласий, актуализации обоснованности национальных границ и наднационального управления. Все эти события повлияли на появление постмодерного порядка международных отношений, по крайней мере в западной и центральной части Европы.

Страны ЕС признали, что не могут в одиночку справиться с проблемами, встающими перед Европой в XXI столетии, включая глобализацию и демографические и климатические изменения, которые требуют постоянных источников энергии; более того, возникли новые угрозы безопасности. С подписанием Лиссабонского договора в 2007 г. государства пришли к выводу, что границы уже не имеют большого значения, а новые правила помогут достигать результатов и решать возникающие проблемы. Считается, что договор предоставляет Союзу правовые рамки и инструменты, необходимые для того, чтобы справляться с будущими проблемами и реагировать на требования граждан. В результате Европа стала более демократичной, эффективной, прозрачной, базирующейся на основных правах, ценностях, свободе, солидарности и повышенной безопасности[11].

Кроме того, сегодня ЕС готов взять на себя больше ответственности и быть равноправным партнером США, России и НАТО на международной арене. Же-

лание видеть Европу в качестве одного из акторов на глобальной арене показывает, что ЕС адаптировался к требованиям современной постмодерной международной системы[12]. Участники ЕС стали взаимозависимыми, внутренние и внешние дела стали общими, сила перестала применяться в качестве способа разрешения конфликтов, а границы утратили свое значение из-за прогресса в области военных технологий. Безопасность ЕС теперь основана на прозрачности, взаимной открытости, взаимозависимости и взаимной уязвимости. Таким образом, в настоящее время именно всеохватывающий регион ЕС включает наибольшее количество постмодерных акторов в международных отношениях.

В течение последнего десятилетия XX в. и в начале XXI в. территория НАТО и государств-членов ЕС была свободна от вооруженных конфликтов или военной конфронтации. Напряженные отношения возникали в тех областях, где постмодерные ценности и принципы оспаривались государствами, действовавшими в Вестфальской или ей подобной манере. В 2003 г. Джошуа М. Маршалл отметил, что либеральной демократии бросают вызов другие модели, которыми пользуются такие развивающиеся страны, как Китай и Россия[13]. Недавно американский госсекретарь Хилари Клинтон признала конкурентную природу модерной и постмодерной систем, заявив, что США оказались втянутыми «в гонку между силами интеграции и силами распада»[14]. Существование модерных зон представляет угрозу, так как они не отказываются от силы как политического инструмента и продолжают функционировать, основываясь на принципах империи, будучи приверженными идее суверенитета и превосходства национальных интересов. Постмодерные акторы продвигают открытые демократические институты, открытую рыночную экономику и открытую многостороннюю или межнациональную дипломатию. Поэтому перспективы для постмодерного европейского порядка безопасности в Восточной Европе могут быть ограничены модерной частью международной системы, сохраняющейся в регионе.

Постмодерные особенности Балтийско–Черноморского междуморья

Постмодернисты следуют трем основным принципам: 1) национальные государства теряют свое значение; 2) власть рассматривается как деспотическая; 3) территория является только элементом человеческой идентичности, которая может быть изменена при других обстоятельствах. Принимая во внимание развитие европейского порядка безопасности, Роберт Купер подчеркнул пять основных особенностей постмодерного мира: во-первых, устранение различий между внутренними и внешними делами в государствах; во-вторых, взаимное вмешательство во внутренние дела и взаимное наблюдение; в-третьих, отказ от использования силы для того, чтобы разрешать споры с последующей кодификацией самостоятельно устанавливаемых правил поведения; в-четвертых, ра-

стущий фактор ослабления значимости границ и изменяющаяся роль государства; наконец, в-пятых, безопасность, основанная на прозрачности, взаимной открытости, взаимозависимости и взаимной уязвимости[15].

Ценности и различия между внутренними и внешними делами

Выбрав президентом Барака Обаму, США явили себя как постмодерный мир, который характеризуется многосторонностью, стремлением к сотрудничеству и предотвращению конфронтации. Американская администрация выделяет демократию, права человека и развитие в качестве основных ценностей. Представляя Стратегию национальной безопасности, Х. Клинтон обозначала в принципе постмодернистские ценности, указывая, что защита (традиционно вопрос внутренней политики), дипломатия (традиционно внешняя проблема) и развитие не являются изолированными проблемами[16]. Она также подчеркнула, что новая Стратегия объединяет американские силы во внутренней и внешней политике. США – постмодерный актор, который обращается к партнерам («Мы надеемся превратить многополюсный мир в мир многостороннего партнерства»[17]), чтобы решать общие проблемы, такие как терроризм, увеличение населения, изменение климата, кибербезопасность и энергетическая безопасность. Госсекретарь заявила, что США углубляют отношения с такими ключевыми странами, как Россия, для того чтобы улучшить взаимопонимание и взаимоотношения в более широком формате, чем привычные горячие точки, кризисы и чрезвычайные ситуации[18].

ЕС не полагается на разделение внутренних и внешних дел и не подчеркивает приоритет суверенитета. Попытки занять положение глобального актора требуют, чтобы ЕС действовал в унифицирующей манере. Изменения, введенные в соответствии с Лиссабонским соглашением, открывают путь к ЕС как к исключительному актору в международной политике. В основе Союза – ключевые ценности, такие как человеческое достоинство, свобода, демократия, равенство, верховенство закона и уважение к правам человека[19]. В соответствии с Соглашением государства-члены ЕС обязаны консультироваться с другими участниками, прежде чем предпринимать какие-либо международные действия, и должны гарантировать, что их решения соответствуют интересам ЕС. ЕС пытается вовлечь страны в регион Междуморья, включая Россию, с помощью различных инструментов Программы Восточного партнерства ЕС. Россия не испытывает симпатии к данной инициативе, поскольку это способствует налаживанию более близких политических и экономических связей с шестью прежними советскими республиками. Россия оценивает такой проект как направленный на то, чтобы заменить СНГ, центром которого является Москва, альтернативой с центром в Брюсселе. ЕС использовал технические инструменты помощи для стимуляции

межрегионального сотрудничества, пытаясь стать «главным инструментом для модернизации России»[20]. Россия защищала свой суверенитет, заявленный в *среднесрочной стратегии,* рассматривая шаги ЕС по введению политики соседства в 2004 г. в качестве попытки увеличить асимметрию между акторами и снизить специальный статус России[21]. Россия изначально не участвовала в проектах политики соседства, поскольку считает себя стратегическим партнером, который выстраивает отношения с ЕС на равных позициях[22].

По мнению Бориса Межуева из Московского государственного университета, Россия ясно продемонстрировала движение в антиевропейском направлении, пытаясь оправдать использование своих обширных природных ресурсов для того, чтобы обеспечивать свои собственные национальные интересы, а не общие европейские ценности[23]. Неудовлетворительные отчеты России о защите прав человека[24], демократических выборах, праве собственности[25] и развитии гражданского общества лишь укрепляют данную идею[26]. Россия действительно верит, что она имеет право строить политическую систему согласно своей собственной национальной традиции, а не универсальным демократическим принципам. Пока Россия считает, что постмодерные европейские ценности не соответствуют ее статусу супердержавы, надежды на постмодерную нацию остается мало[27]. В настоящее время развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами СНГ – «приоритет внешней политики России»[28].

Взаимное вмешательство во внутренние дела и взаимное наблюдение

Россия выступает против любого типа внешнего вмешательства и адаптации внешних или международных правил к своей внутренней или внешней политике[29]. Поэтому Россия не может принять положения ожидания в очереди у дверей НАТО и остается приверженной принципу взаимодействия с ЕС. Кроме того, российское правительство использует свою господствующую роль в секторе энергетических ресурсов как политический инструмент в действиях против других государств. В качестве подтверждения можно использовать примеры сокращения поставок газа в Украину и Беларусь и прекращения подачи сырья через нефтяную трубу к Литве. До тех пор, пока стратегия национальной безопасности России основывается на энергетической безопасности, трудно ожидать, что общее мышление сможет измениться в ближайшем будущем[30]. Россия ведет себя как традиционная держава XIX в. Расширяясь на Восток, Европа приобрела старую восточную проблему, а именно многовековое соперничество между Россией и ее близкими соседями. В настоящий момент Россия направляет процесс в обратную сторону, используя традиционные рычаги власти: эмбарго на торговлю с Грузией; приостановку железнодорожного сообщения и кибератаку на Эстонию в связи со спором о советском военном мемориале. Более того,

Россия поддерживает сепаратистские движения в Грузии и отрицает нарушение согласия со стороны страны-хозяйки, сохраняя контингент своих вооруженных сил на грузинской территории, а также в Молдове[31].

Россия заявляет о своей приверженности принципам суверенитета[32]. Это также могло бы быть причиной тому, почему Россия предпочитает иметь дело с отдельными государствами в двухстороннем порядке, вместо того чтобы использовать существующие многосторонние структуры. Подобный подход необходим для обсуждения стратегических проблем, связанных с событиями на Крайнем Севере, контроля в сфере вооружений, строительства газопроводов, связывающих Россию и Германию, или недавнего военного сотрудничества с Францией на военном десантном корабле «Мистраль». Стратегия национальной безопасности России подчеркивает цель Москвы установить «равные и полностью стратегические деловые связи с США, основанные на совпадающих интересах. Эти интересы охватывают сокращение стратегических вооружений, усиление мер по повышению доверия и укрепление сотрудничества в борьбе с терроризмом. Несмотря на консультации с США, Россия продолжает с недоверием относиться к системе противоракетной обороны США и НАТО и требует прямой причастности: “Мы хотели бы, чтобы наш интеллектуальный и экспертный потенциал также принимался во внимание; мы также можем внести свой вклад”»[33].

НАТО обеспечивает прочную безопасность для своих государств-членов. Согласие, базирующееся на принятии решения, способствует продвижению демократических ценностей и поощряет консультации и сотрудничество в сфере защиты и вопросов безопасности, что необходимо для создания доверия и предотвращения конфликтов. Партнерство НАТО охватывает все соответствующие государства в регионе Междуморья (Intermarum), способствуя обмену мнениями по текущим политическим и связанным с безопасностью проблемам. В этом отношении «Партнерство ради мира» могло бы внести вклад в большую региональную безопасность. НАТО служит основой, в пределах которой постмодерные ценности могли бы принести результаты в рамках различных инструментов членства, партнерства или сотрудничества.

Россия постоянно заявляет, что в НАТО недостаточно прозрачности и предсказуемости, но в то же время Россия предпочитает держать некоторые из ее собственных дверей закрытыми. Типичным примером этому может служить приостановка выполнения Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним мер, направленных на укрепление двустороннего доверия и безопасности, в середине 2007 г. Некоторые исследователи использовали создание ДОВСЕ (Договора об обычных вооруженных силах в Европе) в 1990 г. как пример установления постмодерных отношений между Россией и НАТО. В феврале 2010 г. президент Дмитрий Медведев подписал новую Военную доктрину России и «Основы государственной политики в области ядерного сдерживания до 2020 года», однако документ пока не был обнародован. В то же время россий-

ские чиновники и общественность пользуются прозрачностью НАТО относительно новой стратегической концепции и американской концепции в области ядерных вооружений. Смерть бывшего агента КГБ Александра Литвиненко, шпионские скандалы в НАТО в 2009 г. и в США в 2010 г. также должны быть приняты во внимание при обсуждении вопросов прозрачности. Они являются выражением различных логик модерного и постмодерного государства[34].

Россия, Украина и Грузия – государства, входящие в Междуморье или находящиеся на смежной территории, которые обладают более институциализированными отношениями с Альянсом через Совет Россия – НАТО (NRC), Комиссию Украина – НАТО (NUC) и Комиссию НАТО – Грузия (NGC). NRC является механизмом для консультации, достижения согласия, сотрудничества, совместного принятия решений и совместных действий, в котором индивидуальные государства-члены НАТО и Россия выступают в качестве равноправных партнеров. Однако Россия постоянно выступает против расширения НАТО на Восток к «близлежащему зарубежью»[35]. Основной принцип участия России в любой международной программе предполагает участие в принятии решений организации настолько активно, насколько это возможно, одновременно избегая любых требований, которые могли бы представлять собой вмешательство в российскую внутреннюю или внешнюю политику[36]. В то же время Генеральный секретарь НАТО сигнализирует об интересе Альянса продвигаться вперед в вопросах совместного рассмотрения «Вызовов безопасности XXI века», сотрудничества в Афганистане, борьбе с терроризмом или пиратством и, наконец, начала сотрудничества в сфере территориальной противоракетной обороны[37].

Отказ от применения силы для разрешения споров

Будучи партнером НАТО, Россия готова использовать угрозу силы[38] (или даже силу) для того, чтобы разрешать споры на территории другого государства НАТО или партнеров без получения одобрения Совета Безопасности ООН. Война с Грузией в 2008 г. ясно продемонстрировала современный подход к действиям в сфере безопасности со стороны России. Одностороннее использование силы, нарушение международной границы, вторжение в суверенную Грузию и попытки «легализовать» статус захваченных территорий были объяснены российским министром иностранных дел Сергеем Лавровым в публичном выступлении следующим образом: «Мы думали только о том, как остановить убийство наших граждан и граждан Южной Осетии. Мы были готовы в день остановки военных действий продолжить обсуждение статуса Абхазии и Южной Осетии. Обсуждение статуса провалилось, и Тбилиси начал делать реваншистские заявления, утверждая, что война не закончена. Именно поэтому к концу августа было решено, что нет никакого другого способа гарантировать безопасность и выжи-

вание абхазцев и южных осетин, кроме как признания их независимости»[39]. Некоторые параллели можно также найти, анализируя действия России в Молдове, Чечне и Нагорном Карабахе.

ЕС использует дипломатию, в случае необходимости поддерживая ее торговлей, гуманитарной помощью и миротворцами для укрепления международных усилий в сфере разрешения конфликтов и достижения международного понимания. Амбиции Москвы доминировать в «близлежащем зарубежье», закрепленные в российской Стратегии национальной безопасности до 2020 г., затрудняют попытки ЕС распространять свои идеи и *mode d'employ*. В августе 2008 г. ЕС выступал в качестве посредника в процессе перемирия между Грузией и Россией и использовал наблюдателей для проведения мониторинга ситуации, но наличие различных оценок ситуации внутри Союза привело к регионализации и диверсификации в ЕС. Одновременно в разгар кризиса на Южном Кавказе ЕС подписал соглашение с Москвой о том, чтобы использовать российские вертолеты для миссии ЕС в Чаде.

Растущий фактор ослабления значимости границ и взаимозависимость

16 декабря 2009 г. Генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен подтвердил факт восстановления сотрудничества между НАТО и Россией, которое было приостановлено как реакция на действия России в Грузии в августе 2008 г. Несмотря на заявления Генерального секретаря и подчеркнутую личную ответственность российского премьер-министра Владимира Путина за развитие сотрудничества между Союзом и Россией, Россия отменила две последующие встречи NRC в 2010 г. (в то же время встречи NUC и NGC состоялись). В связи с этим были упущены возможности наладить сотрудничество в борьбе против терроризма, влиянии на развитие ситуации в Афганистане и в решении других подобных проблем, представляющих взаимный интерес. Российская сторона утверждала, что НАТО не торопится обсуждать Евроатлантическое соглашение о безопасности, предложенное президентом Медведевым. Профессор Института Европы Российской академии наук Дмитрий Данилов объяснил, что «среди сторонников инициативы такие тяжеловесы, как Франция и Германия, а противники включают новых членов НАТО, таких как Польша и страны Балтии»[40]. В некоторых случаях такая политика могла быть похожа на то, что Россия пытается проверить сплоченность НАТО и ЕС, преднамеренно пытаясь включить спорные проблемы в общую повестку дня.

Из-за таких расхождений в позиции России на международной арене ЕС не всегда может следовать постмодерному подходу по вопросу требований взаимности со стороны России. Р. Купер неоднократно заявлял, что, когда постмодерный порядок сталкивается с модерным подходом, они оба должны были бы

действовать в категориях «закона джунглей». Однако в постмодерном мире военная сила уже не та, да и ситуация вокруг Междуморья изменилась. Статус-кво нерешенных конфликтов в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии создан с помощью оружия. Р. Купер справедливо отмечает, что у сторон нет никакого желания возвращаться к конфликту[41]. Россия и Европа должны научиться тому, что значит жить и сотрудничать без взаимопонимания друг друга[42].

Встреча на высшем уровне ЕС – России в Ростове в 2010 г. позволила увидеть, что отношения между Москвой и Брюсселем носят стратегический характер. Однако конкретные шаги не всегда способствуют продуктивному продвижению решений, особенно в том, что касается безвизового режима и Партнерства для модернизации[43], требующих урегулирования принципов торговых режимов, что в свою очередь очень сильно зависит от условий членства России во Всемирной торговой организации[44]. Заметны разногласия по отношению к российскому вопросу между старыми и новыми членами ЕС, включая Польшу, Балтийские государства, Чешскую Республику, Венгрию, Румынию и Болгарию, которые являются странами из региона Междуморья. Хотя реформы, начиная с Амстердамского соглашения, могут быть определены понятием расширенной интеграции, идеи дифференцированной интеграции или Европы разных этапов развития уже возникали неоднократно. Некоторые условия и проблемы в «старой и новой Европе» становятся все более и более диверсифицированными[45]. ЕС необходимо закреплять единый европейский подход и политические инструменты для того, чтобы защищать свои интересы и нормы и эффективно взаимодействовать с многополюсным миром[46]. Роберт Купер признал, что «Запад страдает от интеллектуального высокомерия, как в рамках его *наивного* представления о том, что его модель управления добилась успеха, так и в способе, с помощью которого он налагает эту модель на других»[47], и заявил, что в глобализованном мире ЕС должен продолжать дело разделения и объединения сил между государствами[48].

Лиссабонское соглашение перемещает полномочия в вопросах защиты и безопасности, в иностранных делах и уголовном правосудии в большей степени в сферу компетенций Брюсселя, чем национальных государств. Это гораздо сильнее приблизило бы Европу к защищенному и объединенному ЕС, чем к межправительственной Европе со свободной торговлей[49]. Некоторые акторы в Вашингтоне могли бы увидеть в этом потенциальную угрозу американским интересам в Европе, поскольку в вышеупомянутых областях США традиционно больше всего были вовлечены для обеспечения взаимодействия на двусторонней основе. Предоставление ЕС возможности заместить автономию ее государств-членов в областях внешней политики серьезно ослабит способность союзников Америки в Европе находиться рядом с США всегда и везде, когда посчитают это нужным[50].

Общественное восприятие

Результаты российского опроса общественного мнения указывают на уменьшение количества респондентов, которые понимают порядок как политическую и экономическую стабильность, окончание борьбы за власть и грабежа страны (от 34 до 25%), строгое соблюдение законов (от 35 до 24%) и причастность военных и правоохранительных органов к борьбе с преступностью (от 13 до 7%). Некоторые из этих изменений можно интерпретировать как движение к постмодерным отношениям внутри российского общества, но респонденты чаще рассматривают демократию как «пустые слова» (от 5 до 11%).

Кроме того, перспективы постмодерного подхода остаются так или иначе неутешительными, поскольку большинство граждан России уверены в том, что в их стране порядок более важен, чем демократия (72 против 16%)[51]. Опрос, проведенный компанией «Angus Reid Global Monitor», проведенный в 2008 г., выявил, что 33% взрослых россиян считают, что США настроены враждебно по отношению к России, в то время как 31% чувствуют то же самое по отношению к Грузии.

Украина находится следующей в списке недружелюбных наций (17.9%), за ней следуют Латвия (17.7%), Эстония (13.3%) и Литва (10.4%)[52]. 35.3% респондентов полагают, что другом и союзником России является Беларусь, а 12.7% выбрали Армению и США (4.4%) в качестве дружественных наций.

Опрос общественного мнения в Украине выявил, что политическая стабильность в стране уменьшилась (89%) в 2008 г. Отношения с Россией (69%) и уважение к правам человека со стороны национальных властей (61%) были оценены как ухудшившиеся. 40% респондентов рассматривают Россию как потенциального агрессора. При этом большинство населения (57%) голосовало бы против членства Украины в НАТО, но большая часть (41%) предпочла бы членство страны в ЕС. Экономическое развитие, демократия, политическая стабильность и свобода передвижения, а также более тесные отношения с государствами-членами ЕС – факторы мотивации для членства в ЕС[53]. До конца 2001 г. украинские граждане придавали особое значение расширению контактов со странами России и СНГ, включая Беларусь. Страна сохраняла устойчивую ориентацию (13%) на Запад в течение 2000–2001 гг., но большинство (72–62%) опрошенных поддерживали «активный и конструктивный во всех отношениях» вариант. Интерес к созданию Балтийско-Черноморского союза был очень маленьким (до 1%) начиная с 1991 г.[54] Среди граждан Беларуси 19.8% считают, что военная угроза для их страны реальна. Среди источников военной угрозы они главным образом упоминали НАТО (6%), США (6.6%), Запад вообще (1.4%) и Россию (0.4%). 22% населения полагают, что Беларусь должна развивать свои отношения с НАТО, а 10,6% поддержали бы присоединение Беларуси к Альянсу. 43.4% респондентов видят в НАТО источник военной угрозы в случае, если пред-

лагался закрытый вопрос, 25.2% респондентов указывали, что Беларусь должна выйти из существующих блоков. Нужно отметить, что вариант «не знаю / нет ответа» встречается довольно часто – приблизительно в 27% случаев[55].

Около 40% населения Молдовы в определенной мере не удовлетворены характером демократического развития. Беспокойство вызывает тот факт, что половина респондентов полагают: большинство или многие боятся открыто выражать политические взгляды в Молдове. 15% населения боится войны, 8% – политической нестабильности и 6% опрошенных испытывают страх перед угрозой гражданской войны. Нынешнее состояние отношений с Румынией оценивают как «хорошее» 69% населения, 67% респондентов устраивают отношения с ЕС, 53% – с США и 51% – с Россией. 27% опрошенных рассматривают отношения с Россией как «плохие», и 10% считают, что отношения между Украиной и США плохие. Аналогичные результаты касаются отношений с Украиной. Опрос показывает, что ЕС рассматривается как самый важный партнер Молдовы (66%), но Россия занимает второе место (64%) в этом списке. В то же время самое большое количество опрошенных (26%) выбрали Россию в качестве возрастающей угрозы, ЕС представляет наименьшую угрозу (11%). Большинство респондентов полагают, что будущее Молдовы – в ЕС, при этом такие варианты, как независимое нейтральное государство и продолжающееся членство в союзе СНГ, также поддерживаются значительной частью общества. Наименьшее количество населения предпочло бы членство Молдовы в НАТО[56].

Заключение

Постмодернизм предлагает новые линии построения отношений, но не изменяет сути: государства всегда действовали согласованно, сотрудничали и оставались нейтральными. Балтийско-Черноморское междуморье, с одной стороны, находится в сфере интересов постмодерных участников – ЕС, НАТО, их индивидуальных государств-членов и США, с другой стороны – современной России. Эти акторы формируют порядок безопасности в регионе. Другие государства, такие как Беларусь, Украина, Молдова и в определенной степени Армения, Азербайджан и Грузия пытаются максимизировать свои интересы в вопросах иностранной политики и политики безопасности в пределах данной системы отношений.

Перспектива постмодерного европейского порядка безопасности в регионе между Балтийским и Черным морями не обнадеживает из-за деления этого региона на модерную и постмодерную сферы. Для создания единого порядка необходимо, чтобы постмодерные принципы были приняты и чтобы им доверяли на большей территории, чем в настоящий момент. Государства, использующие модерные мировые принципы, будут продолжать представлять риск для стран постмодерного мира. Необходимо найти правильную модальность для умень-

шения риска и контроля за процессом постмодернизации мира с целью избежать его потенциальной дестабилизации.

Под вопросом – сущность нового европейского порядка. Выявленные различия в ЕС не могут служить в качестве примеров для государств, расположенных к востоку от его границ. Украина отказалась от активного сотрудничества с НАТО и ЕС, так как ее население не доверяло данным организациям. Доверие могло бы существовать только при условии гарантий того, что политика организаций является прочной и является приемлемой для всех акторов. Укрепляющаяся безопасность стран в регионе Междуморья могла бы внести значительный вклад в европейский порядок безопасности. Поэтому ЕС и НАТО должны пытаться проводить гармоничную политику и воздерживаться от односторонних действий, которые могли бы оказать потенциально негативное влияние на ситуацию с безопасностью отдельных стран-членов в регионе. Уроки, полученные в результате отношений с Россией, могли бы послужить ЕС и НАТО в качестве инструментов при планировании политики.

Двусторонние обязательства при тесном сотрудничестве с Россией могут стать основой постмодерной европейской системы и предотвратить скатывание к модерной системе безопасности. Однако такая политика также вносит свой вклад в те расхождения, которые уже существуют внутри ЕС и НАТО. Двусторонние обязательства могут также привести к определенного рода ренационализации внешней политики некоторых стран-членов ЕС. Это касается как стран, которые традиционно нацелены на более тесное сотрудничество с Россией, так и тех стран, которые остаются более сдержанными в данном вопросе. Колебания России в вопросах выстраивания более тесных взаимных отношений с западными партнерами в постмодерном духе могут «посадить на мель» европейский порядок безопасности, поскольку в таком случае не учитываются проблемы незащищенности целого ряда стран в регионе Междуморья. Как суверенное государство Россия имеет право независимо выбирать свой вариант политики безопасности и защиты в рамках международного права. Такое же право принадлежит и другим международным акторам.

Примечания

1 Мнение редакции может не совпадать с позицией автора.

2 Ссылка: речь Уинстона Черчилля для студентов в Цюрихе 19.09.1946 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.europa-web.de/europa/02wwswww/202histo/churchil.htm

3 Didier Bigo. When Two Become One: Internal and External Securitisations in Europe // Morten Kelstrip and Michael C. Williams (eds.). International Relations Theory and the Politics of European Integration, Power, Security and Community. London: Routledge, 2000. P. 9–10.

4 Gnesotto Nicole. The Growing Powerlessness of the West, Europe's World, Summer 2007; Gnesotto N., Grevi G. (ed.). The Global Puzzle – What World for the EU in 2025, EU Institute for Security Studies, 2006; Gnesotto N. L'Europe et la puissance. Paris: Presses de Sciences Po, 1998.

5 Milan Jazbec. Diplomacy and Security after the end of the cold war: the change of the paradigm (лекция в Дипломатической академии в Вене, 16 октября 2006 г.).

6 Frankowski Pawel. Liquid sovereignty in the post-modern world order (доклад представлен на шестой панъевропейской конференции постоянной группы по международным отношениям. Турин, 12–15 сентября 2007 г.).

7 Там же.

8 Socor Vladimir. Baltic Sea – Black Sea Axis Adumbrated, Euroasia Daily Monitor. 28 March 2005.

9 Стратегическая концепция НАТО, 1991 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_23847.htm

10 NATO 2020: assured security; dynamic engagement: analysis and recommendations of the group of experts on a new strategic concept for NATO, 17 May 2010, http://www.nato.int/strategic-concept/expertsreport.pdf

11 Taking Europe into the 21st century, http://www.europa.eu/lisbon_treaty/glance/index_en.htm

12 The Treaty at a glance, http://www.europa.eu/lisbon_treaty/glance/index_en.htm

13 Marshall Joshua Micah. The Post-Modern President, Washington Monthly, September 2003.

14 Clinton Hillary Rodham. The Brookings Institute, Washington, DC, May 27, 2010. http://www.state.gov/secretary/rm/2010/05/142312.htm

15 Cooper Robert. The post-modern state, April 7, 2002, http://www.guardian.co.uk/world/2002/apr/07/1

16 Clinton R.H. Op. cit.

17 US does not fear multi-polar world: Hillary, 29 May, 2010, http://www.dawn.comm/wps/wcm/connect/dawn-content-library/dawn/the-newspaper/international/us-does-not-fear-multipolar-world-hillary-950 WASHINGTON, May 28

18 Clinton R.H. Op. cit.

19 A Europe of rights and values, Treaty of Lisbon, http://europa.eu/lisbon_treaty/glance/rights_values/index_en.htm

20 The European Commission's Delegation Official Site. TACIS, INTERREG, Northern Dimension, Council of the Baltic Sea States, http://www.delrus.eu.europa.eu

21 Splidsboel-Hansen F. Russia's Relations with the European Union: A Constructivist Cut // International Politics. № 39. 2002. P. 402.

22 Didier Bigo. When Two Become One: Internal and External Securitisastions in Europe // Morten Kelstrip and Michael C. Williams (eds.). International Relations Theory and the Politics of European Integration, Power, Security and Community. London: Routledge, 2000. P. 9–10.

23 Boris Mezhuev. Modern Russia and Postmodern Europe // Russia in Global Affairs. № 1. January – March 2008. http://www.eng.globalaffairs.ru/number/n_10362

24 Там же: «Россия игнорирует заявления ОБСЕ о недемократичности выборов в России».

25 Там же: «Можно было бы выделить получающие широкое распространение различные модели пересечения интересов бизнеса и политики: отдельные частные бизнес-структуры обладают статусом protégé и охраняются определенным влиятельным государственным органом, получая, таким образом, особое защищенное положение; другая модель предполагает, что крупное предприятие может просто принадлежать высокопоставленным чиновникам и политикам (или их группировкам), хотя подобная форма собственности зачастую не может обладать официальной юридической силой».

26 Там же.

27 Там же.

[28] Национальная стратегия безопасности Российской Федерации до 2020 г., 12/05/2009 http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html

[29] Межуев Б. Указ. изд.

[30] Интервью Роджера МакДермотта секретарю Совета Безопасности Николаю Патрушеву, Russia's National Security Strategy Publication: Eurasia Daily Monitor Volume 6 Issue: 96 May 19, 2009.

[31] Kagan Robert. New Europe, Old Russia // February 6, 2008, the Washington Post.

[32] Межуев Б. Указ. изд.

[33] Мнение министра иностранных дел России Сергея Лаврова об отношениях с НАТО, ЕС и ВТО // Российская газета. Опубликована: 22 июня 2010 г., http://www.telegraph.co.uk/sponsored/russianow/politics/7847648/Russias-foreign-minister-Sergei-Lavrov-on-relations-with-Nato-the-EU-and-the-WTO.html

[34] Krastev Ivan. Russia vs Europe: the sovereignty wars, Open Democracy, 5 September 2007, http://www.opendemocracy.net/article/russia_vs_europe_the_sovereignty_wars

[35] Министр иностранных дел России указал, что опасность, исходящая от НАТО, связана с желанием Альянса устанавливать власть в любом месте земного шара, несмотря на нарушения норм международного права, а также приближением военной инфраструктуры к границам России, расширяя Альянс. Мнение министра иностранных дел России Сергея Лаврова об отношениях с НАТО, ЕС и ВТО см.: Указ. изд.

[36] Межуев Б. Указ. изд.

[37] Пресс-конференция Генерального секретаря НАТО и российского министра иностранных дел, 27-09-2010, http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_66436.htm

[38] Выражая недовольство по поводу размещения элементов американской противоракетной обороны, направленных против ракет с Ближнего Востока, в Польше, российский президент объявил о намерении увеличить Балтийский флот и разместить российские баллистические ракеты в Калининградской области. Более того, военные действия против НАТО отрабатывались во время военных учений «Запад» в 2009 г.

[39] Мнение министра иностранных дел России Сергея Лаврова об отношениях с НАТО, ЕС и ВТО см.: Указ. изд.

[40] НАТО отклоняет договор о евроатлантической безопасности, http://www.english.ruvr.ru/2010/07/16/12566760.html

[41] Высказывание Р. Купера в дискуссии «Может ли Европейский союз позволить себе быть "постмодерным" в условиях многополярного мира?» 1 июля 2010 г. в Брюсселе в Колледже Мадарьяга Европейского фонда.

[42] Межуев Б. Указ. изд.

[43] Совместное заявление о Партнерстве для модернизации, сделанное на саммите ЕС – Россия 31 мая – 1 июня 2010. http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/114747.pdf

[44] Мнение министра иностранных дел России Сергея Лаврова об отношениях с НАТО, ЕС и ВТО см.: Российская газета. Опубликована: 18:29 БСВ 22 июня 2010 г., http://www.telegraph.co.uk/sponsored/russianow/politics/7847648/Russias-foreign-minister-Sergei-Lavrov-on-relations-with-Nato-the-EU-and-the-WTO.html

[45] Стратегия для Балтийского региона.

[46] Высказывание Н. Гнесотто в дискуссии «Может ли Европейский Союз позволить себе быть "постмодернистским" в условиях мультиполярного мира?» 1 июля 2010 г. в Брюсселе в Колледже Мадарьяга Европейского фонда.

47 Там же.
48 Там же.
49 McNamara Sally. The Lisbon Treaty: Implications for Future Relations between the European Union and the United States Testimony before the Committee on the Foreign Affairs, Subcommittee on Europe, of the United States House of Representatives Published on December 15, 2009. http://www.heritage.org/research/testimony/the-lisbon-treaty-implications-for-future-relations-between-the-european-union-and-the-united-states
50 Ibidem.
51 Всероссийский центр изучения общественного мнения, 12 апреля 2010 г., [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.wciom.com/archives/thematic-archive/info-material/single/13451.html
52 Angus Reid Global Monitor, U.S. Enemy, Belarus Friend for Russians, 06/25/08, http://www.angus-reid.com/polls/32588/us_enemy_belarus_friend_for_russians/
53 Международная организация для избирательной системы, 2008. http://www.ifes.org/files/UkrainePresentation.pdf
54 Stegniy Oleksandr. Public opinion and foreign policy orientation in Ukraine, July 2002, http://www.ceri-sciences-po.org
55 Melyantsou Dzianis. Belarusian Institute of Strategic Studies, Security in the Public opinion in Belarus, BelarusInfo Letter, EESC, Issue 5 (15), June 2010.
56 IRI Baltic Surveys / The Gallup Organization, Moldova National Study, May-June 2010. http://www.iri.org/sites/default/files/2010%20April%2026%20Survey%20of%20Moldovan%20Public%20Opinion,%20February%2014-March%202,%202010(1)pdf

Ирина Баторшина, Геннадий Кретинин

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Abstract

This article focuses on the present state and prospects of energy sector in Lithuania. The authors focus on the main problems of energy conversion in the Soviet time and nowadays and analyse the principal lines of EU energy policy and strategy.

Relevance of the work is dictated by the need for a deep analysis of the energy demands of the Baltic States in order to overcome the current energy crisis. Comparative-and-historical approach of the work allows to conduct a retrospective analysis of the potential energy capabilities of the Lithuanian Republic. The scientific and practical significance of the research especially grows in the context of implementation of the common energy policy of the European Union and the developed EU Strategy for the Baltic Sea region.

The results of this scientific work will be important for future research works and forecasting of energy situation in the Baltic Sea Region and especially in the Baltic countries.

Keywords: Lithuania, Ignalina Nuclear power plant, energy security, Baltic Sea Region.

Проблема энергетической безопасности в Балтийском регионе концентрируется в его юго-восточной части, куда входят страны Балтии и Калининградская область Российской Федерации. Все остальные страны региона энергосамодостаточны или имеют возможность беспрепятственного использования энергопотенциала Европейского союза.

Страны Балтии в энергетическом отношении являются по существу анклавом ЕС, соединенным с основной союзной территорией тонкой перемычкой в районе литовско-поль-

ской границы. Причем это «горлышко» по ряду причин не способствует возведению через него не то что энергомоста, но даже энергоперемычки.

Эстония и Латвия в силу природно-географических условий и близости к Скандинавии в той или иной степени оказываются относительно самостоятельными в энергетическом отношении, хотя без поставок российских энергоресурсов не обходятся.

Два других участника исследуемого процесса – Литва и Калининградская область РФ – в природно-энергетическом плане оказались обойденными и, несмотря на территориальное соседство, вынуждены решать свои энергетические проблемы самостоятельно, находясь на разных политико-экономических и технических полюсах развития.

Стоит отметить, что наибольшую остроту вопрос энергообеспечения имеет для Литовской республики. Проблему усугубило прекращение эксплуатации Игналинской атомной электростанции 31 декабря 2010 г. Республика мгновенно вошла в число государств-импортеров электроэнергии. Несмотря на оптимистические заявления президента Литвы Д. Грибаускайте о том, что «с закрытием старой Игналинской АЭС 2010 год станет годом начала энергетической независимости», ситуация энергетической изоляции сохраняется. Поиски выхода из этого положения ведутся интенсивно. Внимание исследователей привлекает концепция энергообеспечения республики в исторической ретроспективе, так как с учетом приобретенного опыта и политических просчетов минувших лет возможно выстраивание эффективной системы энергоснабжения.

Развитие энергетики республики еще в межвоенный период базировалось на строительстве и эксплуатации тепловых станций. Равнинный рельеф территории Литвы мало способствовал строительству гидростанций. В результате гидроэнергетические ресурсы практически не использовались. В 1940 г. производство гидроэнергии составило всего 2.5% от общего объема произведенной в стране электроэнергии [1].

В то же время Литва имела по масштабам того времени достаточно большие запасы торфа, и перспективы развития тепловой электроэнергетики на данной базе были вполне реальны. Однако собственные топливные ископаемые литовцы использовали недостаточно продуктивно: в 1938–1940 гг. в стране добывалось до 230 тыс. т торфа в год, или 0.1–0.15% от объема выявленных запасов. В общем топливном балансе республики, включая производство электроэнергии, торф занимал лишь 8%. Имевшиеся тепловые станции работали преимущественно на импортном каменном угле и дизельном топливе (например, ежегодно завозилось из-за границы около 300 тыс. т каменного угля) [2, с. 3].

Избрав для себя стратегию развития тепловой энергетики на базе импортных углеводородов, Литва последовательно придерживалась ее до начала Второй мировой войны. Так, в 1926 г. началось строительство Петрашунайской теплоэлектростанции под Каунасом, затем была построена Бачюнская электро-

станция под Шяуляем, началось возведение Рекивской электростанции (введена в строй уже в советское время). Всего в 1940 г. в Литовской республике действовало 67 электростанций, общая их мощность составляла 38–39 тыс. кВт [3].

Перевод в 1940 г. экономики Литвы на социалистические рельсы и планы по интенсификации развития экономики республики потребовали пересмотра ее энергетической политики. Естественно, экономическое и социально-культурное развитие Литвы должно было произойти при масштабной помощи СССР. Руководство республики это учитывало и стремилось развивать даже заведомо малоэффективные энергопредприятия. В частности, для расширения энергетической базы планировалось развитие гидроэнергетики. По мнению литовских специалистов, возведение ряда гидростанций, даже на равнинных реках Литвы, могло дать такое количество электроэнергии, которое способствовало бы реализации самых смелых замыслов социалистического руководства республики.

Так, годовой прирост потребления электроэнергии на промышленных предприятиях в соответствии с планом производства продукции на 1941 г. должен был составить 24% (средний годовой прирост потребления электроэнергии до 1939 г. составлял 15%). Для реализации этих целей планировалось израсходовать в 11 раз больше средств, чем было выделено на развитие энергетики в 1939 г. [5, с. 72].

Крупнейшей из планируемых гидростанций должна была стать станция в Турнишках, близ Вильнюса, с мощностью в 14 тыс. кВт (действовавшая в Вильнюсе перед войной тепловая электростанция обеспечивала потребителей при пиковой нагрузке до 5 тыс. кВт), срок ввода – 1943 г., что обеспечивало перспективу развития города. Кроме того, по плану 1941 г. предполагалось начать подготовительные работы для строительства гидростанции у Ионавы (завершение строительства в 1945–1946 гг.), что значительно облегчило бы энергетическую ситуацию в Каунасе. В гидрокаскад на реке Нерис в 1946–1947 гг. должна была войти станция у Клебонишкиса. В том же 1941 г. планировались исследовательские работы по использованию гидроэнергетического потенциала реки Минии для обеспечения городов Тельшяй, Кретинга, Паланга, порта Швентои. Для ликвидации острого дефицита электроэнергии в Жемайтии на Минии намечалось сооружение ГЭС мощностью в 2 тыс. кВт [5, с. 72–73].

Вторая мировая война помешала осуществлению литовского «плана ГОЭЛРО». Более того, война нанесла республике огромный ущерб: ее энергетическое хозяйство лишилось 32 тыс. кВт мощности. Только на Каунасской электростанции общие убытки составили 32 млн рублей. Полностью оказались разрушенными электростанции в ряде литовских городов. Среди выведенных из строя, но требовавших относительно незначительных средств на ремонт и подготовку объектов к запуску оказалось всего 14 станций мощностью 3,5 тыс. кВт [3, с 90–91].

Послевоенное восстановление энергетической мощности республики стало одной из первоочередных задач не только для Литвы. 13 апреля 1945 г. Государственным комитетом обороны (ГКО) был рассмотрен вопрос о неотложных мерах по восстановлению электростанций и линий электропередач в Литовской ССР.

Продолжала оставаться в поле зрения и возможность использования гидроресурсов. Литовское республиканское руководство сумело убедить Москву в необходимости развития гидроэнергетики. В соответствии с постановлением ГКО от 13 апреля 1945 г. на реке Нерис планировалось проведение проектно-изыскательских работ по возведению первоочередной гидроэлектростанции. Министерство электростанций СССР поручило выполнение этих работ Московскому отделению треста Гидроэнергопроект (МосГИДЭП).

Строительство гидроэлектростанций представлялось как наиболее перспективное направление для Литвы, однако процесс возведения станций достаточно длителен (3–5 лет); кроме того, необходимые значительные капиталовложения можно было получить только из союзного центра. Учитывая сложности послевоенного времени, рассчитывать на стабильное финансирование не приходилось.

В качестве определенного выхода из создавшегося положения предлагалось строительство менее затратных тепловых электростанций; к тому же для их ввода в строй требовались 1–2 года.

Постепенно была сформулирована стратегия развития республиканской энергетики, основная идея которой сводилась к тому, что «нужно приступить к строительству гидроэлектростанции, но ввиду роста потребности в электроэнергии для промышленности, пока начнут действовать гидроэлектростанции, параллельно производить строительство вспомогательных тепловых электростанций в торфяных районах, которые впоследствии будут стоять в холодном резерве или будут употребляться как вспомогательные источники электроэнергии» [3, с. 91]. Реализация второго направления столкнулась с проблемой, которая отмечалась и в предвоенный период, – обеспечение тепловых электростанций топливом.

Первый послевоенный год показал, что республика испытывает значительные проблемы с поставками твердого и жидкого топлива из других советских республик. Соответственно вновь встал вопрос об обеспечении тепловых электростанций местным топливом – торфом. Учитывая его большие запасы, Литва с этим вопросом должна была справиться достаточно успешно. Однако этого не произошло. Как в довоенное время, так и в первые годы после войны обеспечить добычу необходимых объемов местного топлива не удалось. Руководство Литвы попыталось найти объективное оправдание срыва торфопоставок. В частности, в одном из обращений в Центр отмечалось, что «заготовление местного топлива было крайне затруднено, так как имеющееся наличие автотранспорта не могло быть использовано при заготовке топлива из-за отсутствия

горючего», а отсутствие угля «крайне отрицательно отразилось на выполнении программы ряда основных отраслей промышленности, таких как: текстильной, трикотажной, обувной, резиновой и металлообрабатывающей (в том числе на производство сельхозмашин и запасных частей), так как программа по производству электроэнергии, на которой базируется указанная промышленность, выполнена на 36%» [9]. Но анализ данных по годовой торфодобыче показал, что причины низкой добычи торфа (14.4% от плана) были связаны с плохой организаторской работой отрасли по торфодобыче, с недостаточным контролем выполнения плановых заданий руководством республики. Тем не менее союзное руководство было вынуждено пойти навстречу Вильнюсу и согласиться с поставками для электростанций каменного угля из Донбасса и Кузбаса [10, с. 40].

В 1946 г. в республике начата работа по разработке перспективного плана развития народного хозяйства Литовской ССР на 1946–1965 гг. Неотъемлемой частью этого плана стала энергетика. Руководство республики выступало за создание и развитие изолированной энергосистемы Литовской ССР. В рамках подобной стратегии предполагалось строить небольшие, зачастую нерентабельные тепло- и гидроэлектростанции, работающие на основе местных энергетических ресурсов и привозного твердого или жидкого топлива.

Что касается гидроресурсов, то их кадастровая мощность составляла около 500 тыс. кВт, при этом на реку Неман приходилось 280 тыс. кВт, Нерис – 100 тыс., Швентои – 20 тыс., на все остальные малые реки – 100 тыс. кВт. На момент подготовки перспективного плана использование водных ресурсов в республике не превышало 1% кадастровой мощности [10, с. 40].

Территория Литвы разбивалась на четыре зоны: Вильнюсскую, Каунасскую, Шауляйскую и Клайпедскую. Каунасская и Вильнюсская системы базировались на гидроэнергетике, Шауляйская – на торфе, Клайпедская – на угле и торфе. Наиболее мощной должна была стать Каунасская система, которая «накрывала» своими сетями значительную часть территории республики. Первоначально усилия сосредоточивались как раз на строительстве Каунасского гидроузла. Одним из наиболее значимых мероприятий, которое планировалось осуществить, было создание единой республиканской сети энергоснабжения напряжением 110 кВт [10, с. 7–8].

Перспективный план развития республиканской энергетики в целом выполнялся почти весь расчетный период. Но корректировки были. В частности, произошла отсрочка ввода в строй гидроэлектростанций и увеличилось количество вводимых тепловых станций: в середине 1950-х гг. в Литовской ССР дали ток 10 тепловых и 2 гидроэлектростанции. Как достижение в республиканской энергетике следует считать начавшуюся комбинированную выработку электроэнергии и тепла. В этот период в республике насчитывалось 1240 электростанций и энергоустановок общей мощностью 188.2 тыс. кВт. В 1955 г. наконец началось строительство Каунасской гидроэлектростанции мощностью 90 тыс. кВт. Как и

в первые послевоенные годы, строительство этого энергообъекта осуществлял буквально весь СССР. В числе городов-поставщиков материалов, оборудования, квалифицированных кадров-гидростроителей были Горький, Минск, Нарва, Кострома, Куйбышев, Свирь и др. [11].

Быстрый рост промышленности, намечаемая сплошная электрификация сельского хозяйства требовали заметного роста темпов производства электроэнергии. В Литве же в 1958 г. на душу населения было выработано электроэнергии в четыре раза меньше, чем в среднем по стране [2, с. 11]. В 1960 г. Каунасская ГЭС была введена в строй. Однако этот успех оказался последним достижением сторонников преобладающего развития гидроэнергетики и курса на самодостаточность системы энергоснабжения в рамках республики. Каунасская ГЭС не обеспечила повышения уровня развития республиканской энергетики. Стало ясно, что дальнейшее строительство новых гидростанций – тупиковая ветвь развития. В условиях использования для производства электроэнергии равнинных рек гидростанции были нерентабельны, маломощны. Жизнь показала, что курс на создание самостоятельной, изолированной республиканской энергосистемы себя явно не оправдывал.

В начале 1960-х гг. СССР начинает масштабное строительство крупных тепловых электростанций. В Литовской ССР было приостановлено дальнейшее строительство гидроэлектростанций и начато строительство в Электренае ГРЭС мощностью 1.2 млн кВт. Решение энергетической проблемы Литвы взял на себя Центр. В качестве топлива вместо каменного угля электростанция в Электренае была обеспечена поставками природного газа и жидкого топлива. Уже в 1961 г. республика стала получать природный газ по трубопроводу «Минск – Рига – Дашава–Вильнюс». В 1965 г. его поставки составили 1200 млн куб. метров. В топливном балансе Литовской ССР природный газ в середине 1960-х гг. составлял около одной трети, в последующие годы его доля продолжала расти [2, с. 12].

Начался новый этап развития энергетики республики, характеризовавшийся не только строительством крупной тепловой электростанции, но и созданием объединенной энергосистемы северо-запада СССР. Эта система включила Ленинградскую, Карельскую, Эстонскую, Латвийскую, Литовскую, Белорусскую и Калининградскую энергосистемы и обеспечила надежное энергоснабжение потребителей на протяжении нескольких десятков лет.

В это же время руководство СССР принимает решение о возведении для северо-запада страны атомной электростанции. Первоначально станцию планировалось разместить на территории Витебской области Белорусской ССР. Однако геологические изыскания показали, что грунты в этом регионе Беларуси не соответствовали нормам безопасности, поэтому было решено перенести строительство в соседнюю Литву, но вблизи границ Беларуси. Литовцы пытались отказаться от такого «подарка», и эта протестная особенность по отношению к АЭС в той или иной форме сохранялась до начала 1990-х гг., т.е. до распада СССР

и получения государственной независимости. Но тогда интересы государства, намечавшего строительство важного объекта для всей советской Прибалтики и других расположенных поблизости регионов страны, заставили подчиниться решению Центра. В условиях единого народнохозяйственного комплекса «административные границы для подобных проектов особого значения не имели» [12].

Первоначально планировалось построить 4 блока типа РБМК мощностью по 1.5 ГВт каждый. Строительство началось в 1974 г., в конце 1983 г. был введен в строй первый блок, к 1986 г. готов к работе второй, но из-за аварии на Чернобыльской АЭС его приняли в эксплуатацию в августе 1987 г. По оценке специалистов, в 60% готовности был третий блок. Однако волна протестов, прокатившаяся в Прибалтийских республиках (лозунги «Не надо АЭС, готовы жить при керосиновых лампах», которые напоминали протесты 1930-х гг. в связи с монополизмом бельгийских производителей электроэнергии в Литве), заставила сначала законсервировать, а затем остановить дальнейшее строительство этого блока в 1989 г. В конечном итоге после демонтажа СССР нежелательный прежде «подарок», предназначавшийся всей Прибалтике и другим регионам Российской Федерации и Беларуси, оказался в полной собственности Литвы.

В настоящее время генерирующие мощности Литвы представлены 8 крупными электростанциями. Это Литовская электростанция в Электренае (1800 МВт), Вильнюсская (384 МВт), Мажейкяйская (194 МВт), Каунасская (178 МВт), Индустриальная (51 МВт), Клайпедская (11 МВт), а также Круонисская гидроаккумуляционная станция (880 МВт) и Каунасская ГЭС (101 МВт). В совокупности эти электростанции при выводе их на полную мощность могут обеспечить только половину потребностей литовской экономики. Остальную приходится импортировать. Кроме того, следует учитывать, что большинство тепловых станций работают на газе, 100% которого поставляется из России [13].

В 1990-е гг. осложняющим обстоятельством для литовской энергетики стало то, что Брюсселем фактически было поставлено перед Вильнюсом дополнительное условие членства в ЕС – выведение из эксплуатации Игналинской атомной электростанции, оснащенной реакторами чернобыльского типа. Эта позиция предельно четко была озвучена представителями Еврокомиссии в 1999 г.: «Литва была еще раз предупреждена, что в случае, если она не изберет сценарий прекращения эксплуатации Игналинской АЭС, она рискует не получить приглашение к переговорам по вопросу о вступлении в ЕС даже в том случае, если выполнит другие критерии» [14]. В декабре 2009 г. была прекращена эксплуатация второго энергоблока ИАЭС и Литва превратилась в страну-экспортера электроэнергии.

Закрытие ИАЭС оказалось весомой нагрузкой на экономику республики и по другой причине. Дело в том, что Литве, пусть и с помощью ЕС, потребуются значительные расходы на полный демонтаж старой АЭС. По данным Минэнерго

Литвы, все работы по закрытию ИАЭС (на период до 2030 г.) будут стоить около 8.6 млрд литов (2.32 млрд евро), в эту сумму включена и стоимость строительства хранилищ для радиоактивных отходов и использованного ядерного топлива. Только в 2010 г. содержание остановленной ИАЭС обойдется приблизительно в 300 млн литов (87 млн евро), из них ЕС выделит 220 млн литов (63.7 млн евро), оставшаяся часть этой суммы будет покрываться из госбюджета. В 2000–2009 гг. Европейский союз уже выделил на закрытие атомной электростанции около 869 млн евро финансовой помощи, однако часть этих средств была использована на финансирование других проектов энергетического сектора. В 2010–2013 гг. ЕС должен выделить дополнительно около 92 млн евро. Дальнейшая помощь является объектом переговоров с ЕС [15].

В связи с закрытием АЭС властям Литвы придется решать еще одну серьезную задачу: как сделать рентабельной гидроаккумулирующую станцию (ГАЭС) в поселке Круонис. Особенность этой станции заключается в том, что в ночное время вода из нижнего бассейна по трубам закачивается в верхний, чтобы в дневное пиковое время, когда спрос на энергию повышается, сбрасывать воду на лопасти турбины. Сама технологическая идея предполагает использование дешевой энергии для ночной закачки воды. Не случайно ГАЭС задумана в связке со строительством ИАЭС и была, в сущности, ориентирована на экспорт – ведь в пиковое время круонисскую энергию покупала даже Россия [16].

Учитывая, что пока планы по возвращению в строй ядерной энергетики остаются неопределенными, эксперты призывают власти страны в срочном порядке разработать новый стратегический план, соответствующий сложившейся реальности, предлагают ориентировать энергетику на максимальный отказ от использования газа и перевод отопления на электроэнергию. Некоторые из них идеальной считают такую структуру энергетики, когда доля «обновленных» источников сырья и биотоплива составляет 35%, ветряной энергии – 25, гидроэнергии – 20, а импортных поставок – 20%. Под «обновленными» источниками сырья подразумевается сжигание отходов древесины, коммунального хозяйства, даже автомобильных покрышек, что одновременно предполагает отказ от строительства крупных станций и ставку на мелкие тепловые и комбинированные станции. Так, директор Института энергетики Литвы академик Юргис Вилемас считает, что распространение малой энергетики имеет множество преимуществ, поскольку способствует сокращению зависимости от импорта газа, приближает генерирующие компании к потребителям, т.е. позволяет сократить расходы на передачу электроэнергии и, как следствие, снизить ее стоимость, а также создает дополнительную занятость, особенно в аграрном секторе [16].

Одновременно руководство Вильнюса предпринимает энергичные попытки вывести проблемы энергообеспечения страны на международный уровень, посредством в большей степени европейских организаций решить проблему энергетической изоляции. Наиболее действенной платформой для «продавливания»

собственных государственных интересов стали структуры Европейского союза. Так, в 2009 г. впервые в истории Европейского союза была принята Стратегия развития в регионе Балтийского моря, предусматривающая создание Балтийского энергетического моста.

Так, 17 июня 2009 г. девять стран (Дания, Эстония, Финляндия, Германия, Литва, Латвия, Швеция, Польша, Норвегия) подписали Меморандум о взаимопонимании по плану создания объединенного энергетического рынка Балтийского региона. Единый энергорынок должен быть создан до 2015 г. [17]. В октябре 2009 г. Евросоюз утвердил Стратегию развития энергорынка для Балтийского региона с учетом «пожелания» стран региона.

Есть соответствующий перечень проектов («пожеланий») и для обеспечения Балтийского региона газом. Заметим, что большинство газовых проектов связаны с обеспечением их поставками российского сырья, но с российскими газовщиками не согласованы, а следовательно, остаются виртуальными и будущее их совершенно не ясно.

До настоящего времени сообщений о начале активной фазы реализации проектов ЕС в интересах энергетики Литвы не поступало. По оценкам специалистов, основные надежды литовских энергетиков пока сосредоточены на нескольких направлениях выхода из кризиса.

1. Энергообеспечение за счет собственных энергетических источников.

Существует мнение, что Литва при полной загруженности собственных электростанций и экстренном вводе дополнительных мощностей сможет вырабатывать необходимое количество электроэнергии. Особенно эту позицию отстаивают представители консервативного направления во главе с премьер-министром А. Кубилюсом, который полагает, что «лучше дороже производить электроэнергию самостоятельно, нежели покупать ее дешевле у единственного поставщика» [18]. Однако себестоимость такой электроэнергии может превысить 30 центов за 1 кВт·ч, в то время как энергия закрытой ИАЭС стоила 6,11 цента за 1 кВт·ч. По мнению специалистов, даже импортная электроэнергия обошлась бы Литве дешевле, чем вырабатываемая на Литовской электростанции, работающей на импортном топливе (и мазут, и газ из России).

2. Пуск энергомоста Литва – Польша – Германия.

Литва до сих пор включена в российские энергораспределительные сети, существующие со времен СССР и советской энергосистемы. В настоящее время подключение к европейской энергетической системе UCTE является одним из наиболее сложных вопросов. С этой целью планировалось построить линию электропередачи через Польшу на Запад, а также проложить высоковольтный электрокабель в Швецию. Однако данные планы до сих пор не реализованы. Существуют определенные надежды на изменение ситуации в рамках действия стратегии развития Балтийского региона, в соответствии с которой планируется реализация проекта «План объединения балтийского энергетического

рынка» для обеспечения подключения Латвии, Литвы и Эстонии к европейским энергосетям [19]. Однако для этого надо построить линию Элк (Польша) – Алитус (Литва). Польша не решается на это уже в течение полутора десятков лет.

3. Альтернативные поставки электроэнергии.

В ноябре 2009 г. литовской и украинской национальными энергетическими компаниями «Lietuvos energija» и «Ukrenergy Trade ZRt» было подписано рамочное соглашение о поставках украинской электроэнергии в Литву при использовании транзитных возможностей Беларуси. Однако пока это соглашение остается в разряде договора о намерениях и только. Определенную надежду на его реализацию придала встреча президентов Литвы и Украины 14 октября 2010 г., на которой, по сообщениям информационных агентств, была достигнута договоренность о проведении согласований с Беларусью по транзиту электроэнергии по ее территории из Украины в Литву [20].

4. Прокладка подводного кабеля Швеция – Литва (Латвия).

Громкий проект, деньги на его возведение должен выделить ЕС, но пока вопрос находится в стадии согласования. Ориентировочные сроки – 2014–2016 гг.

5. Строительство новой атомной электростанции «Игналина-2».

В июле 2007 г. президентом Литвы подписан Закон об атомной электростанции, согласно которому предполагается строительство в Литве атомной станции нового поколения недалеко от г. Висагинас. Планируется, что в проекте примут участие Литва, Латвия, Эстония и Польша. 7 декабря 2009 г. Д. Грибаускайте заявила: «В будущем в Балтийском регионе энергетические потребности будут огромными, я имею в виду всю Северную Европу вместе с балтийскими странами. Поэтому надеяться на то, что такой интерес будет, – да. Появится ли этот интерес во время кризиса сразу же – время покажет, но в любом случае в нашем регионе могли бы построить пять атомных станций, потому что потребность в ближайшие 20 лет будет огромной, значит, у нас не будет конкурентов, не конкуренты и те электростанции, которые, быть может, построят в Калининграде или Беларуси. В нашем регионе такая потребность сохранится».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все эти направления перспективны, но не более того. Ни одно пока не реализуется, а только планируется. Исключением является реконструкция ТЭЦ в Электренае, но запуск очередного блока будет возможен через 2–3 года. Пока же компенсацию утраты игналинской электроэнергии осуществляет рынок. Поставляется на него российская электроэнергия. В марте 2009 г. Литва заключила десятилетний контракт с ОАО «Интер РАО ЕЭС» на ежегодную поставку около 2.5 млрд кВт·ч [21].

6 июля 2010 г. на пленарной сессии Европейского парламента (ЕП) в Страсбурге была принята резолюция, нацеленная на активизацию реализации «Стратегии Европейского союза для региона Балтийского моря».

На сессии ЕП с докладом «Стратегия Европейского союза в регионе Балтийского моря и роль макрорегионов в будущей политике сплочения», который лег в основу резолюции, выступил член комитета регионального развития ЕП Войцех Михаль Олейничак [22]. В докладе были отмечены основные достижения и проблемы в реализации стратегии. С одной стороны, подчеркивается, что мировой финансово-экономический кризис существенно снизил темпы реализации стратегии и планы по объединению энергетических рынков государств Балтийского региона. В то же время прозвучал призыв для инвесторов не снижать финансирование инфраструктурных проектов по причине кризиса, а для государств Балтийского региона полнее использовать преимущества структурных фондов ЕС, которые должны обеспечить максимальную поддержку стратегии.

Особое внимание в докладе было уделено взаимодействию ЕС с Россией и Беларусью. Отмечается, в частности, что «необходимо установить более тесное взаимодействие между Россией, Беларусью и странами ЕС, которые граничат с Балтийским морем, в отношении энергетических проектов. ЕС следует эффективнее использовать энергетический диалог с Россией для достижения этой цели» [22]. Положительно оценены усилия, предпринятые Еврокомиссией и отдельными странами ЕС, по расширению сотрудничества с Россией в сфере транспорта, туризма, защиты окружающей среды и энергетики. По мнению В.М. Олейничака, интенсификация энергодиалога между ЕС и Россией позволит расширить возможности для вовлечения последней в Стратегию региона Балтийского моря, и заинтересованность в этом запечатлена непосредственно в тексте резолюции. В документе выражена уверенность в том, что новое соглашение о сотрудничестве и партнерстве между Россией и ЕС должно принимать в расчет и сотрудничество в регионе Балтийского моря.

В качестве примера для такого сотрудничества названа Калининградская область: «…необходимо способствовать социально-экономическому развитию Калининграда в качестве “пилотного региона” для усиления взаимодействия и сотрудничества с Россией, вовлекая неправительственные организации, учреждения просвещения и культуры, а также местные и региональные ведомства».

Принятую Европейским парламентом резолюцию следует расценивать в качестве очередной попытки актуализации проблем энергетической уязвимости государств региона Балтийского моря. Основные тезисы резолюции в этом отношении дублируют содержание плана по объединению энергетических рынков государств Балтийского региона [17], который является в свою очередь составной частью «Стратегии Европейского союза для региона Балтийского моря» и утвержденным на уровне ЕС в октябре 2009 г.: расширение возможностей для диверсификации поставок энергоресурсов; строительство энергомостов и терминалов сжиженного газа на территории Прибалтики и Польши.

Однако до сего времени большинство заявлений балтийских политиков оказываются декларативными при вялой и не всегда последовательной поддержке евро-

пейских коллег. В частности, и принятая ЕП резолюция носит рекомендательный характер, т.е. не является законодательным актом, который необходимо выполнять.

Но апелляции балтийских политиков к Европейскому сообществу продолжаются. Как бы в подтверждение заявленного европарламентариями, 12 июля премьер-министр Эстонии А. Ансип после встречи с литовским премьером А. Кубилюсом, посвященной строительству Висагинской АЭС, сообщил, что, по его мнению, Евросоюз не будет импортировать электроэнергию с Балтийской АЭС в Калининградской области и АЭС в Беларуси. «Евросоюз будет контролировать импорт электроэнергии из третьих стран, а это значит, что даже если кто-то из них построит свою АЭС, европейский рынок не будет открыт им» [23].

Следует отметить, что по первоначальным планам ввод в строй новой АЭС на территории Литвы предполагался в 2015–2016 гг. В настоящее время речь идет о 2020 г. Но и эта дата остается под вопросом [24].

Между тем в октябре 2010 г. А. Кубилюс обнадеживающе заявил: «На всех нас сильно действуют мировые тенденции – неизбежно и мы, и Россия должны будем искать ответы на эти вызовы. А ответ один – конкурентоспособная рыночная экономика и либеральная демократия» [25].

Выдвижение литовским руководством на переднюю линию отношений принципов конкурентной рыночной экономики может стать предложением об объединении российско-литовских усилий по достижению энергобезопасности региона.

Литература

1. Показатели состояния отдельных отраслей народного хозяйства и культуры Литвы за 1913, 1939 и 1940 годы (краткая статистическая справка). Вильнюс, 1969. С. 17.
2. Кюберис П. Промышленность Советской Литвы. Вильнюс, 1959.
3. План восстановления электрохозяйства Литовской ССР // Lietuvos centrinis valstybes archivas (далее – LCVA – Литовский государственный центральный архив). F. R-755. Ap. 2. B. 37. l.
4. Объяснительная записка о состоянии энергетического хозяйства Литовской ССР до оккупации и после освобождения от немцев в 1944 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 597. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
5. Пояснительная записка к плану коммунального хозяйства на 1941 г. // LCVA. F. R-755. Ap. 2. B. 143. l.
6. Донесение о причиненном ущербе Каунасской и Петрушанской электростанциям от 15.8.1944 г. // LCVA. F. R-755. Ap. 2. B. 37. L. 29.
7. Сообщение Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников «О преступлениях гитлеровских захватчиков в Литовской Советской Социалистической Республике». М., 1945. С. 24.
8. Список полностью разрушенных (уничтоженных) предприятий района (Литовская ССР), освобожденного от немецкой оккупации на 1.1.1945 г. // LCVA. F. R-363. Ap. 1. B. 42. l. 1-2.

9. Письмо Председателя СНК Литовской ССР М. Гедвиласа и секретаря ЦК КП(б) Литвы А. Снечкуса заместителю Председателя СНК СССР В. Молотову об обеспечении республики твердым топливом и горючим от 14.4.1945 г. // LCVA. F. R-755. Ap. 2. B. 159. l. 154.
10. Итоги выполнения народнохозяйственного плана за 1945 год // LCVA. F. R-755. Ap. 2. B. 53. l.
11. Жюгджа Р., Смирнов Л. Литовская ССР (краткий историко-экономический очерк). М., 1957. С. 114–115.
12. Павловский И. Как политики продали свою страну: Литва меняет энергетическую судьбу // ИА Regnum, 23.12.2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:http://www.regnum.ru/news1237911.html
13. Деловая Литва. Т. XIII-XIV. Энергетика. Агропром. Транспорт. М., 2008 г. // polpred.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:http://www.litva.polpred.ru
14. Maniokas K., Stanionis R. Negotiations on Decommissioning Ignalina Nuclear Power Plant // Lithuania's Road to the European Union: Unification of Europe and Lithuania's EU Accession Negotiation/ed. By Maniokas K., Vilpisauskas R., Zeruolis D. Vilnius, 2005. P. 310.
15. Секмокас: закрытие литовской АЭС создаст условия для энергорынка // РИА новости, 25.12.2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rian.ru/interview/20091225/201425588.html
16. Скрипов В. Свобода от атома // Эксперт Северо-Запад. № 4 (450) / 01.02.2010 рынок [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:http://www.expert.ru/printissues/northwest/2010/04/energetika/
17. Baltic Energy Market Interconnection Plan. Final Report // [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.europa.eu
18. Премьер Литвы: Лучше самим производить дорогое электричество, чем покупать дешевое у России // ИА REGNUM. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.regnum.ru/news/1224387.html
19. Baltic energy strategy // [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ena.lt/pdfai/BES2007_en.doc
20. Грибаускайте пригласила украинские компании на электроэнергетический рынок Литвы // REGNUM. 15.10.2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.regnum.ru/news/litva/1336074.html
21. Черновалов А., Степанов В. Россия показала силу тока. 2010 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dialog.org.ua
22. Report on the European Strategy for the Baltic Sea Region and the role of macro-regions in the future cohesion policy. 2009/2230 (INI)// [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.europa.eu
23. Премьер Эстонии: Европейский рынок закрыт для АЭС в Калининграде и Белоруссии // ИА REGNUM. 12.07.2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.regnum.ru/news/polit/1303587.html
24. Стоимость энергонезависимости Литвы – 30–40 млрд литов // Литовский курьер. 14.9.2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kurier.lt?r=100000&n=10383
25. Киселев М. Литва передумала «воевать» с Россией? // Литовский курьер. 17.10.2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:http://postsovet.ru/blog/pribaltika/1784.html

Геннадий Максак

РОЛЬ УКРАИНЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА

Abstract

The policy of Energy Security of Ukraine has been adopted in the circumstances of specific factors of geopolitical and geoeconomic origin. One of the main is strong dependency on energy deliveries from Russia. Provided that Russian authorities are inclined to use energy dependency as a tool to pressure Ukraine and achieve political benefits, Ukraine is developing diversification approach to calm the energy demands. The national level of Energy Security policy proved to be insufficient due to constant crises in the Ukrainian-Russian energy relations. There is strong need to go beyond the national level to the level of regional energy security. The region of Black Sea is in the main focus of Ukrainian authorities to realize some alternative routes of energy supplies.

Keywords: policy of energy security, energy dependency, diversification of energy supplies.

Энергетическая безопасность как элемент внешнеполитического курса государства

Энергетическая безопасность на протяжении многих лет является приоритетным вопросом на повестке дня практически каждого государства независимо от того, импортером или экспортером энергоресурсов оно является. Однако в большинстве случаев определение самого концепта энергетической безопасности, как и наполнение его конкретным содержанием, дифференцировано в зависимости от роли государства в цепи энергетических отношений и его географического местоположения. В Украине научная и прикладная разработка концепта энергетической безопасности актуали-

зировалась как предмет исследований в 2006 г. после ряда нефтегазовых кризисов России в отношениях с Украиной и Беларусью.

Научная разработка данного понятия пока не отличается системностью и достаточным обоснованием. Существующие дефиниции построены с учетом следующих обобщенных подходов, где энергетическая безопасность рассматривается как:

– состояние защищенности граждан, общества, экономики от угроз неудовлетворительного энергетического обеспечения;

– состояние защищенности национальных интересов в энергетической сфере;

– состояние систем энергообеспечения в различных условиях [1].

В нормативно-правовых актах энергетическая безопасность определяется как одна из наиважнейших составляющих национальной безопасности, необходимое условие обеспечения стабильного развития государства. Энергетическая безопасность предусматривает достижение состояния технически надежного, стабильного, экономически эффективного и экологически безопасного обеспечения энергетическими ресурсами экономики и социальной сферы государства.

Однако представляется нерациональным ограничиваться в исследовании энергетической безопасности только ресурсной базой и потенциальной досягаемостью энергоресурсов определенного государства. Опыт формирования систем энергетической безопасности европейских государств указывает на необходимость учета также следующих факторов.

1. Определенному историческому типу развития политической и экономической системы государства соответствует определенный тип системы энергетической безопасности, которая посредством концепций, стратегий развития топливно-энергетического комплекса проявляется в энергетической политике государства.

2. Энергетическая безопасность определяется не столько объемами ресурсного обеспечения, сколько уровнями экономического и технико-технологического развития, эффективности использования энергоресурсов.

3. Целью создания и поддержания определенной системы энергетической безопасности является защита стратегических секторов, имеющих большое значение для экономики государства.

4. При оценке энергетической безопасности нужно учитывать не только угрозы и риски экономического характера, но внутренне- и внешнеполитические факторы, геополитическую обстановку в мире и регионе [3].

В целом можно согласиться с дефиницией энергетической безопасности как способности государства обеспечить максимально надежное, технически безопасное, экологически допустимое и обоснованно достаточное энергообеспечение экономики и государства, а также гарантированное обеспечение ру-

ководству государства возможности формирования и осуществления политики защиты национальных интересов в сфере энергетики без чрезмерного внешнего и внутреннего давления в текущих и прогнозированных условиях [4].

Поскольку само понятие носит сложный характер, в нем можно выделить следующие составляющие:

– энергообеспечение (экономическая составляющая) – обеспечение энергоресурсами нужд экономики и населения. Оно характеризуется уровнем достаточности, надежности и качества поставок, эффективностью производства и использования энергетических ресурсов;

– энергетическая независимость (политико-экономическая составляющая);

– степень относительной независимости государства и его руководства в принятии решений, связанных с энергетической сферой. На формирование этой составляющей влияют показатели уровня импортозависимости в энергетических ресурсах, наличие диверсификационных маршрутов поставок энергоресурсов, транзитный потенциал государства;

– экологическая приемлемость (экологическая составляющая) – состояние загрязнения окружающей среды объектами энергетической сферы, ресурсные возможности возобновления допустимого экологического уровня и возмещения нанесенного окружающей среде ущерба;

– социальная стабильность – определяет уровень социального напряжения в стране, связанный с показателями энергообеспечения. Тут могут браться в расчет ценовые характеристики энергоносителей, надежность и безопасность поставок населению, качество энергетического обеспечения [5].

Представляется логичным в данном контексте определить еще одну составляющую энергетической безопасности – геополитическую, которая характеризуется степенью вовлечения государства в энергетические проекты регионального масштаба, уровнем осознания и использования руководством государств, включенных в единые энергетические цепи (экпортер – транзитер – потребитель), энергетических ресурсов (в контексте своего геополитического положения) как инструмента реализации внешнеполитического курса или определенной внешнеполитической доктрины. Характеристикой этой составляющей могут быть новые проекты поставок энергоресурсов, региональные международные инициативы в сфере энергетики и экологии.

Наряду с другими структурными элементами энергобезопасности геополитический фактор оказывает сильное влияние на выработку соответствующей политики государства в сфере энергетической безопасности. В свою очередь, политика энергетической безопасности предусматривает целенаправленный курс действий руководства государства на национальном, региональном и глобальном уровнях по обеспечению приемлемого уровня безопасности с учетом всех вышеперечисленных составляющих, выявление и предотвращения угроз наиболее адекватными инструментами.

Указанная трактовка политики энергетической безопасности основывается на своевременном выявлении угроз в энергетической сфере. Угрозами энергетической безопасности можно считать совокупность реальных или возможных сил или явлений, развитие определенных ситуаций, связанных с добычей, переработкой, транспортированием и потреблением энергоресурсов, которые могут нанести экономический ущерб, повлиять на снижение уровня безопасности и оказать негативное воздействие на процесс принятия решений руководством страны в контексте реализации национальных интересов.

Главными угрозами энергетической безопасности Украины, согласно правовым актам, на современном этапе являются:

– чрезмерная энергоемкость экономики, неэффективность использования топливно-энергетических ресурсов;

– неэффективность политики энергосбережения;

– чрезмерная зависимость экономики от внешних монопольных источников поставок энергоресурсов, отсутствие позитивных изменений в вопросе диверсификации источников энергопоставок;

– несоответствие ценовой и тарифной политики условиям постоянного роста мировых цен на энергоносители;

– высокий уровень износа основных производственных фондов в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК);

– разрушение научно-технического потенциала ТЭК и низкая инновационная активность энергетических предприятий;

– платежный кризис и неудовлетворительное состояние предприятий ТЭК;

– непоследовательность рыночных преобразований, неразвитость рынка ТЭК и его инфраструктуры;

– отсутствие должных государственных резервов топливно-энергетических ресурсов;

– теневое перераспределение прав собственности, тенизация оборота финансовых и материально-технических ресурсов в ТЭК.

В этом контексте основными направлениями государственной политики в сфере обеспечения энергетической безопасности Украины были определены:

1) реализация политики энергосбережения, использования нетрадиционных и возобновляемых источников энергии;

2) уменьшение энергетической зависимости Украины на основе:

– увеличения доли собственного производства топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) путем повышения уровня их добычи; сокращения импорта;

– диверсификации источников внешних поставок ТЭР (нефть, газ и ядерное топливо) исходя из необходимости поставок таких ресурсов не менее чем из трех источников, каждый из которых должен обеспечивать 25–30% общего объема потребностей Украины;

– обеспечения создания с учетом практики государств ЕС государственного стратегического резерва ТЭР;

3) модернизация на основе передовых технологий энергетической системы Украины и повышение устойчивости ее функционирования;

4) повышение эффективности реализации транзитного и экспортного потенциала путем:

– лучшего использования стратегического положения Украины в международной системе транспортирования энергоносителей и активизации ее участия в реализации международных энергетических проектов;

– ускорения интеграции Украины с европейскими и мировыми энергетическими рынками;

– создания благоприятных условий для более эффективного использования транспортных мощностей ТЭК Украины;

– проведения внешнеполитической и внешнеэкономической политики, направленной на обеспечение национальных интересов в энергетической сфере, и должного выполнения международных обязательств Украины;

5) уменьшение негативного влияния проблем функционирования ТЭК на условия жизнедеятельности человека;

6) повышение эффективности системы управления ТЭК посредством:

– расширения внедрения рыночных механизмов управления в энергетической сфере;

– усовершенствования системы управления ТЭК и кадровой политики с учетом опыта иностранных государств и рекомендаций международных организаций;

– сохранения в государственной собственности объектов ТЭК, которые являются определяющими для обеспечения энергетической безопасности;

7) предотвращение и нейтрализация реальных и потенциальных внешних угроз национальным интересам Украины в сфере энергетической безопасности Украины путем:

– координации действий органов исполнительной власти относительно соблюдения национальных интересов Украины при осуществлении внешнеэкономической деятельности в энергетической сфере;

– создания условий для развития и повышения эффективности функционирования ТЭК Украины;

– создания стабильных и прозрачных условий привлечения инвестиций в ТЭК посредством усовершенствования законодательства с учетом международных стандартов [6].

Украина принадлежит к государствам, частично обеспеченным собственными энергоресурсами. Основу энергетического обеспечения составляют углеводороды. Особенностью украинского энергетического баланса является значительная часть в его затратной части природного газа – 43%. Доля нефти

составляет 12.5%, угля – 23.5, атомной энергетики – 15%. Значительную часть энергоносителей Украина импортирует. Импорт газа от объема его общего использования составляет 68%, нефти – 75, ядерного топлива – 100%. [7]. В таких условиях почти монопольную зависимость от поставок углеводородов из России можно рассматривать как основную угрозу энергетической безопасности.

Череда энергетических кризисов с участием Украины стала ярким примером тому, что национальный уровень политики энергетической безопасности не является эффективным инструментом предотвращения повторения кризисных ситуаций и менеджмента потенциальных угроз.

На первый план выходят поиск приемлемых вариантов расширения инструментария энергетической политики национального уровня и адаптация региональных и глобальных форм коллективных действий.

Черноморский регион как площадка конкуренции за лидерство

Черноморский регион как целостное геополитическое понятие пространства в системе международных отношений появилось в начале 1990-х гг. после развала СССР. В состав этого региона вошли независимые государства – международные акторы, играющие определенные роли в его развитии и формировании. Вопросы безопасности преобладали в инициативах организации сотрудничества в этом регионе.

С началом XXI столетия Черноморский регион приобретает особую актуальность как пространство геополитических противостояний. Среди основных факторов, которые определяли геополитическую трансформацию региона, можно выделить следующие:

– расширение Европейского союза и НАТО за счет государств Черноморского региона, что привело к увеличению роли указанных международных структур на процессы регионального характера;

– усиление российского фактора в регионе, что послужило кардинальным трансформациям системы межгосударственных отношений в Черноморском регионе;

– растущее влияние Турции на государства Черноморского бассейна;

– рост цен на энергоносители и географическая обусловленность транзита их через государства Черноморского бассейна [8].

Эксперты Центра Разумкова указывают, что на данное время потенциал региональной интеграции в регионе Черного моря достаточно низкий. Этому способствует ряд исторически сложившихся предпосылок.

Во-первых, Черноморский регион условно объединяет 10 государств: 6 государств Причерноморья (Болгария, Грузия, Россия, Румыния, Турция, Украина), а также Азербайджан, Армению, Грецию и Молдову. Характерной особенностью

региона является то, что 8 из 10 государств в этом регионе появились на пространстве, которое находилось под контролем СССР.

Во-вторых, на данное время страны региона не являются однородными, в том числе в политическом смысле. Они принадлежат к разным макрорегиональным объединениям (ЕС, НАТО, ОДКБ, СНГ, ГУАМ) или имеют с ними связи различного уровня формализации. Только одна международная организация регионального уровня – ОЧЭС на данный момент объединяет все 10 государств, однако эффективность интеграционных усилий находится на достаточно низком уровне.

В-третьих, все страны региона имеют достаточно болезненный опыт исторического сосуществования в прошлом, что на сегодняшний день выливается:

– во взаимные территориальные претензии на официальном и неофициальном уровнях в двусторонних отношениях отдельных государств региона;

– в один активный и четыре «замороженных» конфликта (Курдистан, Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия, Нагорный Карабах), а также – неурегулированность проблемы Северного Кипра;

– в нарастание напряженности в «треугольнике культур» (христианство – ислам – секуляризированная культура).

Кроме того, исторически обусловленной является ориентация стран региона на участие в макрорегиональных объединениях, что уменьшает интерес к построению интеграционных инициатив на уровне Черноморского региона. Противостояние на уровне этих международных блоков делает маловероятным построение эффективных интеграционных проектов с участием всех стран Черноморского региона.

С одной стороны, наличие различных геополитических интересов у государств региона не позволяет достичь взаимопонимания относительно построения интеграционных структур. С другой стороны, Черноморский регион является геостратегическим плацдармом, где разворачивается противостояние между отдельными государствами и их блоками за влияние на ситуацию в самом регионе и расширение влияния на соседние регионы.

Геополитическое противостояние в регионе происходит по линии Восток (Россия, ОДКБ, СНГ) – Запад (США, ЕС, НАТО). Главными инструментами являются вовлечение стран региона в соответствующие интеграционные проекты, финансовая помощь, влияние на ситуацию в зонах «замороженных конфликтов».

Отдельное направление противостояния в регионе – энергетика, учитывая тот факт, что Черноморский регион является масштабным узлом транспортирования энергоносителей из Азии в Европу [9].

Черноморский регион отличается комплексностью внутренних региональных отношений, что обусловлено значительной разнородностью региональных государств и присутствием в регионе интересов глобальных игроков. Геополитическая структура Черноморского региона состоит из нескольких

уровней. Во-первых, это большие государства, самостоятельные субъекты геополитики, которые имеют относительно стабильные национальные интересы и могут проводить целенаправленную региональную политику. К таким государствам и стоит отнести США, Россию, отдельные государства Европейского союза. В последнее время значительно активизировался в этом регионе и Китай. Во-вторых, это региональные силы, к которым можно отнести Румынию, Турцию, Украину и ряд других государств. Особенности внутриннеполитической и экономической ситуации в этих странах региона не позволяют им быть полноценными субъектами принятия решений. Они вынуждены координировать либо согласовывать свои действия с позициями более сильных акторов. В-третьих, это международные организации и объединения – ЕС, НАТО, ОЧЭС, ОДКБ, ГУАМ. Их интересы и деятельность имеют непосредственное влияние на развитие ситуации в регионе [10].

Исследователи отмечают, что на сегодня четыре государства претендуют на региональное лидерство в Черноморском бассейне. Это Россия, Румыния, Турция и Украина [11]. Каждое из государств в арсенале обеспечения лидерства в этом регионе пытается в большей или меньшей степени использовать политику энергетической безопасности.

В этом контексте необходимо прежде всего отметить Россию, активно применяющую энергетическую дипломатию в вопросах построения внешней политики государства, в том числе в Черноморском регионе. Проактивную позицию в этом регионе Россия стала занимать со сменой политической элиты в начале 2000-х гг. Этот период ознаменовался определенной сменой акцентов в отношениях России с государствами региона, в том числе и с Украиной, где энергетическая зависимость стала выступать одним их основных инструментов внешнеполитического влияния.

Повышение мировых цен на энергоносители сделало возможным экономическое восстановление Российской Федерации, в том числе ее геополитического потенциала и ресурсов невоенного воздействия. Энергетический фактор стал в этом контексте наиболее удобным инструментом воздействия на государства в Черноморском регионе. Симптоматично, что в этот период, после появления в 2003 г. Энергетической стратегии России до 2020 года и по мере роста цен на нефть и газ, стали проявляться ранее не характерные конфликты с Украиной. К примеру, с 2004 г. были зафиксированы полные или частичные поставки энергоресурсов в Украину (2006, 2008, 2009 гг.).

На экспертном уровне отмечается, что на данное время к основам энергетической политики России следует отнести:

– государственный контроль за добывающими проектами с участием иностранного инвестора и добытым в его рамках ресурсом;

– сохранение трубопроводных систем в исключительной собственности государства без доступа к ним иностранного капитала;

– создание бестранзитных энерготранспортных систем;

– создание дополнительных (профицитных) мощностей инфраструктуры транспортировки энергоносителей для увеличения ее маневренности;

– блокирование стратегических проектов экспорта энергоресурсов Каспия и Центральной Азии, которые инициированы не РФ и через ее территорию не проходят;

– политический и экономический контроль постсоветского энергетического пространства;

– расширение сети лоббистских структур за пределами РФ с использованием финансового потенциала многочисленных совместных и дочерних предприятий русских монополий за рубежом [12].

Однако лидерский потенциал России в Черноморском регионе не характеризуется конструктивностью. Во-первых, на протяжении последних 10 лет Россия практически достигала кризисных состояний в отношениях с большей частью государств региона, в том числе и с Украиной. Во-вторых, Россия склонна рассматривать регион как зону противодействия Запада и Востока и, соответственно, обеспечение своего доминантного присутствия в регионе. Все это не позволяет рассматривать Россию как одного из гарантов энергетической безопасности в регионе, равно как и других форм безопасности.

Турцию можно назвать вторым по влиянию геополитическим актором в регионе. Интересы Турции относительно усиления своего лидерства основывались на особенностях развития ситуации на этом пространстве. После распада СССР в Черноморском регионе появилась группа государств, которые попали в сферу внешнеполитических и внешнеэкономических интересов Турции. В этом ключе стоит рассматривать и вопрос защиты тюркских народов, защитником которых объявила себя Турция. Экономическое укрепление Турции также произошло с изменением геополитической ситуации в регионе вследствие распада СССР, что привело к доминированию турецких товаров широкого потребления на рынках стран СНГ. Уже в 2010 г. Турция практически догнала Россию по показателю дохода на душу населения, а ее ВВП был лишь вдвое меньше российского. Опираясь на политику добрососедства, Турция смога в короткий срок укрепить свои позиции в странах Черноморского региона.

С приходом к власти в 2002 г. в Турции умеренной исламской силы «Партия справедливости и развития» началась постепенная эволюция государства от участника интеграционных проектов в экономической сфере (сотрудничество с ЕС) и в сфере безопасности (сотрудничество с НАТО) к позиции самостоятельного игрока в Черноморском регионе. Этому способствовали неэффективное управление страной предшествующих секулярных правительств, а также непродуманная политика США, стратегического партнера Турции, в регионе. Транспортировка значительных объемов каспийских энергоносителей в страны ЕС усиливает региональный потенциал этой страны.

В то же время Румыния после присоединения к Европейскому союзу стала рассматривать регион Черного моря как место приложения своих посреднических усилий в распространении европейского влияния. Это проявляется в инициации собственных проектов с привлечением ресурсов международных организаций, в том числе и ЕС.

Европейский союз формально вошел в роль влиятельного геополитического игрока в Черноморском регионе после присоединения к ЕС в 2007 г. Румынии и Болгарии. Однако также в ходе становления европейского влияния на регион не стоит забывать о Греции, члене ЕС с 1981 г., и Турции, которая до 2000-х гг. вела активные переговоры о вступлении в Евросоюз.

При значительной поддержке Румынии и Болгарии в 2008 г. была инициирована «Черноморская синергия», где предусматривалось значительное усиление участия Европейского союза в вопросах развития регионального сотрудничества. Однако в процессе реализации указанной инициативы не было достигнуто конкретных положительных результатов. Причиной неудачи указанной инициативы можно среди прочего считать жесткую ее привязку к неэффективной Европейской политике соседства, где была сделана попытка объединить семь стран с диаметрально противоположными интересами в регионе. Также ресурсное обеспечение инициативы размером в 17 млн евро для семи государств на 10 лет не стало достаточным мотивом для объединения усилий [13].

Наличие в регионе нескольких государств, претендующих на лидерские позиции, привело к конкурирующей форме построения отношений, что, в свою очередь, снизило уровень эффективности существующих интеграционных проектов. Низкий уровень сотрудничества стран Черноморского региона может быть объяснен несколькими предпосылками:

– сохранением в некоторых государствах приоритета национальных интересов над региональными в рамках Черноморского региона;

– длящимися проблемами и конфликтными ситуациями в двусторонних отношениях стран региона (замороженные конфликты, вхождение в разные блоки военно-политического характера);

– отсутствием последовательного и влиятельного доминантного лидера;

– участием в субрегиональных структурах ОЧЭС, ГУАМ, СДВ, Черноморском форуме и т.д.;

– отсутствием стратегического видения и концепции взаимоприемлемой модели регионального сотрудничества;

– ограниченностью ресурсов многих стран Черноморского региона, что заставляет руководство этих стран выбирать только те направления решения проблем, которые предоставляют реальные результаты или преимущества для страны;

– различием по содержанию проблем, которые имеют общее название в различных странах региона, что еще больше разделяло страны в процессе выработки политики решения указанных проблем [14].

Не была исключением в этом случае и политика энергетической безопасности стран Черноморского региона. Необходимо отметить, что, как и применительно к другим регионам, классическое понятие безопасности на этом пространстве претерпело значительную трансформацию в направлении «мягкой» безопасности, где наряду с угрозами военного характера на повестке дня появились вызовы экологического и энергетического характера.

На сегодняшний день в Черноморском регионе разворачивается борьба за влияние между мировыми акторами глобального и регионального уровней. Объектом интереса в первую очередь является энергетический транзитный потенциал региона. Это существующие и потенциальные энергетические коридоры, которые проходят через регион. Конкуренция в данном вопросе является главной характеристикой уровня взаимодействия между субъектами.

Политика энергетической безопасности Украины в Черноморском регионе

Рост потребления углеводородов в мире обостряет конфликты между тремя типами государств: государств, добывающих энергоресурсы, государств-транзитеров и государств – потребителей энергоресурсов. Поскольку среди стран Черноморского региона можно выделить все три типа, то в отношениях между ними возникают проблемные и кризисные ситуации при определении правил торговли и транспортирования нефти и газа.

Вышеперечисленные предпосылки указывают на необходимость сосредоточения усилий государства на создании новых путей транспортировки углеводородов и обеспечении их безопасности, что в свою очередь требует определенного лидерского статуса в регионе.

В то же время позиционирование Украины как нового лидера в Черноморском регионе требует пересмотра базовых документов в сфере обороны и национальной безопасности и смены отношения к различным формам коллективной безопасности. В контексте обеспечения энергетической безопасности должны быть решены следующие задачи:

– диверсификация поставок энергоресурсов;

– выход при помощи эксплуатации месторождений Черноморского шельфа на глобальные энергетические проекты;

– обеспечение военно-политического лидерства в регионе.

В этом контексте исследователями отмечается, что для Украины потенциальными угрозами невоенного характера на черноморском направлении могут стать:

– различные обводные транзитные энергетические проекты;

– интеграционные инициативы в регионе, в которых Украине отводится пассивная роль;

– выход ЕС в Черноморский регион при неопределенных евроинтеграционных перспективах Украины.

В то же время Черноморский регион как зона приоритетных интересов Европейского союза открывает и новые возможности причерноморским государствам для эффективного развития сотрудничества с ЕС, в том числе в энергетической сфере. Использование транзитного потенциала Черного моря частично призвано решить проблему энергетической безопасности ЕС посредством диверсификации поставок энергетических ресурсов, альтернативных российским. С развитием инициатив в сфере энергетики для европейских стран открывается путь к газу и нефти с Каспийского региона [15].

Черноморский регион как место приложения усилий региональной энергетической политики выступает теоретически как наиболее удобная площадка для инициации проектов, поскольку здесь сплетены интересы многих участников, которые имеют разный уровень влияния на события, связанные с энергетической безопасностью региона.

Среди стран – поставщиков энергоресурсов в этом регионе, прежде всего, нужно выделить Российскую Федерацию, затем страны Каспийского региона Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. Такие страны, как Турция, Украина, Грузия, являются потребителями и одновременно главными транзитными каналами поступления энергоресурсов в страны ЕС.

В связи с прогнозами увеличения потребления энергоресурсов Европейским союзом этот регион, где разрастается конкурентная борьба за право поставлять и транспортировать углеводороды, приобретает приоритетное значение. Украина как транзитное государство, имеющее доминантную зависимость от поставок энергоресурсов из России, также заинтересована в развитии альтернативных возможностей обеспечения необходимого объема энергоресурсов за счет каспийских источников.

Политика энергетической безопасности Украины, в том числе и в регионе бассейна Черного моря, складывалась с учетом исторически сложившихся предпосылок геоэкономического и геополитического характера. Поиск новых проектов и альтернативных источников Украиной исторически был обусловлен асимметричной энергетической политикой России в отношении постсоветских республик.

До 1991 г. Украина являлась составной частью СССР, что обусловило планово-административную направленность ее экономики в рамках общесоюзных производственно-промышленных комплексов. Это откладывало отпечаток на уровень энергообеспечения. В Украинской ССР был локализован комплекс тяжелой промышленности, что требовало значительных энергетических затрат. Несмотря на имевшиеся значительные запасы энергоносителей в виде нефти и газа на территории УССР, они были исчерпаны, прежде чем в СССР было принято решение разрабатывать более дешевые российские и среднеазиатские

месторождения углеводородов. В 1990 г. добыча газа в УССР составляла 21 млрд куб. м, что позволяло покрыть лишь 18% от потребностей украинской экономики (около 112–120 млрд куб. м), в то время как при потреблении 60 млн т нефти на территории республики добывалось около 5 млн т [16]. В 1990 г. Украина была третьим по размеру потребителем природного газа после США и России [17].

Обретение независимости сделало молодое государство зависимым от внешних поставок углеводородов. Эту проблему усугублял факт почти монопольной зависимости от поставок из России или через территорию России, учитывая существующую систему нефте- и газотранзитных коммуникаций бывшего СССР. В то же время Украина была главным транзитным государством, через которое российские углеводороды поступали на рынок Западной Европы. Естественно, что такое состояние экономической зависимости давало России возможность использовать энергоресурсы в своих политических целях.

На первом этапе независимости руководство Украины было поставлено перед необходимостью обеспечивать энергетическую безопасность государства в контексте развития тесных отношений с Россией как главным внешним актором, влияющим на развитие политической ситуации в регионе и являющимся доминантным поставщиком углеводородов на рынки этих государств. Контакты с другими внешнеполитическими акторами носили второстепенный характер.

На первом этапе политика энергетической безопасности Украины сводилась преимущественно к таким направлениям:

– сохранение объемов поставок энергоносителей в Украину на прежнем уровне при обеспечении низкой стоимости;

– сохранение контроля над энерготранспортной инфраструктурой как стратегическим сектором экономики государства;

– развитие транзитного потенциала стран с целью получения дополнительных доходов в бюджет;

– поиск возможных путей уменьшения зависимости от России в контексте энергоносителей, в том числе за счет каспийских энергоресурсов.

Однако высокий уровень коррупциогенности и тенизации энергетических отношений делал украинские элиты уязвимыми. Неэффективность подходов Украины к вопросу энергетической безопасности можно проиллюстрировать постоянными кризисами в двусторонних отношениях.

В 1992–1993 гг. Россия в одностороннем порядке повышала цены на энергоносители, что вызывало протесты руководства Украины и других постсоветских республик, их предложение о перенесении сроков повышения цен [18].

Переговоры украинской делегации в январе и марте 1992 г. в Москве и Ашхабаде смогли предупредить уже объявленные прекращения поставок энергоносителей и внедрить в схему расчета бартерные операции. Туркменистан стал

альтернативным источником поставок газа, что помогло избежать острого энергетического кризиса в стране.

Поскольку энергетическая зависимость рассматривалась в Украине как прямая угроза национальной безопасности и национальным интересам, то осуществлялись целенаправленные действия по поиску доступных энергоносителей нероссийского происхождения. Практически все проекты предполагали активное развитие транзитной транспортной инфраструктуры в Черноморском регионе.

Одной из первых попыток разрешения энергетического кризиса в Украине, связанного с повышением цен на российские энергоносители, стала диверсификация источников поставок энергоносителей через поиск альтернативных источников и путей транспортировки углеводородов. В этом контексте необходимо отметить проведение переговоров на высшем уровне с руководством Ирана в 1992–1993 гг. о поставках нефти. Было подписан договор о поставке 4 млн т нефти из Ирана, а также о создании иранско-азербайджанско-украинского предприятия для строительства 1500-километрового нефтепровода пропускной способностью в 75 млн т в год с Ирана в Украину. Президент Украины Л. Кравчук в декабре 1992 г. объявил о намерении строить танкерный флот, а в феврале 1993 г. украинском правительством принято решение о строительстве нефтяного терминала в украинском черноморском порту «Южный».

Кроме того, на уровне политический контактов Украина уже в 1992 г. проводила переговоры с руководством Грузии о создании неформального альтернативного России блока поставщиков энергоносителей и транзитных государств.

Однако иранское направление диверсификации не принесло ожидаемых результатов, так же как и последующие переговоры с Оманом, Кувейтом, Объединенными Арабскими Эмиратами, Болгарией, которые предлагали Украине сотрудничество в вопросе поставок и переработки нефти [17].

На определенном этапе трудности в поисках альтернативной нефти заставили Украину идти на уступки России, когда в обмен на поставки российского энергетического сырья был открыт доступ российского капитала к украинским предприятиям нефтехимического сектора. На данный момент около 80% нефтеперерабатывающей отрасли принадлежит российским компаниям.

На определенных этапах Украина вполне успешно боролась за независимость от российских энергоносителей посредством сотрудничества с Туркменистаном. В первой половине 1990-х гг. из этого государства транспортировался газ по 12–35 млрд куб. м ежегодно. Поставки возобновились в 1999 г. В мае 2001 г. было подписано соглашение о поставках газа на 2002–2006 гг. С 2003 г. Туркменистан стал наибольшим экспортером газа в Украину, поставляя ежегодно 34–38 млрд куб. м газа.

Отдельно стоит выделить решение украинских властей о строительстве нефтепровода «Нефтетерминал “Южный” – Одесса – Броды», который был за-

вершен в 2001 г. и предназначался для транспортировки нефти с Каспийского региона в Европу (Венгрия, Словакия, Польша). С середины 2003 г. активно обсуждались направления использования нефтепровода. В феврале 2004 г. украинское правительство приняло решение о прямом использовании транзитной магистрали, а в июле 2004 г. решение было пересмотрено в пользу реверсного использования по поставке российской нефти в сторону черноморского нефтетерминала. Это решение является наглядным примером российского противодействия украинским попыткам обеспечить альтернативные поставки энергоносителей.

В силу произошедших геополитических изменений в регионе Восточной Европы построение политики энергетической безопасности Украиной претерпело кардинальные изменения, учитывая смену элит в стране в конце 2004 г.

С начала 2005 г. были предприняты шаги по поиску путей диверсификации поставок энергоносителей в Украину и внесению энергетического вопроса в повестку дня сотрудничества с ЕС. С февраля 2005 г. энергетический компонент включен в План действий Украина – ЕС в рамках Европейской политики соседства. В декабре Украина и Евросоюз подписали Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в энергетической отрасли. В этом документе предусматривалась реализация мероприятий по сближению энергетических рынков Украины и ЕС в сфере ядерной энергетики, электроэнергии, транспортировки углеводородов, угля [17].

Одним из вариантов решения проблемы диверсификации поставок газа на проектном уровне рассматривался импорт сжиженного природного газа из Ливии, Египта и других стран и построение для этих целей терминала и регазификационной установки на Черном море. Технико-экономическое обоснование такого проекта стоимостью в 3 млрд дол. США было разработано на заказ НАК «Нефтегаз Украины».

Еще одним проектом в сфере диверсификации поставок газа есть проект «Белый поток», впервые представленный в ноябре 2006 г. Трубопровод предназначен для диверсификации маршрутов поставок среднеазиатского природного газа на рынки ЕС. Его ресурсной базой стал газ из Азербайджана, Туркменистана и Казахстана. Предусматривалось, что продуктивность его составит на первом этапе 8 млрд дол. США с возможностью расширения до 18–32 млрд на последующих этапах. Проект встретил небольшую заинтересованность из-за его высокой стоимости (15 млрд дол. США) и наличия более экономичных альтернативных проектов [19].

Еще одним проектом альтернативного обеспечения газом Украины, связанным с Черноморским регионом, является проект AGRI (Азербайджан – Грузия – Румыния – Италия). Этим проектом предусматривается транспортирование сжиженного газа из Азербайджана через Черное море в Румынию. Часть танкеров со сжиженным газом могло бы приходить в порты Украины. Проект имеет важное значения для реализации одной из стратегических перспектив в

Украине – построения терминала для приема сжиженного природного газа на черноморском побережье с целью создания дополнительного источника транспортирования энергоресурсов в страну.

В контексте инициации региональных форм энергетической безопасности с учетом возможностей Черноморского региона следует отметить и попытки активизации работы в аверсном режиме нефтепровода «Одесса – Броды» для обеспечения нефтью Беларуси.

В одном из пунктов указанной «дорожной карты» определено сотрудничество в сфере транзита нефти по территории Украины и организации системы поставок белорусских нефтепродуктов в Украину. Можно сказать, что реализация этого положения в силу сложившейся ситуации в регионе явилась наиболее важным элементом в контексте обеспечения энергетической безопасности Беларуси и Украины.

В апреле 2010 г. в украинский порт морским путем прибыла первая пробная партия – около 80 тыс. – из 4 млн т законтрактованной венесуэльской нефти, которая после перевалки железнодорожным транспортом доставлялась на Мозырский НПЗ в Беларуси. В июне в Киеве подписано соглашение между Кабинетом министров Украины и правительством Республики Беларусь о мерах по развитию сотрудничества, связанного с транспортировкой нефти через Украину в Беларусь. С экономической точки зрения объемы венесуэльской нефти незначительны для нужд белорусской нефтехимической промышленности. Но это достаточно важный политический сигнал, что Беларусь и Украина смогут объединить усилия для актуализации диверсификационных стратегий обеспечения сырьем своих потребностей.

Для Украины из чисто экономического этот проект превратился в геополитический, когда в августе 2010 г. Министерство транспорта и связи Украины дало разрешение на использование магистрального нефтепровода «Одесса – Броды» в аверсном режиме при условии, что Беларусь гарантирует ежегодную прокачку более 9 млн т венесуэльской нефти. А уже в конце октября Украина и Беларусь подписали контракт на организацию пробной прокачки нефти.

Наличие значительного количества проектов расширения транзитных возможностей и создания альтернативных путей поставок энергоресурсов свидетельствует о том, что стратегия энергетической безопасности Украины рассматривает регион Черного моря как приоритетный.

Несмотря на небольшую практическую ценность проектов черноморско-центральноевропейского коннектора (в частности, проекты поставок газа «Белый поток», AGRI, нефтепровод «Одесса – Броды»), их появление указывает на попытки Украины выходить из региональных аспектов построения энергетической безопасности. Учитывая географические особенности, в этих стратегиях Черноморский регион будет и в дальнейшем играть стратегическую роль в формировании политики энергобезопасности Украины.

Нужно отметить, что со сменой политических элит в Украине в 2010 г. активность Украины в направлении обеспечения своего лидерского положения в Черноморском регионе не уменьшилась, однако преобладала информационная составляющая политики над практическим наполнением инициатив. При этом энергетический аспект сотрудничества выходит на первое место. В то же время роль и место Украины в Черноморском регионе будет зависеть от четкого понимания руководством страны важности реализации конкретных шагов, увеличивающих уровень безопасности в регионе, в том числе и в энергетической сфере.

Литература

1. Земляний М. До оцінки рівня енергетичної безпеки. Концептуальні підходи // Стратегічна панорама. № 2. 2009. С. 56–63.
2. Забезпечення енергетичної безпеки / Рада національної безпеки і оборони України, Національний інститут проблем міжнародної безпеки. К.: НІПМБ, 2003.
3. Микитенко В. На чому базується енергетична безпека держави // Вісник НАН України. № 6. 2005.
4. Шевцов А.І., Земляний М.Г., Бараннік В.О. та ін. Енергетична безпека України: стратегія та механізми забезпечення / За ред. А.І. Шевцова. Дніпропетровськ: Пороги, 2002.
5. Бараннік В. Енергетична безпека: регіональний вимір / Дніпропетровський філіал НІСД. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.db.niss.gov.ua/docs/energy/EnSecBa1.pdf
6. Основні напрями державної політики у сфері забезпечення енергетичної безпеки України / Указ Президента України. № 1863/2005. 2005.
7. Перспективи енергозабезпечення України в контексті світових тенденцій: Монографія / За заг. науковою ред. А.Шевцова. Д.: РФ НІСД, 2008.
8. Максименко І. Геополітичні зміни в Чорноморському регіоні та перспективи регіонального співробітництва // Проблемы и перспективы развития сотрудничества между странами Юго-Восточной Европы в рамках Черноморского экономического сотрудничества и ГУАМ. Сб. науч. статей. Ливадия; Донецк: Донецкий национальный университет, 2007. С. 164–169.
9. Крим, Україна, Чорноморський регіон: безпека і розвиток // Національна безпека і оборона. № 4–5. 2011. С. 2–20.
10. Рудь І. Стан співробітництва і геополітичні інтереси держав Чорноморського регіону // Гілея: науковий вісник. № 43. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа**:** http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Gileya/2011_43/Gileya43/P30_doc.pdf
11. Шелест Г. Посилення ролі України у формуванні системи безпеки в Чорноморсько-Каспійському регіоні // Чорноморська безпека. 2008. № 2 (8). С. 29–32.
12. Гончар М. Опыт нефтяных и газовых войн: уроки прошлого и последствия для региона // Наше мнение. 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа**:** http://nmnby.eu/pub/0911/03d.html
13. Аналітичні матеріали для круглого столу «Чорноморський регіон: геополітична дилема чи високо-пріоритетний простір?». Одесса. 25 травня 2011 року. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bigyalta.com.ua/story/32400

14. Максименко І. Геополітичні зміни в Чорноморському регіоні та перспективи регіонального співробітництва / Проблемы и перспективы развития сотрудничества между странами Юго-Восточной Европы в рамках Черноморского экономического сотрудничества и ГУАМ. Сб. науч. статей. Ливадия; Донецк: Донецкий национальный университет, 2007. С. 164–169.
15. Хількевич В., Лосев Є. Основні тенденції розвитку ситуації в Чорноморському регіоні. Загрози і виклики Україні / Центр содействия изучению геополитических проблем и евроатлантического сотрудничества Черноморского региона НОМОС. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nomos.com.ua/content/view/164/82/
16. Kozakiewicz J. Rocja w polityce niepodleglej Ukrainy. Warszawa: PAN, 1999.
17. Ukraine: Lynchpin for European Energy Security // FRIDE Democracy Backgrounders. № 15. 2008.
18. Geopolityka rurogiangow. Wspolzaleznosc energetyczna a stosunki miedzinarodowe na obszarze postosowieckim / Pod redakcia Ernesta Wycisziewicza. Warszawa: Polski Instytut Spraw Miedzinarodowich, 2008.
19. Уніговський Л., Частухін В., Лактіонов О., Федоренко С. Диверсифікація джерел і марштуртів газопостачання: вибір для Європи та України // Національна безпека і оборона. № 6. 2009. С. 59–64.

Татьяна Журженко

ГЕОПОЛИТИКА ПАМЯТИ: ПЕРЕОЦЕНКА ИТОГОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И БОРЬБА ЗА ГЕГЕМОНИЮ В БАЛТИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ[1]

Abstract

The article addresses dilemmas of memory politics in the Baltic-Black Sea region in the context of the EU and NATO enlargements to the East and the changing role of Russia on the European continent. Focusing on the uses of World War II memories in (inter)national and European politics, it seeks to explain how history as a resource has been mobilized and how national identities have been renegotiated in response to the new geopolitical situation. The article shows that alternative interpretations of WWII in the countries of the Baltic-Black Sea region are used as political arguments in the fight for hegemony on the European continent and reveal competing claims for a European identity. The first section briefly discusses the role of World War II in contemporary debates on European memory and identity. The second section deals with the conflicts between Russia and the Baltic States in the context of their accession to the EU and NATO, while the third one addresses the role of World War II memories in EU-Russian relations. Finally, the last section considers the role of historical memory in the Russia's relations with Ukraine, a country with a still uncertain geopolitical future.

Keywords: World War II, historical memory, memory politics, communities of suffering, coping with the past, restitution, reconciliation.

Для большинства государств Балтийско-Черноморского региона Вторая мировая война имела судьбоносное значение: перекройка границ, обмены населением и депортации, утрата независимости и борьба за ее восстановление, опыт коллаборации и сопротивления оккупационным ре-

жимам на десятилетия вперед определили не только политическую карту этой части Европы, но и основные болевые точки послевоенных национальных идентичностей. Вторая мировая война стала наиболее травматическим событием прошедшего столетия для этого региона: государства Балтии, Польша, Украина и Беларусь вместе с западными территориями Российской Федерации принадлежат, по выражению йельского историка Тимоти Снайдера, к «кровавым землям». В этой части Европы, судьба которой была решена пактом Молотова – Риббентропа, жестокости войны трудно отделить от преступлений нацистов и сталинского режима. Не считая колоссальных человеческих потерь в военных действиях, около 14 млн мирных жителей, по подсчетам Снайдера, уничтожены на этих территориях в течение только двенадцати лет: в годы консолидации нацистского и сталинского режимов (1933–1938), советско-германской оккупации Польши (1939–1941), войны нацистской Германии с СССР (1941–1945) (Snyder, 2010: viii). В то же время именно этот регион с конца 1980-х гг. стал ареной радикальных геополитических изменений. Движение «Солидарность» и кризис коммунистического режима в Польше, национал-демократические движения в Прибалтийских республиках и Западной Украине привели к ослаблению советского влияния в Восточной Европе и к распаду СССР. В то время как Польша и страны Балтии стали членами НАТО и позднее Европейского союза, тем самым успешно завершив процесс «возвращения в Европу», Украина, Беларусь и Молдова, несмотря на различные политические траектории посткоммунистического перехода, разделили общую судьбу, связанную с пограничным положением между ЕС и Россией и неопределенностью геополитического будущего.

В этой статье рассматривается роль памяти о Второй мировой войне в европейской политике и в отношениях между Россией и Европейским союзом в контексте двух важнейших геополитических тенденций последнего десятилетия: расширения ЕС на восток и усиления влияния России на Европейском континенте, прежде всего в «ближнем зарубежье». Напряженные отношения Москвы со странами Балтии и конфронтация с правительством Качиньского в Польше, «оранжевая» революция и последовавшая за ней политическая дестабилизация в Украине, затянувшийся кризис режима Лукашенко в Беларуси свидетельствуют о нестабильности на восточных рубежах Европейского союза и остром соперничестве между Россией и ЕС в Балтийско-Черноморском регионе. В этом контексте конкурирующие нарративы о Второй мировой войне, дебаты об исторической вине и ответственности, академические и общественные дискуссии об оккупации, коллаборации и сопротивлении отражают борьбу за политическую гегемонию на Европейском континенте. Именно в этом дискурсивном поле сталкиваются претензии на европейскую идентичность и стратегии исключения «других», разные видения Европы и ее политических границ, апелляция к европейским ценностям и принципам, а также их критика.

Современная литература, посвященная политике памяти, уделяет все больше внимания роли извинений, компенсаций и примирения в международной политике (Lind, 2008; Nobles, 2008). Некоторые авторы отвергают устоявшуюся мудрость realpolitik и предлагают концепцию нового морального международного порядка, основанного на «проработке прошлого», т.е. осмыслении и преодолении исторических несправедливостей в отношении отдельных этнических и социальных групп (Barkan, 2001). Теории «правосудия переходного периода» (transitional justice) предполагают, что успех демократических реформ во многом зависит от того, насколько последовательно общество и государство работают над своим «трудным прошлым» (Elster, 2006). Выработанные на опыте многих стран соответствующие механизмы и институты включают обнародование правды о преступлениях и несправедливостях ушедшего в прошлое режима, возмездие в отношении преступников, моральную и материальную компенсацию их жертвам, а также национальное примирение. Принципы «правосудия переходного периода» все чаще применяются и в международных отношениях, когда государство берет на себя ответственность за несправедливости, совершенные предшествующим режимом в отношении соседей, населения бывших колоний или оккупированных в прошлом территорий. Такой подход, хотя и не всегда последовательно, постепенно утверждается в качестве нормы в европейской политике памяти. В то же время военная победа над агрессором и «освободительная миссия» в отношении соседей, а также в возрастающей степени статус «нации-жертвы» являются ресурсами политической легитимности и продолжают играть важную роль в международных отношениях. Если первый ресурс традиционно используют российские политические элиты, то второй популярен у политиков стран Балтии, иногда – Польши, а в последнее время и Украины. Политика памяти апеллирует к моральным ценностям и принципам исторической справедливости, но движима она, как правило, прагматическими интересами политических акторов. Более того, исторические и моральные аргументы нередко сопровождают традиционную политику силы.

Целью этой статьи не является систематический обзор различных форм политики памяти, практикуемых государствами этого региона. На примерах использования памяти Второй мировой войны в международных отношениях и европейской политике я хочу показать, как прошлое становится ресурсом легитимности и как исторические идентичности переосмысляются и конструируются заново в новой геополитической ситуации. В первой части статьи я вкратце остановлюсь на роли Второй мировой войны в современных дебатах об общей европейской памяти и идентичности. Вторая часть посвящена мемориальным конфликтам между Россией и странами Балтии в контексте их вступления в НАТО и ЕС. В третьей части я обращаюсь к возрастающей роли памяти о Второй мировой войне в отношениях России и ЕС. Наконец, в четвертой части речь

идет об украинско-российских отношениях и «общей памяти» о Великой Отечественной войне в свете неопределенного геополитического будущего Украины.

1. Конец холодной войны и эволюция памяти о Второй мировой

Вторая мировая война – главная общеевропейская травма XX в., трагический опыт, к которому в той или иной степени оказались причастны все европейские нации. В то же время ничто не разделяет европейские нации в такой степени, как память об этой войне, завершившейся более чем полвека назад. Это многообразие памятей и исторических нарративов вполне объяснимо: в межвоенной Европе одни стремились избежать агрессии и сохранить статус-кво, другие видели в надвигающейся войне шанс расширить свои границы, вернуть утраченные ранее территории или добиться национальной независимости. Кроме того, политика оккупационных режимов в отношении местного населения имела существенные отличия: различными были характер, масштабы и роль сопротивления режиму и коллаборации с оккупационными властями, несопоставимыми – степень разрушений, вызванных военными действиями, и масштабы человеческих потерь. Не менее существенным фактором формирования национальных памятей о Второй мировой была последовавшая за ней холодная война. Важнейшим итогом разгрома нацистской Германии стал новый геополитический порядок, сложившийся в результате не столько договоренностей, сколько новой конфронтации между победителями: новая система европейских границ и разделение Европейского континента на два враждебных политических блока. Этот послевоенный порядок и стабильность политических границ на Европейском континенте обеспечивались не только балансом военной силы и ядерным паритетом, но также и своеобразным балансом памяти и выборочного забвения – как на Востоке, так и на Западе Европы. Если в Восточной Европе нежелательная память оказалась репрессированной, то в Западной Европе «выборочная амнезия» послужила вытеснению коллективной травмы и концентрации энергии населения на задачах послевоенного восстановления экономики. Эта выборочная амнезия, по мнению Тони Джадта, способствовала становлению либеральной демократии и препятствовала возвращению в политику старой вражды и старых обид (как внутри послевоенных наций, так и между ними), обеспечивая стабильность границ (Judt, 2002: 157–183). «Память о войне находилась в плену политических ограничений и стимулов, навязанных холодной войной, и была подчинена проектам построения социалистических обществ на Востоке и европейского единства на Западе» (Müller, 2002: 5). Создавая миф о сопротивлении нацизму на Западе и об антифашистском коммунистическом подполье на Востоке, с одной стороны, и замалчивая депортации, массовую коллаборацию с нацистами и сталинские

репрессии – с другой, обе стороны поддерживали тем самым геополитический порядок холодной войны.

С самого начала проект европейской интеграции тесно связан с императивом памяти об ужасах войны не только как морального долга перед павшими, но и как гарантии сохранения мира. Истоки Европейского союза восходят к урокам Второй мировой войны («Это не должно повториться!») и к успешной истории германо-французского примирения. В послевоенные десятилетия практика сознательной проработки прошлого постепенно утвердилась в качестве нормы европейской политики. В 1970–1980-е гг. процессы универсализации памяти о Холокосте как ультимативном преступлении против человечества привели к формированию новой глобальной культуры прав человека; по мнению некоторых политологов, Холокост стал негативной основой общеевропейской идентичности (Leggewie, 2010).

По другую сторону «железного занавеса» послевоенный СССР также основывал свою легитимность на итогах Второй мировой войны. Опираясь на моральный капитал победы над нацистской Германией и освободительную миссию Советской Армии в Восточной Европе, Советский Союз позиционировал себя как гаранта мира и стабильности в Европе и во всем мире. Победа над нацизмом служила подтверждением демократичности и прогрессивности советского строя, а альянс с западными демократиями против общего врага стал для СССР входным билетом в клуб европейских держав. Внутри страны официальная версия памяти, оформившаяся в миф о Великой Отечественной войне, выполняла несколько важных функций: 1) подтверждение легитимности советского режима; 2) подавление и вытеснение памяти о лагерях и сталинских репрессиях; 3) консолидация коллективной идентичности и формирование наднационального сообщества «советских людей» (Хапаева, 2008; Дубин, 2004). Миф об «общей Победе» имел особое значение для консолидации славянского ядра СССР, а также для интеграции западных территорий Украины и Беларуси, окончательно отошедших СССР по итогам Второй мировой войны (Гриневич, 2005; Yekelchyk, 2004). В республиках Прибалтики история Второй мировой войны как «освобождения» стала инструментом советизации населения и идеологического контроля центра над неблагонадежными республиками (Онкен, 2005). Наконец, в Восточной Европе нарратив об освободительной миссии Советской Армии содействовал легитимации советского контроля над государствами-сателлитами. Коммунистические режимы в Восточной Европе представляли себя как наследники традиций антифашистского сопротивления, признавая при этом решающую роль Советского Союза в освобождении от нацизма. С точки зрения официальной идеологической доктрины Варшавский договор объединял бывших жертв нацистской агрессии, освобожденных Советской Армией и остающихся под защитой СССР.

Хотя «оттепель памяти» началась в Восточной Европе задолго до падения Берлинской стены и распада СССР, эти события значительно ускорили конец

«сталинской империи памяти»[2]. Открытие архивов, публикация ранее недоступных материалов, крушение идеологических табу, заполнение «белых пятен» в истории – все это привело к смене доминирующего «режима памяти». Вполне понятно, что Вторая мировая война и первое послевоенное сталинское десятилетие оказались в центре этих процессов. Либерализация предоставила право голоса репрессированным индивидам и социальным группам и способствовала возникновению новых «сообществ страдания»[3]. Смена доминирующего «режима памяти» на рубеже 1990-х была особенно радикальной там, где официальное окончание Второй мировой войны не означало прекращения партизанской войны и внутренних гражданских конфликтов, а также сопровождалось репрессиями против антисоветского подполья и массовыми депортациями. И если в Польше, сохранившей после войны ограниченный национальный суверенитет, «проработка прошлого» стала, прежде всего, внутренним делом нации, то в странах Балтии, по вполне понятным причинам, возобладала концепция «советской оккупации», позволяющая рассматривать коммунистический режим исключительно как навязанный извне. С расширением Европейского союза на восток стало очевидно, что послевоенный консенсус, сложившийся в Западной Европе по поводу Второй мировой войны, далеко не во всем устраивает новых членов Европейского сообщества: для многих из них Ялта является символом не столько победы союзников над нацистской Германией, сколько нового раздела Европы между победителями. Окончание Второй мировой войны принесло этим странам не освобождение, а всего лишь новый репрессивный режим, который, с точки зрения новых политических элит, был не менее преступным, чем нацизм (Sandra Kalniete, 2010). Для них преступления сталинизма и массовые репрессии, зачастую квалифицируемые как «геноцид» (депортации в Литве, Латвии и Эстонии, Катынский расстрел польских офицеров), вполне сравнимы с Холокостом, а коммунистический режим заслуживает своего международного трибунала.

В России общественные и политические дискуссии в отношении многих ранее замалчиваемых аспектов Второй мировой войны начались с перестройкой и продолжались в 1990-е гг. Здесь происходили процессы, во многом сходные с восточноевропейскими. Но коллапс советской империи, потерпевшей поражение в холодной войне, радикально изменил геополитический статус России и обнаружил кризис легитимности нового государства. Претензии бывших государств-сателлитов и союзных республик на статус жертвы Москвы оставляли Россию как правопреемника СССР один на один с исторической ответственностью за преступления сталинизма. Эту ответственность не готовы были принять ни правящие элиты, во многом советские по своей ментальности, ни поднимающий голову русский национализм, сам претендующий на статус жертвы, ни даже российские либералы и демократы, которые рассматривали советское прошлое

как «черную дыру» и предпочли забыть о нем, жертвуя проработкой прошлого ради модернистских и прозападных иллюзий (Хапаева, 2008: 90–92). Хотя Борис Ельцин неоднократно осуждал коммунизм, он оставил в неприкосновенности и даже укрепил миф о Великой Победе, которая в условиях кризиса легитимности представлялась единственным несомненным достижением и позитивным символом новейшей российской истории (Dolgin, 2009). В этом смысле Ельцин завершил национализацию памяти о войне, начатую в советскую эпоху. В период президентства Путина деполитизация и «нормализация» коммунистического прошлого стала официальной политикой. По мнению Копосова, «из советского опыта изгоняется коммунистическое содержание (...) а из внешней политики СССР изгоняется коммунистическое мессианство и остаются чистые геополитические интересы» (Копосов, 2011: 147). История переписывается в таком ключе, чтобы подчеркнуть преемственность советской эпохи с российским имперским прошлым. Тем самым сегодняшняя официальная политика истории ставит в центр национального нарратива сильное государство как главную ценность и традиционную основу российской идентичности. В эпоху Путина аффирмативное отношение к советскому прошлому нашло выражение в новой парадигме «суверенной демократии», разработанной кремлевскими идеологами. Эта парадигма отрицает универсальность западной нормативной модели демократии и оправдывает «особый путь» России, рассматривая советский опыт как один из вариантов универсального процесса модернизации. С начала 2000-х, с возвращением России в международную политику, моральный капитал победы над нацизмом стал использоваться руководством страны в целях укрепления позиций России в Европе и возвращения контроля над «ближним зарубежьем». Подтверждением этому стало масштабное празднование 60-летия Победы в 2005 г. в Москве, на которое были приглашены главы ведущих государств мира.

2. Российско-балтийские войны памяти

Новые национальные нарративы государств Балтии отрицают советский миф «освобождения» и акцентируют внимание на таких аспектах войны, как советская оккупация и аннексия 1940 г., нацистская оккупация и советская реоккупация в 1944 г., утрата национальной независимости, массовые репрессии советских властей против местного населения и борьба эстонцев, латышей и литовцев за восстановление своей государственности (Онкен, 2005). В этой перспективе послевоенный советский режим в странах Балтии предстает как продолжение оккупации 1940 г., которая завершилась, по сути, лишь в 1991-м. В центре такой трактовки истории Второй мировой войны, общепринятой сегодня в странах Балтии, находится пакт Молотова – Риббентропа и раздел Восточной Европы между Гитлером и Сталиным. Советская версия «добровольного вхождения» прибалтийских республик в состав СССР и последующего «освобождения», ко-

торая была основой официальной исторической пропаганды, противоречила коллективной памяти значительной части населения этих стран. В годы перестройки требование обнародования правды о пакте Молотова – Риббентропа стало одним из факторов массовой политической мобилизации в прибалтийских республиках и способствовало консолидации антикоммунистической оппозиции. 23 августа 1989 г., в пятидесятую годовщину советско-германского пакта, живая человеческая цепь, в которой участвовали около двух миллионов человек, протянулась от Таллинна до Вильнюса. Эта акция вошла в историю как одна из самых ярких манифестаций стремления прибалтийских республик к национальной независимости. Осуждение советского тоталитаризма и сталинской внешней политики, прежде всего пакта Молотова – Риббентропа, стало основной легитимационной стратегией балтийских элит в эпоху восстановления независимости. Такая политика памяти привела, по мнению некоторых исследователей, к формированию национальных «сообществ страдания» (Budrytė, 2005). Термин «геноцид» утвердился в политическом дискурсе для обозначения советской политики массовых репрессий и депортаций местного населения в Сибирь (Budrytė, 2004), а советская символика была официально запрещена. В то же время антисоветское сопротивление и национальные военные формирования, которые сражались на стороне Гитлера против Советской Армии, были реабилитированы, а их лидеры возведены в статус национальных героев. Тезис о «равной степени преступности» коммунистического и нацистского режимов пропагандируется политиками стран Балтии на международном уровне. Музеи оккупации в Риге и в Таллинне, музей жертв геноцида в Вильнюсе репрезентируют свои нации как коллективные жертвы советской оккупации, которая (с трехлетним перерывом) длилась с 1940 по 1991 г.

В отношениях России со странами Балтии были периоды роста напряженности и относительного потепления, но проблемы исторической памяти, и прежде всего разные оценки итогов Второй мировой войны, остаются основным источником конфликта. Все три государства ожидают от России официального признания факта территориальной аннексии в 1940 г. Кроме того, Литва и Латвия поднимают вопрос о материальной компенсации за ущерб, причиненный советской оккупацией. Сейм Литвы в 2000 г. принял соответствующий закон, которым обязал правительство определить размер ущерба, сформировать делегацию для переговоров и обратиться к Российской Федерации по вопросу возмещения ущерба. Подобная комиссия была также учреждена в Латвии, впоследствии ее деятельность пришлось приостановить в связи с экономическим кризисом и необходимостью экономии бюджетных средств. В 2005 г. Балтийская ассамблея потребовала от России признания факта оккупации стран Балтии, а также компенсации за ущерб, причиненный советским режимом.

В декабре 1989 г., еще до распада СССР, съезд народных депутатов в Москве осудил пакт Молотова – Риббентропа; тогда же в прессе было опубликовано со-

держание секретных протоколов. В то же время Москва никогда официально не признавала факта насильственной аннексии, настаивая на том, что эта страница истории в российско-балтийских отношениях должна быть «перевернута». В соответствии с позицией российского МИДа государства Балтии вошли в состав СССР в 1940 г. добровольно; кроме того, Прибалтика являлась частью Российской империи до 1917 г. Соответственно, российское руководство отказывается обсуждать вопрос о возмещении ущерба, причиненного этим странам советской оккупацией, а также вопрос о компенсации жертвам насильственных депортаций. В 2004 г. в ответ на претензии стран Балтии Россия как правопреемник СССР выдвинула требования компенсации за имущество, оставшееся на территории этих стран после распада Советского Союза (Socor, 2004). Совсем недавно, в октябре 2011 г., российское руководство еще раз подтвердило свою позицию по этому вопросу устами главы комиссии при президенте России по реабилитации жертв политических репрессий Михаила Митюкова: «Россия не может нести ответственность за политические репрессии, совершенные руководством СССР, за исключением обязательства полностью раскрыть информацию об этих преступлениях»[4].

Вхождение стран Балтии в ЕС в 2004 г., обеспечившее им гарантии государственной независимости и безопасности, породило надежды на улучшение балтийско-российских отношений. Однако новые факторы (российско-немецкий проект «Северный поток», выход России из договора о ПРО и война с Грузией) привели к сохранению и даже возрастанию напряженности (Berg, Ehin, 2009). В 2004 г. «оранжевая» революция, которая, по выражению политолога Ивана Крастева, стала «11 сентября» для российской правящей элиты, крайне обострила соперничество между Россией и Западом в Балтийско-Черноморском регионе. В мае 2005-го президенты Эстонии и Литвы отказались принять участие в официальном праздновании 60-летия победы во Второй мировой войне в Москве. Президент Латвии, хотя и приняла приглашение, однако использовала свой визит для того, чтобы еще раз привлечь внимание международной общественности к факту советской аннексии балтийских государств (Onken, 2007). Весной 2007 г. решение эстонских властей о переносе Бронзового солдата (советский памятник освободителям Таллинна) привело к протестам местного русского населения, переросшим в погромы в центре города. Эскалация напряженности вокруг этого конфликта вылилась в настоящий кризис российско-эстонских отношений.

Русские (русскоязычные) меньшинства, прежде всего в Латвии и Эстонии, часто выражают несогласие с официальным нарративом о «советской оккупации» и поэтому рассматриваются националистами как «пятая колонна» Москвы. Легитимность их присутствия в странах Балтии и участия в политической жизни напрямую зависят от интерпретации событий Второй мировой войны. Более того, определение советского периода как оккупации и постулат о преем-

ственности балтийской государственности нашли отражение в законодательстве о гражданстве Латвии и Эстонии. Русские и русскоязычные других национальностей были изначально исключены из национальных «сообществ страдания» и, более того, зачастую ассоциировались с оккупантами. Русскоязычные меньшинства (при всей гетерогенности этой среды) действительно являются носителями «иной» коллективной памяти, часто противоречащей официальному нарративу, утвердившемуся в странах Балтии. Многие из них, в особенности представители старшего поколения, идентифицируют себя с теми, кто освобождал Прибалтику от нацизма. Для русскоязычной молодежи обращение к советской символике зачастую служит формой выражения социального протеста. В то же время, как показали события вокруг Бронзового солдата, «иная» память о Второй мировой войне является фактором, способствующим консолидации русских как нового национального меньшинства, и воспроизводит символическую связь с «этнической родиной», сознательно культивируемую из Москвы (Lethi, 2008).

Накануне вступления в ЕС государства Балтии столкнулись с жесткой критикой в таких вопросах, как законодательство о гражданстве, недостаточная интеграция русскоязычных меньшинств и некритичное отношение к собственному проблематичному прошлому. Моральное и политическое давление исходило от европейских структур, а также средств массовой информации и общественного мнения, особенно в вопросах, связанных с коллаборацией и соучастием в уничтожении еврейского населения. Примером может служить конфликт вокруг памятника эстонским борцам за свободу в поселке Лихула в Западной Эстонии. Он был воздвигнут в 2004 г. по инициативе эстонских националистов и организаций эстонских ветеранов вермахта. Памятная доска, посвященная «эстонцам, которые в 1940–1945 гг. боролись против большевизма и за восстановление эстонской независимости», содержала изображение эстонских солдат в немецкой униформе с символикой SS. Памятник вызвал острую критику с разных сторон – Европейского союза, российского правительства и еврейских организаций (Lethi, 2008: 398). Под давлением международного общественного мнения эстонское правительство вынуждено было принять решение о сносе памятника, несмотря на протесты местного населения.

В 1990-е гг. происходило формирование основ общеевропейской «культуры памяти», базирующейся на признании беспрецедентного характера Холокоста. В 1997 г. по инициативе шведского правительства создана международная организация «Task Force for International Cooperation on Holocaust Education, Remembrance and Research», к которой присоединились многие европейские страны. Международный форум по Холокосту, прошедший в 2000 г. в Стокгольме, провозгласил моральную и политическую приверженность европейских наций памяти Холокоста и призвал объединить усилия, направленные на просвещение, исследовательскую работу и сохранение памяти о его жертвах. В 2005 г. Организация Объединенных Наций по инициативе России учредила Международный

день памяти жертв Холокоста, который отмечается 27 января – в день, когда в 1945 г. лагерь смерти Освенцим был освобожден Советской Армией. Этот международный консенсус в отношении Холокоста является сегодня моральным фундаментом европейской интеграции, а готовность к критической проработке собственного прошлого стала рассматриваться как важнейший, хотя и неформальный, критерий готовности к вступлению в «европейский клуб». Страны Балтийско-Черноморского региона оказались перед серьезным политическим вызовом, поскольку реабилитация репрессированной памяти и конструирование национальных нарративов зачастую исключали критический подход к проблемам коллаборации с нацизмом и соучастия в убийствах еврейского населения. Столкнувшись с проблемой Холокоста, в 1998 г. все три государства Балтии создали международные исторические комиссии для расследования преступлений нацизма и советского режима. Политической миссией комиссий было примирение национальной памяти о преступлениях сталинизма с европейской памятью о Холокосте (Hackmann, 2009: 170).

В то же время государства Балтии использовали институты ЕС и свой новый статус членов для того, чтобы донести до западноевропейской общественности собственную версию событий Второй мировой войны и укрепить свои позиции в противостоянии с Россией. Представители балтийских государств стремятся изменить доминирующий в Европе «режим памяти», неустанно привлекая европейское общественное мнение к преступлениям сталинизма и коммунизма. Они активно действуют в Европейском парламенте, Совете Европы, ОБСЕ и других международных организациях, добиваясь международного осуждения коммунизма как режима, равного нацизму по своей преступности. Со своей стороны Россия инструментализирует память о Холокосте, чтобы представить балтийских националистов в качестве добровольных помощников нацистов и тем самым скомпрометировать новые элиты этих стран в глазах Запада.

Таким образом, память о Второй мировой войне используется в российско-балтийских отношениях как инструмент политического давления. В этих «войнах памяти» обе стороны апеллируют к Европе как к моральному авторитету и носителю универсальных ценностей. Однако Европа в понимании российских и балтийских элит – это далеко не одно и то же. «Европа» России – это Европа, освобожденная ею от нацизма, обязанная России своей свободой и стабильностью. Россия представляет себя как «альтернативная» и одновременно «истинная» Европа, как подлинная защитница общеевропейских ценностей, осуждающая балтийских соседей за нарушение прав русскоязычного населения, сочувствие неонацистам и попытки пересмотреть итоги Второй мировой войны (Морозов, 2009). «Европа» балтийских государств – это Европа, ставшая окончательно свободной только в 1989 г. и все еще ожидающая суда над коммунизмом.

3. Политика памяти в отношениях России и ЕС

К середине 2000-х укрепление режима Путина и рост авторитарных тенденций в России, с одной стороны, и курс администрации США на поддержку прозападных оппозиционных сил в бывших советских республиках – с другой, привели к первой с момента окончания холодной войны конфронтации Москвы с Западом. Объектом нового геополитического соперничества стал, прежде всего, Балтийско-Черноморский регион. Расширение ЕС и НАТО на восток было воспринято путинской командой как результат политической и экономической слабости России в 1990-е гг.; вступление в НАТО стран Балтии стало той «красной чертой», за которой новые геополитические уступки представлялись для Москвы невозможными. Поэтому неудивительно, что «цветные» революции в Грузии и Украине Россия рассматривала как прямую угрозу ее геополитическим интересам в «ближнем зарубежье». США и Европейский союз (хотя и в разной степени) поддерживали стремление прозападной части постсоветских элит отстранить от власти бывших коммунистов-автократов, завершить демократические реформы и добиться окончательной эмансипации от Москвы. Новые члены ЕС, в частности страны Балтии и Польша, солидаризировались с прозападными политическими силами в постсоветских странах. Российско-польские отношения, обремененные нерешенной проблемой Катыни, ухудшились из-за вмешательства Варшавы в украинский кризис на стороне Ющенко и особенно с приходом к власти братьев Качинских, сделавших «историческую политику» своим инструментом. Пиком этого периода конфронтации стала, пожалуй, российско-грузинская война в августе 2008 г., когда руководители Польши, Литвы и Украины прибыли в Тбилиси, чтобы продемонстрировать свою солидарность с грузинским президентом. Однако вырисовавшаяся антироссийская коалиция в Балтийско-Черноморском регионе распалась, не успев сформироваться, чему способствовала, прежде всего, «перезагрузка» в российско-американских отношениях.

Инструментализация исторической памяти стала одним из существенных измерений геополитической конфронтации между Россией и Западом в середине 2000-х. Как отмечалось выше, в мае 2005 г. в Москве состоялось торжественное празднование 60-й годовщины Победы во Второй мировой войне. Пригласив на официальную церемонию лидеров европейских стран и президента США, Путин использовал это событие для утверждения нового геополитического статуса России после «десятилетия унижения». В государствах Балтии, в Польше и Украине приглашение Путина вызвало новые дискуссии об итогах Второй мировой войны, об отношениях с Москвой и поставило лидеров этих государств перед сложным выбором. Президент Буш по пути в Москву сделал остановку в Риге, чтобы публично осудить Ялтинский договор как «одну из самых больших несправедливостей истории», в ходе которой свобода малых наций была при-

несена в жертву ради стабильности послевоенного порядка в Европе. Таким образом, 60-я годовщина окончания Второй мировой войны в 2005 г. стала началом нового витка в борьбе за переоценку исторических уроков и геополитических последствий Второй мировой войны в Европе. Расширение ЕС на восток не только укрепило позиции оппонентов Москвы, ставших новыми членами Евросоюза, но и вывело эти дискуссии на новый, общеевропейский, уровень.

12 мая 2005 г. Европейский парламент принял резолюцию по поводу 60-летия окончания Второй мировой войны, отметив, что «для некоторых наций конец Второй мировой войны означал новую тиранию, навязанную сталинским Советским Союзом», и напомнив о «масштабах страданий, несправедливостей и длительной социальной, политический и экономической деградации, в которую были ввергнуты порабощенные нации на восток от железного занавеса» (European Parliament Resolution, 2005). В июне 2005 г. правоцентристская Европейская народная партия (ЕНП), крупнейшее политическое объединение в Европейском парламенте, приняла специальную резолюцию, осуждающую советскую оккупацию балтийских стран[5]. Резолюция была принята по инициативе Витаутаса Ландсбергиса, депутата Европарламента от Литвы. В резолюции утверждалось, что в результате советской оккупации Эстония, Латвия и Литва утратили государственную независимость и были незаконно включены в состав СССР. ЕНП предлагала России как правопреемнику СССР осудить пакт Молотова – Риббентропа и, признав свою историческую ответственность, сделать первый шаг к примирению и нормализации отношений со странами Балтии. Летом 2005-го Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) приняла сходную резолюцию; в нее вошли поправки, предложенные представителями стран Балтии, которые требовали от России выплатить компенсации жителям этих стран, пострадавшим в результате насильственных депортаций. В другой резолюции, принятой ПАСЕ в январе 2006 г., подчеркивалось, что «падение тоталитарных коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе во многих случаях не сопровождалось международным расследованием совершенных ими преступлений. Более того, виновные в этих преступлениях не были привлечены к суду международным сообществом, как это было в случае чудовищных преступлений, совершенных национал-социализмом» (PACE Resolution, 2006).

Повышенное внимание к теме переоценки итогов Второй мировой войны и преступлений сталинизма в середине прошлого десятилетия было в значительной степени результатом расширения ЕС на восток. Новые члены Евросоюза стали гораздо активнее использовать европейские и международные организации как платформу для продвижения и институционализации своего исторического контрнарратива. Например, «Союз за Европу наций», консервативное политическое объединение в Европарламенте, в котором активное участие принимают депутаты от стран Балтии и Польши, спонсировало съемки документального фильма «The Soviet Story» (2008). Фильм рассказывает о преступле-

ниях советского коммунизма и советско-германском сотрудничестве до 1941 г. и подчеркивает близкие идеологические, политические и организационные связи между нацистским и советским режимами. В июне 2008 г. международная конференция «Европейская совесть и коммунизм» была организована сенатским комитетом по вопросам образования, науки, культуры, прав человека и прошла в чешском сенате под эгидой премьер-министра Чешской Республики по европейским делам. В Пражской декларации, подписанной известными европейскими политиками, бывшими диссидентами и историками, содержался призыв к осуждению преступлений коммунистических режимов и предлагалось учредить Европейский день памяти жертв сталинизма и нацизма. В продолжение этой инициативы в октябре 2011 г. была создана Платформа европейской памяти и совести (The Platform of European Memory and Conscience) – информационно-просветительский проект, объединяющий государственные и общественные организации стран ЕС, занимающиеся исследованиями тоталитарных режимов. Учредителями Платформы стали Чешская Республика, Польша, Германия, Венгрия, Румыния, Литва, Эстония, Латвия.

В 2009 г. двадцатилетие падения коммунистических режимов в Восточной Европе предоставило европейским политикам новую возможность для мемориальных инициатив. 18 марта 2009 г. в Европейском парламенте прошли слушания «Европейская совесть и преступления тоталитарного коммунизма: двадцать лет спустя». В начале апреля, после горячих дискуссий, Европарламент принял специальную резолюцию «О европейской совести и тоталитаризме» (European Parliament, 2009). Резолюция, осудившая все тоталитарные идеологии и все формы диктаторских режимов и подтвердившая исключительность Холокоста, явилась результатом компромисса разных политических сил внутри Европарламента. В то же время ее очевидной целью была попытка сбалансировать (западно)европейскую версию памяти о войне с памятью восточноевропейских стран, переживших как нацистскую оккупацию, так и коммунистический режим. Резолюция предлагала установить 23 августа (день подписания пакта Молотова – Риббентропа) в качестве общеевропейского дня памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов. Эта идея была поддержана ОБСЕ в резолюции «Объединяя разделенную Европу», принятой в Вильнюсе в июле 2009 г. (OSCE, 2009). Однако одна из последних инициатив, направленная на институционализацию памяти о преступлениях сталинизма и коммунизма на европейском уровне, не нашла достаточной поддержки: в декабре 2010 г. Европейская комиссия отвергла инициативу нескольких восточноевропейских стран (Литва, Латвия, Болгария, Венгрия, Румыния и Чешская Республика) ввести криминальную ответственность за отрицание преступлений коммунистических режимов по аналогии с запрещением отрицания Холокоста во многих странах-членах ЕС[6].

Политические инициативы, направленные на институционализацию памяти о преступлениях коммунистических режимов, имеют, как правило, не-

сколько целей. Одна из них состоит в том, чтобы добиться признания особого исторического опыта посткоммунистических стран как легитимной части общеевропейской памяти и идентичности, предоставить право голоса новым «сообществам жертв», ранее исключенных из европейского дискурса памяти. По словам Марии Мэлксу из университета Тарту, государства Балтии, артикулируя их особый исторический опыт с позиции европейских «субалтернов», одновременно ищут признания их особого исторического опыта и в то же время сопротивляются гегемонии западноевропейской памяти о Второй мировой войне (Mälksoo, 2009: 655).

Однако восточноевропейские «субалтерны» ищут не только символического признания, но и политической выгоды. Борьба за переоценку исторических уроков и геополитических итогов Второй мировой войны в Европе призвана укрепить легитимность государственности стран Балтии, снять с этих наций обвинения в массовом коллаборационизме и тем самым утвердить их европейскую идентичность. Не менее важно для балтийских политических элит получить рычаг воздействия на Россию, позволяющий сдерживать ее геополитические амбиции. По их мнению, Россия как страна-правопреемник СССР должна признать историческую ответственность за преступления коммунизма в Восточной Европе, как это сделала в свое время послевоенная Германия в отношении преступлений нацизма. Даже в умеренном политическом дискурсе восточноевропейских «субалтернов» дефицит демократии и уважения к правам человека в современной России оказывается неразрывно связанным с отсутствием политической воли к проработке советского прошлого. Более радикальный дискурс связывает авторитаризм путинского режима с тем, что многие наблюдатели рассматривают как официальную реабилитацию сталинизма или даже ресталинизацию России. Дискурс о современной России как неосталинистском государстве является одной из политических стратегий превращения ее в неевропейского «другого», исключения из Европейского сообщества. Утверждая, что Россия, некритически относящаяся к советскому прошлому и поэтому остающаяся империей, опасна для европейской безопасности, восточноевропейские «субалтерны» привносят в антикоммунистические мемориальные инициативы геополитическое измерение.

Неудивительно, что новый европейский дискурс о «равной криминальности» коммунизма и нацизма и связанные с ним мемориальные инициативы были расценены Москвой как антироссийская политика. В 2009 г. российская Дума осудила резолюцию ОБСЕ и обвинила Запад в навязывании России чувства исторической вины. Некоторые российские политики, как например, депутат Государственной Думы Наталья Нарочицкая и министр Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Сергей Шойгу, предложили ввести уголовную ответственность за отрицание роли Советского Союза в победе над нацистской Герма-

нией. В мае 2009 г., накануне Дня Победы, соответствующий проект был внесен депутатами от «Единой России» в Государственную Думу, однако не дошел до первого чтения. Весной 2010 г. предложен новый проект закона, предлагающий карать денежным штрафом или лишением свободы на срок до трех лет за публичное «одобрение или отрицание установленных приговором Нюрнбергского трибунала преступлений нацизма против мира и безопасности человечества»[7]. Во время визита в Украину летом 2009 г. Патриарх Русской Православной Церкви Кирилл также высказался против отождествления нацизма и сталинизма, отметив, что страны Запада во время Второй мировой войны вошли в коалицию с СССР против Германии, а не наоборот. В мае 2009 г. Дмитрий Медведев подписал указ «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Эта инициатива, хотя и не нашла дальнейшего развития, подверглась критике со стороны профессиональных историков и демократической общественности, усмотревших в ней попытку ограничить академическую свободу и поставить исторические исследования под контроль государства. Фонд «Историческая память»[8], основанный историком Александром Дюковым и пользующийся поддержкой Кремля, также видит своей задачей противодействие ревизионистским интерпретациям Второй мировой войны (Миллер, 2009).

Наконец, противодействие историческому ревизионизму было одной из главных целей официального визита премьер-министра Путина в Гданьск, где 1 сентября 2009 г. лидеры европейских стран встретились, чтобы отметить 70-ю годовщину вторжения Гитлера в Польшу и начала Второй мировой войны. В своем выступлении, а также в статье, опубликованной накануне визита в «Газете Выборчей» Путин назвал пакт Молотова – Риббентропа морально неприемлемым, однако отверг попытки возложить вину за начало Второй мировой войны на СССР и указал ответственность западных демократий, попустительствовавших агрессивным планам Гитлера. Путин перенес акцент с советско-германского пакта на создание антигитлеровской коалиции, событие, которое он назвал «переломным моментом XX века». По мнению Путина, «весь опыт межвоенного периода – от Версальского мира до начала Второй мировой войны – убедительно свидетельствует о том, что невозможно создать эффективную систему коллективной безопасности без участия всех стран континента, включая Россию» (Putin, 2009).

4. Политика памяти в украинско-российских отношениях

Если в государствах Балтии в начале переходного периода антикоммунистическая оппозиция смогла утвердить свою интерпретацию советского прошлого, опираясь при этом на значительную поддержку снизу, то в Украине неизбежный из-за слабых позиций национал-демократов альянс с «партией

власти», представленной бывшей коммунистической номенклатурой, привел к неустойчивому идеологическому компромиссу. В то же время непримиримые идеологические различия между двумя основными протагонистами на поле битвы исторической памяти – между националистами и ортодоксальными коммунистами – сделали невозможным «пакт о забвении» в соответствии с испанской моделью (Shevel, 2010). Поэтому политика памяти президента Кучмы была скорее прагматичной, чем идеологической: он стремился оставаться «над схваткой», претендуя на роль арбитра и «третьей силы», способной предотвратить столкновения радикалов с обеих сторон (Рябчук, 2006). Делая уступки поочередно коммунистам и националистам, Кучма поддержал институционализацию памяти о голодоморе, однако избегал острых вопросов, связанных с реабилитацией Украинской повстанческой армии (УПА). Политика «правосудия переходного периода» в Украине была ограниченной и свелась в основном к Закону о реабилитации жертв политических репрессий, принятому в начале 1991 г. Как и в России, архивы КГБ в Украине не были полностью выведены из-под контроля секретных служб, что исключало люстрацию правящей элиты. Официальная политика памяти (например, празднование 350-летия Переяславского соглашения в 2004 г.) отдавала предпочтение нарративу «общей истории», объединяющей Россию и Украину. Многие элементы советской коммеморативной культуры (прежде всего Великая Отечественная война) были инкорпорированы в новый режим памяти.

В постсоветской Украине память о Второй мировой войне особенно конфликтна и политизирована. Как отметил украинский историк Владислав Гриневич, роль Украины в войне была амбивалентной: она была жертвой как сталинского режима, так и гитлеровской оккупации, страной, в разное время оказывающей сопротивление обоим тоталитарным режимам, нацией-коллаборационистом и страной-победителем, соучредителем ООН, но прежде всего страной, которая проиграла свою вторую в XX столетии битву за независимость и национальную государственность (Hrynevych, 2010). Противоречия встроены в миф основания Украины, поскольку своими сегодняшними границами, сложившимися в основном в результате Второй мировой войны, она обязана геополитическому триумфу Сталина. Именно советская аннексия Восточной Польши в 1939 г. сделала возможным «объединение украинских земель». Поэтому, осуждая пакт Молотова – Риббентропа и советскую оккупацию Западной Украины, национал-демократы и националисты никогда не оспаривали легитимности «объединения» (Jilge, 2006). Взаимоисключающие культуры памяти, в основе которых лежат во многом противоположные оценки Второй мировой войны, усиливают раскол между Востоком и Западом Украины. В то время как культура памяти в Западной Украине подобно странам Балтии основывается на героизации украинского национализма и антисоветского движения Сопротивления, продолжавшегося вплоть до 1950-х гг., в других регионах Украины

сохраняются советские ритуалы памяти о войне и символика «Победы над нацизмом». Память о «Великой Отечественной войне» и «общей Победе» соответствует представлениям о принадлежности украинцев и русских к единой восточнославянской (православной) цивилизации; в украинско-российских отношениях она используется для легитимации проектов постсоветской интеграции и «стратегического партнерства» двух стран.

«Оранжевая» революция стала водоразделом в новейшей истории Украины, поскольку победа национал-демократического кандидата Виктора Ющенко изменила традиционную расстановку политических сил. Реабилитация и героизация УПА, поддержанная новым президентом, поляризовала украинский политикум и заставила Партию регионов сдвинуться «влево» в вопросах исторической памяти. В годы президентства Ющенко именно восточные и южные области Украины, вотчина Партии регионов, стали основной ареной противостояния сторонников и противников УПА, борцов с советским прошлым и его защитников. Изначально провозглашенная цель примирения советских ветеранов и ветеранов УПА не была достигнута, и актуализация памяти о Второй мировой войне отнюдь не способствовала консолидации украинского общества.

Более того, интерпретация истории Второй мировой войны и оценка ее значения для Украины напрямую связаны с «постколониальными» поисками национальной идентичности и геополитическим выбором между Россией и Западом. Одной из целей политики памяти президента Ющенко была легитимация прозападного геополитического выбора Украины и освобождение нации от культурного и политического влияния Москвы. Поэтому доминирующим в 2005–2009 гг. стал дискурс, представляющий украинцев как «коллективную жертву» или нацию – заложницу конфликта двух тоталитарных режимов, равных по своей жестокости. Вторая мировая война в такой трактовке была уже не «Великой Отечественной», а, скорее, гражданской; она рассматривалась как национальная трагедия, братоубийственный конфликт. Поддержанный прозападной частью украинской элиты Ющенко попытался изменить сложившуюся культуру памяти, заимствуя формы и инструменты, используемые в странах Балтии и в Польше. Наиболее значимыми инициативами в этом отношении были следующие: основание Музея советской оккупации, официальные мероприятия по увековечению памяти жертв сталинских репрессий в Быкивне (место массовых расстрелов в 1930-е гг. недалеко от Киева), комплекс официальных мероприятий к 75-летию голодомора и активная международная кампания за признание голодомора геноцидом, а также посмертное присвоение лидерам УПА Роману Шухевичу и Степану Бандере звания Героя Украины. Идя по пути других восточноевропейских стран, Ющенко стремился институционализировать государственную политику памяти в Украине. Указами президента создан Институт национальной памяти, а украинской Службе Безопасности предоставлены дополнительные полномочия, касающиеся контроля над архивами, проведения

исторических исследований и популяризации официальной точки зрения на советское прошлое. Молодой львовский историк, исследователь истории украинского национализма и повстанческого движения В. Вятрович был назначен директором Отраслевого государственного архива Службы Безопасности Украины и стал одним из главных архитекторов новой политики памяти.

Однако последовательные мероприятия по осуществлению «правосудия переходного периода» и переоценке советского прошлого не были возможны в Украине ввиду ряда причин, в том числе слабости демократических институтов, отсутствия надлежащих правовых механизмов и манипуляций исторической памятью большинством участников политического процесса. Несогласие части украинского общества с политикой «национализации» памяти, проводимой президентом Ющенко, было инструментализировано Партией регионов, которая стала ее непримиримым критиком. Споры об исторической памяти, прежде всего о Второй мировой войне, поляризовали общественное мнение и углубили раскол в украинском обществе. В отличие от стран Балтии в Украине оказалось достаточно трудно консолидировать нацию как «сообщество страдания», в том числе потому, что граница между основными этническими группами – украинцами и русскими – является достаточно размытой, особенно на востоке и юге страны. Дискурсы голодомора и «советской оккупации», направленные на эссенциализацию этнических категорий, вызвали в этих регионах неоднозначную реакцию. Более того, Украина – многонациональное государство, и различные этнические группы (например, евреи, поляки, крымские татары) имеют свои нарративы страдания, которые бросают вызов монополии «коллективной жертвы» этнических украинцев.

Политика памяти, направленная на конструирование украинской нации как «коллективной жертвы» коммунистического режима, имела и внешнеполитическое измерение. Перед Министерством иностранных дел Украины была поставлена задача добиться международного признания голодомора геноцидом украинского народа. В результате около пятнадцати государств официально признали голодомор актом геноцида и еще пять – преступлением сталинского режима. Эти государства можно разделить на две категории – страны с влиятельной украинской диаспорой (например, Канада), с одной стороны, и страны, также считающие себя пострадавшими от коммунистического режима, – с другой (Польша, Венгрия, Грузия, государства Балтии). В то же время со стороны Израиля украинским дипломатам не удалось добиться признания голодомора геноцидом. Осторожность проявили и государства «старой Европы». В то же время память о голодоморе, а главное, его правовая квалификация, стала серьезным камнем преткновения в украинско-российских отношениях. Заявляя, что Сталин и большевистское правительство виновны в гибели миллионов украинцев от голода, украинское правительство не выдвигало официальных претензий Москве. Однако некоторые украинские политики, интеллектуалы и

журналисты настаивали на ответственности РФ как правопреемника СССР и требовали от Москвы официальных извинений. Спекуляции по поводу материальной компенсации также имели место. Не удивительно, что Москва, которая уже столкнулась с обвинениями в геноциде и требованиями возмещения ущерба за последствия советской оккупации со стороны стран Балтии, воспринимала такую политику Киева крайне враждебно. Российское руководство настаивало и продолжает настаивать на том, что голод был общей трагедией народов СССР, а не спланированным геноцидом определенной нации. Эту позицию разделяет большинство российских историков и интеллектуалов. Когда в 2007 г. украинский МИД начал широкомасштабную кампанию, направленную на достижение международного признания голодомора геноцидом, «войны памяти» между Киевом и Москвой получили продолжение в ООН, ОБСЕ и других международных организациях. В апреле 2008-го, когда перспектива членства Украины в НАТО обсуждалась на саммите этой организации в Бухаресте, Государственная Дума РФ приняла резолюцию, резко отвергающую официальную украинскую интерпретацию голода (Finkel, 2010: 68). В ноябре 2008 г. президент Медведев в открытом письме отклонил официальное приглашение своего украинского коллеги на мероприятия, посвященные 75-й годовщине голодомора. Медведев обосновал свой отказ неприятием тезиса о геноциде украинской нации.

Хотя голодомор занял центральное место в украинско-российских «войнах памяти», Вторая мировая война стала еще одним конфликтным пунктом в отношениях Москвы и Киева в связи с политикой Ющенко, направленной на реабилитацию УПА. Как и в случае стран Балтии, Москва инструментализировала проблему коллаборации украинских националистов с Гитлером и соучастие украинской полиции в массовом уничтожении еврейского населения, для того чтобы скомпрометировать украинское руководство в глазах Запада. Критикуя решение президента Ющенко о награждении Степана Бандеры званием Героя Украины, премьер-министр Путин заявил, что «“оранжевая” революция плюнула в лицо своим западным спонсорам»[9]. Шаг Ющенко был также критически встречен международными еврейскими организациями и Польшей, где УПА считается ответственной за массовые убийства польского населения на Волыни летом 1943 г.

Заключение

Прекращение огня в «войнах памяти» на Европейском континенте в последние два года можно объяснить временной стабилизацией нового геополитического порядка, связанной с «перезагрузкой» в российско-американских отношениях и с внутренними проблемами ЕС. Европейский союз не готов к новому расширению на восток, будучи озабочен внутренними противоречиями и нестабильностью зоны евро, а приоритеты внешней политики США смести-

лись из Восточной Европы в другие регионы. Членство Украины в ЕС и НАТО снято на сегодня с повестки дня. В силу таких обстоятельств, как противодействие России, провал «оранжевого проекта» демократизации и углубляющийся раскол Украины, политика памяти президента Ющенко не достигла своих целей. В апреле 2010-го, после того как президент Янукович сформулировал новую устраивающую Россию официальную позицию Украины по поводу голодомора, сессия ПАСЕ отклонила поправки к резолюции и не признала его геноцидом. Политика героизации УПА стала негативным фактором в отношениях Украины с Польшей, одним из ее немногих адвокатов в ЕС. Разочарованный развитием событий в Украине, Европейский союз солидаризировался с польской (и российской) критикой политики Ющенко. В феврале 2010-го Европейский парламент принял резолюцию, осуждающую решение Ющенко о награждении Степана Бандеры званием Героя Украины.

Потепление в российско-польских отношених, начавшееся еще до трагической гибели президента Качинского в катастрофе под Смоленском, связано не в последнюю очередь с долгожданными сдвигами в Катынском деле. Весной 2010 г. Росархив рассекретил и опубликовал материалы о Катынском расстреле, а из уст президента Медведева прозвучало официальное признание ответственности советского руководства за это преступление. В апреле 2011-го Совет по развитию гражданского общества и правам человека при президенте РФ выступил с предложением об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Помимо внутренних задач, а именно «модернизации сознания российского общества», программа явно рассчитана на усиление международных позиций и престижа России в Восточной Европе путем «укрепления объединительных тенденций на территории бывшего СССР и, возможно, бывшего “соцлагеря” через осознание общности трагического прошлого»[10]. Подчеркивается, что Программа «должна быть инициирована Россией как наиболее пострадавшей из стран, переживших тоталитаризм»[11]. Очевидно, что провозглашение России главной жертвой коммунизма может стать новой стратегией Москвы в Балтийско-Черноморском регионе, противодействующей попыткам исключения и стигматизации России как неосталинского государства, а также требованиям моральной и материальной компенсации за советскую оккупацию и «геноцид» со стороны соседей. Память о Великой Отечественной войне и роли России в победе над гитлеровской Германией, несомненно, сохранит свою легитимирующую функцию, однако статус главной жертвы тоталитаризма поможет Москве нейтрализовать тезис о «равной преступности нацизма и коммунизма», который используется против нее восточноевропейскими странами.

Литература

Гриневич В. Расколотая память. Вторая мировая война в историческом сознании украинского общества // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М.: НЛО, 2005. С. 419–435.

Дубин Б.В. «Кровавая» война и «великая» победа. О конструировании и передаче коллективных представлений в России 1970–2000-х годов // Отечественные записки. 2004. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/?numid=20&article=937

Kalniete S. Must European History be Rewritten after Collapse of Communism? // Personal web site of Sandra Kalniete. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kalniete.lv/2010/05/02/must-european-history-be-rewritten-after-collaps-of-communism/

Копосов Н. Память строгого режима. История и политика в России. М.: НЛО, 2011.

Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. Vol. 12. № 3–4. С. 6–24.

Морозов В. Выйти из тупика истории // Россия в глобальной политике. 2009. № 5. С. 62–72.

Онкен Э.-К. От истории освобождения к истории оккупации. Восприятие Второй мировой войны и память о ней в Латвии после 1945 года // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М.: НЛО, 2005. С. 436–351.

Рябчук М. Культура пам'яті та політика забуття // Критика. 2006. № 1–2 (99–100).

Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // Российская Газета. 2009. 20 мая.

Хапаева Д. Готическое общество. Морфология кошмара. М.: НЛО, 2008.

Barkan E. The Guilt of Nations. Restitution and Negotiating Historical Injustices. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2001.

Berg E. Ehin P. Incompatible Identities? Baltic-Russian Relations and the EU as an Arena for Identity Conflict // Berg E. Ehin P. (eds.). Identity and Foreign Policy. Baltic-Russian relations and European integration. Ashgate, 2009.

Budryté D. «We Call It Genocide»: Soviet Deportations and Repression in the Memory of Lithuanians // Frey R. S. (ed.). The Genocidal Temptation. Auschwitz, Hiroshima, Rwanda, and Beyond. Dallas: University Press of America, 2004. P 79–100.

Budryté D. Taming Nationalism? Political Community Building in the Post-Soviet Baltic States. Ashgate, 2005.

Dolgin B. Russia's history wars // Open Democracy. 22 May 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.opendemocracy.net/article/email/russia-s-history-wars

Elster J. (ed.). Retribution and Reparation in the Transition to Democracy. New York: Cambridge University Press, 2006.

European Parliament resolution on the sixtieth anniversary of the end of the Second World War in Europe on 8 May 1945. The future of Europe sixty years after the Second World War. (adopted on May 12, 2005) // European Parliament [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2005-0180+0+DOC+XML+V0//EN

European Parliament resolution on European conscience and totalitarianism (adopted on April 2, 2009) // European Parliament [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://

www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2009-0213+0+DOC+XML+V0//EN

Finkel E. In Search of a Lost Genocide: Historical Policy and International Politics in Post-1989 Eastern Europe // Global Society. 24:1(2010). P. 51–70.

Hackmann J. From National Victims to Transnational Bystanders? The Changing Commemoration of World War II in Central and Eastern Europe // Constellations. Vol. 16. № 1. 2009. P 167–181.

Hrynevych V. War After War: Battle for WWII Memory in Ukraine // Russkij vopros. № 1. 2010. Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russkiivopros.com/index.php?pag=one&id=322&kat=5&csl=46

Irwin-Zarecka I. Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory. Transaction Publishers, 2007.

Jilge W. The Politics of History and the Second World War in Post-Communist Ukraine (1986/1991–2004/2005 // W. Jilge, S. Troebst (Hrsg.). Gespaltene Geschichtskulturen? Zweiter Weltkrieg und kollektive Erinnerungskulturen in der Ukraine. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006 (=Themenheft der Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. № 55. Vol. 1).

Judt T. The Past is Another Country: myth and memory in post-war Europe // Müller J.-W. (ed.). Memory and Power in Post-War Europe: studies in the presence of the past. Cambridge University Press, 2002. P. 157–183.

Koposov N. Does Russia need a memory law? // Open Democracy. 16 June 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.opendemocracy.net/od-russia/nikolai-koposov/does-russia-need-memory-law

Leggewie C. Seven Circles of European Memory // Eurozine. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eurozine.com/articles/2010-12-20-leggewie-en.html

Lethi M. et al. Never Ending Second World War: Public Performances of National Dignity and the Drama of the Bronze Soldier // Journal of Baltic Studies. Vol. 39. № 4. 2008. P. 393–418.

Lind J. Sorry States: Apologies in International Politics. Ithaca: Cornell University Press, 2008.

Mälksoo M. The Memory Politics of Becoming European: The East European subalterns and the collective memory of Europe // European Journal of International Relations. Vol. 15(4). 2009. P. 653–658.

Müller J.-W. Introduction: The power of memory, the memory of power and the power over memory // J.-W. Müller (ed.). Memory and Power in Post-War Europe: studies in the presence of the past. Cambridge University Press, 2002. P. 1–37.

Nobles M. The Politics of Official Apologies. New York: Cambridge University Press, 2008.

Onken E.-C. The Baltic States and Moscow's 9 May Commemoration: analysing memory politics in Europe // Europe-Asia Studies. Vol. 59. Issue 1. 2007. P. 23–46.

OSCE Resolution «Divided Europe Reunited: Promoting Human Rights and Civil Liberties in the OSCE Region in the 21st Century» // Declaration of the OSCE Parliamentary Assembly and Resolutions Adopted at the Eighteenth Annual Session. Vilnius, 29 June to 3 July 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.oscepa.org/images/stories/documents/activities/1.Annual%20Session/2009_Vilnius/Final_Vilnius_Declaration_ENG.pdf

PACE resolution 1481 (2006). Need for international condemnation of crimes of totalitarian communist regimes // Parliamentary Assembly Council of Europe. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://assembly.coe.int/main.asp?link=/documents/adopted-text/ta06/eres1481.htm

Putin V. Karty historii – powod do wzajemnych pretensji czy podstawa pojednania i partnerstwa? // Gazeta Wyborcza, 31 August 2009.
Shevel O. The politics of memory in a divided society: a comparison of post-Franco Spain and post-Soviet Ukraine // Slavic Review. Vol. 70. № 1 (Spring 2011). P. 137–164.
Snyder T. Bloodlands. Europe between Hitler and Stalin. New York: Basic Books, 2010.
Socor V. Moscow Wants Baltic States to Compensate Occupation Costs, Eurasia Daily Monitor, 2004. Vol. 1. Issue 99. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.jamestown.org/programs/edm/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=26945&tx_ttnews%5BbackPid%5D=175&no_cache=1Yekelchyk S. Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination. Toronto: University of Toronto Press, 2004.

Примечания

1 Статья написана по итогам исследовательского проекта «Политика памяти в постсоветском пограничье: Украина/Россия и Украина/Польша», выполненного при поддержке Австрийского научного фонда: Austrian Science Fund (FWF) [Project nr. V75-G14].

2 Название книги украинского историка Сергея Екельчика (Yekelchyk, 2004).

3 Обсуждение концепции «сообщества страдания» см. в: Irwin-Zarecka (2007).

4 Президентская комиссия: Претензии стран Балтии по оккупации необоснованны // Взгляд [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vz.ru/news/2011/10/17/531070.html

5 European People's Party condemns Soviet occupation // The Baltic Times, June 29, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.baltictimes.com/news/articles/12952/

6 EU rejects eastern states' call to outlaw denial of crimes by communist regimes // Guardian [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.guardian.co.uk/world/2010/dec/21/european-commission-communist-crimes-nazism

7 Второе пришествие «Закона Шойгу». Почему «Единая Россия» пытается ограничить дискуссии о роли СССР во Второй мировой войне? // Радио Свобода [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.svobodanews.ru/content/transcript/2004203.html. См. об этом также: Копосов, 2010.

8 См.: Фонд «Историческая память» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.historyfoundation.ru/

9 Putin: Bandera was particularly cruel // UNIAN, 15 February 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unian.net/rus/news/news-362920.html

10 *Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении» // Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.president-sovet.ru/structure/group_5/materials/proposals_at_a_meeting_in_ekb/*

11 Там же.

Георгий Касьянов

КАК «ОБЩАЯ» ИСТОРИЯ РАЗДЕЛЯЕТ: ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В УКРАИНЕ, ПОЛЬШЕ, РОССИИ В 1990-е – 2000-е гг.

Abstract

The article deals with the conflict over the politics of history. Author focuses on two types of conflict: international – between states and political/cultural elites of different states over past foes and conflicts; and intra-national – between different elite groups and sectors of population over confronting readings and representations of the past. Ukrainian – Polish debates on Volyn massacres of 1943–1944, Russian – Ukrainian confrontation over *Holodomor* and OUN – UPA, internal public debates and 'memory wars' in Ukraine over these and other issues in Ukraine presented as a cases. The conflicts over the past caused by the present problems: crisis of identity, instrumental uses and abuses of history within current political agenda, elites attempts to fulfill the 'project of modernity' (nation building).

Keywords: politics of history, 'collective memory', conflict, commemoration.

Статья посвящена современной исторической политике и одному из ее последствий – общественному конфликту. В основе этого конфликта, как правило, лежит различие интересов, амбиций и намерений субъектов исторической политики. В данном случае речь пойдет о двух типах субъектов: о государствах и их высшем руководстве; о политических элитах, представляющих разные социальные, общественные и даже этнические группы и выступающие от имени последних. Разногласия и противоречия в современной исторической политике, связанные с такими типами субъектов, могут возникать на международном и национальном уровнях и касаться так называемой «общей» истории, под ко-

торой подразумевается или некая ранее общепринятая (или навязанная) версия истории, или общее прошлое, события, предполагавшие взаимодействие разных субъектов истории.

В большинстве случаев конфликт на почве официальных и альтернативных им репрезентаций прошлого непосредственно связан с кризисом привычных форм коллективной идентичности (этнической, национальной, религиозной) и попытками элит (культурных и политических) преодолеть кризис, обновить эти идентичности и представить их как единственно верные – независимо от того, чем вызван кризис: то ли желанием конституировать новосозданные или «возрождающиеся» государства-нации, то ли поисками своего места в распухшем Евросоюзе, то ли стремлением определенных политических групп к утилитарно-прагматическому использованию гуманитарных проблем в борьбе с оппонентами, то ли стремительным и практически беспрепятственным распространением транснациональных форм массовой культуры.

Конфликт по поводу интерпретаций прошлого – одна из наиболее выразительных черт международной и внутренней политики последних двух десятилетий (именно этому периоду посвящена статья) – как на постсоветском и посткоммунистическом пространстве, так и за его пределами[1]. Мы сосредоточимся на украинском опыте исторической политики, в частности порожденных ею конфликтах с соседями (и их версиями исторической политики, также конфликтными) и конфликтах внутри страны. В смысле внутренних конфликтов Украина представляет собою любопытный пример тому, как политическая инструментализация дебатов о прошлом накладывается на деление страны по историко-культурным регионам.

Украина – Польша. «Волынская резня» 1943–1944 гг.

«Волынская резня» 1943–1944 гг. – не единственная конфликтная точка в дискуссиях между историками, публицистами, журналистами и политиками в Украине и Польше по поводу общего прошлого. Противоречия в суждениях и оценках наблюдались (и наблюдаются) и по поводу более отдаленных событий и общего исторического наследия – от XIII до XX в. Впрочем, именно события XX в. вызывают наиболее горячие споры: в основном страсти вызывает украинско-польское противостояние в Восточной Галиции и на Волыни на рубеже XIX–XX вв., перешедшее в затяжной и все более острый национальный и социальный конфликт, вылившийся в вооруженные столкновения, украинско-польскую войну 1918–1919 гг., террористическую деятельность украинских националистов 1920–1930-х, «пацификации» и антиукраинские акции в Польше (в том числе на Волыни). Этот конфликт достиг пика в годы Второй мировой войны в так называемой «Волынской резне», сходных по характеру ответных действиях

польской Армии Краевой и акции «Висла» 1947 г. – масштабной депортации украинского населения в западные области Польши.

Мы не будем рассматривать сами события, их причины и результаты, но сосредоточимся на интерпретациях, появившихся в общественно-политическом и историографическом дискурсах в ходе различного рода коммеморативных акций, общественных дискуссий и конкретных действий журналистов, публичных интеллектуалов, исследователей, политиков.

Сразу отметим, что контекст (интеллектуальный и общественный) обращения к теме волынской трагедии 1943–1944 гг. в обеих странах хотя и был сходным в неких базовых параметрах (кризис идентичности и поиск «правильной», «правдивой» версии национальной истории), все же во многих других отношениях отличался, и весьма существенно.

Польша стояла на пороге Евросоюза (в 2003 г. состоялся референдум о вступлении в ЕС, «за» проголосовало боле 77% участников). В Польше дискуссия имела фактически общенациональный характер, в нее были втянуты все центральные и наиболее влиятельные газеты, основные политические силы. Историческая политика в Польше получила институционную поддержку в лице Польского института национальной памяти, хотя на уровне высшего политического руководства наблюдались расхождения относительно использования ее как инструмента построения идентичности и выяснения места своей нации в мире. Польское общество еще переживало последствия крайне неприятных для национального самосознания дебатов об участии поляков в Холокосте (после публикации книги Яна Гросса[2] об Едвабно).

В Украине внутриполитическая ситуация определялась острым противостоянием между набирающей силу оппозицией и постепенно теряющим поддержку Л. Кучмой (общенациональные акции «Украина без Кучмы» и «Восстань, Украина», выборы в парламент 2002 г.), «многовекторностью» внешней политики. Здесь «вопросы истории» не имели такого мощного общественного резонанса, как в Польше, а историческая политика была достаточно амбивалентной – с одной стороны, именно при Л. Кучме была легитимирована официальная версия голодомора (включая попытку Украины добиться резолюции ООН о голодоморе как геноциде украинского народа), с другой – праздновались вполне «советские» юбилеи – комсомола, В. Щербицкого, Переяславской Рады. Стоит упомянуть и то обстоятельство, что 2003 г. был объявлен годом России в Украине.

Отметим, что к 2003 г. в Украине и Польше уже сложился не слишком благоприятный для конструктивного диалога исторический образ Другого. Этнокультурные стереотипы в духе стандартного национального нарратива доминировали на уровне школьных курсов истории. Анализ актуальных на то время 4 польских и 5 украинских учебников для средней школы, проведенный социологами, показал, что в польских учебниках украинцы упоминались 56 раз, при этом

как объект борьбы – 38 и как национальное меньшинство – 12. В украинских учебниках поляки упоминались нейтрально 268 раз, как объект борьбы против них – 49, как национальное меньшинство – 15. Прямых позитивных упоминаний о них насчитывалось 34, негативных – 79[3]. Обследование 14 украинских учебников 1997–1998 гг. на предмет наличия в них негативных этнонациональных стереотипов, предпринятое историком, также привело к неутешительному резюме: картина, представленная ученикам украинских школ, демонстрировала, что «Польша и Украина – изначально отдельные, ничем, кроме вражды, не связанные политические, социальные и культурные организмы»[4].

Разумеется, в данном случае наличие стереотипов можно комментировать по-разному: то ли как фиксацию существующих в литературе (научной и художественной) стереотипных представлений, то ли как позиции конкретных авторов (в свою очередь являющихся ретрансляторами определенных дискурсивных практик). В любом случае, наличие таких стереотипов именно в учебниках является свидетельством их устойчивости в общественном сознании. Любопытно, что в учебниках наиболее явно проступали контуры самых конфликтных тем общей украинско-польской истории. По свидетельству членов межгосударственной украинско-польской комиссии[5] по учебникам, темой, по которой никак не удавалось достигнуть взаимоприемлемых формулировок, была именно деятельность ОУН и УПА в 1930–1940-е гг.[6]

Косвенным свидетельством непростой ситуации в этой сфере можно считать и данные социологических обследований – в Украине, например, с 1992 по 2002 г. индекс национального дистанцирования украинцев от поляков (по шкале Богардуса) вырос с относительно сбалансированного показателя в 3.77 балла до значительно более высокого – 5.01[7].

Конфликт начался с коммеморации: в 2003 г. в обеих странах отмечалась 60-я годовщина событий на Волыни, и можно сказать, что инициатива была за Польшей. Под эгидой Института национальной памяти, Совета охраны борьбы и мученичества и Бюро национальной безопасности при президенте был осуществлен ряд мероприятий по исследованию событий на Волыни и в Галиции в 1943–1944 гг. В 2000 г. издана книга Владислава и Эвы Семашко, весьма скрупулезный отчет, основанный на документах и устных свидетельствах[8]. Книга (рекомендованная для изучения в школах) сразу же спровоцировала острую дискуссию в Польше – между польскими и украинскими политиками, учеными и общественными деятелями. Украинцы Польши считали изложенные в книге факты однобокими и тенденциозно подобранными, указывали на то, что представленные в книге события являлись результатом национальной политики второй Речи Посполитой. Заметим, что польские историки также неоднозначно отнеслись к книге. В любом случае именно она стала главным «опорным текстом» в дискуссиях между представителями Польши и Украины в 2003 г.

Важным можно считать то обстоятельство, что инициаторами общественных дискуссий стали организации ветеранов Армии Краевой, землячества выходцев из «восточных польских земель» и другие объединения правого политического спектра вроде Товарищества увековечения памяти жертв украинских националистов. Именно они задали конфронтационную тональность, подхваченную их коллегами из праворадикальных украинских организаций и даже частью польских и украинских историков.

В обобщенном виде аргументы «возвращения Волыни» в польскую историческую память выглядели так: весной – осенью 1943 г. на Волыни происходило массовое целенаправленное уничтожение (геноцид) польского гражданского населения. Резню начала Организация украинских националистов, используя подразделения Украинской повстанческой армии для физического устранения польского населения из региона. Общее количество жертв составило от 38 до 60 тыс. человек (в некоторых случаях упоминаются и цифры в 100–150 тыс.). Масштаб жертв с польской стороны несопоставим с ответными акциями Армии Краевой против украинцев и акцией «Висла» (депортация украинского населения из восточных районов Польши в западные в 1947 г.). Украинское государство должно официально признать факт геноцида поляков и принести официальные извинения.

Позиция либеральной интеллигенции, Церкви и высшего руководства Польши была более сдержанной. Тут речь шла о взаимном примирении, слов «геноцид» и «чистка» избегали, в основном фигурировал термин «конфликт». Первые публичные заявления относительно официальной оценки волынских событий прозвучали на встрече украинских и польских парламентариев, посвященной вопросам сотрудничества между законодательными органами обеих стран (Варшава, 10–11 марта 2003 г.). Поляки проинформировали украинских коллег о дискуссиях в своей стране и предложили выступить с совместным заявлением, в котором должна была прозвучать «сбалансированная» оценка событий 60-летней давности[9]. Тогда же начались переговоры о визите президента Польши А. Квасьневского на одно из мест захоронения жертв волынских событий в Украине.

19 марта 2003 г. министры иностранных дел Польши (В. Цимошевич) и Украины (А. Зленко) обменялись заявлениями о том, что 60-я годовщина волынских событий должна быть поводом для исторического примирения двух народов. Польский министр назвал годовщину «испытанием истины» для народов Польши и Украины[10]. В апреле – мае 2003 г. шли переговоры между администрациями президентов Польши и Украины по поводу совместной коммеморативной акции в одном из сел Западной Украины, была определена дата такой акции – 11 июля 2003 г. Заметим, что А. Квасьневскому эти переговоры давались нелегко – в собственной стране он оказался под сильнейшим давлением со стороны правых организаций, требовавших бескомпромиссной позиции в

вопросе о «геноциде поляков на Волыни». Комментируя свое отношение к проблеме, он заявил, что «мы должны быть решительны, насколько это возможно, и деликатны, насколько это необходимо»[11]. В апреле 2002 г. А. Квасьневский проявил решительность, выразив сочувствие украинцам Польши, пострадавшим во время акции «Висла». Важно помнить, что это заявление было сделано в контексте осуждения преступлений коммунистического режима…

В начале апреля 2003 г. Верховная Рада Украины отправила свой вариант совместного заявления польскому Сейму, как сообщил спикер Верховной Рады В. Литвин – «для согласования»[12]. В обоих парламентах развернулись нешуточные дискуссии по поводу содержания документа. В Верховной Раде пропрезидентское большинство (представителям которого тема Волыни по большому счету была не слишком интересна) готово было принять формулировки «примирительного» содержания. Часть оппозиционной фракции «Наша Украина», возглавляемой В. Ющенко, склонялась к таким же формулировкам. Правое крыло фракции, куда входили представители националистических партий, настаивало на том, что польская позиция является односторонней и основана на антиукраинских предубеждениях, ссылаясь при этом не на официальные заявления высшего руководства Польши, а на упоминавшиеся выше радикальные формулировки своих польских коллег из правого и националистического политического спектра. 33 депутата Верховной Рады даже обратились к полякам и украинцам с воззванием соответствующего содержания и, разумеется, напомнили полякам про обиды, нанесенные украинцам во времена Второй республики. Достаточно явно прозвучал аргумент, фактически оправдывающий массовые убийства мирного польского населения антиукраинской политикой польского государства 1920–1930-х. Более того, депутаты призвали руководство Польши «однозначно осудить действия, вызвавшие массовую гибель мирного украинского населения»[13]. Нетрудно догадаться, что еще одна оппозиционная на тот момент фракция – коммунисты – традиционно выступила с однозначным осуждением «преступлений ОУН-УПА».

Согласование текста совместного заявления превратилось в настоящую политическую интригу, поскольку в парламентах обеих стран депутаты правого толка отстаивали свой вариант с довольно радикальными формулировками относительно вины Другого. В мае 2003 г. специальная делегация польского Сейма посетила Киев. 29 мая планировалось утвердить текст совместного заявления на совместном заседании делегации и рабочей группы Верховной Рады. Однако этого не случилось. Представители обоих законодательных органов отказывались давать комментарии журналистам. По утверждению радиостанции «Немецкая волна», польская делегация настаивала на том, чтобы квалифицировать действия УПА как этническую чистку. Украинская сторона не соглашалась якобы потому, что при такой формулировке семьи погибших на Волыни в 1943–1944 гг. поляков могли бы подавать судебные иски Украине в Международный трибунал

в Гааге. Поскольку желаемого результата не достигли, польская делегация отбыла на родину для консультаций в Сейме[14].

Формально текст совместного заявления был согласован уже в июне 2003 г. (из него изъяли все неприемлемые для обеих сторон формулировки), однако запланированное на 10 июля оглашение совместного заявления вновь оказалось под угрозой срыва из-за непримиримой позиции праворадикальных депутатов Сейма[15]. Впрочем, тут начал работать фактор внутриполитической конкуренции: в обеих странах лавры миротворцев или умиротворителей могли достаться президентам – по этой линии переговоры шли успешно, А. Квасьневский и Л. Кучма готовились к встрече в селе Павливка на Волыни. Текст совместного заявления польского Сейма и украинской Верховной Рады был утвержден за день до встречи президентов. Впрочем, в польском законодательном органе за него не голосовала часть правых (например, «Право и справедливость», «Лига польских семей», Польская крестьянская партия), а в украинском – оппозиционные Л. Кучме фракции (блок Юлии Тимошенко, часть депутатов «Нашей Украины», разумеется, в первую очередь депутаты от правых и националистических партий)[16] и левые (коммунисты заявили, что «ни украинский, ни польский народы не причастны к произошедшей трагедии»[17]), а правый депутат С. Хмара назвал текст заявления «унизительным для украинцев», «искаженным в пользу поляков» и «не соответствующим исторической правде»[18].

11 июля 2003 г. в селе Павливка на Волыни во время коммеморативной церемонии президенты Украины и Польши выступили со своим совместным заявлением «О примирении в годовщину трагических событий на Волыни» (каждый зачитывал текст на официальном языке своей страны)[19]. В заявлении осуждались убийства поляков и украинцев, в нем содержался призыв к публичному моральному осуждению «исполнителей преступлений, совершенных против украинского и польского народов», и высказывалась надежда на то, что в будущем состоится полное примирение молодых поколений украинцев и поляков, «которые полностью освободятся от предубеждений трагического прошлого»[20].

Фактически первые лица двух государств определили границы официального дискурса: отказ от взаимных обвинений, взаимное осуждение преступных **действий**, а не организаций, стран или народов, ориентация на будущее, а не на прошлое в выстраивании отношений между народами и странами. Впрочем, официальный дискурс только частично совпадал с одним из общественных. Львовский интеллектуал, редактор авторитетного в Западной Украине журнала «Ї» Тарас Возняк так прокомментировал акт согласия в Павливке: он «не исчерпывает проблему, не дает обязательной для всех установки. Он сигнализирует, что на политических украинском и польском государственных уровнях, на международном уровне, эти события озвучены и оценены»[21]. Сигнал был услышан и поддержан только частью интеллектуалов и профессиональных историков в Украине и Польше – в основном либеральной интеллигенцией и

той частью историков, которая пыталась выйти за рамки исторического национального нарратива, построенного на принципах этнической эксклюзивности. Эта часть общества, впрочем, выступила в поддержку примирения и без всяких сигналов «сверху».

Дебаты среди историков и публичных интеллектуалов, настроенных на примирение и деполитизацию проблемы, достаточно быстро ушли из сферы политической в сферу морально-этическую (в случае с интеллектуалами) или же чисто профессиональную (в случае с историками). И первым и вторым выход на позиции примирения дался нелегко.

Интеллектуалы в обеих странах оказались под сильнейшим давлением общественного мнения, подогреваемого действиями и заявлениями праворадикальных сил и части патриотической интеллигенции. В Польше дискуссия приняла общенациональный характер, причем тон ей задавали публикации в массовых газетах, которые имели характер то ли реализации медиа-стратегии, то ли действительно массового переживания. Насколько глубоко в обществе фиксировалась память о Волыни, свидетельствует тот факт, что в костелах размещались памятные таблички и плиты «жертвам преступлений ОУН-УПА» (инициатива «кресовых» товариществ). В массовом сознании (и соответственно в том, что называют «исторической памятью») доминировал образ жертвы-поляка и убийцы – украинского националиста с мощным эмоциональным призывом «не забыть – не простить». Противники примирения призывали отказаться от «политической корректности» и «псевдо»-уравнивания жертв с обеих сторон. Тиражи популярных книг Эдварда Пруса и Виктора Полищука об УПА и ОУН, содержащие исключительно обвинительную риторику и соответственно подобранную фактографию, значительно превышали тиражи научных монографий, где давалась более взвешенная и разносторонняя картина украинско-польских отношений в межвоенный период.

Впрочем, после дискуссии о Едвабне часть польского общества была лучше подготовлена к восприятию взглядов, выходящих за рамки стандартного этнонационального прочтения истории, что продемонстрировали заявления и действия таких знаковых фигур, как Яцек Куронь или Адам Михник. В письме (февраль 2003 г.) к Мирославу Мариновичу, участнику украинского диссидентского движения 1980-х и заметному публичному интеллектуалу, Яцек Куронь обратил внимание на то, что «ритм годовщин» выводит события из исторического контекста и серьезно искажает картину польско-украинских отношений. При этом он подчеркнул, что поляки на протяжении веков были более сильной, доминирующей стороной, которая полонизировала украинскую элиту, и в XX в. по крайней мере дважды помешали Украине достичь независимости. «Мысль о том, что евангельские истины не касаются взаимоотношений между народами, является не христианской и противоречит духу Евангелия. Поэтому, – писал он М. Мариновичу, – я обращаюсь к Вам, уверен, не только от своего имени – и

говорю: простите нас»[22]. Судя по всему, это была наиболее радикальная попытка призвать не только к примирению, но и взаимному покаянию. В открытом письме 39 украинских интеллектуалов идея коллективной ответственности отрицалась: «Мы убеждены, — говорилось в письме, – что принцип коллективной ответственности всего сообщества за деяния отдельных его членов не имеет под собой ни евангельской, ни общечеловеческой легитимации»[23]. Впрочем, здесь тоже не было единства: если философ и известная общественная фигура Мирослав Попович утверждал, что ответственность может быть лишь персональной, то львовский историк Ярослав Грицак придерживался мнения, согласно которому индивидуализация ответственности имеет смысл в юридической сфере, когда же речь идет о морали, ситуация выглядит иначе: «Выбор принадлежности к каждой группе связан с эмоциями, которые у нас эта группа вызывает. И если я эмоционально чувствую гордость за наилучшие и наиболее достойные деяния этой группы, почему я должен избегать моральной ответственности за ее грехи и преступления?»[24]. Сложность проблемы вызывала неоднозначные чувства и в одном и том же человеке: в полемике с М. Поповичем львовский историк настаивал на важности коллективной моральной ответственности, в то же время в письме 39 интеллектуалов, отрицавшем коллективную ответственность, также можно увидеть его подпись.

В Украине (в основном в западных областях) преобладали совсем другие настроения. Так, академик Ярослав Исаевич (1936–2010) осуждал однобокое освещение событий на Волыни в Польше, указывая на то, что там происходили и массовые убийства украинцев. По его мнению, польская сторона слишком настырно выдавливала из украинской покаяние[25]. Под впечатлением дискуссий о событиях на Волыни 1943 г. другой львовский историк старшего поколения Ярослав Дашкевич (1926–2010), который в 1994 г. выступал за безусловное осуждение украинского террора против польского мирного населения в 1943–1944 гг., в мае 2003 г. заявил, что Польша из стратегического партнера превращается во врага[26].

Еще одна довольно часто высказываемая точка зрения была сформулирована в обращении Львовской областной организации Союза офицеров Украины к коллегам в Польше: предлагалось последовать совету Папы Римского Иоанна Павла Второго «забыть о взаимных обидах и стереотипах» и делать все, чтобы ничего подобного не повторилось. Выяснение черных и белых страниц истории предлагалось передать историкам[27].

Впрочем, у историков были свои сложности, видимо, потому, что в обеих странах доминировал запрос на национальный нарратив, выполняющий культурно-легитимирующую функцию в условиях кризиса идентичности. В Польше этот кризис больше был связан с готовящимся вхождением в ЕС и поиском оснований своей «европейскости».

Украина переживала сложности несколько иного рода: здесь все более очевидными становились проблемы с культурно-исторической легитимацией не-

коего варианта политической полиэтнической нации – не в последнюю очередь из-за затянувшегося процесса исторической, культурной и политической легитимации титульного этноса. В силу целого ряда конкретных обстоятельств сложилась и утвердилась антикварная схема моноэтнической национальной истории образца «национальных возрождений» XIX столетия. Основанный на ней канонический исторический нарратив отличался мощным этноцентризмом и культурно-этнической эксклюзивностью, что создавало проблемы для нелинейного восприятия образа Другого в «своем» историческом прошлом[28]. Этот нарратив предполагал особое внимание жертвенно-виктимным и героическим аспектам национальной истории, практически связанным в единое целое. Господствовавшая в нем схема перетекания одних этапов национально-освободительной борьбы в логически следующие за ними другие предполагала некий стерильный жертвенно-героический образ ОУН-УПА (организаций, ответственных за массовые убийства и сгон польского населения на Волыни). Безоговорочно признать ответственность указанных организаций за эти деяния означало вступить в противоречие с этим доминантным нарративом. Это было не под силу большинству историков. Не стоит забывать и о том, что в советской мифологии ОУН-УПА были представлены исключительно как пособники нацистов, поэтому при обращении к теме нередко срабатывал реабилитационный синдром. К моменту открытых дискуссий по волынской трагедии украинские и польские историки уже имели собственную историю разбирательств по «трудным вопросам». Именно так называлась серия конференций и изданных по ним материалов, начавшаяся в 1997 г. по инициативе Всемирного союза ветеранов Армии Краевой, польского журнала «Карта» и Союза украинцев Польши[29]. Методика работы конференций и публикации отчетов о них были достаточно простыми: участники определяли круг наиболее проблемных вопросов, высказывали свою точку зрения, рабочая группа составляла список формулировок, по которым возникали противоречия, а затем готовилось совместное заявление и публиковались материалы (стенограмма дискуссии, финальный протокол и заявление). В центре внимания был период 1939–1947 гг. и предшествовавший ему период Второй Речи Посполитой. Уже на первых конференциях стало очевидным, что фактография событий не вызывает особых разногласий. В фокусе дискуссий оказались прежде всего интерпретации, объяснения причин конфликтов и терминология. Если с польской стороны по поводу событий на Волыни преимущественно звучали термины «экстерминация», «этническая чистка» и даже «геноцид», то украинские историки в большинстве стремились к более нейтральным характеристикам событий – «украинско-польский конфликт», «волынская трагедия», наиболее радикальный среди которых – «волынская резня». И конечно же, не удалось достигнуть согласия по поводу причин событий на Волыни: часть польских историков не только указывала на идеологию ОУН как на первопричину трагедии, но и признавала ответственность

польского правительства за антиукраинские эксцессы 1930-х, не оправдывая ни в коем случае убийства мирных жителей. Украинские историки настаивали на том, что без учета польской государственной политики в «украинском вопросе» в межвоенный период и действий АК и польской полиции по отношению к украинцам во время нацистской оккупации нельзя оценивать действия ОУН-УПА. В таких заявлениях явственно проступала идея оправдания действий украинских националистов.

О том, насколько острыми были дискуссии, свидетельствует тот факт, что именно в 2003 г. Союз украинцев Польши прекратил финансирование дискуссий. Последний семинар (Львов, июнь 2008 г.) оказался тринадцатым по счету. Было издано 10 томов материалов, которые могут служить наглядным пособием того, как поиск «своей правды» уводит от поисков истины. «Трудные вопросы» не удалось разрешить коллективно. На уровне индивидуальных работ как наиболее взвешенные и лишенные оправдательно-обвинительной риторики можно отметить труды Г. Мотыки с польской стороны и И. Илюшина с украинской[30].

Предварительные итоги дискуссий о Волыни таковы. Высшему политическому руководству, либеральной интеллигенции и части историков двух стран удалось договориться о том, что коммеморация – это путь к примирению и взаимному прощению. Представители политикума, историографии, общественные деятели и журналисты, которые отстаивали односторонний национальный интерес и этноцентрическую версию прошлого, остались на позициях «аз воздам», что создало предпосылки для бесконечных акций и контракций в стиле use and abuse of history в будущем. Правда, дискуссия 2003 г. в некой степени все-таки способствовала преодолению конфликта.

Во-первых, была озвучена точка зрения той части общества, которая готова была к обсуждению острых проблем прошлого ради достижения взаимопонимания. Во-вторых, тональность дискуссий стала намного сдержанней, голос разума возобладал в истерической многоголосице эмоций. Показательным является тот факт, что в 2008 г., во время очередной попытки правых в Польше провести через Сейм резолюцию о «геноциде» на Волыни и придать официальным коммеморативным акциям обвинительный характер[31], реакция общества была преимущественно неодобрительной. И украинско-польской дискуссии фактически не получилось – коммеморация имела больше характер внутрипольской, опять-таки с провокационными действиями со стороны правых и контрдействиями со стороны либеральной интеллигенции[32]. Несколько неожиданный побочный продукт украинско-польских дебатов о Волыни возник в Украине в период президентства В. Ющенко. Именно тогда инструментализация истории вновь достигла пика и в деятельности подконтрольных президенту структур (см. сюжет о голодоморе дальше), и в действиях его политических оппонентов: действия В. Ющенко по «героизации» ОУН-УПА и превращению их в опорные символы национальной истории XX в. вызвали контракции тогдашней оппозиции,

представленной Партией регионов и коммунистами, и вывели тему на уровень общенациональных дебатов. При этом вопрос о «преступлениях ОУН-УПА» (в данном случае прежде всего против поляков и евреев) стал козырной картой оппонентов В. Ющенко, представлявших его как промоутера звериного национализма[33]. Эти усилия (как и довольно неуклюжая и односторонняя историческая политика В. Ющенко) способствовали усугублению уже существовавшего конфликта внутри Украины с его виртуализацией по линии «националистическая» западная – «просоветская» восточная и соответствующей инструментализацией этого конфликта политическими силами. Этот сюжет, впрочем, нуждается в отдельном исследовании.

Украина – Россия – Украина: голодомор, Бандера et al.

Термин *«голодомор»* является определением доминантных стереотипных представлений и канонических дискурсивных практик о голоде 1932–1933 гг. в Украинской ССР, сложившихся во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. и закрепившихся в официальном историографическом и общественном дискурсе в конце 1990-х – первой половине 2000-х. Употребление курсива необходимо для отделения этого термина от официального названия исторического события, с 2006 г. утвердившегося в официальных государственных документах (голодомор) и в некоторых международных документах (Holodomor).

Пик дискуссий со всеми признаками конфронтационной риторики и разного рода взаимными действиями государственных структур, усугубляющими конфронтацию, приходится на 2007–2008 гг. – на период резкой интенсификации коммеморативных практик государственными структурами как внутри Украины, так и за ее пределами в связи с 75-й годовщиной голода 1932–1933 гг. Главным оппонентом политики памяти В. Ющенко на международной арене стало высшее руководство России. Яблоком раздора оказалась центральная формула *голодомора*: голод 1932–1933 гг. в Украине как «геноцид украинского народа».

Термин «геноцид» без дискуссий и критического анализа принят в Украине как центральный смысловой маркер *голодомора* еще в начале 1990-х гг. – не только в историографии проблемы, но и в официальном и общественном дискурсах. Непризнание термина по политическим мотивам внутри страны было прерогативой левых партий (преимущественно коммунистов). За пределами Украины дискуссии не было, поскольку никаких серьезных усилий по интернационализации *голодомора* в 1990-е не предпринималось. Впрочем, на уровне научных сообществ уже в сентябре 1993 г. этот конфликт отмечен на международной конференции «Голодомор 1932–1933 гг. в Украине: причины и последствия»: украинской стороной (учеными, и писателями, и политиками «национал-демократического» спектра) были озвучены все стандартные рито-

рические фигуры *голодомора*, в число которых входили формулы о специфическом антиукраинском характере геноцида и особой роли в его организации «имперского центра» – «Москвы». Группа российских историков, прибывших на конференцию по приглашению украинских историков, была ошарашена накалом страстей и инвективной риторикой преимущественно со стороны общественных деятелей и литераторов. В России к этому времени сложился свой стереотип презентации голода 1932–1933 гг., который исключал эксклюзивность в трактовке причин и последствий трагедии – голод представлялся как «общесоюзный»[34]. Собственно, в течение следующих 15 лет дискуссии между украинскими и российскими историками, представлявшими канонический дискурс *голодомора,* так и не сдвинулись с этой точки: украинская сторона настаивала на «геноцидной» версии, что предполагало особое положение Украины и украинской нации в трагедии, российские историки настаивали на общесоюзном и антикрестьянском характере голода[35]. Более того, своеобразным «двигателем» российских историков стала фраза о том, что «общая трагедия должна не разъединять, а объединять наши народы».

Тем временем в Украине сложился целый комплекс ритуальных коммеморативных практик *голодомора*: установлен День памяти жертв голода 1932–1933 гг. и репрессий (при В. Ющенко День памяти жертв голодомора был выделен в отдельную коммеморативную дату) с соответствующими обрядами и символическими акциями (панихиды, зажжение свечей, поминальные шествия), установлены сотни и тысячи памятных знаков и крестов, памятников. Стандартная формула «голодомор-геноцид» вошла в язык официальных документов (указов президентов, обращений, законов[36]), в школьные программы и учебники истории Украины, в курсы по истории Украины в высших учебных заведениях. Впрочем, отсутствие реальных попыток интернационализации *голодомора*[37] в сочетании с достаточно амбивалентной исторической политикой Л. Кучмы, в которой находилось место и *голодомору,* и празднованиям советских юбилеев, упреждало возможность внешних конфликтов.

Первые трения на международном уровне, а именно в отношениях с Россией, возникли в 2003 г. К 70-й годовщине голода 1932–1933 гг. Министерство иностранных дел Украины должно было добиться признания голодомора актом геноцида украинского народа (соответствующее задание было сформулировано в рекомендациях парламентских слушаний в Верховной Раде Украины). Украинская делегация в ООН предоставила на утверждение проект резолюции о голоде 1932–1933 гг., в тексте заявления впервые в официальной практике прозвучало слово «Holodomor», усилиями российской делегации статус документа был понижен с резолюции до совместного заявления (Россия также подписалась под ним, слово «геноцид» в документе отсутствовало).

Начало конфликту было положено президентом В. Ющенко, который поставил задачей утвердить голодомор как центральный символ украинской

истории XX в. и международный маркер Украины, по узнаваемости и силе воздействия равный Холокосту. В. Ющенко лично возглавил международный координационный комитет по организации чествования 75-й годовщины голода 1932–1933 гг., в который вошли представители крупнейших общественных организаций украинской диаспоры (обычно подобные органы возглавлял вице-премьер-министр правительства по гуманитарным вопросам). Под его патронажем развернулась международная кампания «Украина помнит, мир признает». Практически во всех своих «бенефисных» выступлениях 2005 г. на международном уровне (конгресс США, Европарламент и т.п.) он обязательно упоминал голод 1932–1933 гг., а в 2006–2008 гг., встречаясь с руководителями наиболее влиятельных международных организаций обращался к ним с просьбой о содействии интернационализации знаний о голоде 1932–1933 гг.[38] В октябре 2006 г. в своем коммеморативном указе В. Ющенко дал поручение МИД «активизировать работу по признанию международным сообществом голодомора 1932–1933 гг. в Украине как геноцида украинского народа та одной из наибольших трагедий в истории человечества»[39].

На первом же заседании упомянутого координационного комитета В. Ющенко заявил: «… нашей целью я вижу мировое признание голодомора геноцидом. Прежде всего речь идет о принятии соответствующих резолюций или решений ООН, Европейским парламентом, Европейским союзом, ОБСЕ»[40]. 28 марта 2007 г. в указе «О мероприятиях в святи с 75-й годовщиной голодомора 1932–1933 годов в Украине» В. Ющенко потребовал «осуществления дополнительных мероприятий по признанию международным сообществом, в частности Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций и Европейским парламентом, голодомора 1932–1933 гг. в Украине геноцидом украинского народа»[41]. В августе того же года украинский МИД через дипломатические представительства начал активную информационную кампанию, посвященную Голодомору (выставки, презентации). При этом наблюдалось беспрецедентное по масштабам сотрудничество с общественно-политическими организациями украинской диаспоры в странах пребывания миссий[42]. В МИДе была создана специальная рабочая группа по организации мероприятий, имеющих целью международное признание голодомора.

Действия В. Ющенко по интернационализации *голодомора* были достаточно успешными: ему удалось пролоббировать принятие целым рядом законодательных органов заявлений и резолюций, где голодомор был назван геноцидом (США, Канада, Польша, Канада, Австралия, Перу, Эквадор, Колумбия, Парагвай). Законодательные собрания Аргентины, Чили, Чехии, Словакии, Испании приняли документы, выражающие солидарность с усилиями Украины по международному признанию голодомора. Слово «геноцид» в их резолюциях и обращениях отсутствовало. Исключительно формальными заявлениями ограничились представители «тяжеловесов» европейской политики – Германии, Франции,

Великобритании, хотя именно в этих странах украинскими дипломатами и диаспорными организациями предпринимались довольно активные усилия по лоббированию заявлений в духе «геноцидной версии» голодомора.

Интенсивная интернационализация *голодомора* вызвала не менее активные действия со стороны российского высшего политического руководства, которое к этому времени также активизировалось в области политики истории и памяти и отстаивало свою версию истории, основанную на неоимперских амбициях и глорификации советского прошлого. Для российского высшего руководства и для большинства историков, занимавшихся этой темой, голод 1932–1933 гг. имел значение именно как трагедия общесоюзного масштаба. При этом национальная специфика событий этого времени отрицалась в силу очевидных причин – в этом случае Украина выступала как конкретная жертва «Москвы» со всеми нежелательными морально-политическими последствиями для последней.

В свою очередь глава украинского государства явно настаивал на том, что голод 1932–1933 гг. был *голодомором* – актом геноцида, направленным против украинского народа. Между Украиной и Россией развернулась настоящая дипломатическая война по вопросам политики истории. С обеих сторон главными соперниками выступали дипломатические ведомства. Обмен нотами между министерствами иностранных дел, заявления политиков в парламентах обеих стран и даже акты вандализма[43], совершенные при попустительстве властей, превратились в 2007–2009 гг. в рутинную процедуру. За указанный период было поднято немало тем прошлого, вызывавших обоюдную конфронтационную риторику: от годовщин Конотопской битвы (1659) и Батуринской резни (1708) до конституции П. Орлыка (295-я годовщина) и Полтавской битвы (1709), от боя под Крутами (1918) до Второй мировой войны. «Обмен мнениями» вписывался в нехитрую схему: В. Ющенко издавал очередной коммеморативный указ, его содержание немедленно становилось объектом нелицеприятных комментариев со стороны российского МИДа, который фактически превратился в этот период в некое «министерство правды», занявшее позицию куратора политики памяти в соседних государствах. Впрочем, наиболее острыми проблемами прошлого стали голодомор и Вторая мировая война.

Беспрецедентными по масштабам стали действия России, направленные на блокирование усилий украинской дипломатии на уровне международных организаций (Европарламента, ЮНЕСКО, ООН) по признанию *голодомора* актом геноцида против украинцев.

Обе стороны поддались несколько странному для профессиональных дипломатов азарту: достаточно увидеть их публичные заявления, чтобы понять накал страстей. Комментируя действия украинской делегации, снявшей с повестки дня вопрос о принятии резолюции по голодомору как геноциду на 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 2008 г.), представители российского

МИДа заявили следующее: «МИД России вновь подчеркивает, что попытки руководства Украины закрепить на международном уровне трактовку событий 1932–1933 годов на территории бывшего СССР как геноцида украинского народа носят политизированных характер и направлены на сеяние раздора между братскими народами России и Украины. Считаем кощунством политические спекуляции Киева на памяти миллионов жертв трагедии, произошедшей с народами бывшего Советского Союза»[44]. Украинский МИД ответствовал в том же стиле: «Украина призывает руководителей и ведущих политиков Российской Федерации прекратить практику циничного отрицания исторической правды про голодомор, попыток оправдания и обеления преступлений сталинизма»[45]. В октябре 2008 г., когда из-за противодействия России очередная попытка украинской делегации добиться включения вопроса о голодоморе в программу Генеральной Ассамблеи ООН провалилась, украинский МИД перешел к еще более радикальным заявлениям. «Российская Федерация, – сообщалось в заявлении от 25 октября 2005 г., – используя рычаги влияния постоянного члена Совбеза ООН, путем открытого давления и шантажа пытается лишить государство-члена ООН права поставить важный для нее вопрос в повестку дня ООН – наиболее представительной всемирной организации... Такие действия противоречат букве и духу устава ООН, а также правилам процедуры Генеральной Ассамблеи. Неконструктивная позиция Российской Федерации противоречит подходам мирового сообщества в оценках природы голодомора»[46].

Пиковым моментом конфликта можно считать отказ президента Российской Федерации Д. Медведева посетить официальную церемонию, посвященную 75-й годовщине голода 1932–1933 гг. Отказ был сделан не по дипломатическим каналам, а как показательная акция: 14 ноября 2008 г. Д. Медведев отправил В. Ющенко открытое послание, своеобразный компендиум ставших уже стандартными в российском политическом дискурсе формул относительно «национализации» голодомора.

Стоит упомянуть и о том факте, что менее громогласно, но не менее эффективно против продвижения «геноцидной» версии голодомора на уровне международных организаций выступил Израиль. Визит В. Ющенко в Израиль в середине ноября 2007 г. предусматривал и выступление в кнессете, во время которого президент Украины призвал парламентариев признать голодомор актом геноцида против украинского народа[47]. Депутаты кнессета в ответ промолчали[48]. Однако несколько позже достаточно ясно позицию Израиля сформулировала посол этой страны в Украине З. Калай-Латман[49]. «Израиль, – сказала она, – признает актом геноцида то, что признано международным правом. А именно – геноцидом считается уничтожение по этническому признаку. Таким, например, был Холокост. Израиль не может признать голодомор актом этнического геноцида. В то же время он считает голодомор наибольшей трагедией украинского народа»[50].

Как уже упоминалось, спор между российским и украинским высшим государственным руководством по поводу репрезентации *голодомора* был не единственной конфликтной зоной, возникшей в начале 2000-х в сфере исторической политики. Не меньшие страсти вызвали действия В. Ющенко и его сторонников в парламенте, направленные на принятие законов, уравнивавших в правах ветеранов УПА с ветеранами Великой Отечественной войны, и сопутствующие действия власти по превращению ОУН и УПА в часть позитивной национальной мифологии.

Особое недовольство, сопровождаемое публичными критическими высказываниями первых лиц РФ, было спровоцировано решением В. Ющенко посмертно присвоить главнокомандующему УПА (1943–1950) Р. Шухевичу звание Героя Украины[51]. Эта проблема поднималась Россией на самом высшем уровне, вплоть до «проталкивания» резолюции, осуждающей возвеличивание тех, кто сотрудничал с нацистами, в ООН в ноябре 2008 г.[52] Уже «под занавес» своей президентской каденции В. Ющенко присвоил звание Героя Украины еще одному деятелю ОУН – С. Бандере. Этот демонстративный акт вызвал протесты значительной части населения и политиков не только в Украине и, само собой, в России, но и в «дальнем зарубежье»: его осудили президент Польши Л. Качинский, ряд еврейских организаций Украины и мира. 25 февраля 2010 г. Европарламент принял резолюцию, в которой «выражалось сожаление» по поводу указа В. Ющенко и высказывалась надежда, что новое руководство «пересмотрит эти решения и будет придерживаться своей преданности европейским ценностям»[53].

«Новое руководство» (в феврале 2010 г. президентом Украины стал В. Янукович), конечно же, немедленно подтвердило свою формальную приверженность упомянутым ценностям, однако в практических действиях в области политики памяти избрало довольно простую тактику параллельных действий.

В 2006–2010 гг. в ходе острого политического противостояния, вызванного переделом власти между президентом В. Ющенко и его сторонниками в парламенте с одной стороны и партией крупного капитала (Партия регионов), представляющей упомянутые выше регионы, с другой, вопросы исторической политики вполне ожидаемо оказались в числе наиболее актуальных. Политизация истории достигла уровня, сравнимого с периодом конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда дискуссии по вопросам пересмотра истории напрямую увязывались с борьбой за власть. При этом обе стороны использовали спорные вопросы истории для политической и моральной дискредитации оппонентов и для давления на них по проблемам, весьма далеким от истории, но вполне ощутимо связанным с дележом власти. Именно на этой волне В. Янукович приступил к реализации своего варианта исторической политики.

Сама Партия регионов никогда не имела четкой идеологической платформы, будучи конгломератом представителей крупного бизнеса, связанной с ним бюрократии и локальных политических элит. В ходе политической борьбы, обо-

стрившейся после «оранжевой» революции, в результате которой ставленник партии В. Янукович не стал президентом, несмотря на формальную победу во втором туре выборов в ноябре 2004 г., в партии определилась группа людей, пытавшихся сформировать идеологическую ориентацию этой политической силы, сделать ее более выразительной.

Основными составляющими этой идеологической платформы стали: статус русского языка в Украине и, соответственно, защита прав «русскоязычного населения», а также борьба с «национализмом», прежде всего, в области исторической политики. Обе составляющие были тесно связаны с политической борьбой против В. Ющенко и стали частью острого противостояния с ним, использовались для создания отталкивающего образа украинского национализма, а следовательно, – моральной и политической дискредитации В. Ющенко и «оранжевых».

После победы на президентских выборах 2010 г. идеологическая составляющая в деятельности В. Януковича и Партии регионов приобрела новый смысл. С одной стороны, нужно было встраиваться в уже созданные идеологические схемы, связанные с морально-политической легитимностью власти, претендующей на то, чтобы выступать от имени государства. С другой, началась «зачистка» проблемных зон, порождающих напряжение в отношениях с Россией, которое вызывало недовольство союзников в парламенте (коммунистов) или у советско-ностальгической части населения.

В основном используется та же тактика, как и при В. Ющенко[54]: сам президент высказывается и действует достаточно нейтрально (не считая заявления о том, что голодомор не был геноцидом). В. Янукович вернулся к испытанной еще во времена Л. Кучмы линии поведения, стараясь избегать острых идеологических тем, а при необходимости призывать к плюрализму мнений. Заметим, что, как и для технократа Л. Кучмы, для В. Януковича вопросы исторической политики имеют второстепенное значение[55] и его подход к ним обусловлен «государственной необходимостью».

В то же время некоторые члены Партии регионов, представляющие ее «идеологический блок», например депутат от Севастополя В. Колесниченко и новоназначенный министр образования и науки Д. Табачник, своими действиями и заявлениями провоцировали весьма активное возмущение украинских национал-демократов и националистов, ушедших из власти в оппозицию.

Уже через два дня после инаугурации В. Януковича (28 февраля 2010 г.) с официального Интернет-сайта президента исчезли баннеры про голодомор. Но последовали упреки со стороны оппозиции, и соответствующие страницы в сокращенном виде были возобновлены[56]. Следующим знаковым заявлением В. Януковича стала его фраза о том, что единственным государственным языком в Украине может быть украинский, сказанная им во время традиционных коммеморативных мероприятий в Каневе на могиле Т. Шевченко 9 марта 2010 г.

Некоторое время сохранялась интрига по поводу отмены указов В. Ющенко о присвоении звания Героя Украины Р. Шухевичу и С. Бандере (во время предвыборной кампании В. Янукович обещал пересмотреть или отменить эти указы). 5 марта В. Янукович на совместной пресс-конференции с Д. Медведевым заявил, что ко Дню Победы он «примет решение»[57]. В апреле 2010 г. Донецкий окружной административный суд признал противоправным и подлежащим отмене указ В. Ющенко о присвоении С. Бандере звания Героя Украины (на том основании, что С. Бандера никогда не был гражданином Украины). Тогда же похожая процедура была проделана с Р. Шухевичем. (Практически одновременно городские советы Ивано-Франковска, Львова, Тернополя и Луцка присвоили упомянутым персонажам звания почетного гражданина[58].) Вскоре после Дня Победы В. Янукович действительно принял решение, но не то, которого от него ожидали. 14 мая 2010 г., выступая на заседании Общественного гуманитарного совета при президенте Украины, он заявил, что необходимо достичь взаимопонимания в отношении исторических фигур, которые вызывают противоречия в обществе, и высказался за «постепенность и деликатность» в решении таких вопросов[59]. Таким образом, тема на уровне высшего государственного руководства была закрыта.

27 апреля 2010 г., выступая на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы в Страсбурге, В. Янукович заявил, что «признавать голодомор как факт геноцида против того или иного народа будет неправильно, несправедливо»[60]. Заявление было сделано за день до рассмотрения сессией доклада о голоде 1932–1933 гг. и принятия резолюции, по поводу которой украинские участники сессии еще вели арьергардные бои с российскими оппонентами, добиваясь употребления термина «геноцид». Заявление В. Януковича устроило большинство делегаций (прежде всего, российскую) и вызвало возмущение части украинских парламентариев, представлявших украинскую национал-демократическую оппозицию.

В июне 2010 г. в Киеве был возбужден иск гражданина Украины, бывшего адвоката, 68-летнего В. Волосюка (члена Народного руха Украины), В. Януковичу по статье «оскорбление чести и достоинства». В исковом заявлении указывалось, что В. Янукович, помимо указанного, нарушил Закон Украины от ноября 2006 г. «О голодоморе 1932–1933 гг. в Украине», в котором голод 1932–1933 гг. назывался геноцидом, а публичное отрицание голодомора как геноцида называлось противоправным[61]. Районный суд Печерского района Киева отказал истцу, после чего была подана апелляция в Киевский апелляционный суд, который 8 декабря 2010 г. не удовлетворил ее. Любопытно, что этот же самый суд 13 января 2010 г. вынес решение о том, что И. Сталин (Джугашвили), В. Молотов (Скрябин), Л. Каганович, П. Постышев, С. Косиор, В. Чубарь и М. Хатаевич совершили преступление геноцида, предусмотренное ч. 1 ст. 442 Уголовного кодекса Украины (геноцид), и закрыл уголовное дело в связи со смертью обвиняемых[62].

Нежелание характеризовать голодомор как геноцид не означало отказа от самой идеологемы. Отказ от «геноцидной» версии *голодомора* был необходимым для В. Януковича символическим жестом, снимавшим напряжение в одном из аспектов отношений с Россией. Все остальные компоненты соответствующего исторического мифа и связанных с ним идеологических практик остались нетронутыми. Визит к Мемориалу памяти жертв голодоморов в Украине[63], возведенному во времена В. Ющенко, стал частью протокольных мероприятий для лидеров иностранных держав наряду с возложением венков к Вечному огню и памятнику Неизвестному солдату на Аллее славы (символу советских коммеморативных практик). В этом смысле символически показательным стал визит в Киев президента РФ Д. Медведева 17 мая 2010 г. – он посетил Мемориал памяти жертв голодоморов в Украине, тот самый, на открытие которого он демонстративно отказался приехать два года назад.

26 ноября 2010 г. в День памяти жертв голодомора на сайте президента появилось обращение, в котором В. Янукович назвал голод 1932–1933 гг. «Армагеддоном», выступил против спекуляций вокруг количества погибших и призвал говорить «правду и только правду»[64]. На следующий день он вместе с премьер-министром Н. Азаровым принял участие в траурных мероприятиях у Мемориала памяти жертв голодоморов в Украине.

Можно сказать, что лично В. Янукович фактически вернулся к «амбивалентной» политике истории, которая практиковалась во времена Л. Кучмы. В этой политике сочетается этносимволизм (в дозах, необходимых для национальной легитимации власти) и советско-ностальгические элементы (как необходимая дань той части населения, которая подвержена соответствующим коллективным переживаниям).

В то время как сам В. Янукович исправно исполняет роль президента, стоящего над схваткой и «объединяющего нацию», представители «идеократов» Партии регионов периодически будоражат общество действиями и заявлениями, с одной стороны, гипотетически направленными на то, чтобы преодолеть «наследие Ющенко» и «дать отпор национализму», с другой – на то, чтобы утвердить некий собственный идеологический стандарт, в котором сочетаются советско-ностальгические элементы, воссоединительная (относительно России) риторика и довольно туманные рассуждения и лозунги относительно «внутреннего единства» в самой Украине.

Риторика о «внутреннем единстве» сопровождается радикальными общественными акциями, которые выходят за рамки официальных презентаций истории, но фактически пользуются негласным покровительством той части Партии регионов, которая смыкается с коммунистами в вопросах идеологии. Их действия, как правило, адресуются советско-ностальгической части населения, живущей стереотипами советской пропаганды. Учитывая высокую степень «партийной дисциплины» в Партии регионов, трудно предположить, что дей-

ствия ее членов, явно противоречащие примирительно-нейтральной тональности заявлений В. Януковича, могут осуществляться без негласного одобрения «верхов».

Стоит вспомнить такие, иногда открыто провокационные, действия, как открытие памятников жертвам ОУН-УПА в Луганске, Ровно, Одессе, в районных центрах и селах Луганской и Сумской областей в 2010 г.[65] или уже упоминавшуюся тенденциозную передвижную выставку «Волынская резня: польские и еврейские жертвы ОУН-УПА» в апреле 2010 г., которая объехала Киев и крупные города востока и юга Украины (например, Харьков, Луганск, Одессу, Севастополь). Парадоксальным образом данная акция стала повторением подобных действий власти времен В. Ющенко, выставка является копией техник и способов репрезентации прошлого, использовавшихся в передвижной выставке «Украина помнит! Голодомор 1932–1933 годов – геноцид украинского народа».

Нельзя не упомянуть и публичные заявления союзников Партии регионов – коммунистов, которые нередко выходят за рамки элементарных этических норм. Редактор областной газеты КПУ и депутат областного совета накануне Дня памяти жертв голодомора заявила в своем блоге, что в этот день она с подругами устроит пиршество: «будем вкусно есть, шутить и даже танцевать»[66]. Спустя неделю там же она, используя ненормативную лексику в адрес тех, кто отмечает День памяти, одобрила действия власти в 1932–1933 гг., направленные «против кулаков».

В данном случае можно говорить не столько о политике истории, сколько о политических акциях, имеющих провокационный характер (в этом смысле достаточно удачных, поскольку скандалов было предостаточно).

Напомним и о том, что в Украине последнего пятилетия стала привычной «война памятников», которая также вышла за рамки «внутренней» политики памяти. Достаточно вспомнить публичные страсти вокруг установки памятника С. Бандере[67] во Львове в 2006–2007 гг. (польская община Львова охарактеризовала возведение памятника как провокацию) или демонстрации национал-демократов и украинских националистов в Одессе, где в скульптурной группе, посвященной основателям Одессы, установленной в октябре 2007 г., наличествовал центральный образ – Екатерины Второй[68]. В Крыму в 2005 г. бушевали страсти по поводу установления памятника И. Сталину (к 60-летию Ялтинской конференции), дошло до открытого конфликта с Меджлисом крымскотатарского народа. В Запорожье в мае 2010 г. коммунисты и организация ветеранов Советской Армии установили памятник И. Сталину, вызвав острые политические дебаты как внутри страны, так и за рубежом. Дело получило международный резонанс – комиссар Совета Европы по правам человека Т. Хаммарберг «высказал сожаление» по поводу намерения коммунистов установить монумент. Памятник был установлен на крыльце Запорожского областного комитета КПУ, местные власти запретили митинг по поводу открытия памят-

ника, которое все же состоялось под видом встречи с народным депутатом. В знак протеста представители националистической организации «Свобода» организовали шествие к городскому совету, где их забросали куриными яйцами коммунисты. Вечером 27 декабря 2010 г. «мобильное подразделение» всеукраинской организации «Трызуб» имени С. Бандеры бензопилой отпилило памятнику голову[69]. Через несколько дней облик «вождя народов» восстановили, однако в ночь на 1 января 2011 г. неизвестные взорвали памятник[70]. По уголовному делу, возбужденному в связи с этим инцидентом, были арестованы несколько членов «Трызуба».

«Война памятников» сопровождается «войной дат»: в 2011 г. 9 мая и 22 июня – годовщины конца и начала «Великой отечественной войны» стали днями конфронтации между сторонниками «советской» версии истории и «националистической», вплоть до физического противостояния. Впрочем, опять-таки речь идет не столько об исторической политике, сколько о инструментализации истории: конфронтационные действия с обеих сторон провоцируются не слишком известными и немногочисленными, но весьма активными группами, которые используют примитивную, но краткосрочно эффективную методику групповой провокации, обильно освещаемой подконтрольными власти прессой и электронными медиа. Для нынешней власти конфликты вокруг проблем трактовки и репрезентаций прошлого имеют некий прагматический смысл – на фоне стремительного роста экономических и социальных проблем, частично объективного характера, а частично спровоцированных самой этой властью, любые конфликты по «гуманитарным» вопросам служат удобным громоотводом социального недовольства. Демонстрации и столкновения по поводу противоречивых исторических личностей или дат намного желательнее забастовок и социальных протестов.

Общие замечания

Можно предположить, что изложенный здесь материал говорит сам за себя и выводы напрашиваются сами собой. То, что немцы (Geschichtspolitik), а за ними поляки (polityka historyczna) назвали исторической политикой, неизбежно ведет к конфликту – культурному, межэтническому, межнациональному, международному, – особенно когда эта политика декларирует своей целью достижение некоего единства (так и напрашивается термин «морально-политического»)[71].

Разрешить этот конфликт путем диалога не удается. Мнение тех, кто расположен и готов к нему, глохнет в куда более агрессивных и шумных действиях сторонников отстаивания «своей правды». Возникшая недавно идея сознательной целенаправленной амнезии – уклонения от публичного обсуждения острых тем общего прошлого – вряд ли будет поддержана как политиками, так

общественными деятелями, заинтересованными в инструментальном (зло)употреблении истории.

Для исторической профессии эта ситуация крайне опасна, поскольку втягивает историков в действия, понижающие качество их научной работы, и порождает соблазны и прессинги, подрывающие основы историографии как науки. Пользуясь классификацией А. Мегилла, можно сказать, что историки попадают в дискурсивное поле аффирмативной и дидактической историографии, что неизбежно уводит из научно-аналитического дискурса и сильно снижает когнитивный потенциал историографии как научной дисциплины. «Башня из слоновой кости» в нынешних условиях невозможна как из-за дороговизны материала и возможных протестов защитников животных, так и по причине диктатуры информационного общества. Историки обречены на постоянное столкновение с взаимно исключающими дискурсами, которые по злой иронии судьбы (или истории?) являются и взаимодополняющими. Впрочем, выбор у них есть: можно пытаться противостоять политике истории и бороться за сохранение в неприкосновенности этических и профессиональных канонов или же можно быть бойцами «идеологического фронта», но и здесь придется вспомнить о том, что «нет ничего нового по солнцем».

Примечания

1 Упомянем для примера: конфликты между Россией и странами Балтии и Польши, российско-украинский конфликт, украинско-польские дебаты, распри между Узбекистаном и Таджикистаном, Индией и Пакистаном, между Японией, Китаем и обеими Кореями и т.д.

2 Gross J. Sąsiedzi. Historia zagiady żydowskiego miasteczka. Sejny, 2000. Книга была написана американским социологом польского происхождения. Дискуссия имела колоссальный общественный резонанс и вызвала чрезвычайно противоречивые суждения, обнажившие серьезные проблемы в польском национальном самосознании.

3 Середа В. Вплив польських та українських шкільних підручників з історії на формування польсько-українських стереотипів // Вісник Львівського університету. Серія «Історія». Львів, 2000. Вип. 35 6. С. 393.

4 Яковенко Н. Польща та поляки у шкільних підручниках історії, або відлуння давнього і недавнього минулого // Яковенко Н. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002. С. 375.

5 Комиссия была создана в 1993 г. для «усовершенствования содержания школьных учебников истории и географии». Она собиралась дважды в год, рассматривала содержание учебников, выявляла в них спорные проблемы и интерпретации конфликтного характера, составляла список таких проблемных мест и предлагала свои рекомендации. Это были именно рекомендации, а не директивы, их выполнение полностью зависело от позиций авторов и издательств.

6 Інтервью с С.В. Кульчицким. Київ, 17 мая 2005 р.; Полянський П.Б. Про українсько-польську комісію експертів з удосконалення змісту шкільних підручників з історії та географії // Український історичний журнал. 1999. № 1. С. 151–153; Интервью с П.Б. Полянским, 15 мая 2005 г.

[7] Паніна Н. Неподолана дистанція // Критика. 2003. Вип. 7-8. С. 18.

[8] Siemaszko Wiadysiaw, Siemaszko Ewa. Ludobojstwo, dokonane przez nacionalistow ukrajinskich na ludnosci polskiej Wolynia, 1939–1945. Tom 1,2. Warszawa, 2000.

[9] Польські та українські парламентарі готують спільну заяву про волинську трагедію // ForUm [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ukr.for-ua.com/news/2003/03/12/142601.html

[10] Річниця подій на Волині стане «іспитом істини» для України і Польщі // Обозреватель. 2003. 19 марта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.obozrevatel.com.ua/ukr

[11] Бачинський Б. В очікуванні порозуміння // Поступ. 2003. 11квітня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://postup.brama.com/11/04/2003

[12] Ліщенко Ю. Правда не може бути однобокою // Львівська газета. 2003. 15 квітня.

[13] Відкритий лист народних депутатів України з нагоди 60-річчя трагічних подій на Волині // Голос України. 2003. 29 травня.

[14] Україна і Польща поки що не помирилися // Главред. 2003. 30 травня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.glavred.info

[15] Компромісне непорозуміння // Поступ. 2003. 27 червня [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://postup.brama.com,

[16] Волинь – продовження теми // Наше слово. 2003. 20 липня.

[17] Вистражданий компроміс. Парламенти України та Польщі схвалили текст спільної заяви про трагічні події на Волині // Львівська газета. 2003. 11 липня.

[18] Шилко О. Верховна Рада України ухвалила текст спільної заяви щодо Волинської трагедії // Українсько-польський інтернет-журнал. 2003. 10 липня [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ukraine-poland.com/u/news/news.php?id=1395

[19] Замятін В. Перший день взаємного прощення //День. 2003. 11 липня.

[20] Спільна заява Президента України і Президента Республіки Польща «Про примирення – в 60-ту річницю трагічних подій на Волині» // Поступ. 2003. 16 липня.

[21] Возняк Т. Мамай чи майбутн? // Критика. 2003. № 7–8.

[22] З листа Яцека Куроня до Мирослава Мариновича // Незалежний культорологічний часопис «Ї». 2003. № 28. С. 2. Режим доступа: www.ji.lviv.ua/n28/texts/kuron.htm

[23] Відкритий кист з приводу 60 річниці збройного українсько-польского конфлікту на Волині // Незалежний культорологічний часопис «Ї». 2003. № 28. С. 3. Режим доступа: www.ji.lviv.ua/n28/texts/kuron.htm

[24] Попович М. Наше і не наше горе // Критика. 2003. № 5; Грицак Я. Наше і дуже наше горе // Критика. 2003. № 7–8.

[25] Ісаєвич Я. Холмсько-Волинська трагедія, її передумови, перебіг, наслідки. Волинь і Холмщина 1938–1947 рр. : Польсько-українське протистояння та його відлуння. Дослідження, документи, спогади / Гол. ред. кол. Я. Ісаєвич. Львів, 2003. С. 7.

[26] Свідник Д. Третій фронт на Волині // Поступ. 2003. 13 травня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://postup.brama.com

[27] Звернення Львівської обласної організації Спілки офіцерів України до корпусу офіцерів кадру і запасу Війська Польського з приводу трагічних подій на Волині 1943 року // Львівська газета. 2003. 21 травня. Режим доступа: http://www.gazeta.lviv.ua

[28] Для экономии места сошлюсь на свою статью, где детально описаны черты национального историографического канона (украинского, поскольку речь идет об Украине), но, на мой взгляд, вполне применимого к любому подобному национальному канону

Центрально-Восточной Европы и Балкан: 'Nationalized' History: Past Continuous, Present Perfect, Future...; Kasianov G., Ther Ph. A Laboratory of Transnational History: Ukraine and Recent Ukrainian Historiography. Budapest; New York, 2009.

29 Полное название: «Україна – Польща: важкі питання. Українсько-польські стосунки в 1939–1947 рр.».

30 Motyka G. Od rzezi woiycskiej do akcji Wisia. Krakyw, 2011; Іллюшин І. Волинська трагедія 1943–1944 рр. Київ, 2003.

31 В Польше был создан Комитет по поводу 65-й годовщины геноцида, осуществленного ОУН-УПА против польского населения восточных земель, возглавленный лидером Польской селянской партии Я. Калиновским. Комитет требовал официального осуждения ОУН-УПА как преступных организаций, введения специального курса в школах, посвященного преступлениям ОУН-УПА, закрытия украинской газеты «Наше слово».

32 Достаточно упомянуть попытку комитета установить в Варшаве памятник жертвам событий 1943 г., изображающий тела растерзанных детей. Возник скандал, в ходе которого выяснилось, что фото, на основе которого предлагалось создать памятник, сделано в 1920-х гг. и фиксирует факт убийства детей сумасшедшей матерью. Более подробно о польских и украинских дискуссиях на тему Волынь-1943 см.: Полянська Н.М. 65-та річниця українсько-польського збройного конфлікту на Волині в інформаційному просторі // Історичні студії Волинського національного університету ім. Лесі Українки. 2009. Вип. 2. С.108–112.

33 В апреле 2010 г., уже после прихода к власти В. Януковича, в Киеве стартовала передвижная выставка «Волынская резня: польские и еврейские жертвы ОУН-УПА», организованная «Русскоязычной Украиной» (негосударственной организацией, возглавляемой В. Колесниченко, «говорящей головой» по вопросам идеологии Партии регионов) и Польским обществом увековечения памяти жертв преступлений украинских националистов. Выставка (фотографии и копии документов) перемещалась по восточным и южным областям Украины.

34 Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А. , Кондрашин В.В., Осколков Е.Н. О голоде 1932–1933 годов и его оценке на Украине // Отечественная история. 1994. № 6. С. 252–262.

35 Детальное описание дискуссий академического и околоакадемического характера см.: Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008; Касьянов Г. Danse macabre. Голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті – початок 2000-х). К., 2010.

36 Закон України про голодомор 1932–1933 років в Україні // Відомості Верховної Ради України. 2006. № 50. С. 504.

37 В 1993 г. Президент Л. Кравчук дал указание МИД Украины добиться внесения в календарь ЮНЕСКО даты, связанной с голодомором. Это распоряжение не было выполнено. См.: Указ президента України від 19.02.1993 «Про заходи у зв'язку з 60-ми роковинами голодомору в Україні» // Офіційний веб-сайт Верховної Ради України [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.zakon.rada.gov.ua

38 С 1993 по 2008 г. голод 1932–1933 гг. актом геноцида против украинского народа признали парламенты 13 стран.

39 Офіційний веб-сайт Верховної Ради України [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zakon.rada.gov.ua

40 Курінна Л. «Україна пам'ятає, світ визнає». Про голодомор 1932–1933 рр. має знати кожен // Закон&Бізнес. 2007. 24–30 березня.

[41] Офіційний веб-сайт Верховної Ради України [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zakon.rada.gov.ua

[42] Міністерство закордонних справ України. Керівникам закордонних дипломатичних установ України. Лист №200/21/100-1769 від 4 вересня 2007 р. Архів автора.

[43] Речь идет о надругательстве над государственным символом Украины (трызубом) на горе Говерла (соответствующие фото появились в Интернете) и хулиганском нападении на выставку, посвященную *голодомору,* в Украинском доме в Москве, совершенных активистами российской организации «Евразийский союз молодежи» в 2007 г.

[44] Цит. по: Росія святкує провал ідеї України по Голодомору в ООН // Українська правда. 2008. 25 сентября [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pravda.com.ua Название статьи тоже весьма симптоматично.

[45] Росія святкує провал ідеї України по Голодомору в ООН // Українська правда. 2008. 26 сентября [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pravda.com.ua

[46] МЗС звинувачує Росію у перешкоджанні розгляду Голодомору в ООН // Українська правда. 2008. 25 октября [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pravda.com.ua/news/2008/10/24/83412.htm

[47] Ющенко закликав Ізраїль визнати Голодомор актом геноциду // Інформаційне агенство «Уніан» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.unian.net

[48] Визит откладывался несколько раз, не в последнюю очередь – из-за разногласий по поводу политики истории, особенно действий В. Ющенко, направленных на вписывание ОУН-УПА в героический нарратив национальной истории. Наибольшее неприятие и возмущение в Израиле вызвал указ В. Ющенко о присвоении звания Героя Украины Р. Шухевичу.

[49] Кравченко В. (автор інтерв'ю). Калай-Латман Зіна Ізраїль не може визнати Голодомор актом етнічного геноциду // Дзеркало тижня. 2008. 27 сентября – 3 октября.

[50] Там же.

[51] Звание и прилагаемый к нему нагрудный знак по сути являются копией звания Героя Советского Союза.

[52] Проект такой резолюции был принят Генеральной Ассамблеей ООН. Против проголосовали США, воздержались все страны Евросоюза, включая Эстонию и Латвию, и Украина. Поводом для принятия резолюции стали действия властей стран Балтии, попустительствующих, по мнению России, «реабилитации» солдат и офицеров национальных военных формирований Waffen-SS (Латвийского легиона и эстонской 40-й дивизии). Разумеется, речь шла и об УПА, Р. Шухевиче и С. Бандере.

[53] European Parliament resolution on the situation in Ukraine 22. 2. 2010 RC-B7-0116/2010 // Official website of the European Parliament [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/

[54] Например, В. Ющенко, будучи президентом, сам лично никогда не высказывался о том, что Россия должна нести ответственность за голодомор, приносить извинения Украине или выплачивать компенсацию. Зато в его окружении, особенно в президентской фракции в парламенте, не было недостатка в таких заявлениях, часто весьма радикальных.

[55] Судя по всему, В. Янукович вообще не любит «гуманитарные темы», достаточно часто попадая в комические ситуации в связи с необходимостью высказываться по этим вопросам. Наиболее известные «перлы» его публичных выступлений связаны именно с такими темами: от него Украина узнала о «поэтессе Анне Ахметовой», о «русском поэте А. Чехове», а западные украинцы были ошарашены словами о том, что они – «геноцид нации» (В. Янукович имел в виду «генофонд»).

[56] Пам'яті жертв Голодомору 1932–1933 років в Україні // Офіційне прецтавництво Президента України [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.president.gov.ua/content/golodomor_75.html

[57] Янукович пообіцяв Медведєву скасувати указ про присвоєння Бандері Героя // Інформаційне агенство «Уніан» от 05.03.2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unian.net/ukr/news/news-366084.html

[58] Согласно опросу социологической группы «Рейтинг», 53% опрошенных поддерживали отмену указа, 28% – не поддерживали и 19% – не определились. Каждый десятый опрошенный житель Западной Украины был готов принять участие в акциях протеста против отмены указа В. Ющенко // Соціологічна група «Рейтинг» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ratinggroup.com.ua/ru/products/politics/data/entry/13705/

[59] Янукович назвал «наибольший деструктив» в Украине // Інформаційне агенство «Уніан» от 13.05.2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.unian.net/rus/news/news-376684.html

[60] Янукович сказав депутатам ПАСЕ, що Голодомор – не геноцид // Інформаційне агенство «Уніан». 27.04.2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eunews.unian.net/ukr/detail/193461

[61] Володимир Волосюк судиться з Віктором Януковичем // Газета-ua [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gazeta.ua/index.php?id=343385

[62] Голодомор 1932-1933 років на Україні визнано геноцидом частини української національної групи // Официальный сайт суда: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://apcourtkiev.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=41962&cat_id=35857

[63] Официальное название.

[64] Слово Президента України до народу в День Пам'яті жертв Голодомору от 26.11.2010 // Офіційне прецтавництво Президента України [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.president.gov.ua/news/18809.html

[65] Памятники жертвам ОУН-УПА // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dragonmoonbird.livejournal.com/759184.html

[66] За зневагу над жертвами Голодомору не посадять. Луганська комуністка продовжує «піршество» // Інтернет портал «Українська правда, Історична правда». 2010. 01 грудня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.istpravda.com.ua/short/2010/12/1/7080/

[67] В 1990 г. был установлен первый памятник С. Бандере в его родном селе в Западной Украине. Памятник несколько раз становился объектом вандализма и даже был взорван.

[68] В начале февраля 2010 г., когда в Украине бушевали страсти по поводу присвоения С. Бандере звания Героя Украины, памятник в Одессе был осквернен представителями некой организации «Неизвестные патриоты», заявившими, что на этом месте «должен стоять памятник Бандере».

[69] В Запорожье «тризубовцы» отрезали голову памятнику «международному террористу» Сталину. Видео от 28 декабря 2010 // NEWSru.ua [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rus.newsru.ua/ukraine/28dec2010/mol_trysub.html

[70] Пам'ятник Сталіну в Запоріжжі знищено повністю // Дзеркало тижня (новини). 2011. 1 січня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.dt.ua/news/83700

[71] См. интересные рассуждения на эту тему: Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4. Май – август. С. 6–23. Стоит обратить внимание на все статьи этого номера, дающие панораму «боев за историю» как в Европе, так и за ее пределами в конце XX – начале XXI в.

Олена Пономарева

ФЕНОМЕН УКРАИНСКОЙ ИММИГРАЦИИ В ИТАЛИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Abstract

Ukrainian labor migration into Italy is a recent but important phenomenon, on account both of its extent (the number of Ukrainians in Italy is the highest in the EU) and of its predominantly female character (almost 80% of immigrant population). In spite of its quantitative importance, the Ukrainian community seems to be one of the least integrated in terms of quality. The article illustrates some symptomatic aspects of this community that reflect the current paths of external migration processes from the Eastern European countries. The author analyzes the Ukrainian community in Italy through one of most heuristic theoretical models in contemporary sociological research, namely the concept of 'social identity', with particular attention to the social consumption of migration as interethnic relations, intergroup conflicts, social marginalization, and inclusion strategies.

Keywords: female labor migration, stratification of the labor market on ethnic grounds, stigmatized groups, negative social identity, homologation of social and cultural identities.

Трудовая миграция из стран Центральной и Восточной Европы, в том числе из Балтийско-Черноморского региона, отражает общую динамику миграционных процессов в глобализированном мировом пространстве. В то же время ее отличает ряд качественных характеристик, обусловленных спецификой обозначенного региона – глубинными политическими, экономическими и социальными преобразованиями вследствие перехода от тоталитарной системы к иным формам организации общества. В ряде аспектов социальное измерение и общественный фактор оказываются определяю-

щими для успеха или неуспеха любых трансформаций, эффективного политического и экономического развития отдельных стран. Очевидны качественные различия между государствами Балтийско-Черноморского региона. За период, прошедший после распада СССР, одни из них сумели стать членами Евросоюза и НАТО, в то время как у других до сих пор отсутствуют четкие ценностные ориентиры и определенность в стратегии внутреннего и внешнего развития.

Симптоматично, что государства региона – нечлены ЕС в большей степени подвержены процессам массовой миграции, основной поток которой направлен в страны Евросоюза. Цель данного исследования – анализ внешней трудовой миграции как социального процесса, а именно с точки зрения формирования новой социальной идентичности, способной определять эволюционную динамику в посттоталитарных обществах восточноевропейских стран и их реальную интегрированность в общеевропейское пространство. Предмет исследования – украинская иммиграция в Италии. По данным Евростата за 2010 г., Украина занимает первое место в Европе по количеству эмигрантов; среди стран Евросоюза основным реципиентом украинских мигрантов является Италия.

Украинская община в Италии

В сегодняшней Италии легальные иммигранты составляют 7% общего населения (Dossier Statistico Immigrazione, 2010: 13). В то же время Италия отличается самым старым среди стран Евросоюза населением и одним из самых низких показателей рождаемости. Если эта тенденция сохранится, то через 30 лет Италия присоединится к странам с наибольшим коэффициентом присутствия иммигрантов. Поэтому сегодня Италия активно разрабатывает новые основы иммиграционной политики и эффективные модели интеграции. До последнего времени здесь преобладала тенденция, которая рассматривала иммиграцию и сопряженные с ней явления с точки зрения вопросов внутренней безопасности, поэтому весь комплекс иммиграционного законодательства основан на мерах преимущественно ограничительно-репрессивных. В частности, с июля 2009 г. в стране действуют новые правила безопасности, согласно которым нелегальный въезд и пребывание на территории страны являются уголовным преступлением. Такие жесткие меры до определенной степени обусловлены объективной ситуацией в обществе, пережившем слишком резкий переход от состояния эмиграции к состоянию иммиграции. Массовый въезд иностранцев на территорию Италии начался с 80–90-х гг. прошлого века. Тогда в период интенсивного экономического роста наблюдался значительный спрос на неквалифицированную рабочую силу преимущественно в сфере строительства, сельского хозяйства, а также в домашнем секторе. С тех пор приток трудовых иммигрантов в Италию с каждым годом растет, несмотря на существенные изменения условий на рынке

труда по сравнению с начальным периодом, особенно вследствие финансово-экономического кризиса 2008 г.

Согласно данным официальных итальянских источников (Dossier Statistico Immigrazione, 2010: 13), на территории страны легально находятся 174 129 украинских граждан, что составляет пятую по численности иностранную общину Италии (после Румынии, Албании, Марокко и Китая). На самом деле эта цифра не отражает реального состояния украинского присутствия в Италии. Вышеприведенная статистика ведется на основании въездных национальных виз для длительного пребывания, выданных консульскими учреждениями стран-членов Евросоюза в странах происхождения мигрантов, и по количеству разрешений на проживание, выданных органами внутренних дел этих стран. Официальные цифры не учитывают, например, лиц, которые на момент обнародования статистических данных имели документы на проживание в стадии возобновления; лишь частично учтены несовершеннолетние украинцы, присутствующие на территории Италии. Таким образом, количество украинцев с официальным разрешением на пребывание в Италии могло бы составить как минимум 250 тыс. Кроме того, вопрос статистики существенно усложняет фактор нелегальной миграции: ведь значительное количество украинских граждан находится в Италии без законных на то оснований. Само по себе явление нелегальной миграции довольно неоднозначно. С одной стороны, в ней действительно кроются реальные угрозы для внутренней безопасности страны, с другой – для многих категорий мигрантов нелегальный въезд в Италию нередко оказывается единственно возможным, учитывая жесткие нормы иммиграционного законодательства. Нелегальная миграция часто становится первым шагом к обретению легального статуса, поскольку итальянское правительство, учитывая существующие проблемы, периодически вынуждено прибегать к мерам легализации иммигрантов. Первая массовая легализация была проведена в Италии в 2002 г. Именно она впервые выявила присутствующую уже на тот момент 100-тысячную украинскую общину. В сентябре 2009 г. итальянское правительство осуществило легализацию трудовой категории домашних работниц и сиделок для людей преклонного возраста, что дало возможность узаконить свое пребывание на территории Италии 37 178 украинским гражданам. При этом украинцы оказались лидерами по количеству запросов на легализацию – 12.6% от общего количества. По экспертным данным, в Италии находятся от 400 до 600 тыс. украинцев (Марков, 2009: 31). Нелегальный статус украинских иммигрантов в Италии до определенной степени обусловлен спецификой их трудовой деятельности – обслуживание частных помещений и уход за пожилыми людьми и детьми. Очевидно, что в этой частной сфере учет и контроль над соблюдением трудового и налогового законодательства очень незначителен по сравнению с другими сферами занятости. Эта своеобразная маргинальность предопределяет, среди прочего, и то, что, несмотря на значи-

тельные количественные показатели, современная украинская иммиграция в Италии остается наименее изученной по сравнению с другими более представленными этническими общинами. Украинская община отличается самым высоким показателем присутствия женщин: 79.4% от общего количества иммигрантов, причем с большим отрывом от остальных традиционно «женских» общин (Молдова – 66.4%, Филиппины – 58.1%) (Dossier Statistico Immigrazione, 2010: 125). Украинцы отличаются очень высоким уровнем образования и профессиональной подготовки: более 60% имеют дипломы о высшем и среднем специальном образовании, в то время как средний показатель среди остальных иностранных общин не превышает 40% (Allargamento a Est e immigrazione, 2004: 300–305). Показатель присутствия несовершеннолетних в украинской общине скорее незначительный – превышает 10% (Osservatorio romano sulle migrazioni, 2008: 144), что особенно заметно на фоне общей тенденции среди иммигрантов: чем многочисленнее община, тем больше в ней детей. Украинские женщины, приезжающие в Италию с целью трудоустройства, должны оставить на родине свои семьи и детей, по крайней мере на первой стадии миграционного проекта. В западной социологии существует термин «транснациональные семьи», которым обозначается феномен проживания в разных странах родителей и детей. Украинское семантическое соответствие более жесткое и определяется термином «социальное сиротство». При этом в самой Украине данная проблематика еще не до конца концептуализирована, собственно, как и сам феномен новейшей эмиграции. Наиболее комплексно работает над этими вопросами Львовский международный институт образования, культуры и связей с диаспорой[1]. В последние годы участились случаи воссоединения украинских матерей в Италии со своими несовершеннолетними детьми. Это свидетельствует об определенной стабилизации иммигрантов, когда временное и неопределенное пребывание превращается в более постоянный миграционный проект, в частности, появляются материальные предпосылки для перевозки детей для постоянного местожительства. Для воссоединения семей переезжают, как правило, дети подросткового возраста, которые неизбежно сталкиваются с проблемами культурно-языковой и психоэмоциональной адаптации и, впоследствии, социальной интеграции. Принимая во внимание массовость феномена украинской миграции в Италию и при этом его практически полную неизученность, представляется целесообразным и чрезвычайно актуальным исследование структуры социальной идентичности категории украинских иммигранток в Италии с целью определения особенностей их социальной адаптации и выявления оптимальных механизмов интеграции в итальянскую трудовую и социальную среду.

Теория социальной идентичности и ее интерпретации в зарубежной и отечественной социологии

Социальная идентичность – это многоуровневый и многокомпонентный феномен, заимствованный из области социальной психологии: в общепринятом смысле социальную идентичность следует понимать как процесс и результат идентификации человека с теми или иными социальными группами, детерминирующие выбор способов его социального поведения (Tajfel, 1978, 1982; Turner, 1987; Hogg, 2000). В 1978 г. Генрих Теджфел сформулировал теорию социальной идентичности, согласно которой социальная идентичность определяется принадлежностью к группам и категориям. Эта концепция получила дальнейшее развитие и разносторонние интерпретации в трудах Джона Тернера, Майкла Хогга и ряда других европейских и американских ученых (Turner, 1987; Hogg, 2000; Major, 1993; Knippenberg, 2002; Hymans, 2002). В западной науке теория социальной идентичности на сегодня является одной из самых эвристических теоретических моделей для исследования самых разнообразных социальных и социокультурных феноменов, в том числе политического характера, таких как межэтнические и межконфессиональные отношения, социальная маргинализация, расовая дискриминация, международные конфликты. Таким образом, интегративный характер данной теории и описываемых ею феноменов требует междисциплинарного подхода, который в современной западной науке реализуется в исследовании социальной идентичности не только с психологических и социологических позиций, но также с точки зрения философии, культурологии, политологии.

Для стран Балтийско-Черноморского региона проблематика социальной идентификации и социальной идентичности также является чрезвычайно актуальной. Специфика контекста определяется трансформационным характером посттоталитарных обществ, а именно: радикальными изменениями их социальной структуры и социальных отношений; размыванием традиционных групп и страт и возникновением новых; утратой критериев социальной стратификации и формированием самых разнообразных систем координат нового социального пространства (Микляева, 2008). Большинство ученых анализируют трансформации в социальной идентичности людей постсоветского пространства с точки зрения реакций на радикально изменчивую и неопределенную действительность. Так, социальная идентичность является индикатором меры адаптации в новых социально-экономических условиях (Агеев, 1990; Голенкова и др., 1995; Макеев, 1996, 1999; Микляева, 2008). При этом необходимо помнить о том, что «обладателем социальной идентичности является конкретная личность, наделенная уникальным жизненным опытом и обладающая неповторимой картиной мира, в которой субъективно преломляются социальные отношения» (Микляева, 2008: 6).

Украинский социолог Наталия Ковалиско, применяя идеи П. Бурдье о зависимости диспозиций и практики людей от оценки ими собственного социального положения в условиях сегодняшнего слабо структурированного украинского общества, приходит к выводу о нивелировании в нем критериев социальной стратификации: «Социальная структура, характерная для этого общества до начала "перехода", в значительной степени уже разрушена, а новая находится в процессе становления. Черты новой структуры еще не достигли уровня определенности, который мог бы дать людям надежные когнитивные ориентиры для идентификации с той или иной другой социальной группой» (Ковалiско, 2010: 58).

В этих условиях социальная идентичность индивида теряет как прежние качества «внешних» объективных данных (социальное происхождение, образование, формальная профессия и т.д.), так и субъективные критерии стратификации (социальная идентификация, образ жизни, культурные ориентации, особенности ценностных систем, способы потребления т.д.). Радикальные изменения в ориентации общественной культуры, а именно переход от модели социальной безопасности к модели социальной конкуренции, в значительной степени усиливают индивидуализацию личных жизненных практик. Весьма рельефно эта тенденция проявляется в феномене трудовой миграции украинских граждан за рубеж, в частности в женской иммиграции в Италию.

Социальная идентичность в контексте женской иммиграции

В отличие от ряда других европейских государств, в первую очередь Франции и Великобритании, где тип иммиграции определен культурно-историческими особенностями (колониальным прошлым и постколониальными реалиями), иммиграция в Италию – это результат самых разнообразных причин и мотиваций, что обусловливает гетерогенный и многонациональный характер групп иммигрантов, присутствующих на итальянской территории. Примечательно, что первые миграционные потоки на территорию Италии в начале 1960-х гг. состояли преимущественно из женщин, задействованных в сфере домашних услуг. Эти мигрантки происходили из островов Зеленого Мыса, Филиппин, Эфиопии и Эритреи, т.е. стран христианского вероисповедания (католического и православного). С 80-х гг. прошлого века начался массовый приток женщин-мигранток из стран Центральной Европы, в первую очередь из Польши, существенно превысивший количественные параметры первой «женской волны» иммиграции. Именно на начало 1980-х гг. пришелся пик профессиональной активизации итальянских женщин, которые раньше в большинстве своем занимались домашним хозяйством и ведением семьи (особенно это касается жительниц юга Италии). Массовый спрос на домашних работниц встретился с массовым предложением в лице иммиганток из Восточной Европы. Другой определяющий

фактор – это старение итальянского населения в сочетании с несовершенной государственной системой медицинского и социального обеспечения, неспособной в полном объеме удовлетворить потребности по уходу за пожилыми людьми. Фактически система домашнего ухода в том виде, в котором она существует в настоящее время в Италии, была сформирована при активном участии мигрантов из Польши. Сегодня в этой сфере работают преимущественно выходцы из Украины. Возможность вхождения украинок в этот специфический трудовой сектор появилась на том этапе, когда в середине 1990-х польские домашние работницы начали организовываться в профсоюзы для более эффективного отстаивания своих социальных прав перед частными работодателями. Украинки оказались конкурентоспособными прежде всего потому, что соглашались на тяжелые и неблагоприятные условия труда и не выдвигали требований, которые ставили их польские коллеги: адекватной заработной платы, выходных и отпуска, уплаты взносов в Фонд социального обеспечения и т.д. Усиление украинского фактора на рынке домашних услуг в Италии произошло под конец первого десятилетия XXI в. вследствие реэмиграции – массового возвращения на родину выходцев из Польши – страны, в которой после присоединения к Евросоюзу стабилизировалась политическая ситуация и существенно улучшились экономические условия. Итальянские исследователи считают, что массовая трудовая миграция из Польши в Италию – феномен практически завершившийся, оставшийся в прошлом (Macioti, 2010). С этой точки зрения украинская миграция в Италию, которая ведет начало с 1990-х гг., – это феномен в стадии формирования, с динамикой к количественному нарастанию. Если миграционные процессы непосредственно связаны с экономико-социальным и политическим положением в стране происхождения, то сегодняшняя ситуация в Украине очевидно содействует увеличению эмиграции.

Социальная идентичность украинских иммиганток в Италии

Феномен украинских иммиганток в Италии отличает противоречивое сочетание высокого адаптационного потенциала и довольно незначительной социальной интегрированности. Адаптационный потенциал обусловлен, в первую очередь, сильной изначальной мотивацией миграционного проекта: материальное обеспечение семьи, оставляемой в Украине. Массовость женской эмиграции из Украины свидетельствует о том, что в ряде случаев женщины все чаще вынуждены выполнять функции главы семейства. Речь идет не только о разведенных женщинах, хотя эта категория широко представлена среди иммигранток из Украины. Главной задачей и целью своей трудовой миграции за рубеж украинские женщины видят не просто материальное содержание семьи, в первую очередь детей, но обеспечение качественного уровня жизни. Основным

путем его достижения считается инвестиция в образование детей – среднее специальное и высшее. Уместно заметить, что система образования в ряде постсоветских государств является особенно коррумпированной сферой[2]. Вообще, миграционные феномены способны отражать в себе критические сферы и дисфункции политических, экономических и социальных институций как в стране происхождения мигрантов, так и в стране их нового пребывания. С этой точки зрения анализ явлений миграции выступает довольно продуктивным методом изучения проблематики того или иного общества. По мнению некоторых исследователей, значительная миграционная мобильность сегодняшних украинцев непосредственно связана именно с их высокой приспособляемостью к проживанию в новых, порой неблагоприятных условиях (Pribytovka, 1998).

Слабую социальную интегрированность украинок в Италии определяет ряд объективных и субъективных факторов. В первую очередь речь идет о юридической и социальной незащищенности выходцев из Украины. Специфический характер трудовой деятельности в домашнем секторе с наименьшим соблюдением трудового и налогового законодательства, с одной стороны, и дальнейшее ужесточение иммиграционной политики и практики в Италии, с другой, способствуют тому, что все более значительное количество украинских граждан находится на Апеннинах без законных на то оснований. Ситуация мигрантов существенно осложнена по причине отсутствия между Италией и Украиной двусторонних соглашений в сфере социального обеспечения и регулирования миграционных потоков. Субъективный фактор недостаточной интегрированности украинок в итальянскую среду объясняется прежде всего неопределенностью их миграционного проекта и личностного статуса. При исследовании этих явлений особенно продуктивной выступает вышеупомянутая модель теории социальной идентичности Генриха Теджфела (Tajfel, 1978, 1981, 1982). Российский социальный психолог В. Агеев синтетически формулирует ее фундаментальные положения в виде следующих постулатов.

1. Социальная идентичность складывается из тех аспектов образа «Я», которые вытекают из восприятия индивидом себя как члена определенных социальных групп.

2. Социальные группы и членство в них связаны с сопутствующей им положительной или отрицательной оценкой, существующей в обществе.

3. Оценка собственной группы индивидом определяется взаимоотношениями с некоторыми другими группами через социальное сравнение ценностно значимых качеств и характеристик.

4. Позитивная оценка своей группы возможна лишь как результат ее сравнения с другими группами, поэтому члены группы стремятся дифференцировать свою группу от любых других групп (особенно важна такая дифференциация для тех групп, которые не определены формально, как это бывает в случае этнических общин, но тем не менее реально существуют).

5. Индивиды, субъективно идентифицирующие себя с определенной ин-группой, не сравнивают себя с каждой мысленно доступной аут-группой, аут-группа должна восприниматься как релевантная для сравнения.

6. Цель дифференциации – сохранить или достигнуть превосходства над аут-группой по некоторым параметрам; любой акт дифференциации в значительной мере есть акт соперничества, которое требует сравнения и дифференциации по значимым признакам.

7. Когда социальная идентичность не удовлетворяет членов группы, они стремятся либо покинуть группу, к которой в данный момент принадлежат, и присоединиться к более высоко оцениваемой ими группе, либо сделать так, чтобы их настоящая группа стала позитивно отличной от других.

Применяя эти постулаты теории социальной идентичности к описанию феномена украинской иммиграции в Италии, можно выделить следующие его аспекты.

1. Отождествление себя с определенной группой является естественным в условиях иммиграции. Незнакомый контекст, а таковым, как правило, является для иммигрантов социокультурная среда новой страны пребывания, способствует обретению групповой идентичности: это кратчайший путь и в то же время самое эффективное средство в преодолении культурного шока вследствие психологической и идентитарной неопределенности: «Контекстуально личностное “Я” преобразовывается таким образом, что восприятие самого себя, собственные чувства, представления об окружающей среде и поведение определяются прототипом группы» (Hogg, 2000: 233). Наиболее распространенный способ формирования социальных групп в условиях иммиграции – по этническому признаку. Однако в случае украинцев, точнее украинок, в Италии определяющими групповыми признаками являются также пол и род деятельности. Как уже отмечалось, подавляющее большинство украинских иммиганток в Италии занято в домашнем секторе: обслуживание частных помещений, уход за людьми пожилого возраста и детьми. На этом основании итальянские исследователи ведут речь об этнизации этой трудовой ниши (Indici di integrazione, 2010: 27), а на общем уровне семантика этнонима «украинка» ассоциируется со словом «badante», сиделка. Причем это касается не только итальянцев, но и самих украинок: после переезда в Италию они объективно поставлены в условия, при которых вынуждены идентифицировать себя с данной социальной группой.

2. Конфликт возникает на том основании, что социальная идентичность категории – украинских «сиделок» является скорее отрицательной, чем положительной, прежде всего в восприятии самих ее представительниц. Работы, выполняемые украинками в Италии, не соответствуют уровню их образования и прежнему профессиональному опыту и резко снижают их профессиональный статус. Проблема усугубляется тем, что первоначально миграционный проект планируется как кратковременный, следовательно, мигранты не ставят перед

собой задачи интегрироваться полноценным образом в итальянское социальное пространство. Однако в силу ряда обстоятельств, в первую очередь из-за неблагоприятной для возвращения ситуации в Украине (в восприятии самих иммигрантов), подобная миграция затягивается на неопределенное время. В этих условиях принадлежность к определенной социальной группе воспринимается как вынужденная, как, собственно, и сама интеграция в итальянский социум: иммигрантки мыслят и воспринимают себя в категориях украинской национальной и гражданской принадлежности, проектируя себя исключительно в украинский социум. Опыт этой группы свидетельствует о том, что сегодняшние трудовые мигранты склонны формировать для себя довольно специфические системы координат нового социального пространства с целью мотивации и жизнеобеспечения собственной деятельности. При этом полностью утрачивают свое значение традиционные критерии социальной стратификации и возникают новые механизмы формирования и/или изменения социального статуса и принадлежности к определенной социальной группе.

3. Для многих украинских граждан трудовая миграция часто является первым опытом выезда за рубеж. Пребывание в европейском пространстве в первую очередь дает им возможность культурного сравнения и дифференциации. В этом отношении украинцы в Италии не чувствуют себя отчужденными, пребывая в среде родственной им европейской культуры. Чувству культурного родства весьма способствует религиозный фактор: значительная часть украинских мигрантов происходит из Западной Украины и принадлежит к греко-католическому вероисповеданию. При этом украинская греко-католическая церковь, имеющая в Италии вековую традицию, выступает местом объединения для большинства иммигрантов, и отнюдь не по конфессиональному признаку. В условиях юридического вакуума из-за отсутствия между Украиной и Италией правовой базы в сфере регулирования миграционных потоков греко-католическая церковь фактически является единственной институцией, которая в меру своих возможностей обеспечивает украинцам реальную интеграцию – в первую очередь, культурную – в новую среду обитания.

Культурный и образовательный уровень украинских домработниц и сиделок нередко оказывается выше уровня их работодателей итальянцев. На фоне такого сравнения с автохтонами, семьи которых обслуживают украинцы, уязвимое положение и неопределенный статус еще более усиливают в украинцах ощущение неадекватности своей социальной идентичности. При этом следует отметить, что автохтоны лишь отчасти могут считаться релевантной аут-группой для украинской ин-группы в итальянском социальном контексте.

4. Очевидным признаком попыток групповой дифференциации украинцев в Италии можно считать их общественное движение. В стране насчитываются десятки культурных, культурно-религиозных и культурно-образовательных ассоциаций. Пока еще они часто носят формальный характер без реального

наполнения, само количество их демонстрирует слабо развитую способность к объединению с целью действительной позитивной дифференциации собственной группы. Свою роль играет тот факт, что украинская трудовая миграция в Италию до сир пор остается стихийным и массовым процессом, не поддающимся регуляции, в том числе изнутри, через полноценные объединения на основе общности интересов и целей. При этом Италия для украинцев – страна первичной иммиграции в отличие от США, Канады и ряда стран Центральной Европы, в которых украинская диаспора является историческим, давно оформленным и дифференцированным явлением с ярко выраженной положительной социальной идентичностью. Первичность иммиграции в Италию и ее массовый хаотичный характер отражаются на трудностях, с которыми встречаются сегодняшние украинцы в обретении четко выраженной сбалансированной социальной идентичности в условиях иммиграции. В то же время о позитивной динамике свидетельствует активизация в последнее время издательской, просветительской работы некоторых украинских ассоциаций, а также общественно-политической деятельности отдельных лидеров украинских объединений, в частности избрание председателя Ассоциации украинских тружениц в Италии Татьяны Кузык дополнительным советником мэрии г. Рима в вопросах иммиграции. Несмотря на то что избрание на эту должность осуществляется на основании принадлежности к определенной социальной категории, сама по себе эта деятельность, как и вообще общественная активность украинских мигрантов в Италии, имеет скорее личностную мотивацию, направленную на выход из непрестижной социальной категории.

6. Релевантными для межгруппового сравнения являются другие этнические группы, занимающиеся в Италии сходным с украинцами родом деятельности – румыны, поляки, а также филиппинцы и уроженцы стран Латинской Америки: именно эти этнические группы наиболее часто после украинцев выполняют работы в сфере домашних услуг. Социальное сравнение с ними усиливает в украинцах негативные ощущения принадлежности к так называемым стигматизированным категориям. Ими принято считать группы, по отношению к которым в конкретном обществе существуют широко разделяемые стереотипы. Как известно, стигмой в античной Греции называлась метка или клеймо на теле рабов или преступников, т.е. лиц, которых по ряду причин следовало избегать. Американский ученый Э. Гоффман употребил этот термин для описания атрибутов индивида, которые в определенном историческом и культурном контексте могут соотноситься с негативной социальной идентичностью (Goffman, 1963). На первое место Гоффман ставит стигматизацию на основании атрибутов, передаваемых от одного поколения к другому, таких как расовая, этническая или религиозная принадлежность. В современной Италии в силу исторических и социальных особенностей, упоминавшихся в вводной части статьи, само понятие «иммигрант» имеет скорее негативную коннотацию, и на общем

уровне эта категория действительно подвергается своеобразной стигматизации, а именно стереотипному восприятию *a priori* по межгрупповому принципу – автохтоны *versus* иммигранты, а не на межличностном уровне. Примечательно, что иммигранты «стигматизируются» не столько по этническому и расовому принципу, сколько по социальному – исполнители неквалифицированной работы, которую не соглашаются выполнять сами итальянцы. Если это и является универсальной тенденцией, характеризующей иммиграцию как таковую, то итальянская переменная состоит в радикальной стратификации рынка труда по этническому признаку, что существенным образом затрудняет позитивную дифференциацию различных категорий иммигрантов, сужая возможности их реальной интеграции в итальянскую среду (Indici di integrazione, 2010: 20–23*)*.

7. В то же время выход из «стигматизированной» социальной группы сам по себе не влияет на эффективность интеграции. Что касается украинцев в Италии, то желание покинуть непрестижную социальную группу, к которой они в данный момент принадлежат, и присоединение к более высоко оцениваемой ими группе часто сопровождается у них утратой ряда атрибутов личностной культурной и национальной идентичности, в первую очередь языковой. Феномен явно прослеживается уже во втором поколении рожденных от смешанных браков украинок с итальянцами. Для украинских женщин в Италии брак с автохтоном – это самый распространенный и желаемый способ изменить социальную идентичность. Симптоматично, что в большинстве случаев украинские матери не желают передать ребенку собственную языковую и культурную идентичность. При этом, согласно исследовательской модели аккультурации Дж. Берри[3], существует определенная корреляция между сохранением аутентичной культурной идентичности иммигрантов и эффективностью их адаптации в условиях нового социума. С этой точки зрения полноценную *интеграцию* обеспечивает именно поддержание собственной культурной идентичности в сочетании с постоянным обменом и/или сотрудничеством с другими культурными группами. Нарушение равновесия между этими двумя составляющими ведет к снижению потенциала интеграции. Сохранение исконной культурной идентичности за счет отказа от внешних контактов оборачивается *сепарацией* (отделением); выход из исконной культурной идентичности и слияние с доминирующей культурой означает *ассимиляцию*; слабый интерес к собственной культуре и фактическое отсутствие контактов с внешней средой порождает *маргинализацию* (Berry, 1994: 38–74). Именно две последние формы аккультурации наиболее характерны для украинцев в Италии: парадоксальным, на первый взгляд, образом они отождествляют определенную социальную идентичность с идентичностью культурной, и выход из первой нередко означает отказ от второй.

Заключение

Поиск реальных способов жизнеобеспечения своей экономической и трудовой деятельности побуждает значительное количество украинских граждан выезжать за рубеж: миграция оказывается простейшим, но отнюдь не самым эффективным средством жизнеобеспечения. Показателен в этой связи фактор женской миграции и формирование, в частности в Италии, своеобразных украинизированных трудовых ниш. Этот феномен сопровождается формированием преимущественно негативной социальной идентичности украинок в условиях иммиграции вследствие: а) понижения их профессионального и социального статуса; б) неопределенности их миграционного проекта; в) недостатка, с одной стороны, мотивации, с другой – реальных механизмов для полноценной интеграции в итальянское общество.

Значительная часть мигрантов проецирует себя исключительно в украинский социум, в котором, несмотря на пребывание на заработках в Италии, стремится формировать свою положительную социальную идентичность: через повышение материального и социального положения своей семьи (приобретение жилья, инвестиции в образование детей); через учреждение на родине частного предпринимательства с учетом опыта, приобретенного во время довольно продолжительного пребывания в либеральной экономической и политической системе. О намерении реинтегрироваться в украинский социум свидетельствует также и тот факт, что лишь незначительное количество украинских мигрантов в Италии воссоединяется со своими детьми. Такой ход миграционного процесса характерен для большинства трансформационных обществ Центральной и Восточной Европы: как правило, наступление политической и экономической стабилизации в этих странах способствует массовому возвращению на родину их трудовых мигрантов[4]. Напротив, явление непрекращающейся массовой эмиграции из некоторых стран региона свидетельствует об отсутствии там ощутимых качественных преобразований как в экономике, так и в политическом управлении.

Исследование социальной идентичности украинцев в Италии дает основания предполагать, что стабилизация миграционного процесса и последующая интеграция в итальянское правовое и социокультурное пространство могут сопровождаться радикальными ассимиляционными процессами. Недифференцированное отождествление украинскими трудовыми мигрантами определенной социальной идентичности с идентичностью культурной является непродуктивным и опасным, поскольку его следствием может стать практически полная утрата исконной идентичности, в первую очередь лингвистической. Механизмы и причины этого явления следует искать не просто в социальной, а в историко-культурной плоскости. Речь идет, прежде всего, о колониальном прошлом Украины, глубоко изменившем исконную идентичность ее населения. Это тема

отдельного исследования, необходимого для полноценной и адекватной интерпретации постколониальных реалий, в том числе массовой эмиграции из сегодняшней Украины. Во многих случаях такая эмиграция вызвана скорее нежеланием, чем невозможностью реализовать себя на родине, несмотря на то что она сопряжена с пребыванием в неудовлетворительной социальной идентичности. В свою очередь, слабая в культурном отношении исконная идентичность негативным образом влияет на эффективность интеграции новейших украинских иммигрантов в новый социум.

Литература

Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: МГУ, 1990.

Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект пресс, 1997.

Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социс. 1995. № 6. С. 14–24.

Ковалiско Н. Соціальна ідентичність як чинник соціальної стратифікації // Соціальна психологія. 2010 №3 (41). С. 58–74.

Макєєв С.О. Процеси соціальної структуризації в сучасній Україні // Українське суспільство на порозі третього тисячоліття. Кол. монографія / Під ред. М.О. Шульги. К.: Ін-т соціології НАН України, 1999.

Марков І., Бойко Ю., Іванкова-Стецюк О., Селещук Г. На роздоріжжі. Аналітичні матеріали комплексного дослідження процесів української трудової міграції. Львів, 2009.

Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.

Макеев С.А., Оксамитная С.С., Швачко Е.А. Социальные идентификации и идентичности. К.: Ин-т социологии НАН Украины, 1996.

Allargamento a est e immigrazione. Edizioni IDOS. Roma, 2004.

Berry J.-W. Pscicologia transculturale (trad.it). Milano, 1994.

Goffman E. Behaviour in public places. The Free Press, Glencoe, 1963.

Hogg M.A. Subjective uncertainty reduction through self-categorization: A motivational theory of social identity processes / W. Stroebe, M. Hewstone (eds.) // European Review of Social Psychology. Wiley Chichester. 2000. Vol. 11. P. 223–256.

Hymans J.E.C. Applying Social Identity Theory to the Study of International Politics: A Plea for Caution // IR and SIT paper for PPBW. 2002. January 3.

Dossier Statistico Immigrazione Caritas/Migrantes 2010. Edizioni IDOS, Roma, 2010.

Indici di integrazione degli immigrati in Italia. VII Rapporto. Roma, 2010.

Knippenberg V.E.A. Organizational Identification after a merger: A social identity perspective // British Journal of Social Psychology. 2002. № 41. P. 233–252.

Macioti I., Pugliese E. L'esperienza migratoria. Immigrati e rifugiati in Italia. Laterza; Bari, 2010.

Major B., Crocker J. Social stigma: The affective consequences of attributional ambiguity / D.M. Mackie, D.L. Hamilton (eds.). Affect, cognition and stereotyping: Interactive processes in intergroup perception. Academic Press, New York, 1993. P. 345–370.

Osservatorio romano sulle migrazioni. Edizioni IDOS. Roma, 2008.

Pribytovka I.M. I processi migratori attuali nell'Ucraina, in Migranti, rifugiati e nomad, in Europa dell'Est in movimento / A cura di G. Campani, F. Carchedi, G. Mottura. Torino: L'harmattan Italia, 1998.
Tajfel H. Differentiation between social groups: Studies in social psychology of intergroup relations. London, 1978.
Tajfel H. Human groups and social categories. Cambridge, 1981.
Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge, 1982.
Turner J.C. Rediscovering the social group: A self-categorizations theory. Blackwell; New York, 1987.

Примечания

1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://miok.lviv.ua

2 По данным Российской ассоциации адвокатов-правозащитников, на взятки в России тратится сумма, эквивалентная половине российского ВВП (на 2009 г. – 1.2 трлн долларов); самой коррумпированной оказалась сфера образования, где около 80% оборотных средств являются теневыми. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rusadvocat.com

3 В общепринятом понимании аккультурация – это процесс взаимовлияния различных культур в ходе их непрерывного общения с последующими изменениями в оригинальной модели одной или обеих групп.

4 Особенно рельефно эта тенденция прослеживается на примере стран, которые стали членами Евросоюза: показатели иммиграции постепенно начинают превосходить эмиграцию, качественно новая ситуация в этих государствах предрешает их иммиграционную привлекательность для выходцев из стран Восточной Европы – нечленов ЕС (речь идет, в первую очередь, об Украине и Молдове).

Вячеслав Поздняк

ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ДИНАМИКА «ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ» В РЕГИОНАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ МНОГОСТОРОННИХ РЕЖИМОВ

Abstract

The present article is applying the regime complex theory developed by Robert Keohane and David Victor to broadly approach the dynamics of regime interactions in the Eastern European zone of the EU's Eastern partnership (EaP) program. Such regimes include regulatory instruments for trade, customs, transport, borders, visas, internal security, ecological and other issue areas. Typically, they are embedded in integration arrangements.

The focal point of the analysis is not the EaP *per ce*, but the "spaghetti"-field of its interactions, junctions and ruptures amidst the regional complex of multiple integration and regime formations. No matter how hierarchical, these regimes may be hard to reconcile, as they often represent not cooperative, but competing geopolitical and geoeconomic projects. Of late, Russia-led Customs Union and other regional initiatives have directly confronted the Eastern flank of the European Neighborhood Policy (ENP).

As the thickness and activity of regimes in the region continue to grow and following its strategic review the ENP has entered a new ambitious phase when the issue of policy efficiency is coming to the foreground.

To streamline and strengthen the multilateral EaP dimension it is suggested to devise some additional ways and means for addressing the problematic, but urgent regime entanglements and collisions. The ENP might be better off had it succeeded in adopting a more extravert approach that would imply not only projecting outside its domestically tested regimes but also employing intermediary adaptive mechanisms for dealing coopera-

tively with external regimes constructed by third parties – something that may be termed as "regime convergence tools".

Keywords: EU's Eastern partnership program, multiple integration, geopolitical and geoeconomic projects, European Neighborhood Policy, Russia.

Введение

Данная статья посвящена программе Европейского союза «Восточное партнерство» (ВП). Однако как сама постановка проблемы, так и ее рассмотрение существенно отличаются от традиционных подходов.

ВП было выдвинуто в качестве концепции, а затем оформлено как внешнеполитическая программа деятельности теоретиками и практиками ЕС[1]. Поэтому в ее теоретических исследованиях и прикладном анализе первенство принадлежало и будет принадлежать евросоюзному политико-интеллектуальному сообществу. Последнее задает тон как в субстантивном наполнении, так и в повестках дня реализации этой программы. Соответственно, сложились ЕС-центричные понятийный аппарат и исследовательские направления, в целом развивающиеся в русле так называемых европейских исследований. В то же время такой ЕС-центричный подход несамодостаточен и способен обеспечить в лучшем случае видение лишь части общей региональной картины.

В силу прежде всего «молодости» ВП пока почти не разработан вопрос о его месте и роли среди других измерений, программ и рамок сотрудничества в Восточно-Европейском регионе и особенно в плане *характера взаимодействия* (позитивного и негативного) с последними.

В нашем случае объектом исследования служит не столько Восточное партнерство само по себе[2], сколько поле взаимодействия между этой программой и другими региональными межгосударственными образованиями с участием трех государств – Беларуси, Молдовы и Украины, а его предметом выступает динамика взаимоотношений (интеракции и конкуренция) региональных геополитических проектов и постановка вопроса о возможности их «конвергенции».

Это позволяет преодолеть ЕС-центричность, выявить проблемные области в имплементации ВП в более широком региональном контексте и наметить возможные конструктивные решения.

В качестве исследовательской методологии применяется внешнеполитический анализ, а также системный подход к геополитическим флуктуациям в регионе.

Предлагаемый анализ продолжает исследования автора, в которых субрегион Восточного партнерства рассматривается через призмы теории международных режимов и региональных комплексов безопасности. В основе данного текста лежит концепция режимного комплекса (regime complex)[3] Р. Коэна и

Д. Виктора, охватывающая актуальные региональные геополитические практики в Восточной Европе.

Восточное партнерство и «тарелка спагетти»

Три восточноевропейские страны-участницы программы «Восточное партнерство» – Беларусь, Украина и Молдова, основное внимание которым уделяется в данной статье, так же как и другие три его государства-партнера, находящиеся в кавказском регионе – Азербайджан, Армения и Грузия, находятся в весьма специфическом положении относительно региональных интеграционных объединений. Ни одна региональная интеграционная группировка не охватывает все эти шесть государств. В то же время их участие в существующих межгосударственных образованиях Евразии не только неравномерно, но и достаточно противоречиво по геополитическим и геоэкономическим устремлениям и по организационной включенности (от полного членства до государства-партнера и наблюдателя). Самое общее принципиальное отличие такого участия и «тройки», и «шестерки» очевидным образом наблюдается в разном отношении к межгосударственным образованиям, в которых центральное место принадлежит России, и к альтернативным – таким, где она не присутствует (табл. 1).

Таблица 1. **Основные евразийские межгосударственные образования с участием государств Восточного партнерства и России (без учета стран Центральной Азии и др.)**

	Договор о Союзном государстве	СНГ	ОДКБ	ЕврАзЭС	Таможенный союз	ГУАМ	Сообщество демократического выбора
Азербайджан	-	+	-	-	-	+	Наблюдатель
Армения	-	+	+	Наблюдатель	-	-	-
Беларусь	+	+	+	+	+	-	-
Грузия	-	-	-	-	-	+	+
Молдова	-	+	-	Наблюдатель	-	+	+
Россия	+	+	+	+	+	-	-
Украина	-	+	-	Наблюдатель	-	+	+

Сокращения: СНГ – Содружество независимых государств
ОДКБ – Оганизация Договора о коллективной безопасности

ЕврАзЭС – Евразийское экономическое сообщество
ГУАМ – Организация за демократию и экономическое развитие

Геополитическая и геоэкономическая организация восточноевропейского сегмента Евразии с участием Беларуси, Украины и Молдовы весьма пестра и гетерогенна. Из всех стран, участвующих в Восточном партнерстве, в межгосударственные объединения, в которых Россия играет ведущую роль, больше всех вовлечена Беларусь.

В последние годы роль и значимость СНГ неуклонно продолжали снижаться, и это все больше превращает его в площадку для коммуникации и неформального обмена мнениями между лидерами государств-членов. В военно-политической сфере многостороннее межгосударственное сотрудничество между постсоветскими странами развивалось преимущественно в рамках ОДКБ, а в экономической – в ЕврАзЭС и его более узком «ядре» (между Россией, Беларусью и Казахстаном).

Большинство упомянутых группировок включают многообразные международные режимы (с разной степенью участия и в разной степени сформированные) – охраны границ, внутренней безопасности, визовые, таможенные, торговые, транспортные, экологические и т.д. Эти региональные режимы выступают как параллельные и не всегда согласованные друг с другом и с более широкими рамочными международными режимами (например, двухсторонние и многосторонние торговые соглашения, режимы свободной торговли и универсальный режим ВТО).

В специальной литературе уже укоренилось понятие «тарелки со спагетти» для образно емкой характеристики множественных переплетающихся между собой региональных торговых соглашений (РТС), которые интенсивно формировались в последние десятилетия (рис. 1).

Программа Европейского союза «Восточное партнерство» фактически выступает как еще одна альтернатива, многосторонняя и комплексная, по отношению к главным современным постсоветским интеграционным проектам с участием России (Таможенный союз и Единое экономическое пространство). К ее проблемным сторонам можно отнести то, что в конечном счете общие с ЕС режимы и субрежимы оказываются возможными, как правило, по принципу исключения «или – или». Позиция России аналогична.

Постсоветские интеграционные группировки вызваны к жизни весьма специфическими стимулами к сотрудничеству, которые заключаются в возможности извлечения экономических, торговых, политических и прочих дивидендов. Поскольку в таком случае эффективность межгосударственных образований оценивается с позиций индивидуальных выгод, то постоянно возникают «дистрибутивные» противоречия, подрывающие баланс интеграционных интересов, и государства-участники пытаются найти иные, более выгодные для них кон-

фигурации партнеров. В предельно прагматическом толковании основная цель проектов постсоветской экономической интеграции – «получение реальных экономических выигрышей», что вместе с качественной неоднородностью государств, различиями в структуре и направленности развития национальных экономик привносит в такие проекты высокую степень энтропии и неопределенности[4]. Очевидно, конфликт интересов по поводу неких дивидендов и произошел в мае 2011 г., когда руководители СНГ не смогли утвердить соглашение о принципах свободной торговли и оно было отправлено на доработку[5].

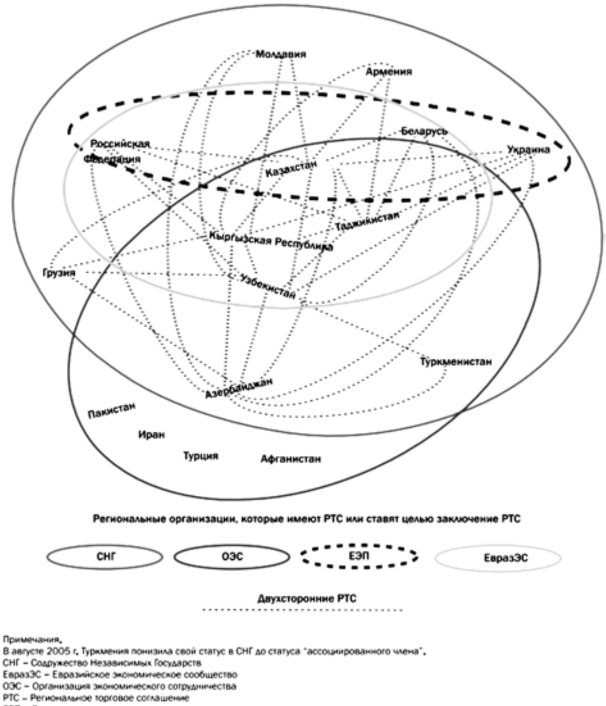

Рис. 1. «Перекрестное» участие постсоветских государств в региональных торговых соглашениях Евразии

Источник: Центральная Азия: Как увеличить выгоды от торговли посредством регионального сотрудничества в сферах торговой политики, транспорта и таможенного транзита. Азиатский банк развития, 2006. С. 41. http://www.adb.org/Documents/Translations/Russian/Reports/ca-trade-policy-ru.pdf

Восточное партнерство принципиально отлично по многим параметрам. Во-первых, евроинтеграция в целом, а также политика соседства, включая Восточное партнерство, имеют ценностный фундамент. ВП не сводится к экономике. Оно неразрывно связано с политикой. Демократия («глубокая демократия» в трактовке недавно реформированной Европейской политики соседства – ЕПС),

качественное управление, развитие гражданского общества, рыночная экономика, опирающаяся на сильный бизнес и его творческую инициативу, координация внутренней и внешней политики в сфере безопасности и т.д. увязаны в комплексную европейскую модель, которая создана ЕС и которой он предлагает следовать партнерам в соответствии с их возможностями и желаниями. Во-вторых, ВП предполагает более длительный, разноскоростной и дифференцированный для разных участников интеграционный процесс («индпошив»), который не ставит членство в ЕС в качестве своей конечной цели, хотя и не исключает ее. В-третьих, Евросоюз предлагает «большее за большее» по принципу «чем больше готовность к реформам и успешнее их осуществление со стороны партнера, тем больше разнообразных форм помощи со стороны ЕС». Он является развитием известного принципа обусловленности («кондициональности») в условиях финансовых ограничений, вызванных последствиями мирового финансово-экономического кризиса, и в то же время позволяет более гибко направлять средства туда, где они дают наибольший эффект.

В силу вышеперечисленных и многих других существенных различий какая-либо механическая «конвергенция» интеграционных проектов ЕС и постсоветских государств нереальна. В то же время с практической точки зрения могли бы быть полезными некоторые своего рода посреднические механизмы для их взаимодействия.

Беларусь, Молдова и Украина в Восточном партнерстве: динамика «дифференциальной интеграции» и российский фактор

Беларусь является самым слабым звеном Восточного партнерства. Возможно, еще более верным будет утверждение, что почти полное отсутствие этого «звена» подрывает всю остальную конструкцию. Страна лишь номинально участвует в проектах ВП. Двустороннее измерение не может работать в силу отсутствия базового соглашения о сотрудничестве и партнерстве (ратификация приостановлена ЕС в 1997 г.). В то же время многосторонние проекты в рамках Восточного партнерства, предложенные совместно Минском, Киевом и Вильнюсом осенью 2010 г., пока не получили финансового обеспечения (и не могут получить при нынешних обстоятельствах).

Официальный Минск довольно активно участвовал в международных контактах, связанных с подготовкой и запуском ВП, рассчитывая использовать его в своих интересах. Однако начатый со второй половины 2008 г. неустойчивый процесс нормализации после жестокого разгрома оппозиции[6] в день президентских выборов 19 декабря 2010 г. был отброшен к «нулевой точке».

Для создания предпосылок к возобновлению диалога и движения к полномасштабному включению страны в ВП Евросоюз требует, прежде всего, безусловного освобождения политических заключенных[7]. Дверь для диалога не

закрыта, и контакты на «техническом» уровне продолжаются. Белорусские представители участвуют в работе ряда тематических платформ, однако политические контакты высокого уровня заморожены, парламентарии РБ не допущены к участию в межпарламентской структуре ВП «Евронест», для почти двухсот госчиновников введен запрет на въезд в ЕС и в Брюсселе рассматривается вопрос о введении против Минска дополнительных санкций.

Хотя ЕС стремится к расширению поддержки гражданского общества в Беларуси, продолжающиеся политические репрессии против демократических активистов в стране и «заморозки» в официальных отношениях с Евросоюзом и здесь не позволяют добиться заметных результатов.

Несмотря на непрекращающуюся пропагандистскую кампанию против ЕС, развернутую в государственных СМИ, в Беларуси продолжается рост проевропейских настроений (табл. 2).

Таблица 2. **Если бы завтра состоялся референдум о вступлении Беларуси в Европейский союз, как бы Вы проголосовали?**

Вариант ответа	12'05	11'06	09'07	09'08	09'09	06'10	09'10	10'10	12'10	03'11
За	32.0	36.0	29.9	26.7	44.1	36.4	42.2	42.1	35.3	48.6
Против	26.8	36.2	46.7	51.9	32.8	39.4	32.5	32.5	40.6	30.5
Не стал бы голосовать	20.4	15.5	12.5	12.2	14.8	15.3	15.9	17.5	15.9	12.1
ЗО/НО	20.8	12.3	10.9	9.2	8.3	8.6	9.4	7.9	8.2	8.8

Источник: Независимый институт социально-экономических и политических исследований. http://www.iiseps.org/trend.html

Официальный Минск первоначально внушал надежды (или создавал иллюзии) по поводу возможного прогресса в отношениях с Брюсселем и своего участия в Восточном партнерстве, однако на сегодняшний день находится «вне игры». Геополитическое балансирование между Россией и Евросоюзом, которое осуществлялось белорусским руководством в 2008–2010 гг., завершилось не только его «разворотом» на восток, но и еще большей экономической и политической зависимостью от Москвы, на которую оно сделало ставку[8].

Несмотря на это, Беларусь не может допустить полного разрыва с ЕС, который наряду с Россией является ее важнейшим внешнеторговым партнером. Белорусские официальные лица заявляют, с одной стороны, о своей неудовлетворенности прогрессом в реализации программы ВП, однако подтверждают свою заинтересованность в дальнейшем развитии экономических проектов. При этом они настаивают на том, что основным партнером ЕС должны являться

государственные организации, а «политическая составляющая не должна ставиться во главу угла»[9].

В свою очередь, временный поверенный в делах Евросоюза в Беларуси Жан-Эрик Хольцапфель заявлял, что «необходимо нормализовать отношения, подписать наконец Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, начать в полной мере реализовывать здесь Восточное партнерство и уже после этого начать движение к созданию большого и комплексного договора о свободной торговле вместе с Соглашением об ассоциации. Это было бы возможно при наличии эффективного политического диалога и вступления Беларуси в ВТО»[10].

Для отношений Минска с Брюсселем характерно явно выраженное отсутствие общей ценностной основы для выстраивания конструктивного взаимодействия. В то же время возобновление и развитие сотрудничества возможно лишь после освобождения всех политзаключенных, приведения избирательного законодательства, рамок для деятельности СМИ, политических и общественных организаций в соответствие с демократическими стандартами, выступающими в качестве основополагающих ценностей, а не предварительных условий[11]. Развитие демократии как основной цели политики соседства было особо акцентировано в последних программных документах Евросоюза[12].

В отличие от Молдовы и Украины белорусское руководство не ставит целью евроинтеграцию или далеко идущее сближение. Из всех шести участников Восточного партнерства Брюссель не ведет переговоры об ассоциации только с Минском.

Отношения ***Республики Молдова*** (РМ) с ЕС в настоящее время считаются едва ли не самыми безоблачными по сравнению с другими участниками Восточного партнерства. Сайт Европейской службы внешнего действия называет РМ «приоритетным партнером»[13].

Помимо ВП Молдова является также партнером Черноморской синергии – «зонтичного» проекта Евросоюза[14]. В отличие от Беларуси Молдова ставит перед собой цель вступления в Евросоюз.

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РМ и ЕС вступило в силу еще в 1998 г. (подписано в 1994 г.). В 2005 г. был принят и продлен в 2008 г. двусторонний План действий. В нем заявлено, что Евросоюз признает устремление этого государства в Европу и одобряет «Концепцию интеграции Молдовы в ЕС»[15]. В мае 2010 г. Евросоюз предложил приоритеты реформ, на основе которых в июне того же года Совет по двустороннему сотрудничеству утвердил инструмент по их ежегодной имплементации. В рамках Восточного партнерства в январе 2010 г. были начаты и успешно продолжаются переговоры по подготовке Соглашения об ассоциации между Европейским союзом и Республикой Молдова[16], которое предусматривает наиболее продвинутую форму отношений, включающую создание глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли (ГВЗСТ), а также всеобъемлющую программу приближения к *acquis* Евросоюза.

Переговоры по ГВЗСТ будут начаты после создания соответствующих предпосылок, для чего предпринимаются необходимые шаги.

Согласно социологическим опросам, проведенным в период с декабря 2009 г. по ноябрь 2010 г., растет число молдаван, которые считают, что ЕС является важным партнером для их страны и что Евросоюз может обеспечить мир и стабильность в регионе. Кроме того, большинство опрошенных выразили пожелание, чтобы ЕС играл более заметную роль в развитии демократии, экономики и торговли[17].

> Двое из трех (66%) респондентов описывают отношения «ЕС–Молдова» как очень хорошие или довольно хорошие. Это на 2% больше, чем в июне 2010 г., но на 5% меньше, чем в декабре 2009 г. Большинство (58%) респондентов считают, что их страна получает выгоду от текущих программ ЕС: это рост на 4% с июня 2010 г. По мнению респондентов, в пятерку главных характеристик, которые наилучшим образом представляют ЕС, входят демократия (71% – меньше по сравнению с 79% годом ранее, но больше по сравнению с 64% в июне 2009 г.), права человека (67% по сравнению с 85% год назад и с 73% в июне 2010 г.), экономическое процветание (63% – меньше по сравнению с 74% год назад, но больше по сравнению с 61% в июне 2010 г.), свобода личности (57% – меньше по сравнению с 71% год назад, но больше по сравнению с 49% в июне 2010 г.), мир и безопасность (57% – меньше по сравнению с 72% год назад, но больше по сравнению с 52% в июне 2010 г.). (*Источник:* http://www.enpi-info.eu/files/interview/a21103013ENPI_Moldova%20(EUpoll)ru.v.3.pdf)

В докладе о ходе выполнения Плана действий ЕС и РМ в 2010 г. констатируется, что, несмотря на патовую ситуацию с выборами президента РМ и ряд других проблем, в большинстве областей, намеченных Планом действий, был достигнут прогресс как на уровне законодательства, так и имплементации. Благодаря «динамичному и конструктивному политическому диалогу и сотрудничеству с ЕС» Молдове удалось обеспечить на ближайшие годы «беспрецедентно высокий уровень помощи со стороны международных партнеров»[18].

Наряду с успешным двусторонним сотрудничеством правительство Молдовы и представители гражданского общества активно участвовали в многостороннем формате ВП в рамках всех четырех тематических платформ.

Положительно оценивается сотрудничество Молдовы с ЕС по всем аспектам Приднестровской проблемы, а также отмечается успешное продолжение деятельности Миссии ЕС по приграничной помощи Молдове и Украине[19].

Европейский союз остается важнейшим торговым партнером Молдовы. Товарооборот между двумя сторонами продолжает расти.

ЕС предоставил Молдове режим Автономных торговых преференций и облегченный визовый режим. В январе 2011 г. Брюссель предложил Кишиневу План действий по либерализации визового режима.

Украина и Евросоюз подписали Соглашение о партнерстве и сотрудничестве в 1994 г. и оно вступило в силу в 1998 г. С 2005 г. действовал двусторонний План действий, на смену которому в результате прогресса на переговорах по Соглашению об ассоциации в 2009 г. пришла Повестка дня ассоциации. Последняя воплощает наиболее продвинутый из возможных форматов Восточного партнерства, включая создание глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли, а также всеобъемлющую программу приближения к *acquis* Евросоюза.

В докладе Еврокомиссии по итогам имплементации программы «Восточное партнерство» в 2010 г. отмечается конструктивный характер переговоров по поводу Соглашения об ассоциации, которые были начаты в 2007 г. В сфере экономического и отраслевого сотрудничества переговоры предварительно завершены почти по всем главам; согласованы практически все вопросы в подразделах об институциональных, общих и заключительных положениях, о политическом диалоге и реформах, о политической ассоциации, о сотрудничестве и конвергенции в сфере внешней политики и политики безопасности. Что касается создания глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли (ГВЗСТ), которая охватывает широкую тематику, включающую тарифы, услуги, упрощение таможенных и торговых процедур, права на интеллектуальную собственность, санитарные и фитосанитарные стандарты, государственные закупки, географические индикаторы, инструменты торговой защиты и технические торговые барьеры, то переговоры завершены по вопросам правил происхождения товаров, транспарентности, таможенной сферы и государственных закупок[20].

Для содействия дальнейшему продвижению реформ ЕС предоставил украинской стороне «матрицу приоритетов», которые охватывают конституционную реформу, а также реформирование избирательной и судебной систем и энергетического сектора[21].

Украина завершает выполнение предоставленной Еврокомиссией «дорожной карты» по либерализации визового режима.

Помимо регулярных саммитов на постоянной основе функционирует Совет по сотрудничеству и его семь подкомитетов. Представители украинских государственных структур и гражданского общества принимают активное участие в работе тематических платформ и многостороннем формате Восточного партнерства и его программе всеобъемлющего институционального строительства.

Украина вначале позитивно отнеслась к инициативе Восточного партнерства, предложенной ей наряду с другими потенциальными участниками. Однако некоторое время спустя она стала выражать озабоченность в связи с тем, что ее лидерство в евроинтеграции среди постсоветских государств может быть снивелировано принадлежностью к группе «отстающих». Кроме того, ВП подме-

няло цель членства в ЕС, к которой стремились и стремятся украинские элиты, рамочным процессом без четко обозначенной цели[22]. Поэтому Киев не стал увязывать свои евроинтеграционные планы с Восточным партнерством и после подписания Повестки дня ассоциации в середине 2009 г. основные усилия направил на их реализацию. Приход к власти нового руководства страны в 2010 г., корректировка политического курса, экономические и другие проблемы замедлили темпы этой работы[23].

Во время расширенных переговоров с делегацией ЕС в апреле 2011 г. президент Украины Виктор Янукович заявил, что Украина придает большое значение процессу стратегического пересмотра Европейской политики соседства и усовершенствования инициативы «Восточное партнерство»[24].

> Согласно социологическому опросу, проведенному в Украине в ноябре 2010 г., растущее количество (67%) респондентов называют отношения «Украина – ЕС» очень хорошими или довольно хорошими (рост на 4% с июня 2010 г.), а более чем двое из пяти (43%) сказали, что страна получает выгоду от текущих программ ЕС – на 9% больше по сравнению с июнем 2010 г.
>
> По мнению респондентов, в первую пятерку характеристик, которые наилучшим образом представляют ЕС, входят права человека (56% по сравнению с 62% годом ранее и с 55% в июне 2010 г.), экономическое процветание (53% по сравнению с 72% год назад и с 62% в июне 2010 г.), демократия (43% по сравнению с 55% год назад и с 45% в июне 2010 г.), солидарность (41% по сравнению с 44% год назад, но с 34% в июне 2009 г.), личная свобода (38% по сравнению с 42% в июне 2010 г. и с 48% год назад). (*Источник*: http://www.enpi-info.eu/files/interview/a21103013ENPI_Ukraine%20%28EUpoll%29RU.v.4.pdf)

В 2011 г. Москва начала оказывать бóльшее давление на Киев[25], пытаясь вовлечь его в Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана, и фактически поставила Украину перед выбором между ТС и Соглашением с ЕС об ассоциации, ядром которого является глубокая и всеобъемлющая зона свободной торговли (ГВЗСТ). Украинское руководство предлагало Кремлю пакетное соглашение по формуле «3+1», но не смогло добиться уступок от российского руководства.

Ожидалось, что уже осенью 2011 г. Киев сможет подписать с Брюсселем соглашение о зоне свободной торговли, а в ходе саммита с ЕС в конце года станет возможным утверждение ее статуса ассоциированного члена Евросоюза[26]. Однако судебный процесс над Ю. Тимошенко и некоторые другие тенденции политического развития Украины побудили Евросоюз отложить эти важные события.

Российская Федерация предпочла развивать отдельный двусторонний формат отношений с ЕС[27] еще на начальном этапе формирования Европейской политики соседства. Что касается подхода России к системе отношений с ЕС

по поводу постсоветских государств, территориально расположенных между ними, то она видит их как две веерные структуры с узлами, находящимися в Москве и Брюсселе, причем последний должен согласиться на невмешательство в интеграционные процессы в рамках СНГ. Поэтому истинный смысл термина «общее экономическое пространство» между Россией и ЕС заключается не в «совместном проектировании общеевропейского порядка», а в их двусторонних экономических отношениях[28]. Сегодня речь уже не идет о том, что Москва опасается «похищения» Европой «ближнего зарубежья». Французский политолог Тома Гомар приходит к выводу, что великодержавный проект России претендует на глобальность и она «предвидит маргинализацию Европы в международных делах… Чтобы убедиться в этом, необходимо проследить превращение Европы в глазах России из модели в политического конкурента»[29].

Динамика взаимоотношений в зоне взаимодействия Восточного партнерства с евразийскими интеграционными объединениями развертывается в рамках стандартной матрицы международных отношений (рис. 2). Однако ее специфический контекст заключается в том, что мы имеем дело с неустойчивыми позициями участников (Беларуси, Молдовы и Украины), которые в большей или меньшей степени балансируют между двумя ведущими центрами притяжения (ЕС и Россией). Данное состояние наглядно иллюстрируется так называемой многовекторностью внешней политики Беларуси, а с 2010 г. также Украины и нейтралитетом Молдовы. Стремление стран СНГ к нахождению баланса между «ближним зарубежьем» и «новым соседством» прослеживается не только в области торговых, но и прочих режимов, в частности режима управления границами[30].

Сближение	**Дистанцирование**
Сотрудничество	**Соперничество / конфликт**

Рис. 2. Четыре виртуальных «полюса» отношений в зоне Восточного партнерства

В торгово-экономической сфере пока еще не произошло субстантивного выравнивания участия восточноевропейской «тройки» Восточного партнерства в нескольких формирующихся региональных режимах свободной торговли. Всеохватывающие надрегиональные универсальные нормы, как известно, задаются Всемирной торговой организацией. Молдова – член ВТО с 2001 г., Украина – с 2008 г. Ни одно из государств Таможенного союза в ВТО пока не входит. Беларусь стремится к вступлению в эту организацию параллельно с

Россией и Казахстаном, вместе с которыми она участвует в создании единого экономического пространства, а в перспективе – Евразийского экономического союза (ЕЭС).

Иными словами, дифференциация Европейской политики соседства сопровождается также «дифференциацией» партнеров ЕС по Восточному партнерству. Ведущая роль в интеграционных процессах на постсоветском пространстве принадлежит, как известно, Российской Федерации[31]. Уже к началу 2013 г. предполагается подготовить договор о ЕЭС, формирование которого, согласно заявлению В. Путина, должно обеспечить «взаимовыгодное сотрудничество с другими странами, с международными и региональными экономическими объединениями, включая Европейский союз». При этом «основной задачей Евразийского экономического союза станет выход на создание общего экономического пространства с ЕС»[32].

Вместо заключения: Ревизия политики соседства и ее «отсутствующий элемент»

На сегодняшний день в программе «Восточное партнерство» выявился ряд недочетов, на которые уже обращали внимание как ее сторонники, так и недоброжелатели. В институциональном плане ВП выступает как амбивалентный проект – одновременно инклюзивный (приближение к ЕС) и эксклюзивный – без формальной констатации перспектив вступления в Евросоюз.

В документе Еврокомиссии «Новый ответ на меняющееся Соседство», который стал итогом проведенного стратегического обзора ЕПС, упоминается статья 49 Договора о Европейском союзе, согласно которой каждое европейское государство, соблюдающее ценности ЕС, имеет право подать заявку на вступление в Союз[33]. Однако, как и прежде, о перспективах членства для государств-партнеров ничего не сказано. Такая амбивалентность может со временем не оставить постсоветским партнерам ЕС иного выбора, кроме присоединения к конкурирующим образованиям. Как справедливо предупреждает германский политолог Александр Рар, если ЕС намерен еще 10 лет держать в своем «предбаннике» такие страны, как Украина и Беларусь, то «следующие элиты… будут ориентироваться на другие возможности и другие альтернативы. В том числе – на интеграцию с Россией и Казахстаном»[34].

Эксклюзивность ВП проявляется также в том, что оно (формально не исключая таких возможностей) выносит «за скобки» вариант параллельного участия в «чужих» региональных интеграционных группировках, хотя практика регионализма внутри самого Европейского союза это предполагает. Имеется также прецедент заключения соглашения между Европейскими сообществами и Европейской ассоциацией свободной торговли о создании Европейского экономического пространства (1992 г.) и последующий опыт его функционирования.

Мексика, Чили, Бразилия и Южная Корея имеют соглашения о зоне свободной торговли с ЕС и одновременно входят в свои региональные экономические объединения. В этом плане уже стало очевидным, что применительно к Украине Восточное партнерство столкнулось с новой для себя проблемой, подходы к решению которой пока отсутствуют.

Относительно эволюции Восточного партнерства в контексте региональной и панъевропейской безопасности также наблюдается значительная дифференциация позиций ЕС и стран-партнеров. Для большинства сторон несомненным приоритетом является проблема обеспечения энергетической безопасности (однако форматы решений разнятся) и урегулирования конфликтов (Молдова, Грузия, Армения, Азербайджан). Возможности Евросоюза в части содействия по конфликтному урегулированию на постсоветском пространстве пока весьма скромны и недостаточно координируются с аналогичными усилиями России, которая рассматривает ЕС как своего конкурента за влияние в «ближнем зарубежье». Следует отметить, что документ ЕПС «Новый ответ на меняющееся Соседство» впервые уделяет значительное внимание увеличению вклада партнеров в конфликтное урегулирование и координации их участия во внешней политике и политике безопасности Евросоюза.

Документы и предложения по повышению эффективности ЕПС, появившиеся в ходе завершившегося в конце мая 2011 г. обзора ЕПС, указывали на недостаточное разграничение между концепциями и целями двух- и многостороннего аспектов соседства и превалирование задачи продвижения двусторонних отношений[35]. С учетом этого, а также других отмеченных выше обстоятельств многостороннее измерение в Восточном партнерстве приобретает особое значение.

Пожалуй, становится уже достаточно очевидным, что требуется дальнейшая дифференциация Европейской политики соседства и ее измерений, в частности ВП. Необходима дифференциация не только по группам стран и отдельным странам, не только по их желаниям и готовности идти на реформы большей или меньшей интенсивности и масштаба (принцип ***more for more***). Нужна также более узко сфокусированная на конкретных странах ***взаимная адаптация*** конкретных многосторонних режимов (как со стороны ЕС, так и со стороны партнеров по ВП). Это пока еще отсутствующий и в силу ряда геополитических причин игнорируемый элемент ЕПС. «Дифференциация» должна выйти за рамки собственно ЕС и ЕПС и сфокусировать внимание на конструировании этого недостающего направления. Это могло бы способствовать повышению эффективности политики добрососедства Евросоюза на перспективу.

Процессы конвергенции в зоне политики соседства не обязательно должны и далеко не всегда могут осуществляться исключительно по Евросоюзной модели. В реальности используется три формата. Помимо ЕС сближение политик происходит также на основе иных международных норм (ООН, ВТО, ОБСЕ, Совета

Европы, Международной организации труда и др.) и посредством совместно вырабатываемых двусторонних стандартов (так называемый индпошив или адаптация рамочных правил к конкретным нуждам и возможностям)[36].

Речь идет не только о продолжении работы по гармонизации, например, режимов управления границами, охраны окружающей среды и т.д. По нашему мнению, в настоящее время особую актуальность в теоретическом и практическом планах приобретает постановка и разработка проблемы иного рода: создание определенных адаптационных схем и планирование этапов их реализации, особенно применительно к режимам свободной торговли, предусмотренным ЕПС с одной стороны и существующим или создаваемым в рамках СНГ, ЕврАзЭС и ГУАМ – с другой. Потребность в нахождении развязок данной проблемы демонстрирует недавно вновь проявившаяся дилемма невозможности «двойного» или параллельного участия Украины в готовящемся Соглашении об ассоциации с ЕС (на чем «дружно» настаивают и Брюссель, и Москва) и в уже созданном Таможенном союзе (который пока состоит из «тройки» – России, Беларуси и Казахстана).

Подобные теоретические и практические наработки были бы, несомненно, востребованы в условиях, когда государства-участники Восточного партнерства в силу своего геополитического и геоэкономического положения и исторически сложившейся ситуации оказываются не в состоянии сделать взаимоисключающий выбор по принципу «или – или»[37]. Однако это вовсе не обязательно означает, что завтра не может быть найден третий, «промежуточный» вариант, который откроет дополнительные возможности для многостороннего сотрудничества в восточноевропейском поле взаимодействия конкурирующих интеграционных проектов.

Литература

Александр Рар: У Горбачева был шанс сохранить СССР. 24 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dw-world.de/dw/article/0,,15001648,00.html?maca=rus-rss_ru_analitika_politika_i_obschestvo-5744-xml-mrss; Белоруссию в «Восточном партнерстве» интересует экономическая составляющая. 18 февраля 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.regnum.ru/news/1376213.html

Восприятие ЕС в Молдове: меняющиеся подходы 2009–2010. 5 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.enpi-info.eu/maineast.php?id=236&id_type=3&lang_id=471

Гомар Тома. Европа в российской внешней политике: необходимый, но недостаточный партнер // Russie. Nei. Visions. № 50. Май 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ifri.org/downloads/ifrigomartrussieuerusmai2010.pdf

Договор о Евразийском экономическом союзе должен быть подготовлен к началу 2013 года. 19 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.belta.by/ru/

all_news/economics/Dogovor-o-Evrazijskom-ekonomicheskom-sojuze-dolzhen-byt-podgotovlen-k-nachalu-2013-goda_i_555342.html

Договоренности о свободной торговле в СНГ тормозит Россия? 23 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravda.com.ua/rus/news/2011/05/23/6227935/

ЕС ведет переговоры об ассоциации со всеми странами Восточного партнерства, кроме Беларуси. 31 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.tut.by/politics/228955.html

Заява Высокага прадстаўніка ЕС Кэтрын Эштан у сувязі з вынясеннем прысуду кандыдату на прэзідэнты Беларусі Саннікаву. Еўрапейскі саюз, A 186/11. Брусэль, 14 траўня 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eeas.europa.eu/delegations/belarus/statements_belarus/hr_ashton_statements_on_belarus/index_be.htm

Золотокрылин О.В. Компаративный анализ интеграционных процессов в европейском и постсоветском пространствах // ПОЛИТЭКС. 2007. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.politex.info/content/view/384/30/

Как увеличить выгоды от торговли посредством регионального сотрудничества в сферах торговой политики, транспорта и таможенного транзита / Азиатский банк развития, 2006 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.adb.org/Documents/Translations/Russian/Reports/ca-trade-policy-ru.pdf

Киев двинулся в зону свободной торговли // Независимая Газета. 27 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2011-05-27/6_kiev.html

Койчуманов Талайбек. Возможные последствия Таможенного союза ЕврАзЭС для Кыргызстана. 13 декабря 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.developmentandtransition.net/Stati.35+M5885270e664.0.html

Пирс Ф. Управление границами, ЕС и ПРООН // Переходный период: вопросы развития. Бюллетень. Вып. 16. Лондон: Лондонская школа экономики и политологии, декабрь 2010. С.4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://europeandcis.undp.org/home/show/08D02CC8-F203-1EE9-B1D4AE5A65418B80

Путин: Украина получит $6,5–9 млрд в год, присоединившись к Таможенному союзу. 12 апреля 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.regnum.ru/news/1394035.html

Реформа политики соседства: основная задача ЕС – развитие и укрепление демократического устройства в странах-соседях [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eeas.europa.eu/delegations/belarus/press_corner/all_news/news/2011/26_05_2011_be.htm

Хольцапфель: Нам очень сложно смириться с ситуацией, когда в тюрьме невиновные. 14 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.tut.by/politics/226664.html

Янукович хочет «весомых практических результатов» от «Восточного партнерства». 28 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.regnum.ru/news/1409715.html

Baev Pavel K. Russia and the EU Eastern Partnership: Cannot Stop It but Loath to Join It // Longhurst, Kerry (ed.). Forging a New European Ostpolitik – An Assessment of the Eastern Partnership. Collegium Civitas. Warsaw: Collegium Civitas Press, 2009. P. 67–81.

Barbé E., Costa O., Herranz A., Johansson-Nogués E., Natorski M. and Sabiote M. Drawing the Neighbours Closer… to What? Explaining Emerging Patterns of Policy Convergence be-

tween the EU and its Neighbours // Cooperation and Conflict. 2009. Vol. 44. №. 4. P. 378–399.
Emerson Michael. The Wider Europe Matrix. Centre for European Policy Studies. Brussels, 2004.
EU/Moldova Action Plan [Электронный ресурс]. Режим доступа:
http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/action_plans/moldova_enp_ap_final_en.pdf
European Commission – High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy. A new response to a changing Neighbourhood. Joint Communication of the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. COM(2011) 303. Brussels, 25 May 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com_11_303_en.pdf
European Commission – High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2010. Country report: Republic of Moldova. Joint Staff Working Paper. SEC(2011) 643. Brussels, 25 May 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/progress2011/sec_11_643_en.pdf
European Commission – High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2010. Country Report on: Ukraine. Joint Staff Working Paper. SEC(2011) 646. Brussels, 25 May 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/progress2011/sec_11_646_en.pdf
European Commission – High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2010. Report: Eastern Partnership. Joint Staff Working Paper. SEC(2011) 641. Brussels, 25 May 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/progress2011/sec_11_641_en.pdf
Fischer Sabine, Lannon Erwan. The ENP Strategic Review: the EU and its neighbourhood at a crossroads. ISS Analysis. European Union Institute for Security Studies. Paris, May 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/ENP_Strategic_Review.pdf
Jarabik Balazs, Kobzova Jana, Wilson Andrew. The EU and Belarus after the election. European Council on Foreign Relations and FRIDE – a European think tank for global action. Policy Brief. № 65. January 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fride.org/download/PB65_EU_belarus2_eng_jan11.pdf
Keohane Robert O., Victor David G. The Regime Complex for Climate Change. Discussion Paper 33. Cambridge, MA: Harvard Project on International Climate Agreements. January 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/Keohane_Victor_Final_2.pdf
Longhurst Kerry. Introducing the Eastern Partnership – Implications for the European Neighbourhood Policy // Longhurst, Kerry (ed.). Forging a New European Ostpolitik – An Assessment of the Eastern Partnership. Collegium Civitas. Warsaw: Collegium Civitas Press, 2009.
Medvedev Sergei. Limits of Integration: Identities and Institutions in EU-Russia Relations. Aleksanteri Papers. Helsinki & Järvenpää, 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hse.ru/data/617/436/1233/Limits%20of%20Integration%20Medvedev.pdf
Pazdnyak Vyachaslau. The Rise and Fall of Belarus' Geopolitical Strategy // The Lithuanian Annual Strategic Review 2010–2011. P. 173–190.

Popielawska, Joanna. The Eastern Partnership in the Context of Other EU Regional Initiatives in the East / Longhurst Kerry (ed.). Forging a New European Ostpolitik – An Assessment of the Eastern Partnership. Collegium Civitas. Warsaw: Collegium Civitas Press, 2009. P. 51–66.

Zielińska Anna, Longhurst Kerry. The Eastern Partnership – Context and Reactions from a troubled Neighbourhood / Longhurst Kerry (ed.). Forging a New European Ostpolitik – An Assessment of the Eastern Partnership. Collegium Civitas. Warsaw: Collegium Civitas Press, 2009. P. 29–50.

Примечания

[1] На данную тему опубликовано значительное количество исследований. См., напр.: Longhurst Kerry. Introducing the Eastern Partnership – Implications for the European Neighbourhood Policy / Longhurst Kerry (ed.). Forging a New European Ostpolitik – An Assessment of the Eastern Partnership. Collegium Civitas. Warsaw: Collegium Civitas Press, 2009.

[2] Хотя Восточное партнерство и служит в качестве отправного и референтного пункта для наших последующих рассуждений, в данной статье мы делаем попытку рассматривать его не только как «восточное» с позиций евросоюзных теоретиков и практиков, но также и как «западное» – с постсоветских диспозиций. В действительности оно стремится преодолеть дуализм «восточно-западного» в своем восточном приграничье.

[3] См.: Keohane Robert O., Victor David G. The Regime Complex for Climate Change. Discussion Paper 33. Cambridge, MA: Harvard Project on International Climate Agreements. January 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/Keohane_Victor_Final_2.pdf

[4] См.: Золотокрылин О.В. Компаративный анализ интеграционных процессов в европейском и постсоветском пространствах // ПОЛИТЭКС. 2007. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.politex.info/content/view/384/30/

[5] По одной из версий, срыв переговоров был обусловлен нежеланием Украины участвовать в Таможенном союзе России, Беларуси и Казахстана и ответной реакцией Москвы, которая неожиданно потребовала консенсуса 11 стран СНГ по всем нормам договора. Киев намеревался подписать данное соглашение. См.: Договоренности о свободной торговле в СНГ тормозит Россия? 23 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravda.com.ua/rus/news/2011/05/23/6227935/

[6] Многие политологи пришли к выводу, что действия белорусских властей 19 декабря 2011 г. стали свидетельством не их силы, а слабости и страха и что дальнейшая политизация общества приведет к дестабилизации и краху режима. См., напр.: Jarabik Balazs, Kobzova Jana, Wilson Andrew. The EU and Belarus after the election. European Council on Foreign Relations and FRIDE – a European think tank for global action. Policy Brief. № 65. January 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fride.org/download/PB65_EU_belarus2_eng_jan11.pdf

[7] См., в частности: Заява Высокага прадстаўніка ЕС Кэтрын Эштан у сувязі з вынясеннем прысуду кандыдату на прэзідэнты Беларусі Саннікаву. Еўрапейскі саюз, A 186/11. Брусэль, 14 траўня 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eeas.europa.eu/delegations/belarus/statements_belarus/hr_ashton_statements_on_belarus/index_be.htm; Хольцапфель: Нам очень сложно смириться с ситуацией, когда в тюрьме невиновные. 14 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.tut.by/politics/226664.html

8 Подробнее о белорусском геополитическом механизме балансирования см.: Pazdnyak Vyachaslau. The Rise and Fall of Belarus' Geopolitical Strategy // The Lithuanian Annual Strategic Review. 2010–2011. P. 173–190.

9 Белоруссию в «Восточном партнерстве» интересует экономическая составляющая. 18 февраля 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ttp://www.regnum.ru/news/1376213.html

10 Хольцапфель: Нам очень сложно смириться с ситуацией, когда в тюрьме невиновные.

11 Там же.

12 См.: European Commission – High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy. A new response to a changing Neighbourhood. Joint Communication of the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. COM(2011) 303. Brussels, 25 May 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com_11_303_en.pdf; Реформа политики соседства: основная задача ЕС – развитие и укрепление демократического устройства в странах-соседях [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eeas.europa.eu/delegations/belarus/press_corner/all_news/news/2011/26_05_2011_be.htm

13 EU–Moldova relations: basic facts [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eeas.europa.eu/delegations/moldova/eu_moldova/political_relations/index_en.htm

14 Подробнее о Черноморской синергии см.: Popielawska Joanna. The Eastern Partnership in the Context of Other EU Regional Initiatives in the East // Longhurst, Kerry (ed.). Forging a New European Ostpolitik – An Assessment of the Eastern Partnership. Collegium Civitas. Warsaw: Collegium Civitas Press, 2009.

15 EU/Moldova Action Plan [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/action_plans/moldova_enp_ap_final_en.pdf

16 Предварительно завершены переговоры по многим главам Соглашения. См.: ЕС ведет переговоры об ассоциации со всеми странами Восточного партнерства, кроме Беларуси. 31 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.tut.by/politics/228955.html

17 Восприятие ЕС в Молдове: меняющиеся подходы 2009–2010. 5 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.enpi-info.eu/maineast.php?id=236&id_type=3&lang_id=471

18 European Commission – High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2010. Country report: Republic of Moldova. Joint Staff Working Paper. SEC(2011) 643. Brussels, 25 May 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/progress2011/sec_11_643_en.pdf

19 Ibidem.

20 European Commission – High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2010. Report: Eastern Partnership. Joint Staff Working Paper. SEC(2011) 641. Brussels, 25 May 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/progress2011/sec_11_641_en.pdf

21 См.: European Commission – High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2010. Country Report on: Ukraine. Joint Staff Working Paper. SEC(2011) 646. Brussels, 25 May 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/progress2011/sec_11_646_en.pdf

[22] Zielińska Anna, Longhurst Kerry. The Eastern Partnership – Context and Reactions from a troubled Neighbourhood // Longhurst Kerry (ed.). *Forging* a New European Ostpolitik – An Assessment of the Eastern Partnership. Collegium Civitas. Warsaw: Collegium Civitas Press, 2009. P. 29–50.

[23] В докладе по реализации ЕПС по Украине за 2010 г. (см. ссылку № 21) отмечено, что страна преуспела в реформе госуправления, но не достигла успехов в борьбе с коррупцией, соблюдении прав человека и свободы слова.

[24] Янукович хочет «весомых практических результатов» от «Восточного партнерства». 28 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.regnum.ru/news/1409715.html

[25] В ходе визита в Киев российский премьер-министр Владимир Путин заявил, что прямой выигрыш Украины может составлять примерно от 6,5 млрд до 9 млрд долларов в год. См.: Путин: Украина получит $6,5–9 млрд в год, присоединившись к Таможенному союзу. 12 апреля 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.regnum.ru/news/1394035.html

[26] Киев двинулся в зону свободной торговли // Независимая газета. 27 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2011-05-27/6_kiev.html

[27] Подробнее см.: Medvedev Sergei. Limits of Integration: Identities and Institutions in EU-Russia Relations. Aleksanteri Papers /2008. Helsinki & Järvenpää, 2008. P. 24 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hse.ru/data/617/436/1233/Limits%20of%20Integration%20Medvedev.pdf

[28] См.: Emerson M. The Wider Europe Matrix. Centre for European Policy Studies. Brussels, 2004. P. 27.

[29] Гомар Тома. Европа в российской внешней политике: необходимый, но недостаточный партнёр // Russie. Nei. Visions. № 50. Май 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ifri.org/downloads/ifrigomartrussieuerusmai2010.pdf

[30] В качестве примера описывается случай, когда весной 2010 г. Армения согласилась руководствоваться европейской стратегией комплексного управления границами, однако незадолго до этого продлила срок пребывания российских пограничных сил на своей территории еще на 39 лет. См.: Пирс Ф. Управление границами, ЕС и ПРООН // Переходный период: вопросы развития. Бюллетень. Вып.16. Лондон: Лондонская школа экономики и политологии, декабрь 2010 г. С. 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://europeandcis.undp.org/home/show/08D02CC8-F203-1EE9-B1D4AE5A65418B80

[31] Специалисты считают, что при формировании торговой политики в рамках Таможенного союза интересы России будут преобладать, поскольку около 92% ставок единого внешнего тарифа основаны на российском тарифе. Кроме защиты российских производителей, данный таможенный режим будет также стимулировать потребителей других стран ТС к переходу на российские товары. См: Койчуманов Талайбек. Возможные последствия Таможенного союза ЕврАзЭС для Кыргызстана. 13 декабря 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.developmentandtransition.net/Stati.35+M5885270e664.0.html

[32] Договор о Евразийском экономическом союзе должен быть подготовлен к началу 2013 года. 19 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Dogovor-o-Evrazijskom-ekonomicheskom-sojuze-dolzhen-byt-podgotovlen-k-nachalu-2013-goda_i_555342.html

[33] European Commission – High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy. A new response to a changing Neighbourhood. P. 13.

[34] Александр Рар: У Горбачева был шанс сохранить СССР. 24 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dw-world.de/dw/article/0,,15001648,00.html?maca=rus-rss_ru_analitika_politika_i_obschestvo-5744-xml-mrss

[35] См.: European Commission – High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy. A new response to a changing Neighbourhood; Fischer, Sabine, Lannon, Erwan. The ENP Strategic Review: the EU and its neighbourhood at a crossroads. ISS Analysis. European Union Institute for Security Studies, May 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/ENP_Strategic_Review.pdf

[36] Подробнее см.: Barbé E., Costa O., Herranz A., Johansson-Nogués E., Natorski M. and Sabiote M. Drawing the Neighbours Closer… to What? Explaining Emerging Patterns of Policy Convergence between the EU and its Neighbours // Cooperation and Conflict. 2009. Vol. 44. № 4. P. 378–399.

[37] Только Минск комфортабельно свободен от этой дилеммы из-за продолжающегося политического конфликта с Евросоюзом и минимального уровня отношений с последним.

Светлана Бабенко

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕНЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (УКРАИНА, БЕЛАРУСЬ, МОЛДОВА)[1]

Abstract

The post-Soviet transformation divides social, cultural, economic, and political space of the former USSR society; it changes geopolitical orientations as well as ideological and value orientations; it leads to the emergence of new borders and bridges in a social and cultural discourse. A new explanation for such developments is presented in the article, based on the theoretical ground of sociology and meeting the "methodological nationalism" challenge. The author uses the alternative to the "methodological nationalism" approach and proposes to study social processes not bounded to the society as a "nation-state", but to the groups of societies overcoming the transformation path with common outcomes. The hypothesis is that if a group of countries that founded itself in the borderland between Europe and Russia (Ukraine, Belarus, and Moldova), has the same institutional, socio-cultural and macro-societal characteristics it could be identified as "Eastern European Borderland" in social terms within the sociological methodology. To explain the social consequences of the post-Soviet transformation in terms of the outcomes of the transformation path in comparison with the types of the post-USSR societies, the concept of social cost is developed. In order to argue for this approach we use a set of indexes of societal development measured by international statistics and sociological surveys. The data proved that the core borderland line is between the EU societies and non-EU societies; three countries (Ukraine, Belarus, and Moldova) have more variety in their socio-cultural, institutional, political and economic development measured within the social cost of the post-Soviet transformation rather than similarities among them and that makes them differ not crucially from Russia. Thus,

we can't prove the existence of the special common social space of "Eastern European Borderland" (Ukraine, Belarus, and Moldova) from the social background of the post-Soviet transformation path.

Keywords: "methodological nationalism", social cost, "Eastern European borderland" (Ukraine, Belarus, and Moldova), Post-Soviet transformation, index of transformation.

Трансформационные процессы в постсоветских странах многовекторны и противоречивы, обусловлены как внутренними механизмами и особенностями общественного устройства советского типа обществ, локальной этнокультурной спецификой исторического развития, так и глобальными вызовами, процессами, тенденциями. Распад СССР и радикальные изменения общественного устройства социалистических республик и стран Центральной и Восточной Европы начала 1990-х гг. кардинальным образом изменяют пространство геополитических координат и ориентаций этих стран, ценностных и идеологических ориентиров, социальных и экономических условий жизни. Постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы и страны Балтии выстраивают политическую, экономическую и правовую стратегию европейской интеграции, объединив трансформационную активность элит и массового общества под лозунгом «назад в Европу». Украина, Беларусь и Молдова оказались пограничным пространством в двух проекциях. Во-первых, пространство трансформации является, *с одной стороны*, пограничьем относительно Европейского союза как социальной модели качества жизни и в этом смысле – социального ориентира трансформации, а *с другой стороны*, совокупностью параметров «коридора возможностей» изменений, обусловленного преемственностью структур, культурных форм и институтов советского типа общества, обозначаемого как «path dependency»[2]. Во-вторых, просматривается внуренняя социокультурная разделенность этих стран, связанная, *с одной стороны*, необходимостью построения собственной национальной идентичности и государственной самодостаточности (что само по себе является внутренне противоречивым и несогласованным процессом), а *с другой стороны*, влиянием России как самодостаточного геополитического центра и агента воздействия на стратегии и тактики трансформационных усилий элит.

Исследования трансформационных процессов в постсоветских обществах преимущественно носят либо прикладной характер (в смысле эмпирического описания проблемы, явления, процесса «в условиях трансформации»), либо остаются на уровне макросоциологического теоретизирования. Задача целостного описания самого процесса трансформации не как условия какого-либо общественного явления, а как системного изменения советского типа общества, которое имеет собственную логику и особенности социальных последствий, становится очевидной по прошествии двадцатилетия фрагментарных и несистема-

тических сравнительных исследований общественного мнения постсоветского пространства. Кроме того, в условиях разделенности общественного мнения массового общества и ориентаций элит восточноевропейского Пограничья на интеграцию в ЕС, в том числе и в европейское социальное пространство, актуальным социальным вызовом социологической теории и практики является задача объединения теоретического описания процессов и *результатов* радикальных социальных изменений в регионах Пограничья и их эмпирического измерения.

Пограничность пространства трансформационных процессов в этих трех странах новой Восточной Европы обусловлена исторически, социокультурно и территориально не только на географической, но и концептуальной карте Европы. Авторы, вводящие понятие «Пограничье» в социогуманитарные дисциплины постсоветского пространства, апеллируют прежде всего к постпозитивистскому метафорическому означиванию конструирования границ, что создает в результате рефлексии и описания некую пространственную конфигурацию: «метафоры не терминологизируются, но преобразуются в специфические пространственные образы» (Антанович, 2005: 16).

В работе «От транзитологии к теории Пограничья» Бреский и Бреская предлагают переопределить пространство посткоммунистических трансформационных процессов в Восточной Европе с помощью междисциплинарного концептуального аппарата «исследований Пограничья» – «border-boundary studies», которые называют «2B моделью Пограничья». Авторы выделяют два вида «теорий Пограничья»: (1) аналитические модели, работающие с географическим пространством, и (2) «теории, рассматривающие “а-территориальные” границы, будь то воображаемые, социальные, культурные, *изучать такие границы в рамках определенной дисциплины невозможно*» (выделено мной. – *С.Б.)* (Бреский, Бреская, 2008: 44). Не оспаривая эвристичности междисциплинарного подхода к анализу Пограничья, позволю себе не согласиться с данными авторами в том, что в рамках *одной* дисциплины *невозможно* изучать «воображаемые, социальные, культурные» границы, поскольку в дисциплинарных рамках социологии именно эти, а не географические разделения, различения, расколы являются предметом исследований. Так, например, для описания положения между социальными статусами в условиях «переходности» социальных позиций в социологии используется понятие «маргинальность», а ситуация нахождения между двумя ценностными системами описывается понятием «аномия». И первое и второе не имеет отношения к географической или территориальной укорененности, однако отражает ситуацию «Пограничья» социального, культурного, которое воспринимается как существенное в рамках социально конструируемых границ социальных групп (в случае маргинальности) или ценностных систем (в ситуации аномии). Данные понятия описывают социокультурные феномены, особенно актуальные в условиях трансформации постсоветского общества,

когда стремительное и радикальное изменение общественного устройства приводит к «подвижности» наиболее стабильных конструкций общественного порядка – социальных структур и институтов.

Продолжая аргументацию в пользу логики социологического анализа предмета границ и пограничности, в рамках данной работы предлагается социологическое описание пространства трансформации постсоветского типа общества Украины, Беларуси и Молдовы как Пограничья. Итак, социологическое поле описания «Пограничья» – это определенность векторами *времени* (прошлое (советское общество) – будущее (стратегические ориентиры трансформации общественного устройства)) и *пространства* или геополитических центров притяжения (запад (ЕС) – Россия). Одновременно с позиций постпозитивистской социологии «пограничность» является предметом социального *конструирования,* что выражается в ориентации разных субъектов (политических, академических, СМИ) на формирование дискурсов самоописания и позиционирования этого пространства как новой Восточной Европы или восточноевропейского Пограничья, а в некоторых случаях и попытка избежать данного позиционирования, как, например, в случае со странами Балтии, где из самоописаний исключается терминология «постсоветское», «посткоммунистическое» и дискурс «пограничности» не развивается, а основой формирования идентичности и стратегии позиционирования является апелляция к европейскости и государственно-территориальной локальности (например, «страны Балтии» вместо принятого в советском дискурсе обозначения «Прибалтика») (Nation, 1998).

Есть еще один аргумент в пользу социологического анализа «Пограничья», уже с позиции первого типа теорий – укорененных в территориальное представление о границах. Постклассическим переопределением предмета анализа социологии становится попытка ряда авторов преодолеть границы общества, традиционно понимаемого как «национальное государство», в условиях глобализации и усиления взаимного влияния и взаимной зависимости социальных процессов. Так, Ульрих Бек предлагает реориентацию принципов построения социологического знания от восприятия общества в рамках национального государства (что обозначается как «методологический национализм») к методологическому космополитизму и развитию космополитической социологии. Этот методологический поворот, согласно У. Беку, необходим, поскольку глобальные проблемы рисков выходят за рамки компетенции и возможностей влияния национальных правительств, обществ, систем социального взаимодействия и требует более общих – космополитических – вариантов взаимодействий, решений, влияний. Проводя различение между «космополитизмом» как философским, идеологически нагруженным нормативным понятием, У. Бек (Beck, 2006) предлагает использовать аналитическую категорию «космополитизация» для обозначения взаимозависимости мира, глобализации основных вызовов обществам и рисков, нерегулируемое развитие которых в катастрофы

необходимо и возможно предотвращать совместными усилиями. Необходимость создания космополитической социологии У. Бек обосновывает тем, что в условиях эпистемологической ситуации рефлексивости второго модерна, космополитизации повседневной жизни возникают процессы нового уровня, требующие разработки иных механизмов исследования в рамках социальных наук, где единицей анализа и сбора информации выступает уже не общество в границах национального государства, а глобальное космополитическое общество (человечество), предметом изучения являются глобальные риски и процессы, а в аналитическое пространство социологического исследования включены знания о предмете изучения других дисциплин, как социальных (экономика, политические науки, культурология, этнография и т.д.), так и естественных (биология, география, физика и т.д.).

Полемизируя с У. Беком, Николай Генов (Genov, 2010) предлагает реориентацию от методологического социетализма, принятого за основу анализа обществ классической социологией (где единицей анализа и объяснения является общество как целостная система, что адекватно понятию «методологический национализм» в терминологии У. Бека), к изучению региональных особенностей развития обществ и влияния глобальных трендов на особенности развития определенных процессов в этих обществах. Это адекватнее, аргументирует Н. Генов, обозначить как методологический глобализм, поскольку объектом и единицей анализа выступают глобальные процессы и явления в их влиянии на динамику общественного развития.

Итак, теоретическим вызовом нашего исследования Пограничья является попытка преодоления методологического национализма[3] в условиях глобализации рисков, обществ и социальных наук. В рамках этой полемики мы предлагаем третий вариант преодоления методологического национализма/социетализма с помощью фокуса на изучение особенностей регионального развития социального пространства, где единицей анализа выступает определенный тип общественной системы в процессе постсоветской трансформации, а параметрами измерения подобия или отличия типологических характеристик являются *социальные* показатели *результатов* изменений. Таким образом, в рамках исследования постсоветской трансформации Украины, Беларуси и Молдовы как пространства восточноевропейского Пограничья нам важно проверить эмпирически возможность преодоления методологического национализма/социетализма с помощью определения и анализа региональных особенностей трансформационного процесса постсоветского типа обществ. Для этого необходимо выявить наличие (или отсутствие) общности параметров социальной цены трансформации, которая обусловлена не только особенностями (экономическими, политическими, социальными) постсоветского развития каждого из этих трех обществ, но и сходностью пограничного положения всех трех обществ в социокультурном и геополитическом пространстве Европы.

В рамках данных методологических установок тем актуальнее с точки зрения описания итогов пути реформ и социетальных изменений трех обществ по прошествии двух десятилетий развития постсоветского социального пространства становится проблема оценки социальных результатов трансформационных процессов, определения критериев сравнения завершенности фаз трансформации постсоветского общества, направленности ее траектории в радикально изменяющихся условиях глобальных вызовов современности в контексте анализа Украины, Беларуси и Молдовы как восточноевропейского Пограничья.

Современная теоретическая дискуссия о процессе и механизмах трансформации постсоветского социального пространства ведется на страницах ведущих социологических изданий и в рамках многочисленных научных форумов. Существенный вклад в понимание сущности процесса и механизмов трансформации вносят теоретическая модель социетальной трансформации общества Т.И. Заславской (Заславская, 2004), концепция зависимого постсоветского развития (path dependency) Д. Старка и Л. Брюста (Stark, Bruszt, 1998), теория социокультурной травмы П. Штомпки (Sztompka, 2003), теория хаотического капитализма Д. Лейна (Лейн, 1996, 1999), концепция фаз трансформации О. Куценко (Куценко, 2004). Эти концепции очерчивают поле социологического исследования трансформационных процессов в посткоммунистическом пространстве, определяя базовые компоненты теоретического и эмпирического анализа. Методологической рамкой исследования является структурно-деятельностный подход к изучению и объяснению социальной цены трансформационного процесса в посткоммунистических обществах с помощью показателей динамики социальных неравенств и социального здоровья общества. Такой подход базируется на идеях П. Штомпки (трансформационные процессы как социокультурная травма, концепция дефицита доверия как объяснительный механизм кризиса трансформации социальных институтов и социальной солидарности), а также концепции трансформационной структуры общества Т. Заславской как рамки, ограничивающей и обусловливающей горизонт процессов социетальных изменений постсоветского типа обществ.

Преемственность и изменчивость социальных структур, культурных оснований, экономической и социальной организации, композиции повседневных практик – первостепенный предмет исследования и объяснения в социальных науках о социетальном развитии. В этом отношении постсоветское общество представляет особый интерес. Это общество было закрыто для влияния глобализации в сфере культуры и повседневных практик более 70 лет существования советского государства. Советское общество развивалось как альтернативный вариант модерна с индустриализацией без рынка, демократией без плюрализма и гласности, массовым обществом без культуры потребительства (консюмеризма) и ценности индивидуального жизненного успеха, с сильными межличностными социальными связями и низким уровнем социетальной ин-

теграции – этот перечень можно продолжить. Важно подчеркнуть, что культурное развитие советского общества было не только жестко структурировано идеологически, изолировано от глобального консюмеризма и системы неравенств, но – и это принципиальный момент – конструировалось вокруг идеи исключительности и правильности бытия, альтернативной глобальному (западному, или американскому) образу жизни и обществу потребления. Как пишут Х. Кельнер и Х.-Г. Зофнер: «Присущий коммунизму агитпроп (идеологическая бомбардировка) породил странную культуру, в которой свойственное всему миру стремление к материальным благам сочеталось с их романтизированным отрицанием» (Кельнер, Зофнер, 2004). Это было свойственно советским Украине, Беларуси и Молдове в существенно большей степени, чем Германии, поскольку культурная изоляция была значительно более непроницаема: отсутствует доступ к зарубежным (международным) СМИ в сочетании с высоким уровнем контроля и цензуры централизованных отечественных СМИ, закрыты возможности внешнего туризма для массовых слоев общества (как ограничение путешествий иностранцев в СССР, так и практически отсутствие возможностей заграничного туризма для собственных граждан), внешней эмиграции и тем более возвратной миграции т.д. Феномен «двойного сознания» и «двойного стандарта» стал основополагающей характеристикой советской массовой культуры, получившей широкое распространение к концу 1980-х. Трудно согласиться с тем, что это «*свойственное*[4] всему миру стремление к материальным благам» действительно является характерной чертой или всеобщим естественным стремлением, однако это стремление, безусловно, культивируется экономикой массового потребления и легитимируется определенной (американской или западной) культурой. В то же время именно это стремление становится одной из центральных ценностей глобальной культуры, бросившей вызов посткоммунистическим[5] обществам потребительского дефицита конца 1980-х – начала 1990-х гг. Это привело к стремительно развивающемуся обществу потребления, углубляющему и разнообразящему неравенства в приватном и публичном пространствах (от престижного и элитного демонстративного потребления «новых русских», индивидуализирующихся стилей потребления формирующихся новых средних классов до массового секонд-хэнда) в рамках процесса глобализации. И именно это стремление переопределяет специфику социальных неравенств постсоветских обществ и представлений о социальном равенстве, справедливости, приводит к переоценке ценностей, резкой дифференциации и углублению систем социальных неравенств в обществах восточноевропейского Пограничья Украины, Беларуси и Молдовы.

Воспроизведение и динамика социальных неравенств происходит в пространстве взаимодействия трех типов факторов. Первый тип – социоструктурный – факторы распределений ресурсов и позиций социально-групповой структуры общества, перераспределения общественных благ и механизмов до-

ступа к ним. Второй тип – институциональный – представляет собой наборы систем правил и взаимодействий по поводу закрепления, изменения и переопределения социальных неравенств. И, наконец, третий тип – социокультурные факторы ценностных ориентаций социальных групп и амбивалентности массового восприятия неравенств разного рода, отношения и установок относительно справедливости неравенств. Изменение и сущностных, и ценностных основ социальных неравенств в условиях радикальной общественной трансформации постсоветского общества приводит к углублению и дифференциации социального пространства обществ, возникновению новых массовых социальных групп (безработные, предприниматели, туристы и трудовые мигранты за границу и т.д.) и переопределению социального порядка.

С одной стороны, для постсоветского социокультурного пространства характерна укорененность представлений о справедливости социального равенства (идеологически обоснованное советским типом общественного устройства) и недовольство тем, каким образом это равенство обеспечивалось в советском обществе развитого социализма, усиленное процессами гласности периода Перестройки. Фактически эти установки приводят к радикальному несоответствию ожиданий улучшения условий жизни после распада СССР и смены советского типа общественной организации существенному снижению уровня и качества жизни во времена радикальной постсоветской трансформации. Это приводит к массовой аномии, в том числе и в отношении к социальному неравенству и представлениях о способах, которыми оно должно регулироваться.

С другой стороны, необходимость расслоения и социальной дифференциации в доступе к социальным благам обеспечивает неравенство жизненных шансов и мотивирует людей на достижение лучшего положения, формирует субъектность и активную жизненную позицию, что является центральным в легитимации конкурентной среды рыночной экономики. Таким образом, социальное неравенство является функционально оправданной особенностью организации глобального капитализма, а основным вопросом социальной справедливости в этом отношении становится обеспечение равенства возможностей достижения. В то же время необходимость ограничения или уменьшения социального неравенства и доныне является одним из факторов и движущей силой социальных изменений современных обществ в различных формах (от реформ и совершенствования социальной политики ЕС до серии «цветных» революций постсоветского пространства и революций 2010–2011 гг. в Египте, Ливии, Сирии, Тунисе и т.д.).

В исследованиях трансформационных процессов разработаны методики изучения таких параметров изменения общественного устройства, как институты рынка и демократии, особенности динамики политических режимов и качества управления и тому подобные макросоциальные показатели общественных изменений социетального уровня. С 2006 г. немецкие исследователи приме-

няют комплексный индекс трансформации Бертельсмана (BTI – Bertelsmann Transformation Index), разработанный Фондом Бертельсмана (Bertelsmann Stiftung) и Мюнхенским центром прикладных политических исследований (CAP). Индекс основан на данных качественных экспертных оценок в 128 странах мира. Итоговый индекс включает 17 критериев измерения политической трансформации к демократии, экономической трансформации к рыночной экономике, а также трансформации управления (рис. 1). Эти 17 критериев измеряются с помощью 52 индикаторов методом сопоставления средних величин по шкале от 1 до 10, где 1 – минимально низкий уровень, а 10 – максимально высокий уровень состояния трансформации переходных обществ. Таким образом, на основании опроса экспертов из 128 стран о состоянии демократических институтов, управляемости общества и функционирования институтов рыночной экономики строится обобщенный показатель трансформации в этих странах, который дает возможность сравнения и типологизации этих стран по уровню макросоциальных и экономических изменений. Исследование проводилось четырежды, в 2003, 2006, 2008 и 2010 гг., что охватывает состояние посткоммунистических обществ в фазе стабилизации (подробнее описание фаз трансформации см.: Куценко, 2004), а также позволяет проследить период динамики трансформации обществ под влиянием мирового финансового кризиса 2008 г. (табл. 1).

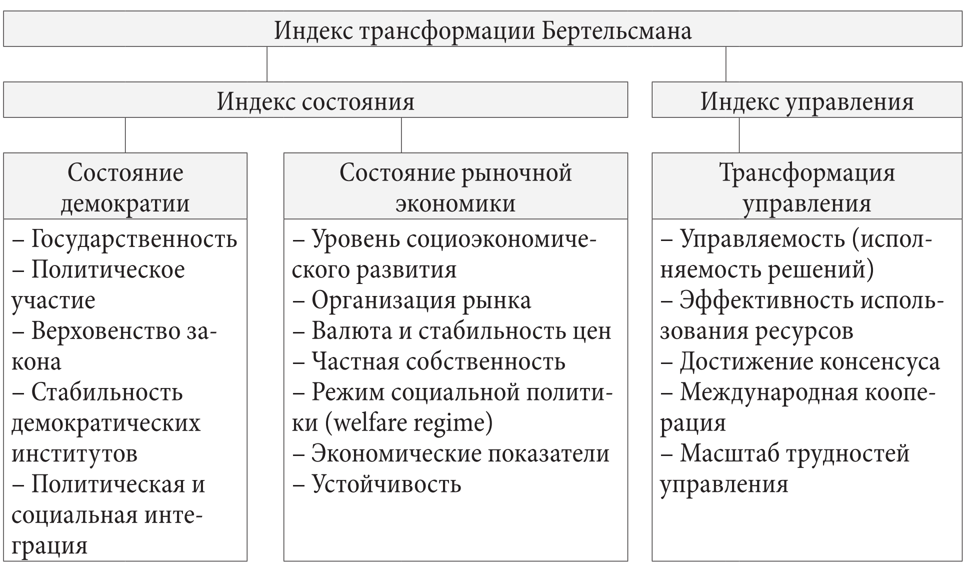

Рис. 1. Схема измерения трансформации – система критериев построения индекса трансформации Бертельсмана[6]

Таблица 1. **Сравнение макроструктурных изменений посткоммунистических обществ в 2003–2010 гг., индекс трансформации Бертельсмана**[7]

Итоговый индекс управления					Итоговый индекс состояния демократии и рыночной экономики			
2010	2008	2006	2003		2003	2006	2008	2010
7.33	7.43	7.29	7.9	*Эстония*	9.5	9.29	9.42	9.34
7.03	7.20	7.32	7.4	Словакия	9.6	9.06	9.14	9.14
6.55	6.83	7.41	7.0	Словения	9.6	9.45	9.49	9.52
6.95	6.62	6.95	6.7	Чехия	9.6	9.23	9.56	9.65
6.51	6.67	6.81	6.7	Венгрия	9.7	9.16	9.18	9.00
6.91	6.70	7.00	7.7	*Литва*	9.6	9.02	9.16	9.04
6.68	6.86	6.78	6.3	*Латвия*	8.7	8.20	8.60	8.51
6.52	5.27	6.36	6.6	Польша	9.4	8.90	8.76	8.86
6.67	6.73	6.51	6.4	Болгария	7.7	7.98	8.44	8.36
6.27	6.49	6.33	5.7	Румыния	7.3	7.89	8.31	8.23
4.92	***5.21***	***4.69***	***5.1***	***Украина***	***5.9***	***6.96***	***6.93***	***6.55***
5.68	6.36	5.91	2.3	*Грузия*	4.1	5.73	6.60	6.03
4.36	5.14	5.08	5.1	*Армения*	5.7	6.26	6.41	5.75
4.70	4.69	4.13	3.3	*Казахстан*	5.1	5.48	5.53	5.24
4.49	***4.48***	***3.50***	***3.3***	***Молдова***	***4.1***	***5.06***	***5.93***	***5.79***
3.41	**3.84**	**3.84**	**5.5**	**Россия**	**6.0**	**6.14**	**5.94**	**5.70**
3.26	***2.89***	***2.74***	***2.2***	***Беларусь***	***3.9***	***4.47***	***4.47***	***4.52***
4.05	3.83	3.50	3.2	*Азербайджан*	4.4	4.51	4.51	4.85

Для детального анализа динамики и описания тенденций трансформации стран Центрально-Восточной Европы и стран бывшего СССР семи лет наблюдений недостаточно, однако четыре волны исследований дают качественную сравнительную информацию о состоянии процессов трансформации на посткоммунистическом пространстве последнего десятилетия. Существенно различаются показатели институциональных результатов трансформации в странах Центральной и Восточной Европы (включая страны Балтии) и странах бывшего СССР. Частично это объясняется стартовыми позициями и состоянием экономик на момент начала трансформационных процессов, степенью интегрированности в централизованную политическую и экономическую систему СССР, а также целенаправленным реформированием институциональной системы этих стран по показателям, которые измеряются для построения индекса Бертельсмана в рамках программы вхождения в ЕС. Показатели трансформации стран Балтии по состоянию на конец 2000-х гг. дают возможность классифицировать эти страны как стабильные развитые рыночные экономики и функциониру-

ющие демократии (показатель индекса от 8 до 10) с эффективным управлением в Эстонии (индекс в диапазоне 7–10) и эффективным управлением с некоторыми недостатками в Литве и Латвии (показатель индекса – от 5.6 до 7). Из стран бывшего СССР только в Грузии показатели эффективности управления находятся в том же диапазоне благодаря качественному снижению уровня коррупции в результате реформ М. Саакашвили и консолидации гражданского общества после «революции роз». Страны бывшего СССР различаются по всем показателям институциональной трансформации политической системы, классифицируются как дефектные демократии – Украина, Грузия, Молдова, Армения (индекс от 6 до 8), умеренные автократии – Россия, Киргизия, Казахстан (индекс 4–6) и автократии – Беларусь, Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан (индекс менее 4) (табл. 2).

Таблица 2. **Состояние демократии в странах Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР, индекс трансформации Бертельсмана 2010 г.**[8]

Демократии		Дефектные демократии		Высокодефектные демократии	Автократии
10–9	< 9–8	< 8–7	< 7–6	< 6	< 4
Словения Чехия Эстония (9.6) Венгрия Литва (9.3) Словакия	Хорватия Польша Латвия (8.85) Болгария (8.75) Румыния	Македония Сербия Албания **Украина (7.0)**	Босния и Герцеговина **Молдова (6.65)** Грузия (6.05)	***Россия (5.25)*** Армения (5.0)	Киргизия (4.4) Казахстан (4.17) **Беларусь (4.08)** Азербайджан (3.92) Таджикистан Узбекистан Туркменистан

Страны восточноевропейского Пограничья по состоянию трансформации политической системы (оцениваемой по критериям развития функциональной демократии) оказываются в разных кластерах стран, демонстрируя на протяжении 2000-х гг., с одной стороны, постепенное развитие демократических институтов в Украине (индекс демократии в 2008 г. был 6.5, а в 2010 г. – 7.0) и Молдове (6.85 и 6.65), а с другой стороны, консолидацию автократических режимов в Беларуси (3.93 и 4.08) и России (5.35 и 5.25).

По показателям развития рыночной экономики страны бывшего СССР также демонстрируют существенный разрыв между экономическим развитием стран Балтии, которые на протяжении 2000-х гг. характеризуются устойчивым развитием институтов рыночной экономики и системы социального обеспечения, пополнив категорию развитых рыночных экономик стран Центральной и Восточной Европы, в то время как страны бывшего СССР преимущественно составляют категорию рыночных экономик с существенными функциональными

недостатками, а Беларусь и Молдова характеризуются как страны с неблагоприятными условиями развития рыночной экономики (табл. 3). Причем на протяжении 2006–2010 гг. экономики Беларуси и Молдовы по большинству показателей остаются в тех же категориях и с практически неизменными показателями индекса, несмотря на мировой финансовый кризис, который существенно повлиял лишь на показатели экономического развития в Украине (в 2006 г. – 6.82, в 2008 г. – 6.5, а в 2010 г. – 6.11).

Таблица 3. **Состояние рыночной экономики в странах Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР (страны представлены в порядке убывания индекса трансформации экономики Бертельсмана 2010 г.[9])**

Развитая рыночная экономика		Жизнеспособная/ функциональная рыночная экономика	Рыночная экономика с функциональными недостатками	Неблагоприятные условия рыночной экономики
10–9	< 9–8	< 8–7	< 7–5	< 5
Чехия (9.5) Словения (9.29) Эстония (9.07)	Словакия (8.93) Литва (8.79) Венгрия (8.75) Польша (8.71) Латвия (8.18) Хорватия	Македония Болгария (7.96) Румыния (7.96)	Сербия Албания Босния и Герцеговина Армения (6.5) Казахстан (6.32) ***Россия (6.14)*** **Украина (6.11)** Грузия (6.0) Азербайджан (5.79)	Беларусь (4.96) Молдова (4.93)

Итак, сравнение комплексных показателей институциональной трансформации Украины, Беларуси и Молдовы с другими странами посткоммунистического пространства не дает основания говорить о наличии особого институционального восточноевропейского Пограничья, демонстрируя скорее вариативность институционального развития стран Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР. Эти данные свидетельствует скорее о зависимости от пройденного пути (path dependency) советского типа общества, который проводит границу трансформационной динамики между странами Центральной и Восточной Европы, вошедшими в ЕС (включая страны Балтии), и странами бывшего СССР (за исключением стран Балтии).

Приведенные показатели институционального развития посткоммунистического пространства говорят в пользу методологического национализма (или социетализма) в анализе макросоциальных процессов трансформации. На теоретическом уровне постсоветской социологии эти процессы описываются также

с помощью концепции «национального стиля трансформационного процесса», которую вводят Т.И. Заславская и В.А. Ядов для анализа результатов трансформации постсоветского общества (Заславская, Ядов, 2010). На примере социетальной трансформации России авторы аргументируют зависимость динамики двадцати лет развития постсоветского общества от особенности национального «прочтения» навязываемых глобализирующейся миросистемой правил демократии и рынка, что обусловливает национальную специфику встраивания в общество этих «режимов и грамматик» (в терминологии «систем правил» Т. Бернса и Е. Флэм (Burns, Flam, 1987)). Эти особенности национального стиля трансформации определяются спецификой «институциональных матриц» экономики и системы управления (Бессонова, 2008; Кирдина, 2001) и воспроизводством определенного типа социокультурных легитимаций, социальных установок социальных практик и социальных взаимодействий социальных субъектов (как индивидуальных, так и групповых – от массового повседневного человека до элит общества).

Национальный стиль трансформации – категория, разработанная для описания российской особенности трансформационных процессов, которая может хорошо работать в описании различий в социокультурных системах постсоветских обществ, специфики их институционального дизайна, что в то же время подлежит эмпирической проверке. Однако наш исследовательский вопрос заключается в обнаружении не только особенностей (которые очевидны также и по эмпирическим показателям индекса трансформации Бертельсмана), но и подобия типов общественного развития, эмпирической аргументации pro или contra в преодолении методологического национализма на примере восточноевропейского Пограничья (Украины, Беларуси и Молдовы). И, как демонстрирует анализ теоретических аргументов, решение нужно искать в анализе социокультурных показателей социальной цены постсоветской трансформации.

Мониторинг социологических публикаций по теме постсоветских трансформационных процессов последних двух десятилетий демонстрирует, что на периферии внимания исследователей остается комплексное измерение социального контекста и качества жизни людей, их социального самочувствия, здоровья, самооценки динамики жизненных шансов и субъективных показателей социального неравенства *как результата трансформации* постсоветского общества. Эти показатели подобия восприятия трансформации и ее результатов могут формироваться под влиянием социокультурной ситуации Пограничья – положения между, с одной стороны, советскими установками и ценностными системами и ориентациями на социальные модели европейского качества жизни, разделенности обществ между геополитическими ориентациями на Россию и ЕС и, с другой, амбивалентностью ценностных установок по поводу социального неравенства, а также видением будущего страны или стран как общего пространства Пограничья. Также можно предположить, что такого рода

социокультурная пограничность должна выражаться в подобной социальной цене трансформационного процесса в постсоветском типе обществ и демонстрировать подобие либо различие формирующегося восточноевропейского Пограничья как типа постсоветского общества по сравнению с Россией и другими странами бывшего СССР. Для проверки данного предположения необходимо сопоставить особенности социокультурного восприятия трансформации и ее социальной цены в Украине, Беларуси и Молдове, что является предметом дальнейшего анализа.

Одним из важнейших критериев успешности трансформации общества является ее социальная цена, измеряемая с помощью показателей социального здоровья общества или качества его человеческого потенциала. Понятие «социальная цена» трансформации восточноевропейского Пограничья не носит оценочный характер, а предлагается как концепт, результирующий междисциплинарный сравнительный эмпирически обоснованный анализ обществ Украины, Беларуси и Молдовы сквозь призму социального результата комплексных социальных изменений последних двух десятилетий. В интегральный концепт «социальная цена» входят показатели демографического развития (динамика продолжительности жизни, суицида, здоровья), экономического развития (ВНП на душу населения по паритету покупательной способности, индекс неравенства доходов Джини), комплексные индексы человеческого развития ООН, а также показатели социального здоровья общества (социальный оптимизм, доверие, качество жизни и др.), измеряемые в рамках социологических исследований.

Профили стран восточноевропейского Пограничья, составленные по совокупности объективных показателей состояния обществ Украины, Беларуси, Молдовы на 2009 г., которые задают рамку анализа социокультурных изменений, представлены в табл. 4.

Наиболее существенным демографическим изменением стало радикальное сокращение населения Украины (по данным всесоюзной переписи 1989 г., в Украине проживало 51.5 млн, а по данным Государственного комитета статистики Украины в 2010 г. – 45.9 млн), тогда как в Беларуси и Молдове сокращение численности населения за последние два десятилетия не столь драматично (по переписи 1989 г. в Беларуси 10.15 млн, а в Молдове 4.3 млн жителей). В качестве существенных причин резкого сокращения населения Украины авторы рассматривают последствия катастрофы на Чернобыльской АС: ухудшение здоровья населения и увеличение заболеваемости и смертности, резкое сокращение рождаемости и уменьшение ожидаемой продолжительности жизни, ухудшение питания и пренебрежение правилами здорового образа жизни (рост алкоголизации населения и массовое распространение табакокурения во всех возрастных группах 1990-х – 2000-х гг.), процессы эмиграции. Также свою лепту в сокращение численности населения вносит и статистика самоубийств: соци-

альные потрясения и кризис распада СССР приводит к резкому увеличению аномических самоубийств (в терминологии Э. Дюркгейма), пик которых приходится на 1995–2000 гг. (рис. 2).

Таблица 4. **Ключевые показатели развития Украины, Беларуси, Молдовы и России по состоянию на 2009 г.**[10]

Показатели	Украина	Беларусь	Молдова	Россия
Население, млн	46.5	9.7	3.7	142.1
Рост населения, %	-0.6	-0.3	-1.1	-0.3
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	68	70	68	68
Городское население, %	67.9	73.0	42	72.9
Индекс человеческого развития	0.8	0.83	0.72	0.82
Ранг по ИЧР (из 182)	85	68	117	71
Индекс образования ООН	0.96	0.96	0.90	0.93
Гендерное равенство (1)	0.45	-*	0.41	0.54
ВНП на душу населения, дол.	6 933	10 886	2 646	14 690
Индекс неравенства Джини	28.2	27.9	35.6	37.5
Бедность(2), %	<2	2.0	28.9	<2

(1) Мера реализации прав женщин – Gender Empowerment Measure (GEM).

(2) Процент населения, живущего на менее чем $2 в день.

* Нет данных.

Актуальным вызовом современности становится вопрос социального здоровья общества, которое находится под воздействием не только глобальных экологических вызовов и локальных условий среды, но и процессов индивидуализации, глобализации и изменения типа рациональности в условиях постсоветской трансформации и направленности социальных ожиданий на построение европейской модели качества жизни. Медицинская терминология часто включалась в социологическую диагностику начального этапа постсоветской трансформации, порождая самоописание общества в терминах медицинской патологии. Яркими примерами могут служить такие концепции: «трансформация как социокультурная *травма*» (Штомпка, 2001), «социальное *безумие*» (Головаха, Панина, 1994), «*кризисный* социум» (Лапин, Беляева, 1994), «великая постсоветская *депрессия*» (выделено мной. – *С.Б.*) (Минченко, 2002). Анализируя общество в терминологии патологии и отклонений от нормального, ряд авторов в качестве «нормального» или социально здорового общества – образца для сравнения – скорее принимают не советское общество (предыдущее устойчивое состояние социетальной системы), которое стремительно преобразовывалось,

а некий образец усредненного европейского общества, особенно европейской модели общества благосостояния, построение которого было целью реформ и трансформации советского общества в этих странах.

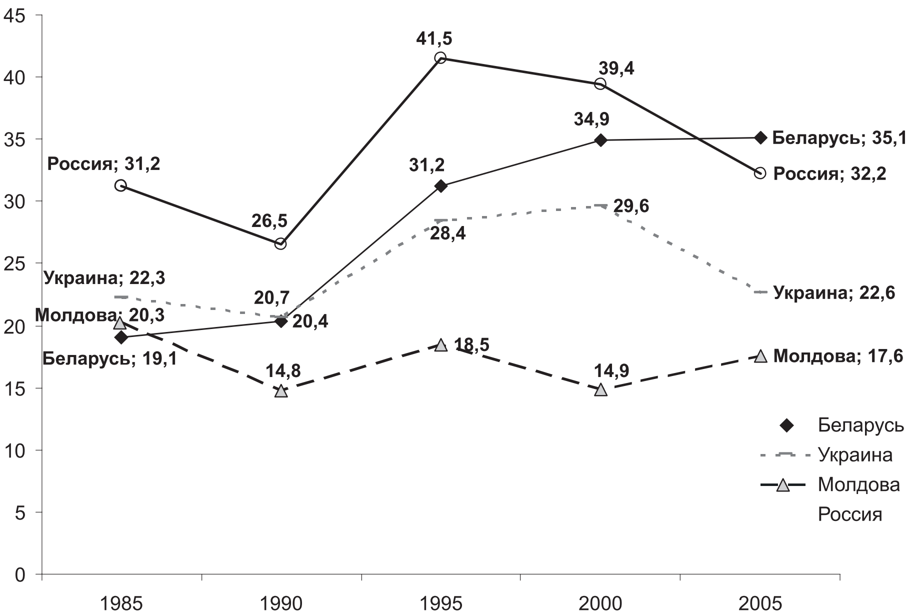

Рис. 2. Динамика самоубийств (человек на 100 000 населения) 1985–2010 гг. в странах Пограничья по данным Всемирной организации здоровья[11]

Социальное здоровье общества представляет собой не только совокупность показателей здоровья населения, чаще измеряемого через статистические показатели продолжительности жизни, заболеваемости, соотношение рождаемости и смертности, девиантного поведения (в частности, уровня суицида и психических отклонений), но и факторы социального восприятия качества жизни и социального самочувствия, удовлетворенности жизнью и социального оптимизма, параметры социальной интеграции и солидарности. Включение показателей социокультурного порядка в понятие «социальное здоровье общества» дает возможность описания и объяснения качества общественного развития в условиях радикальных социальных изменений с позиции его культурной и социальной определенности. Более того, в обществе позднего модерна как саморефлексивной системе представление о здоровье общества оказывает непосредственное влияние на его дальнейшее функционирование. Так, доверие (недоверие) к обобщенным другим и к социальным институтам обеспечивает обратную связь ожиданий и социальных действий людей в условиях рисков и неопределенности ситуаций трансформации об-

щественной системы, что приводит к институционализации тех практик, в которых доверие преобладает над недоверием. Например, высокая доля неформальной экономики в постсоветских обществах основывается на высоком уровне недоверия к формальным социальным институтам при высоком уровне межличностного доверия (сильные и слабые социальные связи), пролонгирующего советские неформальные институты блата, бартера, взяток и «подарков» в решении проблем повседневной жизни на массовом уровне общественных взаимодействий.

Глобализация социальных неравенств – существенное направление реориентации и эпистемологического вызова осмыслению, объяснению и эмпирических, в том числе сравнительных, исследований социальных трансформаций. Описание общественной динамики в глобальном масштабе становится возможным прежде всего благодаря разработке макросоциальных индексов измерения динамики обществ, созданию и накоплению баз данных мировой статистики (индексы Джини, ВНП на душу населения, индекс человеческого развития и т.д.).

Итак, для комплексного анализа социальных последствий постсоветской трансформации Украины, Беларуси и Молдовы (что позволит проанализировать эвристический потенциал анализа их как стран восточноевропейского Пограничья) необходимо ввести социокультурные показатели, которые представляют собой совокупность параметров, дополняющих институциональные показатели трансформации, измеряемые с помощью индекса трансформации Бертельсмана (BTI). Социальные последствия постсоветской трансформации, описывающие особенности изменений на уровне человеческого потенциала и социального восприятия трансформации, представлены комплексным параметром «социальная цена» трансформации, который включает определенную систему показателей (рис. 3).

Среди макропоказателей социального неравенства обществ, рассматриваемого как результат посткоммунистической трансформации, наиболее целостным является индекс человеческого развития – один из интегральных показателей развития общества в глобальном измерении мирового общественного развития, разработанный в рамках программы ООН и рассчитывающийся на основе статистических данных. Благодаря доступности баз данных, а также оснащению их возможностями описательной сравнительной статистики в онлайн-режиме в Интернете становится доступным сравнительный анализ уровней неравенства населения стран и регионов мира по разным показателям в сопоставимых единицах. Также эта статистика позволяет описывать динамику изменения неравенств, хотя период охвата этой динамики ограничен введением обобщенных способов сбора статистических данных как в отдельных странах, так и обновлениями и усовершенствованием методик обобщения данных, которые вводились в последнее время. Так, некоторые изменения в исчислении

индексов, входящих в индекс человеческого развития (ИЧР), который состоит из трех компонентов (индекс здоровья, индекс дохода и индекс образования), были внесены учеными в 2009 г.

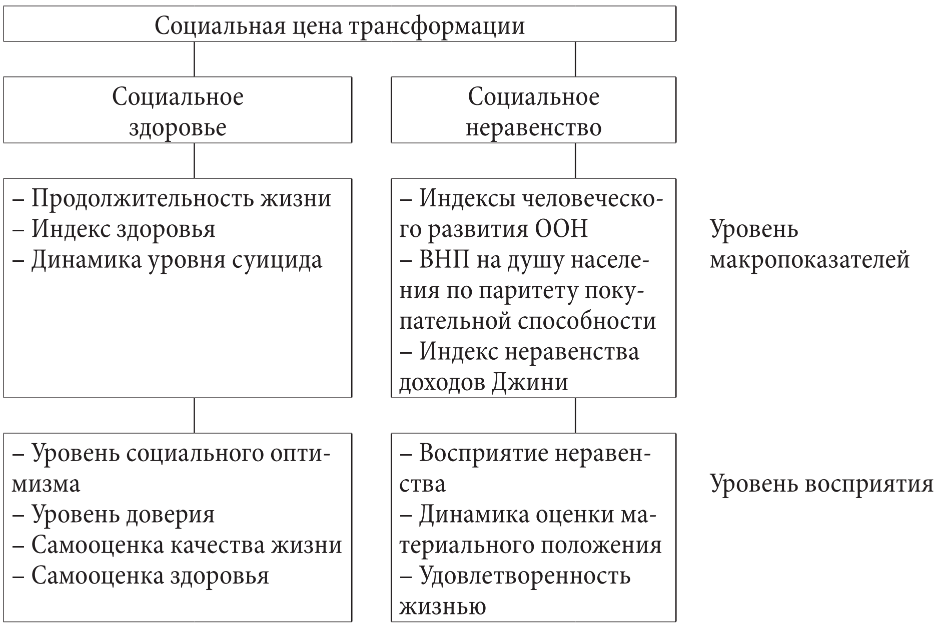

Рис. 3. Схема измерения трансформации – система показателей социальной цены трансформации постсоветского общества

По данным 2010 г. был составлен отчет о динамике человеческого развития в мире на базе 169 стран, и в странах, где была доступна статистика за 40-летний период, индексы, составляющих ИЧР были пересчитаны по обобщенной обновленной методике. На сайте «Международные индикаторы человеческого развития» (International, 2010) доступны интерактивные статистические данные и тренды изменения индексов за 1970–2010 гг., описание методики вычисления индексов и возможность сравнить индикаторы по обновленной методике с интервалом в 5 лет. Эти данные наглядно демонстрируют разрыв и углубление в течение последних тридцати лет неравенства в развитии как регионов – глобального севера (так называемого Запада) и глобального востока, так и отдельных стран. Эта тенденция актуальна и для постсоветского пространства, которое также делится по оси «запад (европейская часть посткоммунистического региона) – восток (Закавказье и страны Средней Азии бывшего СССР)». Показательным примером являются данные по расхождениям в развитии стран бывшего Советского Союза. Эти страны в 2010 г. после периода кризиса и упадка

в 1990-х гг. по большинству показателей ИЧР только догоняют уровень этого индекса 1985 г. (за исключением Казахстана и Беларуси, которые демонстрируют быстрый рост показателей ИЧР на протяжении 2005–2010 гг.) (табл. 5).

Таблица 5. **Динамика Индекса развития человеческого потенциала в странах бывшего СССР и некоторых странах Центральной и Восточной Европы 1985–2010 гг.**[12]

Страна / год	1985	1990	1995	2000	2005	2010
Азербайджан	0.669	0.669	0.6	0.63	0.693	0.746
Армения	0.644	0.642	0.608	0.65	0.695	0.718
Грузия	0.731	0.713	0.612	0.65	0.686	0.703
Казахстан	0,705	0.713	0.668	0.68	0.733	0.75
Россия	0.757	0.761	0.715	0.723	0.741	0.766
Украина	0.744	0.742	0.682	0.682	0.716	0.73
Беларусь	0.727	0.728	0.688	0.72	0.749	0.777
Молдова	0.65	0.657	0.60	0.599	0.632	0.645
Латвия	0.742	0.737	0.692	0.746	0.791	0.792
Литва	0.759	0.758	0.716	0.762	0.798	0.802
Эстония	0.753	0.747	0.723	0.774	0.812	0.818
Болгария	0.721	0.731	0.722	0.731	0.761	0.78
Венгрия	0.747	0.743	0.745	0.78	0.813	0.82
Польша	0.731	0.736	0.755	0.789	0.807	0.826
Румыния	0.725	0.723	0.702	0.713	0.755	0.785
Словакия	0.738	0.747	0.753	0.769	0.799	0.822
Чехия	0.77	0.778	0.783	0.796	0.826	0.841

Беларусь, Россия и Украина в течение 2000-х гг. характеризуется более устойчивым развитием по сравнению с Арменией, Азербайджаном и Грузией, в то время как Молдова даже в 2010 г. не вышла на уровень 1985 г. по всем показателям ИЧР. Азербайджан и Армения демонстрируют высокий уровень ИЧР в 2010 г. за счет составляющей продолжительности жизни (который является показателем индекса здоровья, входящего в итоговый индекс ИЧР), по которой страны европейской части СНГ демонстрируют стремительное падение, тогда как по другим составляющим индекса ИЧР (показателям дохода, потребления и образования) их развитие сопоставимо с Грузией и Казахстаном. В то же время Грузия в отличие от остальных стран этого региона, несмотря на существенный рост показателей ИЧР последние 10 лет, так и не вышла в 2010 г. на уровень ИЧР 1985 г.

Так же как и по институциональным показателям динамики посткоммунистического пространства, наиболее четкое разграничение результатов транс-

формации по параметрам человеческого развития демонстрируют страны постсоветские по сравнению со странами Центральной и Восточной Европы (включая страны Балтии). В странах Балтии на 1995 г. также приходится пик кризиса социально-экономической системы, и существенное падение индекса человеческого развития аналогично всем остальным типам стран бывшего СССР. Но уже к 2000 г. уровень индекса человеческого развития в странах Балтии достигает показателей 1985 г., продолжает стремительно расти на протяжении следующего десятилетия и выходит на уровень показателей стран Центральной и Восточной Европы в первую очередь за счет роста показателей ВНП на душу населения. Рассмотрим подробнее в этом контексте данные по странам восточноевропейского Пограничья (рис. 4), а также сравнение трендов по средним показателям индекса человеческого развития по типам стран трансформирующегося посткоммунистического пространства (рис. 5).

Данные демонстрируют очевидное отличие динамики развития человеческого потенциала Молдовы и остальных стран восточноевропейского Пограничья, а также достаточно близкие показатели (как стартовые, так и итоговые) ИЧР в Беларуси, Украине и России (см. рис. 4).

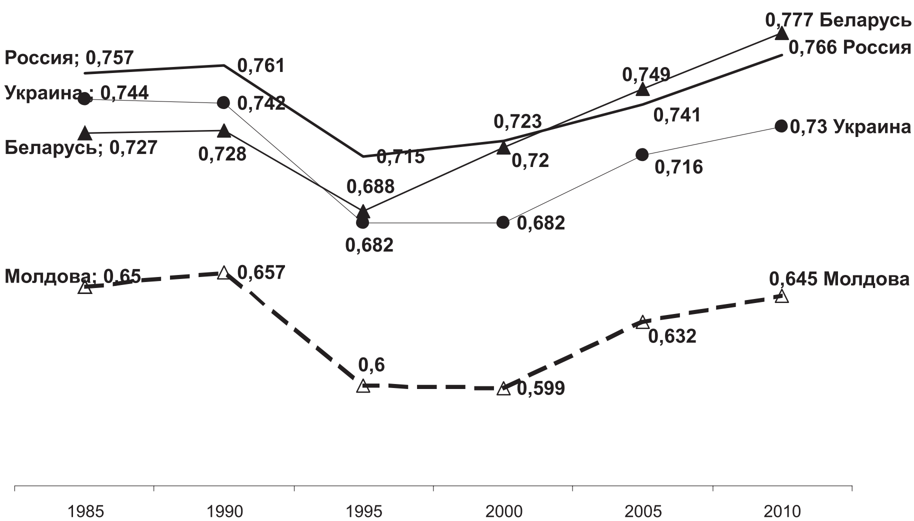

Рис. 4. Динамика индекса развития человеческого потенциала (ИЧР) 1985–2010 гг. в странах Пограничья[13]

Примечание: ср. – средний показатель; ГААК – Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан; БУМ – Украина, Беларусь, Молдова; ЦВЕ – страны Центральной и Восточной Европы: Латвия, Литва, Эстония, Словакия, Чехия Венгрия, Польша, Болгария, Румыния.

Сравнение средних показателей индекса человеческого развития по разным блокам стран бывшего СССР демонстрирует подобие паттерна развития чело-

веческого потенциала в странах восточноевропейского Пограничья, Закавказья и Казахстана и существенное отличие этих стран от стран Центральной и Восточной Европы, где падение индекса было не столь радикально и начиная с 1995 г. регистрируется более устойчивое развитие человеческого потенциала по измеряемым в рамках индекса показателям (см. рис. 5).

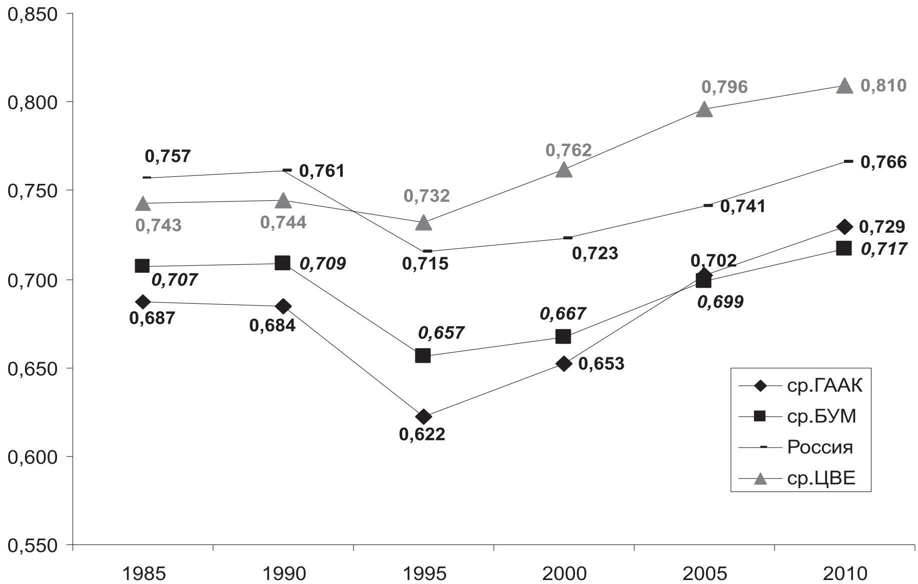

Рис. 5. Сравнение динамики средних показателей индекса развития человеческого потенциала 1985–2010 гг. в типах стран посткоммунистической транформации (среднее рассчитано по данным табл. 5)

Существенным компонентом индекса человеческого развития ООН является индекс здоровья, который рассчитывается на основании совокупности показателей ожидаемой продолжительности жизни при рождении. По данным ООН, динамика этого показателя в странах восточноевропейского Пограничья характеризуется сходным паттерном и начиная с 1990 г. статистически значимо отличается от динамики индекса здоровья в России (рис. 6).

Конституции Беларуси, Украины и Молдовы гарантируют всеобщий доступ к услугам здравоохранения, но фактически этот доступ ограничен во многих аспектах. Расходы государства на здравоохранение в Беларуси, Украине и Молдове составляют примерно 4% ВВП по сравнению с 7% в ЕС. Однако, учитывая существенную разницу в уровне ВВП в ЕС и странах восточноевропейского Пограничья, разница в финансировании здравоохранения существенная, и в Украине, Беларуси и Молдове данная сфера постоянно испытывает недофинансирование и дефицит бюджета. Это частично компенсируется неофициальными

платежами (из кармана населения) и развитием платной медицины в Украине и Молдове, что в свою очередь становится существенным элементом неравенства в доступе к услугам здравоохранения в зависимости от уровня материального благосостояния людей. По оценкам экспертов, теневые уплаты в сфере здравоохранения составляют как минимум 30–50% государственных расходов на здравоохранение, что компенсирует очень низкую официальную заработную плату в медицинских учреждениях (примерно 100–150 евро в месяц) (Astrov et al., 2010).

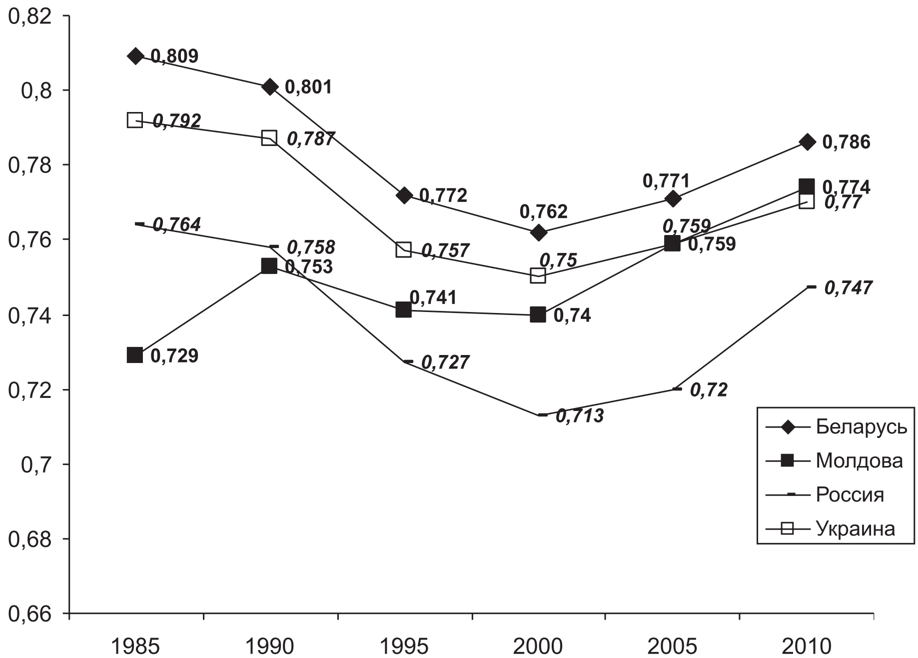

Рис. 6. Динамика индекса здоровья 1985–2010 гг. в странах Пограничья[14]

Состояние здоровья населения обусловлено нездоровым образом жизни, чрезмерным потреблением алкоголя и курением, загрязнением водных ресурсов и ограниченным доступом к водоснабжению и канализации, а в некоторых случаях (в частности, в Беларуси и Украине) повышенным фоном радиоактивности вследствие чернобыльской катастрофы, что предопределяет высокую преждевременную смертность. В результате этого ожидаемая продолжительность жизни в Беларуси, Украине и Молдове на 11–12 лет ниже, чем в странах Европы. В Беларуси и Украине существует также большая (более 10 лет) разница между ожидаемой продолжительностью жизни женщин и мужчин. Коэффициент смертности во всех трех странах выше, чем в странах ЕС, хотя разрыв между

ними и некоторыми новыми государствами-членами ЕС (в том числе Литвой) уменьшился. Также существует большая разница в доступе к медицинским услугам у сельского и городского населения (такая проблема свойственна Болгарии и Румынии), поскольку в сельской местности часто не хватает персонала и качественного оборудования, что особенно актуально для Молдовы, где более 50% населения проживает в сельской местности.

Субъективные показатели здоровья в обществах Украины, Беларуси и Молдовы также демонстрируют подобные характеристики. Так, по данным мониторинга Института социологии НАН Украины, около половины жителей Украины отмечают, что им для полноценной жизни не хватает здоровья, причем этот показатель фактически не изменяется на протяжении 1992–2010 гг. и составляет 48,3% в 1995 г., 52% в 2000 г., 51,3% в 2005 г. и 45,8% в 2008 г., а те, кому хватает здоровья, составляют около 30% населения (Головаха, 2008: 36). По данным этого мониторинга, каждый четвертый опрошенный оценивает свое состояние здоровья как плохое или очень плохое и всего 16–19% – как хорошее, а как отличное – всего около 2% (Головаха, 2008: 45).

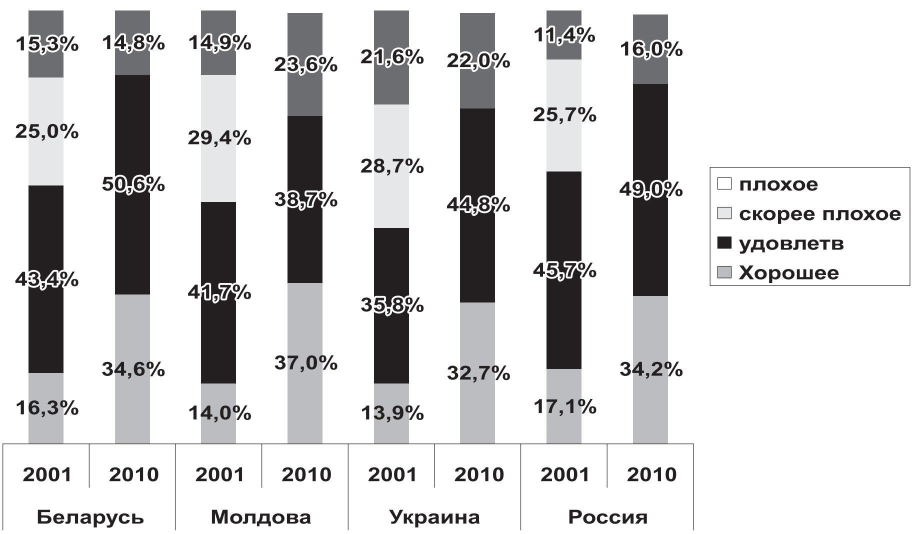

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос о состоянии здоровья в Украине, Беларуси, Молдове и России (%, в 2001 и 2010 гг.)

По данным двух волн исследования «Здоровье в период трансформации»[15] субъективные оценки состояния здоровья в трех анализируемых странах в 2001 г. были подобными и несущественно отличались от оценок здоровья в России (рис. 7). Анализ субъективных оценок состояния здоровья в 8 странах бывшего СССР позволяет фиксировать различие в паттерне состояния наличия

проблем со здоровьем (по самооценкам респондентов) и общего состояния здоровья в странах восточноевропейской части бывшего СССР и Грузии, Армении, Азербайджане и Казахстане (Abbot et al., 2010).

Описание состояния социального здоровья в странах восточноевропейского Пограничья предполагает также включение показателей взаимосвязей между обществом и человеком, фиксируемых с помощью сравнительных социологических исследований. Одним из таких показателей может выступать сопоставление оценок экономического благополучия страны и собственной семьи. По данным Евразийского мониторинга, лишь в Беларуси фиксируется согласованность между оценками экономического положения страны и собственной семьи, а в Украине и Молдове эти оценки расходятся почти вдвое (рис. 8). Это характеризует разрыв между восприятием собственного уровня жизни и оценкой неудовлетворительного экономического развития страны, что опосредованно свидетельствует о значимости влияния неформальной (нефиксируемой) экономики на уровень благосостояния населения этих стран. Высокий разброс уровня бедности и неравенства также характеризуется и самооценками потребительского статуса семьи в странах постсоветского пространства (рис. 9), который также демонстрирует особенности социальных результатов экономического развития в странах восточноевропейского Пограничья. Так, в 2010 г. в Молдове на уровне потребительского выживания (дохода не хватает на продукты питания, что сопоставимо с уровнем абсолютной бедности) находится 42% населения, тогда как в Украине таких вдвое меньше – 22 %, а в Беларуси всего 4%.

Рис. 8. Сравнение самооценок материального положения семьи и оценок материального положения страны по данным Евразийского мониторинга, % к опрошенным (декабрь 2010 года)[16]

Не удивительны результаты оценки удовлетворенности жизнью в странах восточноевропейского Пограничья, которые соотносятся с возможностью удовлетворения первичных потребностей: так, в Молдове неудовлетворены жизнью 73% опрошенных, в Украине – 64%, а в Беларуси только 29% (рис. 10). Динамика удовлетворенности жизнью является показателем социальной адаптации – обобщенной характеристикой уровня приспособления населения к изменяющейся социальной среде, нахождение своего места в ней. По данным Евразийского мониторинга, фиксируется тенденция роста уровня удовлетворенности жизнью в Беларуси (с 44% в 2004 г. до 65% в декабре 2010 г.), стагнация этого показателя в Украине (в диапазоне 34% в 2004 г. – 32% в декабре 2010 г.) и падением этого показателя с 45% в 2007 г. до 26% в декабре 2010 г. в Молдове (рис. 11). Если сравнивать показатели удовлетворенности жизнью в странах Европы, то, по данным Европейского социального исследования в 2009 г., по 10-балльной шкале (где 10 – полностью удовлетворен жизнью, 1 – совершенно неудовлетворен) средний уровень удовлетворенности жизнью в странах Западной Европы находится в диапазоне 7,5, в странах Балтии (Эстония и Латвия) – 6–6,3, а в Украине – 4,2, в России – 5,4 (Головаха, Горбачик, 2010: 76).

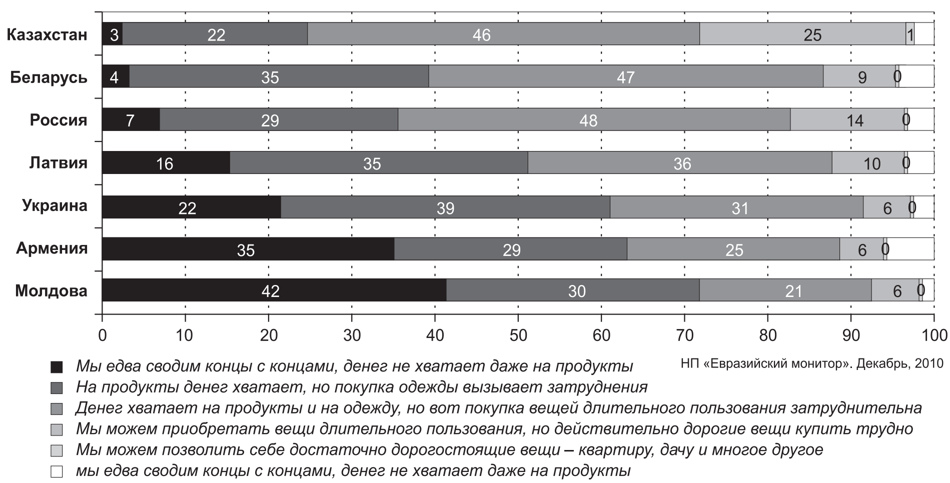

Рис. 9. Самооценка потребительского статуса семьи в странах бывшего СССР по данным Евразийского мониторинга, % к опрошенным (декабрь 2010 г.)[17]

И, наконец, существенным показателем социального здоровья общества как результата социальной цены постсоветской трансформации является динамика уровня социального оптимизма населения, которая также характеризует уровень социальной адаптации и интеграции обществ, фиксируя уровень социальной стабильности обществ через уверенность в завтрашнем дне. Во всех трех странах постсоветского пространства наблюдается достаточно низкий уровень

социального оптимизма. Несмотря на всплески социальных надежд в Украине, связанных с событиями «оранжевой» революции 2004–2005 гг., и очередными президентскими выборами 2005 г. в Беларуси, для двух третей населения восточноевропейского Пограничья развитие событий на ближайший год видится в пессимистическом ключе, а уровень социального оптимизма колеблется в диапазоне 14–18 % в Украине, 21–28% в Молдове и 28–33% в Беларуси с незначительными отклонениями (рис. 12).

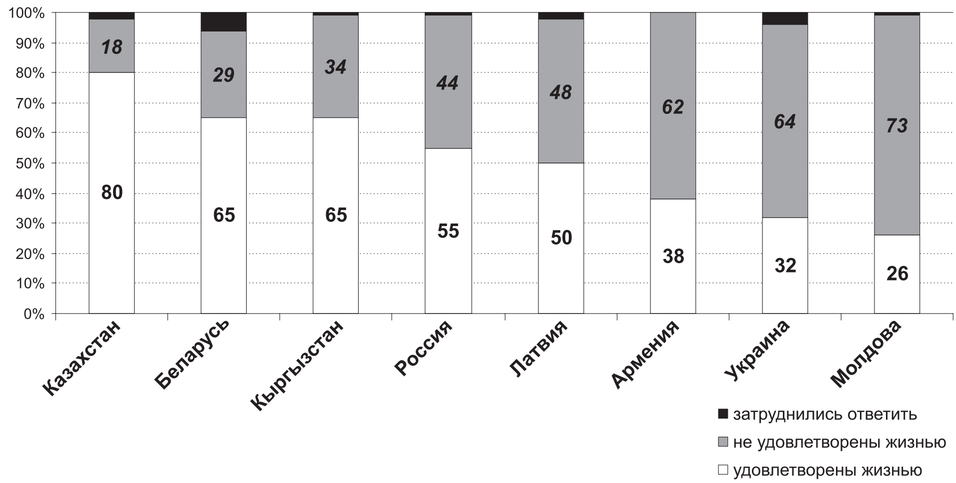

Рис. 10. Уровень социальной адаптации в странах бывшего СССР по данным Евразийского мониторинга, % к опрошенным (декабрь 2010 г.)[18]

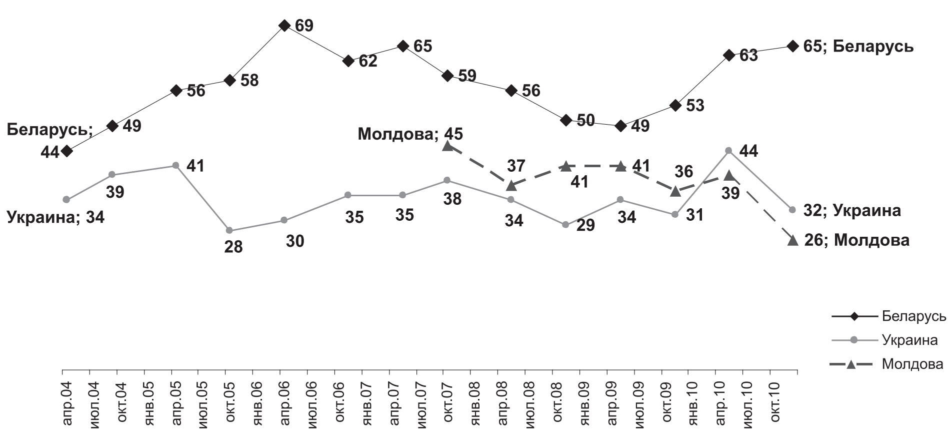

Рис. 11. Динамика удовлетворенности жизнью жителей Беларуси, Украины и Молдовы, % ответа «удовлетворен жизнью, которую сейчас веду»[19] *(2004–2010 гг.)*

Подводя итог проведенного анализа, необходимо отметить несколько положений об особенностях и различиях социального контекста трансформации. На основе теоретических разработок описания и объяснения трансформационных процессов в постсоветских обществах и эмпирических индикаторов по результатам анализа доступных эмпирических данных сравнительных социологических исследований и международных сравнительных индексов социального развития, динамики изменения таких параметров социальной цены постсоветской трансформации, как оценка состояния здоровья, социального оптимизма и пессимизма, удовлетворенности жизнью и социальными процессами в обществе, социальных ожиданий, качества жизни населения, можно зафиксировать следующее.

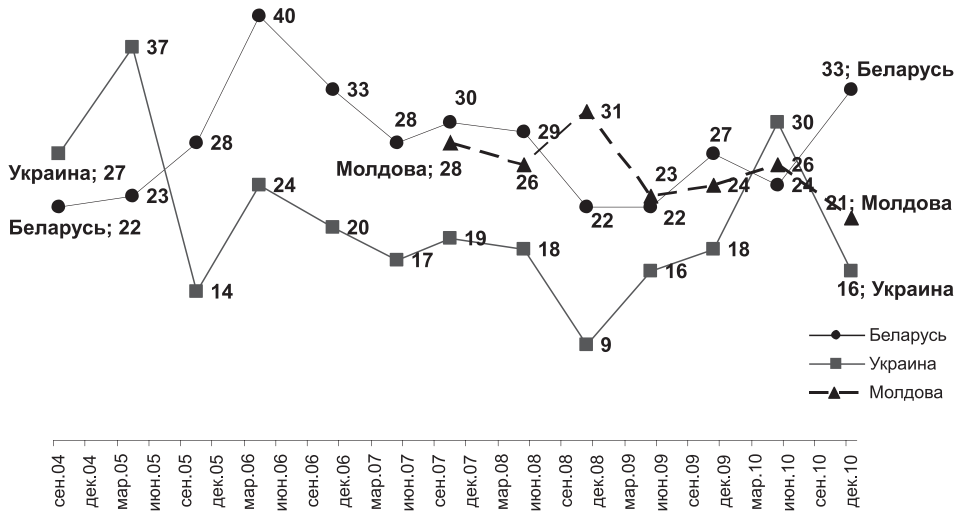

Рис. 12. Динамика социального оптимизма (совокупность положительных ответов на вопрос «Положение семьи в течение следующего года?» – «Значительно улучшится и несколько улучшится»)[20]

Во-первых, как данные институционального развития стран Украины, Беларуси и Молдовы, так и социальные последствия результатов постсоветской трансформации не дают оснований выделять регион восточноевропейского Пограничья как единое социокультурное пространство трансформации, в котором процессы социетальных изменений привели к подобным результатам. Во-вторых, основными границами социального пространства постсоветской трансформации скорее являются границы между ЕС (включая страны Балтии) и странами восточноевропейского Пограничья (включая Россию и другие страны бывшего СССР, за исключением стран Балтии), которые маркируют расхождение векторов развития постсоветских обществ, что также отражается и в разли-

чиях социального восприятия неравенства, здоровья и социальной адаптации в данных обществах. В-третьих, социальное конструирование восточноевропейского Пограничья как аналитической категории выделения части пространства постсоветской трансформации не находит эмпирического подтверждения в рамках социологического анализа данных институционального порядка, социального восприятия процесса и результатов социальных изменений в Украине, Беларуси и Молдове.

Литература

Антанович Н.А. Методологический анализ пограничья в социально-гуманитарных науках // После империи: исследования восточноевропейского пограничья: Сб. статей / Под ред. И. Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича. Вильнюс, 2005. С. 6–17.

Бессонова О.Э. Вектор институционального развития России: от квазирынка к либеральному раздатку // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 2. С. 15–28. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ecsoc.msses.ru/data/329/589/1234/3ecsoc_t9_n2.pdf

Бреский О., Бреская О. От транзитологии к теории Пограничья. Очерки деконструкции концепта «Восточная Европа». Вильнюс: ЕГУ, 2008.

Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие: история, теория, современная практика. Киев: Абрис, 1994.

Головаха Є., Гробачик А. Тенденції соціальних змін в Україні та Європі: за результатами «Європейського соціального дослідження» 2005–2007–2009 роки. К.: Інститут соціології НАН України, 2010.

Головаха Є., Паніна Н. Українське суспільство: соціологічний моніторинг 1992-2008 роки. К.: Інститут соціології НАН України, 2008.

Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.

Кельнер Х., Зофнер Х.-Г. Культурная глобализация в Германии // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 131–158.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.

Куценко О.Д. Фазы и пути системных трансформаций // Посткоммунистические трансформации: векторы, измерения, содержание / Под ред. О.Д. Куценко, С.С. Бабенко. Харьков, 2004. С. 5–10, 11–26.

Лапин Н.И., Беляева Л.А. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М., 1994.

Минченко А.А. Великая постсоветская депрессия: осознание, определение, преодоление. М.: Логос, 2002.

Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16;

Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12.

Abbot P., Babenko S., Haerpfer C., Wallace C. Socio-economic Influences on Health in the Commonwealth of Independent States // Методологія, теорія і практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць. Харків: Вид. центр Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна, 2010. С. 560–568.
Astrov V., Holzner M., Leitner S., Vidovic H. Социальная защита и социальная интеграция в Беларуси, Молдове и Украине. Обзорный доклад. Венский Институт Международных Экономических Исследований. Вена, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.wiiw.ac.at
Beck U. Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2006.
Beck U., Grande E. Cosmopolitan Europe. Cambridge: Polity Press, 2007.
Burns T., Flam H. The shaping of social organization. Beverly Hills: Sage, 1987.
Genov N. Global Trends in Eastern Europe. Ashgate, 2010.
Human Development Report 2009. Overcoming barriers:Human mobility and development. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2009_EN_Complete.pdf
International Human Development Indicators. Worldwide Trends in the Human Development Index 1980-2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/data/trends/1980-2010/
Lane D. The Rise and Fall of State Socialism. Oxford: Polity Press, 1996.
Lane D. Transformation of State Capitalism: from Communism to Chaotic Capitalism? // International Sociology. 1999. Vol. 33. № 2. P. 447–450.
Nation re-building and political discourses of identity politics in the Baltic states // Graham Smith et al. Nation-building in the Post-Soviet Borderlands: The Politics of National Identities. Cambridge: University of Cambridge Press, 1998. P. 48–66.
Stark D., Bruszt L. Postsocialist Pathways. Cambridge University Press, 1998.
Sztompka P., Alexander J. Smelser N., Eyerman R., Geisen B. Cultural Trauma. Berkeley: California University Press, 2003.
World Development Indicators 2009. The World Bank Selected Indicators. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://siteresources.worldbank.org/INTWDR2009/Resources/4231006-1225840759068/WDR09_22_SWDIweb.pdf

Примечания

1 Работа выполнена в рамках программы CASE «Социальные трансформации в Пограничье (Беларусь, Украина, Молдова)» 2010–2011 гг. при финансовой поддержке Корпорации Карнеги (Нью-Йорк) и ACTR/ACCELS.

2 path dependency (англ.– зависимость от пройденного пути) – концепция Д. Старка и Л. Брюста в описании исторической обусловленности сложностей и реверсий посткоммунистической трансформации, заключающейся в устойчивости воспроизводства социальных структур, институтов и социальных сетей советского типа общества.

3 Подробнее о проблеме методологического национализма см. в дискуссии: Beck. The Cosmopolitan Condition: Why Methodological Nationalism Fails // Theory Culture Society. 2007. № 24. P. 286; Babenko S. Social Inequalities in European Society or European Societies? Methodological Nationalism Challenge for Social Inequalities Theorizing and Research // European Societies: European Society? Abstracts book of the 9th European Sociological Association Conference. Lisbon, 2009. P. 265; Patel S. An International Sociology with Diverse Epistemes //

Global Dialogue. The ISA Newsletter. Vol. 1. № 4. 2011. P. 12–13 (available at http://www.isa-sociology.org/global-dialogue).

4 В оригинале «*natural*», что можно перевести и как *естественное для всего мира* стремление к материальным благам, что является еще более спорным моментом как обобщение, основанное на американоцентристском видении культуры, претендующем на роль универсальной, но не охватывающем «*всего мира*».

5 Мы используем термин «постсоветское» общество (культура, феномен и т.д.), чтобы определить страны бывшего СССР и подчеркнуть их характерные особенности. К термину «посткоммунистическое» общество мы обращаемся как к более широкому концепту для того, чтобы определить общие черты обществ, включающих также кроме постсоветских обществ Центральной и Восточной Европы и другие общества с коммунистическими режимами.

6 Источник: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bertelsmann-transformation-index.de

7 Данные представлены на сайте Bertelsmann Stiftung. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bertelsmann-transformation-index.de

8 Данные представлены на сайте Bertelsmann Stiftung. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bertelsmann-transformation-index.de

9 Данные представлены на сайте Bertelsmann Stiftung. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bertelsmann-transformation-index.de

10 Источник: Human Development Report 2009. UNDP; World Development Indicators 2009. The World Bank Selected Indicators.

11 Источник данных – сайт World Health Organization [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.who.int/mental_health/prevention/suicide/country_reports/en/index.html)

12 Источник данных – сайт UNDP [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/data/trends/1980-2010)

13 Источник данных – сайт UNDP [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/data/trends/1980-2010

14 Источник данных – сайт UNDP [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/data/trends/1980-2010

15 Living Conditions, Lifestyle and Health (2001), Health in Times of Transition (2010) Research Projected funded by the EU under the 7th Framework Programme. Информация доступна сайтах http://www.hitt-cis.net/ru/results/ и http://www.llh.at/

16 Источник данных – сайт «Евразийского мониторинга» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eurasiamonitor.org)

17 Там же.

18 Там же.

19 Там же.

20 Там же.

Виктория Венгерская

МАРКИРОВАНИЕ ОТЛИЧИЙ И СОЛИДАРНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛЕССКОГО И ПОДОЛЬСКОГО ФРОНТИРОВ В XIX в.: ФЕНОМЕНЫ И ДИЛЕММЫ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Abstract

Territories of the modern Right Bank of Ukraine and Belarus, awarded to the Russian Empire as a result of partition of Poland, were at the crossroads of several cultures. The object of research in the article is the main markers of differences and solidarity (terminology, territorial, linguistic, ethnic religious and to some extent, professional) population of the two frontir zones – the Ukrainian-Moldovan, with a strong Polish component (Podolia), and the Ukrainian-Belarusian (Polesie). Transitional nature of these lands was reflected in toponyms. Since the dawn of the century, these lands have been a zone of interaction between different ethnic groups, first of all, Slavic and Baltic, in part, Romance. One of the focuses of research devoted to specific phenomena Polesie – poleshuk and labor. In the first case, we are talking about an interesting case of the existence of ethnic groups which, according to some scientists, possessed distinctive features of ethnic. In the second, we meet with the "exception to the rule" which serves as its additional confirmation. The language situation in this region characterized as a classic model of multilingualism: in one cultural-linguistic space at the same time coexisted Polish, Russian, Ukrainian and Latin and Old Church languages, on the border with Bessarabia – Romanian. The rivalry between them has been implemented in different ways, that were depending on the level of communication space and functional area.

Keywords: The identification of differences**,** frontir zones Podolia, Polesie, poleshuk, labor.

Терминологическое отступление/вступление

Традиционной исследовательской проблемой выступает терминологическая неопределенность, которая проявляется в наличии множественных подходов в трактовании отдельных научных понятий, определении и соотношении политических, географических, культурных границ. К подобным категориям относится понятие «фронтир». Базовая идея условной встречи разных культур и народов объединяет определения Б. Паркера, Л. Томпсона и Л. Ховарда, Х. Элтона. Отличия же связаны с их интенсивностью и уровнем взаимодействия (Бреская, 2007: 165–166). В предложенном материале под «фронтиром» подразумевается условная граница различных идентичностей, зона межкультурного взаимодействия, которая связана с различными диалогами разной интенсивности.

Территории современных Правобережной Украины и Беларуси, отошедшие к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой, в силу как реальной, так и условной пограничности оказались втянутыми в весьма непростые идентификационные и культурные процессы. Выделенные автором статьи Полесская и Подольская фронтирные зоны были своеобразным «пограничьем пограничья», максимально отображая проблемы «приватизации» новых территорий. Пограничное положение, среди прочего, спровоцировало и территориально-терминологические разногласия. Современные украинские и белорусские земли, которые входили в состав Речи Посполитой до ее первого раздела в 1772 г., в польской научной, публицистической традиции XIX в. именовались «всходними кресами». Возникали определенные разночтения в случаях использования этнонимов или политонимов. В отношении Киевщины в польской историографической традиции (и в основном исключительно) к этой части Правобережья применялось понятие «Украина». Один из представителей западноруссизма М. Коялович включал в понятие «Малороссии – Украины» все три Правобережные губернии: Киевскую, Волынскую и Подольскую (Коялович, 1865: 56). Вместе с тем по поводу топонимов «Полесье» и «Подолье» как в более ранних историографических изысканиях, так и в исследованиях XIX в. разногласий и разночтений практически не наблюдалось.

Специфика двух фронтирных зон, исследованию которых посвящена статья, отображала общие проблемы названных регионов, которые в российских официальных документах XIX в. в целом именовались Юго-Западным (Правобережная Украина) и Северо-Западным (Беларусь) краем.

Полесье и Подолье – пограничное Пограничье (маркер территории)

Если само название «Полесье» и не вызывало разногласий, то формы и очертания его территории в зависимости от времени и обстоятельств, политического и, как правило, связанного с ним научного видения (воображения) претерпевали

изменения. Что же касается принципальных сущностных черт региона, то наибольшим стереотипом в восприятии Полесья является сохранение на его территории сравнительно стойких архаических пережитков в культуре. Современный классик украинского постмодернизма Ю. Андрухович охарактеризовал Полесье следующим образом: «Эта космическая языческая колыбель, бассейн Припяти и Десны с их арийской чистотой крови и древлянской незамутненностью истоков, с его определяющими генетически-культурными кодами, наиболее архаичным фольклором, эпосом, диалектами, озерами, готическими соснами... Полесье – это национальный субстрат. Это сама глубинная черная украинскость…» (Андрухович, 2006: 121).

Архаичность, мистичность Полесья нашли отражение в творчестве выдающейся полесянки-волынянки Леси Украинки. Ее литературные образы, навеянные уникальной природой, воздухом Полесья, подтверждают присутствие в этих краях особенного, неповторимого духа, сквозящего в образах Мавки, Лукаша и других обитателей «Лесной песни».

От «лирики» вернемся к прозе. «Переходная» сущность Полесья и Подолья нашла отображение в самих топонимах. В первом случае восточнославянская этимология укоренена в семантике леса и болота, причем как территория, *граничащая* с лесом. Имеется и балтский аналог – pala, pelesa, pelusa, в литовском и латышском языках связанный с болотистой местностью на *границе* лесных участков.

В толковом словаре В.И. Даля «подолье» трактуется как подгорье, подошва гор, равнина под горами (Даль, 1880). В географическом и лингвистическом смысле имеем дело с Пограничьем. Здесь, как и в Полесье, встречались очень интересные случаи взаимовлияния. В первую очередь это связывалось с пребыванием во второй половине XVII в. части этих земель в течение более двадцати лет под властью Турции. Прежде всего, речь идет о молдавано-валахской составляющей региона. *Подольский украино-молдавский фронтир* связан с северной частью Бессарабии. В административно-территориальном плане это Хотинская райя (в турецкий период), в составе Российской империи – Хотинский уезд.

Отличительной особенностью Подольского региона стала заметная роль представителей греческой, армянской и, естественно, еврейской диаспорных групп в его экономической жизни. Члены названных общин компактно проживали в Каменце-Подольском, Григориополе и Могилеве-Подольском. Экономическая привлекательность этих мест объяснялась прохождением здесь ключевых торговых путей между Россией и Турцией, а также непосредственной близостью австрийской границы.

В определение сущности и историко-географических границ Полесья представители разных дисциплин вкладывают различное содержание. В случае с Полесьем объединяющей составляющей является мнение, что его территория охватывает бассейн Припяти с соседними районами лесной полосы. Иногда

Полесье классифицируется по этническим признакам: украинское, белорусское, российское, польское, литовское. Филологи и лингвисты в процессе его районирования учитывают ареалы распространения диалектов, говоров, этнографы – особенности культуры и быта и т.д. Испокон веков Полесье было зоной взаимодействия разных этносов, в первую очередь славянских и балтских. В далеком прошлом здесь жили древние славянские племена дреговичей, волынян, древлян, кривичей.

С Полесьем связано существование ряда этнографических и этнополитических групп. Распостраненный в XIX в. этноним «литвины» имел отношение к государственно-политической сфере и касался населения, которое в XIV–XVI вв. входило в состав Литовского княжества. Он использовался и как политоним, обозначая жителей страны. Наиболее часто литвинами называли белорусов южного Полесья. В качестве самоназвания и идентификационного маркера он использовался и этническими литовцами, как и некоторыми поляками, о чем речь пойдет позже.

К числу наиболее известных и имеющих непосредственное отношение к Полесью групп относятся «полешуки» (в белорусском варианте), или полещуки (в украинском и русском). Название впервые зафиксировано в картах и документах начала XVII в. Этимология слова связана с географическим названием. Следует отметить, что в качестве самоназвания этот термин практически не употреблялся. Еще в начале XX в. в некоторых регионах Полесья и Волыни местные жители идентифицировали себя как «тутейши» либо же использовали в самоназвании привязку к своему населенному пункту. Такое определение отображало размытость и отсутствие масштабности (локальность «ближе к телу») в этническом сознании.

Современное украинское Полесье представлено четырьмя регионами: западным (Волынским), в состав которого входит большая северная часть Волынской и Ровенской областей; центральным (Правобережным) с большей северной частью Житомирской и меньшей северной частью Киевской области; восточным (Левобережным) – меньшей северной частью Черниговской и Сумской области. Выделяют и Малое Полесье. В физико-географическом контексте Малым Полесьем называют низменный лесистый и болотистый край на севере Галиции и Подолии, который отделен от собственно Полесья Волынской возвышенностью. Низменность Малого Полесья в наше время административно принадлежит к северным районам Львовской, Тернопольской, Хмельницкой и крайнему югу Ровенской области. Несмотря на специфический ландшафт, западная часть Малого Полесья исторически в большей мере тяготела к Галиции (и сейчас жители этих территорий в составе Львовской и Тернопольской областей в своем большинстве идентифицируют себя как галичане). Только юго-восточная часть Малого Полесья была ближе Волыни. Подобная культурная принадлежность сохраняется и сейчас, поэтому в историческом контексте Малым

Полесьем чаще называют исключительно его восточную часть, точнее, северную часть Хмельницкой и южную часть Ровенской области, которую иногда идентифицируют как юго-восточную Волынь либо Большую (историческую) Волынь. Современное белорусское Полесье занимает значительную часть Брестской, Гомельской, небольшую часть на юге Минской и юго-западе Могилевской области. Физико-географические районы представлены Брестским Полесьем, Загородьем, Мозырским, Припятским и Гомельским Полесьем. Предложенное исследование касается территорий, связанных с современным видением границ Подолии и Полесья.

Полесье и Подолье сквозь призму русофильства и западноруссизма (маркер этничности сквозь призму территории)

В XIX в. существовали разночтения в определении границ Полесья и Подолья. Свое видение этого вопроса составили и представители двух течений, содержание которых несло в себе определенную печать пограничности. В украинском случае речь идет о русофилах, в белорусском – западноруссистах. Их «идеальным Отечеством» выступала утраченная Святая Русь, возвращение к истокам которой представлялась первоочередной задачей.

Одним из наиболее видных деятелей русинского[1]движения в Галиции был один из основателей «Русской троицы» Я. Головацкий. В своих идейных исканиях он прошел довольно непростой путь. С его именем связана активизация русинского движения во время революции 1848 г., открытие кафедры «руской» филологии в польском Львовском университете. В течение всей своей жизни Я. Головацкий оставался влиятельным деятелем униатской церкви. Однако перед смертью принял решение о переходе в православие. Конфликт между ним и польским наместником Галиции А. Голуховским заставил Головацкого принять решение о смене гражданства. В качестве уже российского чиновника он получает назначение в Вильно. Так складывались обстоятельства, что большинство видных фигур общественных движений Галиции, Правобережной Украины, Беларуси, Литвы и Польши были связаны с этим городом. Даже после закрытия здесь университета он оставался центром притяжения для большинства из них. В свой Виленский период, пребывая на посту председателя археографической комиссии и комиссии по устройству и управлению Публичной библиотеки и музея (Исторический архив в Вильнюсе), Я. Головацкий разработал «Этнографическую карту русского народонаселения» (Головацкий, 1878). В его трактовке Подолия представлена «страной благословенной, или, как Длугош[2] писал, земля млеком и медом текущая». Очерчивая ее границы, Яков Федорович указывал на близость Подолья и Полесья, в равной мере уделяя внимание описанию этих территорий: «Подолье собственно начинается от р. Липы (в Галиции) и простирается на восток к Каменцу, издревле называемому Подольским; это древнее

Руское Понизье, страна не богатая лесами, но весьма плодородная... Тесно граничащее по направлению к западу, следует лесистая равнина над реками Стыром и Бугом, которой народ усвоил название Полесье, от чего местный люд и называют Полесюки, Полешуки. Полесье упоминается у Польских летописцев Кадлубка, Богухвала, которые Ятвяг называли Полесянами, т.е. жителями Полесья». Именно в работе Головацкого акцентируется внимание на наиболее ранних летописных упоминаниях: «По *Руским* историческим памятникам мы можем определить местоположение Полесья следующим образом. В первый раз Полесье упоминается в Ипатьевской летописи под 1274 г. в нынешней Минской губернии, Слуцком и Новогородецком (Новогрудском) Уездах. В Ревизии пущ Воловича с 1554 г. называется Полесьем страна между городами Пинском и Луцком. После Люблинской Унии 1569 г. вошло в употребление правительственное название Подляшье, Подляхия, но оно не вытеснило прежнего исторического названия, и выражения: Полесье, Польская пуща в Брестской экономии повторяются до последних лет существования Польши. Но по народному понятию и часть Белзского Воеводства и Червонной Руси называлась Полесьем» (Головацкий, 1878: 47). Как видим, в версии Головацкого древнерусская летописная традиция связывала Полесье с нынешними белорусскими землями, польская расширила их до Луцкого воеводства. Однако был и третий вариант, который автор определил как «народное понятие».

Как уже отмечалось, украино-молдавский фронтир связывался с северной частью Бессарабии, а именно Хотинским уездом. По мнению П. Несторовского, «хотинские малорусы – это те же русины, что населяют прилегающие части бывшей австрийской Буковины, и в литературе они обычно известны под именем русин. По внешности хотинские малорусы заметно отличаются от своих собратьев, живущих в соседней Подольской губернии, весьма сильно приближаясь к тем малорусам соседних частей Буковины, которые носят название подолян. По говору северно-бессарабские "русины"[3] занимают средину между приднестровскими малорусами Подольской губернии и подолянами соседних частей Буковины и Галиции» (Нестеровский, 1905: 87).

Известный литератор, издатель и общественный деятель, чье имя вписано в русскую, польскую, белорусскую и литовскую культуру, А. Киркор в «Живописной России…» описывал эти территории следующим образом: «Собственно Полесье, т.е. долина Припяти, занимает южные уезды Минской губернии – Пинский, Мозырский и Речицкий. К этому же Полесью относят все пространство, начинающееся за Слонимом, Слуцком и Бобруйском… а также всю местность от Буга до Днепра, между Кобриным и Лоевым. Левая сторона – Белорусское, Пинское Полесье, а правая – Волынское Полесье» (Киркор, 1882: 340). А. Киркор относил к полешукам население Пинского, Речицкого и Мозырского уездов. По словам А. Киркора, Пинское Полесье, Новогрудский уезд и небольшую часть Гродненской губернии населяли представители племени черноруссов. Одновре-

менно он обращал внимание на близость местного наречия (а также используемого в Мозырском уезде) малороссийскому (Киркор, 1882: 346). Упоминались, хотя и не в подробности, отличия в одежде, даже «народных типах».

Условия полесского и подольского фронтиров имели как определенную схожесть, так и принципиальные различия. Объединяющей чертой для части Подолии и Полесья было наследие Речи Посполитой. Это проявлялось в специфике национального состава городов и местечек, конфессиональных и языковых различиях. Уникальность Полесья и Подолья состоит как в сохранении здесь архаическиих элементов в быте, культуре, языке, так и в наличии возможностей «гуляния»[4] (при этом без совершения длительных переходов) от одной культуры к другой. Остановимся детальнее на некоторых уникальных феноменах названных фронтирных зон.

Полешуки в исследованиях славистов XIX в. и наших современников

В XIX–XX вв. были сделаны первые попытки исследования феномена полещуков. М. Довнар-Запольский, Д. Шендрик относили всех полещуков к специфической этнической группе малороссов (украинцев). В трудах А. Киркора, Ф. Ставровича, П. Бобровского, М. Кояловича и др. полешуки рассматривались в качестве самостоятельной этнографической и лингвистической группы.

Оценка, которую дал полешукам Адам Киркор более столетия назад, во многом способствовала формированию довольно стойких стереотипов: «Полешук – консерватор по принципу. Он дитя своей природы, он верен заветам своих предков, как в нравах и обычаях, так в ведении своего хозяйства и прибавочных занятиях, для него прибыльных и приятных. Заброшенный в бесконечные, дремучие леса, среди непроходимых болот и тундр, он не знаком ни с какими нововведениями и улучшениями; его обстановка, род занятий, привычек, даже самая наружность не изменились в течение целых столетий. Есть такие жители, которым не удавалось побывать даже в своем уездном городе. Только торговцы, разъезжающие по городам со своими произведениями, да жители местностей, ближайших к пристаням судоходных рек, или совершающие плавание на байдаках и барках, переняли кое-что от других; но они не имеют никакого влияния на большинство, на массы этих болотно-лесных обитателей, для которых самый мир оканчивается за пределами родного селища. Он даже дико посматривает на всякое нововведение и не верит в его целесообразность» (Киркор, 1882: 67).

Полещуки (особенно западные) представляют интересный случай существования этнографической группы на конкретной территории в течение длительного времени. По мнению ученых, исследовавших феномен полещуков, эта восточнославянская общность обладала признаками самобытного этноса (Ан-

тонюк, 1993). Но в отдельную национальность они так и не превратились, хотя и представляли уникальный этнографический «материал», который никто так и не смог «обработать».

Согласно ряду исторических источников, в далеком прошлом предки полещуков имели общеплеменное название «дулебы», а из названий отдельных групп этого племени известны «бужане» и «волыняне». Одна из гипотез связывает предков части западных полещуков с червоннорусами. Известно, что с «Червонной Русью», как правило, связывают Галицию. Видимо, речь шла о части Малого Полесья, так называемых Червенских городах X–XIII вв., центром которых был Червень на исторической Волынской земле.

К сожалению, процесс «национализации» историй как в Украине, так в Беларуси с 1991 г. не мог не отобразиться на трактовке отдельных этнических и национальных явлений. «Вписывание» феномена полещуков в собственную историю призвано было служить идее расширения исторического национального пространства. Собственно, этим и объясняется тот факт, что ряд современных белорусских ученых рассматривают западных полещуков как разновидность белорусского этноса, причем по субъективно-политическим соображениям относят к белорусам только западных полещуков, проживающих в Беларуси. В свою очередь, часть украинских ученых относят западных полещуков, причем всех, проживающих как в Украине, так и в Беларуси и Польше, к разновидности украинского этноса.

Лингвистические особенности Полесского и Подольского фронтиров

Лингвистические особенности стали объектом особого внимания П. Шпилевского, П. Бобровского, И. Зеленского. В соответствии с позицией П. Шпилевского граница между полесским и белорусскими говорами совпадала с границей Минской губернии. П. Бобровский придерживался мнения, что язык полещуков отличался от малороссийского и белорусского, однако имел с ними и много общего. И. Зеленский, анализируя местный говор, пришел к выводу о существовании отдельного полесского языка, который, по его мнению, представлял собой переход от белорусского к волынскому (Зеленский, 1864: 85).

Известно несколько случаев использования этого языка в литературном творчестве. Так, уроженец Пинского уезда, происходивший из семьи униатского священника, активный участник польского движения Франц Савич[5] (1815–1845), оставил после себя небольшое творческое наследие. Его стихотворение «Там, возле Пинска»[6] считается примером использования полесского языка.

Западные полещуки имели и сохраняют самобытные черты собственного языка (в фонетике в отличие от белорусского отсутствует «дзеканье» и «цеканье», имеется губно-губной согласный «в», твердые согласные перед гласными

«е», «и (ы)»и др.) (Антонюк, 1993). Особенности и уникальность западно-полесского говора оказались настолько живучими, что в 80–90-е гг. уже XX в. появились энтузиасты дела, которые пытались легализовать говор, позиционировав его как самостоятельный язык. Был разработан и предложен для использования даже отдельный алфавит (Дуличенко, 2005).

Языковые феномены Полесья («лаборский жаргон»)

Детально на этнической, экономической и религиозной составляющих феномена полесского «лаборства[7]» остановимся в следующем пункте. В контексте этого условно «лингвистического» раздела рассмотрим такое явление, как «лаборский жаргон». Он представляет собой пример профессионального диалекта и определенную систему символов. Его остатки и теперь можно услышать в речи жителей Янова Брестской области. Исследователь феномена лаборства западноруссист Ф. Ставрович отмечал, что все лабори говорили малорусским наречием. «В дороге» же (именно так они называли период, в течение которого занимались своим традиционным промыслом) общаясь друг с другом, активно использовали лаборскую «гавриднюю» (Ставович, 1870: 19). «Вот несколько слов из их языка – Хлюса – церковь, Охвес – Бог, Корх – священник, ставер – крест. Нельзя не видеть, что некоторые из этих слов прямо взяты из греческого языка. На вопрос мой, откуда вы научились этому языку, один из старых людей отвечал, что они научились ему от русских, т.е. вероятно от офеней. Если это верно, то между греческими странниками, русскими офенями и яновскими лаборями действительно есть нечто общее» (Ставрович, 1870: 19–20).

Хотя Ставрович и высказывал предположение о влиянии на формирование этого *жаргона* русских офеней с их «феней», как представляется, в данном случае речь идет о схожести групп как социально-профессионального феномена. Также возможно допустить схожесть климатических, природных условий проживания в Полесской зоне и во Владимирской губернии, которые могли стимулировать развитие очень специфических «отхожих промыслов». Яновские и владимирские крестьяне никогда не имели больших земельных наделов. Религиозная компонента имела место и в первом и во втором случае. Так, один из вариантов трактования понятия «офеня», предложенный В. Далем, – от древнегреческого «офенится» – крестится, то есть офеня – «крещеный». Кроме этого, во Владимирской губернии одним из видов специализации офеней стали изготовление и продажа икон, как самых доступных по цене, так и дорогих. Свой товар они разносили в наиболее отдаленные части Российской империи. Однако основу деятельности офеней составляла торговля галантерейными товарами и дешевыми книгами. Лабори же специализировались исключительно на собирании денег на строительство и ремонт храмов, причем с ярко выраженной католической компонентой.

Подольская языковая специфика

Подолье также имело свои лингвистические особенности. Они связаны с одним из диалектов современного украинского языка. Известные слависты XIX в., занимавшиеся изучением местной языковой специфики, выделяли так называемый подольский говор. Он, в свою очередь, считался «южно-малорусским» или «украино-галицким» поднаречием малорусского наречия (украинского языка) (Соболевский, 1892: 89). В условиях украино-молдавского подольского фронтира наблюдались и заимствования из румынского языка. В исследованиях Несторовского, Кочубинского, Бутовича отмечалось, что в Хотинском уезде Бессарабии даже от «типичных» малоруссов можно услышать такие молдаванские слова, как «моша» вместо «повивальная бабка», «нанаш» вместо крестный отец, «фин» вместо крестник (Берг, 1923: 43).

Возвращаясь к подольскому говору, заметим, что его использование распространялось на западную и юго-восточную часть Подольской губернии и прилегающим к ней северным частям Бессарабской, Херсонской губернии и австрийской Буковины. Некоторые элементы этого говора нашли отображение в творчестве таких украинских поэтов и писателей-подолян, как С. Руданский и М. Коцюбинский. Например, характерной чертой подольского говора считается твердый конечный [т’] в глаголах 3-го лица единственного числа и 2-го лица множественного числа настоящего времени, множественного числа изъявительного наклонения (закрывают, почнут, нароблят, ненавыдят, будут, любят, поважают, не знают, можут, засміют, заглядают, радиют, мают). Формы числительных именительного-винительного падежа единственного числа мужского рода с корневым [е], а не [и] органично образовались из древних форм с корневым [ь] (оден, єден, їден < одьнъ, едьнъ). Формы этого числительного с начальным [є] и его рефлексом [ї] (єдь->їд-) распространены во многих юго-западных говорах (Коваленко, 2010: 218). Эту форму сохраняли в своих произведениях М. Коцюбинский и С. Руданский:

Разъ топився
грубый ляхъ,
Ставъ репетувати,
Мужик иден и побигъ
Пана ратуваты («Надгорода»)[рукопись]
(Как-то раз толстый
Лях тонул,
Начал он орать,
побежал один
мужик пану помогать) «Награда».

Такое написание сохраняется только в рукописном виде (Відділ рукописних фондів, 1862), поскольку в изданном в 1972 г. в Киеве трехтомном собрании со-

чинений С. Руданского подобные формы отредактированы в соответствии с языковыми нормами, принятыми в советском варианте украинского литературного языка (Руданский, 1972).

В целом языковую ситуацию как в белорусском, так и в украинском Полесье и Подолье следует охарактеризовать как классическую ситуацию полилингвизма (Остапчук, 2005: 97). В одном культурно-языковом пространстве одновременно сосуществовали польский, русский, украинский языки, а также латынь и церковнославянский. Одним из наиболее ярких подтверждений этому опять-таки выступает творчество подольского поэта С. Руданского.

Згинув шляхтич Суходольский,
Вже в костьолі тіло,
Із-під небка, ксьондз навколо
Поглядає сміло.
Далі й мову зачинає,
Тілько не по-польські, зачинає по-латині:
«Ubi Suchodolski?»…
А п'яничка їден слухав: «Ubi» все та «Ubi»,
Далі й каже: Звісно, «Ubi», –
У чортовій губі!
Łżesz, gałganie! він у Бога!.. (Руданский, 1972: 218).

Феномен лаборства

В условиях традиционного аграрного общества наиболее распространенным вариантом идентификации выступала локальная идентичность. В преобладающем большинстве деревень и местечек Полесья и Подолья именно такой вариант имел место. Здесь встречались разнообразные переходные формы, которые находили отображение на этническом, лингвистическом, общекультурном уровнях. Характерной чертой этих регионов можно назвать и наличие фактически в каждом поселении специфических, характерных только им видов деятельности. Одним из таких являлось лаборство, которым занимались жители полесских Яново Кобринского уезда Брестской губернии и Олыки Дубенского уезда Волынской губернии.

На примере этих местечек попытаемся отследить наиболее интересные составляющие жизни этнического пограничья, а также показать, как создавался миф «исконно русского, глубоко православного населения» историками и этнографами. Жителей местечка Яново традиционно называли лабурями, лаборями, лабуры. Эти термины связаны с уникальным занятием, которое и дало этнографическое название его православному населению. Промысел появился во времена Речи Посполитой, когда к лабурству поощряли феодальные собственники указанных населенных пунктов. Есть несколько версий происхождения слова

«лабор»: от латинского «labor» – труд, работники; от украинского «лобур» – бездействующий, ленивый человек. По одной из версий, до 1465 г. здесь существовала деревня Порхово, которую приобрел луцкий епископ Ян Ласович и назвал в свою честь, преобразовав со временем деревню в местечко. Название лабурь распространялось и на жителей близлежащей к Янову деревне Мотыль[8].

Наиболее известное исследование лаборей, лаборства в лице жителей Янова связано с именем белорусского этнографа, педагога, одного из идеологов западноруссизма Ф. Ставровича[9], о чем уже упоминалось выше.

Ф. Ставрович предложил следующую оценку местечка и его населению: «Народонаселение смешанное – христианское и еврейское: 144 двора с 364 ревизскими душами мужского пола христиан и 156 дворов с 300 душ мужского пола евреев. Все христианское народонаселение состоит из крестьян-собственников православного исповедания» (Ставрович, 1870: 2). По результатам переписи населения 1897 г., в Янове проживал уже 3041 житель, работали сукновальная фабрика, маслобойня, кожевенный и кирпичный заводы, 5 мельниц, народное училище и церковноприходская школа (Перепись, 1897: 207].

Традиции, соблюдение и проведение ритуалов, характерные для яновцев, подчеркивали их автохтонный характер. Так, свадьбы яновских крестьян совершались по общепринятому обычаю полещуков и, как писал Ставрович, «прибужских русских». Кого именно имел в виду автор, можем только догадываться, скорее всего, речь шла о так называемых червоноруссах, связанных с Галицией и территорией Малого Полесья либо Волыни. Как известно, Буг не протекает по территории этнических русских земель, а подобная трактовка как нельзя лучше отображает видение западноруссистами этнической ситуации региона.

Откуда есть…

Недостаток земли, отсутствие пастбищ, реки, леса и других благоприятных условий жизни, свобода от панщины – все в комплексе стимулировало развитие особого промысла, так называемого лаборства. Одно из преданий гласило, что яновские лабори – «переселенцы из волынской Олыки» (Ставрович, 1870: 3).

Поскольку занятие не стандартное, в смысле конфессиональной разновекторности даже пограничное, вокруг него существовало немало домыслов. В большинстве версий нашла отображение схожесть фронтирных зон Полесья и Подолья. В соответствии с одной из них польский владелец (правда, не известно, какой[10]) Янова имел поместья также в районе Каменца-Подольского «на пограничной черте ее с Молдавиею». Якобы именно он и переселил одного из сборщиков в Яново, где тот и распространил свой промысел. Ф. Ставрович вспоминает в своей книге о том, что в Молдавии и смежной с нею Подольской губернии лаборей именуют лобурями. Как замечалось выше, это малороссийский (украинский) термин, имеющий соответствующие коннотации. Гораздо веро-

ятнее другое предположение. Лаборство распространено в Янове под влиянием римско-католического духовенства – иезуитов, капуцинов, пиаров, приходских ксендзов, которые при постройке своих огромных костелов и каплиц – в Янове, Пинске, Любешове, Городце и других местечках, – пользуясь бедностью яновцев, посылали их в разные места за сбором пожертвований. Хождение за подаянием ксендзы назвали труженичеством в пользу церкви, а сборщиков – тружениками. От лат. Labor (труд) образовалось впоследствии название всех «промышляющих испрашиванием на Храм Божий» (Ставрович, 1870: 5).

Пребывание местечек в частной собственности польских магнатов и шляхтичей «средней руки» оставалось элементом административной системы и культуры утраченной Речи Посполитой. Так, Олыка являлась родовым имением князей Радзивиллов. Этнический и конфессиональный состав олычан в значительной степени отображал характерные для подобных населенных пунктов черты. Здесь функционировали две православные церкви, два костела, четыре еврейских молитвенных дома, начальное училище и церковно-приходская школа. В соответствии с переписью 1897 г. здесь проживало всего 4210 жителей, среди которых 2606 евреев (Перепись, 1897).

Н. Орда. Олыка. Замок Радзивиллов

Знаковые фигуры фронтирной зоны

С Яновом связана и судьба одного из наиболее ярких пейзажистов XIX в., композитора и педагога в одном лице Наполеона Орды. Именно в Янове в соответствии с завещанием он был похоронен. Родился Орда неподалеку, в де-

ревне Вороцевичи белорусского Полесья, в семье инженера-фортификатора и польской дворянки. Его имя в равной мере вписано в польскую, белорусскую, литовскую и частично украинскую культуру. В судьбе Орды как представителя генерации романтиков эпохи «раннего национализма» очень ярко воплотились типичные поиски свого «я». Благодаря творениям пейзажиста мы имеем возможность воспроизвести в своем воображении, увы, в большинстве своем утраченные красоты Полесья и Подолья. На одном из рисунков запечатлены озеро и замок Радзивиллов в Олыке. В наше время от озера не осталось и следа, а в когда-то великолепном замке, пришедшем в совершенное запустение, размещается областная психиатрическая больница.

Отношение с соседями – «свой» или «чужой»?

Занятие лаборством было наследственным, оно переходило от отца к сыну и, как утверждал исследователь этого явления, «положило особую печать на всю бытовую сторону яновских крестьян и дало яновцам особую, им одним свойственную физиономию» (Ставрович, 1870: 8). Жители близлежащих селений и местечек довольно скептически относились к яновцам. Лаборя они считали пройдохой, человеком, который под маской набожного странника скрывал свои корыстолюбивые цели и для достижения их готов был обмануть и обойти любой закон. Однако большинство исследователей сходятся во мнении о высоких интеллектуальных способностях лаборей, их склонности к быстрому созданию психологического портрета собеседника. Яновские крестьяне в отличие от большинства соседей поддерживали и поощряли учебу своих детей. В Янове функционировало штатное народное училище. «В 1867–1868 учебном году в нем обучалось 46 мальчиков и 7 девочек. Из них 25 свободно и толково читают по-русски и по-славянски, правильно пишут под диктовку, хорошо знают четыре правила арифметики» (Ставрович, 1870: 21). Отличительной чертой лаборей Ставрович называет необыкновенную сметливость и сообразительность. Устройство хозяйства, его ведение также разрушали традиционные стереотипы о забитости и неустроенности полещуков. «Все дома яновцев построены по одному образцу. Это небольшие избы, в 7 аршин длины и 6 ширины, с двумя пропорциональными окнами с улицы и двумя со двора. Во всех трех отделениях имеются дощатые полы и в главном жилье устроена печь с трубою, вопреки общему белорусскому обычаю строить избы курными. Стол всегда накрыт белой скатертью, если есть кровать в комнате, или находятся нары, то на них всегда бывает чисто и благовидно. Во дворе яновца всегда порядок и чистота. Усадьба очень мала, но при всем этом умный хозяин сумел устроить помещение для себя, сарай для лошадей и скота, гумно, садик, состоящий из 5–6 деревьев, и оставить еще кое-что на огород.

Все это устроено миниатюрно, но очень удобно и симметрично. На дворе вы не увидите стоящей без нужды повозки либо другой хозяйственной рухляди, как

это часто бывает у прочих мужичков белорусов и полешуков. У него все убрано и находится на своем месте. На гумне видна та же распорядительная рука, тот же хозяйственный толк» (Ставрович, 1870: 30).

Конфессиональный маркер

Традиционное для представителей западноруссизма подчеркивание доминирования «исконно православного вероисповедания» в среде яновцев косвенно опровергается как самим исследователем Полесья, так и другими авторами, которых сложно заподозрить в антирусских настроениях. Уже на первой странице своего исследования Ставрович вспоминает о православной *деревянной* церкви, построенной в 1667 г. и расположенной по соседству с *каменным* римско-католическом костелом. Практически рядом с названными храмами располагался каменный столб, «*построенный в честь*» (именно так указано в тексте) иезуита Баболи, убитого здесь же казаками в 1657 г. за слишком усердное распространение папства в Янове. Парадоксальность этого факта очевидна. Следует отметить, что А. Баболя был сторонником униатской церкви, происходил из семьи униатского священника. В 1853 г. его канонизировали. В католицизме он считается одним из небесных покровителей Беларуси и Польши. Ставрович в разделе, посвященном описыванию «истинного православного благочестия» яновцев, отмечает: «Двадцать шесть лет (!) подвизался этот проповедник (А. Баболя) на своем миссионерском поприще. Однако жители Янова оставались недоступны его новому учению» (Ставрович, 1870: 20). Не совсем согласуется с утверждением об «истинной приверженности» православию и строительство через 17 лет после подавления первого польского восстания в 1848 г. оригинального Крестовоздвиженского костела, как не сложно догадаться, не без участия лаборей. А новый православный храм – Свято-Покровская церковь появилась здесь только в 1901 г. Главным фактором утверждения яновцев в русском православии Ставрович называет частые путешествия по России и знакомство с русской жизнью. «Частые свидания то с греческими сборщиками, то с русскими офенями, без сомнения, много способствовали к утверждению их в древнем православии. Религиозность яновцев и приверженность их к своей приходской церкви достойны уважения» (Ставрович, 1870: 32).

Эпизод, о котором вспоминает Батюшков (Батюшков, 1892: 365–368), несколько не вяжется с утверждением Ставровича. Яновский «латинский» епископ Вениамин Шиманский в 1859 г. получил из Рима от папы Пия IX мощи мученика Виктора. «Предпринял торжественное приношение этих мощей из варшавского монастыря капуцинов в местечко Янов, за Бугом. Торжество это было устроено блажайшим образом для совращения русского населения. О нем заблаговременно разносили весть по городам и селам, униатским и православным, сестры разных полумонашеских и полумирских общин иосифаток, терпиарок, фелицианток. Это

преднамеренное перенесение мощей наделало много шуму и тревоги и было причиною многих совращений в литвинство, и в Литовской епархии, в Клещельском приходе совращено было в литвинство 300 человек» (Батюшков, 1892: 368).

Описание внутреннего убранства жилищ яновских крестьян также не убеждает в их исключительной верности православию. «Передний угол комнаты и три стены, в два ряда, густо увешаны иконами и священными картинами. Все эти иконы разнокалиберные, принадлежащие кисти мастеров разных эпох и школ, *разных наций и вероисповеданий.* Между этой коллекцией… некоторые старинные иконы правильной византийской живописи, каковы, например, образ Печерской Божьей Матери, благословляющий преподобного Антония и Феодосия, образ Рождества Пресвятой Богородицы и святителя Николая» (Ставрович, 1870: 31).

Вывод, к которому приходит исследователь лаборей, полностью соответствует духу и букве основного идеологического постулата империи Романовых в течение 30–80-х гг. XIX в., сформулированного графом С. Уваровым, – «самодержавие, православие, народность». Последняя компонента триады предполагала соответствие понятию «русскости». «Будучи *искони* православными, яновцы в то же время сознают себя вполне русскими. Много испытано было средств и со стороны помещиков, и со стороны римско-католического духовенства, чтобы склонить симпатии яновцев на сторону Польши. *Верность Царю и Отечеству составляет догмат их веры и гражданской жизни.* Лаборь на промысле своем не более как пройдоха, шарлатан; но, возвратившись домой, он делается примерным семьянином, честным гражданином и усердным сыном церкви. Правда, это страшная несообразность. Но таких несообразностей много во всех обществах, куда не проник свет *истинной* науки и где, сверх того, историческая жизнь народа была тормозима и извращаема чуждыми, враждебными влияниями» (Ставрович, 1870: 22).

Католический остров

Описание следующего местечка, Бездеж, а также его жителей, как и в предыдущем случае, не вписывается в стереотипное восприятие полещуков и особенностей их жизни. В свое время его жители пользовались магдебургским правом. Зажиточность бездежан автор исследования объясняет отсутствием здесь евреев, хотя, скорее всего, это утверждение весьма спорное и соответствует общим антисемитским настроениям, охватившим в этот период континентальные империи.

Оценивая экономическое положение бездежан, Ставрович подчеркивал: «Редко кто из них не имеет пары лошадей и двух пар волов, лучшие хозяева имеют и более того» (Ставрович, 1870: 75). Серая, длинная, тонкой шерсти свита, шапка черного сукна с барашковым околышем, сапоги с длинным голенищем резко отличают бездежанина от прочих окрестных жителей (Ставрович, 1870: 77).

Основным промыслом бездежан, кроме хлебопашества, был извоз. Фактически они занимались перекупкой, причем вывозили товары достаточно далеко от своих мест. «Бывают в Вильно, Гродно, других городах Гродненской губернии, в Бердичеве и т.д. Эти путешествия доставляют им порядочные материальные выгоды, содействовали вместе с тем поднятию уровня умственного развития. Жители Бездежа смотрят на своих соседей, в особенности на жителей болотистых местностей, свысока и весело подтрунивают над их неуклюжестью. Те не остаются в долгу, насмехаются над слишком большой смышлёностью, нередко доходящей до плутовства» (Ставрович, 1870: 79). В местечке, как и в Янове, было училище, «существовавшее более 40 лет». Хотя Ставрович сразу не говорит об этом, но далее по тексту находим информацию, объясняющую причины такого длительного существования училища. Бездеж издавна принадлежал польской княжеской фамилии Гедройцев. Последний из потомков семьи, «усердный папист и поляк», в начале столетия активно выступал в поддержку униатской церкви. Как и большинство образованных поляков, понимал роль образования в сохранении культуры, вероисповедания и т.д. Пользуясь огромными доходами со своих имений, он не жалел денег для того, чтобы поддерживать костел и начальное образование. Ставрович охарактеризовал это как «прививание польской науки» (Ставрович, 1870: 79). В 1824 г. Гедройц устроил первую школу. «Собрав значительное количество крестьянских и шляхетских детей, при помощи местного ксендза, которому поручен был главный надзор над школою, положил начало народному образованию в латино-польском духе» (Ставрович, 1870: 79).

То, что единство великодержавной триады не срабатывало в этом регионе, подтверждает следующая оценка исследователя: «Чувства русского патриотизма и гражданского такта – это то, чего в них пока и недоставало» (Ставрович, 1870: 81). «Близость помещичьих дворов, постоянные съезды шляхты в бывший костел для пения возмутительных гимнов и участия в демонстрационных крестных ходах, влияние некоторых местных грамотеев, служивших при помещичьих дворах, сильно колебали мысли жителей. Но не в этом случайном влиянии заключается причина такого их гражданского дуализма. Почти вся прошедшая история этого местечка обуславливала эту нравственную надломленность его жителей». Это тем не менее не мешает исследователю прийти к следующему выводу: «Все народонаселение православное».

Православная церковь как метод лечения «нравственной надломленности»

Одним из ключевых заданий, стоявших перед властью, «в Подолии, как и во всем воссоединенном крае», была не только идеологическая обработка. Важным в процессе маркирования территорий и их населения становится материальное и визуальное воплощение православия, призванное ежедневно, ежечасно на-

поминать о русском, византийско-православном духе. Строительство новых культовых сооружений, перестройка и реконструкция униатских храмов стали важной составляющей этого процесса. Именно церковно-строительная деятельность в начале 40-х гг. XIX в. после запрещения в 1839 г. униатства в Российской империи называлась «самой неотложной необходимостью» (Викул, 1893: 43). Первым шагом в этом направлении стало строительство храмов в казенных имениях на государственные деньги. Синод до 1845 г. отпускал на это 150 тыс. рублей ежегодно. С этого времени Министерство государственных имуществ истратило в продолжение первых 30 лет на постройку новых и ремонт старых церквей в Подолии более 1 млн рублей. Следующим этапом стало строительство храмов в помещичьих имениях, уже на средства владельцев. Напомню, что в подавляющем большинстве это были польские помещики, исповедовавшие католицизм. В результате подобной деятельности в течение 20 лет вся Подолия покрылась православными храмами, «придавшими ей вид страны православной, русской». Удержание православных священников также легло на плечи местных помещиков. Земельные наделы, пастбища, пасеки и другие атрибуты жизни сельского священника, вплоть до решения бытовых проблем, таких как обеспечение на зиму дровами и др., полностью зависело от его взаимоотношений с местным помещиком.

В 1842 г. церковные приходы в «западном крае» были поделены на классы. Большинство прихожан с этого времени обязаны были отрабатывать церковную десятину в пользу православной церкви. Это, как правило, включало обработку священнику десятинного надела, в случае прихода нового священника – помощь хлебом и деньгами на первое время, благоустройство причтовых построек.

Польская «компонента» в украино-молдавской фронтирной зоне

После подписания Бухарестского договора в 1812 г. к Российской империи отошли земли, известные под названием Бессарабии, северная часть которой, а именно Хотинщина, непосредственно граничила с Подолией. Большинство исследователей Бессарабии сходятся во мнении, что наиболее древним населением этих земель были предки современных украинцев. «Близость говора с малорусским наречием выступала основным аргументом в пользу этого» (Берг, 1923: 67).

Существовало несколько вариантов идентификации местного населения. Кроме «классической» малороссийской встречались галициане или галицийские малороссы. Объяснялось это тем, что многие из них переселились на территорию Бессарабии из Галиции. Также использовался термин «райляне» или «райяне». Он связан с тем, что местность, в которой они проживали, а именно весь Хотинский уезд и прилежащие части Сорокского и Ясского уездов, составляла «райю»,

христианскую провинцию турецких владений, которая подчинялась хотинскому паше. В Аккерманском уезде Бессарабской губернии была деревня Райлянка, названная так потому, что ее заселили в 1830 г. райляне из Хотинского уезда. (Само)идентифицировали себя хотинские малорусы как руснаки или руськие, русины (Шпилевский, 1858: 7). Как уже отмечалось, этноним «русины» идентифицировал население Галиции в целом. Однако в качестве идентификационного маркера его использовали и по отношению к населению Малого Полесья.

Поиск и определение идентичностей стал определяющей чертой XIX в. Этот процесс совпал с окончательными имперскими приобретениями России. Он сопровождался «приватизацией» и «вписыванием» определенных территорий в общеимперское историческое пространство. Территории современных Правобережной Украины и Беларуси, отошедшие к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой, оказались на стыке нескольких культур. В условиях Полесской и Подольской фронтирных зон были представлены уникальные этнические группы с не менее специфическими лингвистическими особенностями. Стереотип о закрытости и изолированности некоторых из них, например полещуков, не отвечает условиям проживания, уровню бытовой культуры, специфике «отхожих» промыслов. Все это в комплексе подтверждает их открытость к контактам. Количество и качество этих контактов не стали критическими, что помогало сохранять свою специфику.

Этническая принадлежность подавляющего большинства крестьянского населения деревень и местечек Полесья и Подолья в начале XIX в. в официальных документах, записках, исследованиях, как правило, не определялась однозначно. Наиболее часто встречающаяся формулировка – «коренное» население. Далее могла указыватся так называемая группа. Как варианты – полещуки, галицко-подольская группа, словяно-русы, русины или руськие, подоляне. Видные теоретики национализма, среди которых не последнее место принадлежит Хансу Кону, убеждены в том, что для перехода на иной уровень восприятия себя и окружающих в плане формирования национальной идеи наиболее принципиальным элементом выступает наличие живой и активной общественной воли. Для этого необходимым было выделение определенной социальной группы, которая бы взяла на себя выполнение этой функции (Кон, 2010: 38–39). Однако отсутствие такой группы (в первую очередь интеллектуальной элиты), которая в исследуемый отрезок времени смогла бы «вообразить» и территории, и их население (например, тех же полещуков) в качестве гипотетического политического «материала», не позволило выйти за границы локальной специфики.

Литература

Андрухович Ю. Дезорієнтація на місцевості. Спроби // Час і місце, або моя остання територія. Івано-Франківськ, 2006. С. 118–126.

Антонюк Г. Западные полешуки // Збудінне. 1993. № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://www.poleschuki.livejournal.ru

Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. Вильно, 1892.

Берг Л.С. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Петроград, 1923.

Берг Л.С. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Петроград, 1923.

Бобровский П.О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. СПб., 1863 Т. 1. С. 621–623.

Бреская О. Введение в пограничную теорию // Перекрестки. 2007. № 1–2. С. 165–166.

Бутович В.Н. Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев, 1916.

Відділ рукописних фондів і текстології Інституту літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України. Фонд 63. № 4; Руданський С. Копа пісень: зб. пісень з нотами. 60 пісень. 1862. Автограф. Надгорода. Фонд 63. № 3; Викул П.Ф. По поводу столетия восоединения Подолии с Россией. 1793–1893 гг. Каменец-Подольский, 1893.

Головацкий Я.Ф. Этнографическая карта Русского народонаселения в Галичине, Северо-Восточной Угрии и Буковине. М.: Из-во Императорского Общества Истории и древностей Российских при Московском университете, 1878.

Дуличенко А. Д. Малые славянские литературные языки (микроязыки) // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005.

Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под общ. ред. П.П. Семенова, Вице-председателя императорского русского географического общества. Т. 3. Ч. 2. А. Киркор. Западная и Южная Россия. Белорусское Полесье. Спб.; М., 1882.

Зеленский И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. СПб., 1864. Т. 1. С. 36, 409, 411.

Исторический архив в Вильнюсе. Ф. 596. Оп. 1 Д. 207.

Коваленко Б.О. Відбиття рис подільського говору в рукописній спадщині С. Руданського, А. Свидницького // Лінгвістика. Збірник наукових праць. Луганськ: ЛНУ ім. Т. Шевченка, 2010. № 3(21). С. 215–223.

Кон Ханс. Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империй и национализма / Ред. составители: И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2010. С. 27–61.

Коялович М. Документы, объясняющие историю западнорусского края и его отношение к России и к Польше. Напечатано по определению Археографической комиссии. Историческое исследование о Западной России, служащее предисловием к собранию документов. СПб.: Типография Эдуарда Прада, 1865.

Несторовский П.А. Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк. Варшава, 1905.

Остапчук О. Изменение государственных границ как фактор формирования языковой ситуации на Правобережной Украине на рубеже XVIII–XIX вв. // Регионы и границы Украины в исторической перспективе. М., 2005.

Перепись населения 1897 г. Минская губерния. 1904. Т. XXII.
Перепись населения 1897 г. Волынская губерния. 1904. Т. VIII.
Руданський С. Твори. Т. 1. Пісні, приказки, байки, небилиці, співи. К., 1972.
Соболевский А.И. Очерк русской диалектологии // Живая Старина.1892. № 4. С. 11–47.
Ставрович Ф. Опыт исторических и этнографических исследований о Северо-Западном крае. Вильна, 1870.
Терешкович П.В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы. Минск: БГУ, 2004.
Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dal.sci-lib.com
Чубинский, П.П. Малоруссы юго-западного края. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряженной Императорским Российским Географическим Обществом. Т.VII, вып. 2. Петербург, 1877. С. 362–364.
Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. СПб., 1858.

Примечания

1 В течение всего XIX в. в отношении этнических украинцев Галиции использовался именно этот этноним либо же его вариант «рутены».

2 Я. Длугуш являлся автором одной из средневековых хроник.

3 Дискуссии о том, является ли русинский язык отдельным языком или диалектом русского или украинского языка, продолжаются до сих пор. По мнению украинских этнографов, лингвистов и филологов, западных энциклопедий (Британика), русинский язык является одним из западных диалектов украинского языка, русины – субэтносами украинцев, сам этноним «русины» – устаревшим названием украинцев. Есть точка зрения, в соответствии с которой русины – отдельный от русских и украинцев восточно-славянский этнос. Высказывается мнение, что в советское время русины были принудительно отнесены к украинцам, а их национальная идентичность подавлялась. Названия «рутены», «рутенский» (лат. Rutheni, Ruteni, Ruthenian, Ruthene) также считают историческим названием украинцев – подданных Польши и Австро-Венгрии (о чем говорилось выше), в межвоенный период – и Чехословакии.

4 Такой термин предложила в своей статье «Исторический текст Ad Mardgenem или разделенная память разделенных городов?» (Ab imperio. № 4, 2004) О. Бердникова.

5 Как и большинство участников освободительных движений первой половины XIX в., он учился в Вильне, в медико-хирургической академии. Принадлежал к тайному «Демократическому обществу», которое позже было переименовано в «Молодую Польшу». Сотрудничал с пинским центром «Содружества польского народа» С. Конарского. В 1838 г. был арестован и отправлен на Кавказ в действующую армию. После побега нелегально жил на территории современной Житомирщины.

6 ТАМ БЛІЗКО ПІНЬСКА
Там блізко Піньска на шыроком полю,
Гдзе між лугамі плыве Струмень быстры,
Там сідзя Літвін расказываў сву долю,
З боку Валынец сідзеў заточысты,
Зперэду Пінчук веслом ся спірае
І на гутарку пільна ўважае.

«Гдзе ж ся подзілы эты давны літы,
Шчэ мы за власны грошы соль куплялы,
Шчо бэз рашпорту ідэі хоць в край світа,
Шчо мы Москаля і в очі нэ зналы!
Гдзе кінеш – радасць музыкі іграюць,
Мёд, піва льется, дзевчата гуляют.
А тут шынкарка частуе прыгожа:
Тагды то Польшча свяцілася Божа!
Малы падаткі – грошы як мякіны,
У хляве каровы, бычкі, свіні,
У каморэ поўна, хоць спі на своях,
У хаце чысценька, як в паньскіх пакоях.
Так то бывало ў нас і між вамі!
А цяпер гдзе ж тые шчасце ся подзіло?
Гдзе глянеш – люде брашчат ланьцугамі,
Гдзе кінеш – слёзы, аж жыты не міло,
Бо з чэловіка высысают сілы –
А всё то цары Москалі зробілы!...
Літвін, Волынец, подайце ж мі рукі,
Так-прысягаем на Господа Бога,
Царам на згубу – панам для наукі,
Шчо на той землі не повстане нога,
Ані это поганьска, ані гэта тыраньска-
Хоць ся вкорэніт як сіла шатаньска.
А ты на небе всемогушчы Божэ,
Ты Пан над намі, Ты Пан справядлівы,
Нехай нас бедных Тво ласка вспоможэ,
А кто не шчыры, кто несправедлівы,
Нехай прападзе з родам і з насеннем,
Нехай чорт срэжэ з чадом, паколеннем».
Сказав, всё тры поцэловались,
І по чарцэ выпілі гарэлкі,
І по калачу взялы з тарэлкі.
І доўга собе міловались.
А солнцэ свіціт, і вітэр не гудэ,
Бо ся здзівылы – шчо то вільны людэ!
Там, возле Пинска,
Там возле Пинска на широком поле, где меж
Лугами плывет Струмень быстрый,
Там сидя литвин рассказывал о своей доле,
С боку Волынец сидел заточистый,
Впереди Пинчук на весло опирался
И к разговору внимательно прислушивался.
Куда же девались те давние лета,
Еще мы за свои деньги соль покупали,
И без паспорта могли идти хоть на край света.

А Москаля мы и в глаза не видели!
Куда не глянешь – радость музыки играют,
Мед, пиво льется, девчата гуляют.
А здесь шинкарка угощает пригожая:
Тогда-то Польша святилась Божья!
Небольшие налоги – деньги как мякина,
В хлеву коровы, бычки, свиньи,
В каморе полно, хоть спи на сваях,
В хате чистенько, как в панских покоях.
Вот как бывало у нас и между вами!
А теперь куда же девалось все это счастье?
Куда ни посмотришь – люди звенят цепями,
Куда ни посмотришь – слезы, так, что жить не любо,
С людей высасывают силы –
А все это цари Москали учинили…
Литвин, Волынец, подайте ж мне руки,
И поклянемся Господу Богу
Царям на погибель – панам для науки,
Что на земле той не встанет нога
Ни эта поганья, ни эта тиранья.
Хоть и вкоренится как сила лихая.
А ты, на небе, Всемогущий Боже,
Ты Господин наш, господин справедливый
Пусть нам, бедным, твоя милость поможет,
А кто не искренен, тот не справедлив.
Пусть пропадет с родами и семенем,
Пусть черт сожрет с чадом, поколением».
Сказавши это, втроем расцеловались
И водки выпили по чарке
И по калачу взяли с тарелки
И долго собой любовались.
А солнце светит и ветер не шумит
Потому что удивились –
Что значит свободные люди!

7 Основным содержанием деятельности лаборей являлся сбор денег на строительство или ремонт церквей.

8 Именно в этой деревне в 1874 г. родился один из видных деятелей сионистского движения, первый президент государства Израиль Хаим Вейцман (1949–1952).

9 Первые очерки, в которых были представлены материалы исследований четырех местечек белорусского Полесья, изданы в Вильне в 1866 г. Позже, в 1870 г., «Опыт исторических и этнографических исследований о Северо-Западном крае», был переиздан также в Вильне.

10 Яново попеременно переходило в руки частных польских владельцев, от одной фамилии к другой. Сначала им владели Оржешки, потом Дмуховские, последними были Куженецкие. Существовала и легенда, связывавшая местечко с Шуйскими.

Гелинада Гринченко

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И МОДЕЛИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В УСТНЫХ ИСТОРИЯХ УКРАИНСКИХ ОСТАРБАЙТЕРОВ

Abstract

Analysing the oral histories about forced labour experience in Nazi Germany during World War II, we can group these widely different "life stories" in accordance with definite criteria, such as, for example, strategies of self-presentation, and "formulas" of inscribing the forced labour experience into the entire autobiographical narrative. In this article "accommodation formulae" of subjective experience of forced labourers embedded into autobiographical narrative of storytellers are investigated; three variants of self-presentation in the process of their own life storytelling based on the formulae are analyzed.

Keywords: oral history, forced labour, World War II, ostarbeiters, autobiographical narrative.

Проблематика и терминология, связанные с изучением памяти как категории исторического познания и устной истории как метода ее исследования, на сегодня остаются в центре дискуссии об эвристической ценности категории «память» в разных ее модификациях, о структурной и содержательной составляющей этого феномена. В своем развитии устноисторические исследования уже давно пересекли рубеж сугубо инструментального (иллюстративного) исследования устных интервью и направлены сегодня, прежде всего, на анализ процессов «забывания» и «запоминания» прошлого и возможностей их реконструкции, изучение проблем, связанных с манипулированием памятью со стороны государства как средством легитимации определенных режимов власти, исследование специфических «мнемотехник»,

конструирующих определенные поля исторического самосознания разных социальных групп. Вместе с тем устные интервью предусматривают изучение языка повествования, нарратива как рамочного конструкта в создании особой реальности в человеческом сознании, а также отображения в этом конструкте культурных ориентиров и практик общества и эпохи, в которых живет человек, взаимодействия индивидуального опыта и исторической памяти всего общества.

Неотъемлемой чертой любой устной истории является сложное переплетение припомнившихся событий и фактов, с одной стороны, и их личностных интерпретаций и субъективных оценок – с другой. Уже с конца 1970-х гг. устные историки пришли к заключению о необходимости исследования не только «объективных фактов» или «истинной истории простых людей», но и субъективности повествования, изучения рассказывания как культурной практики, а истории – как формы описания, интерпретации и репрезентации того или иного события, ведь, по их мнению, особенность устных источников заключается в том, что они доносят до нас информацию не столько о событиях прошлого, сколько о значении этих событий[1]. Большую роль в этом процессе сыграло привлечение к анализу устных интервью теории нарратива, благодаря чему «объективные факты» свидетельства стали рассматриваться как сросшиеся с их интерпретациями, следовательно, и понимание этих фактов начали искать путем анализа устной истории как нарратива: ее последовательности, сюжета и метафор как доминантного модуса историко-культурного понимания того, как запоминается прошлое. Одновременно появилось осознание интерсубъективности интервью как поля взаимодействия аналитического языка историка, обусловленного его профессиональной идентичностью и политическими убеждениями, и культурно-исторически обусловленного языка рассказчика, в котором «запечатлен» его опыт[2].

Устные истории, о которых в данной статье пойдет речь, были записаны в 2006 г. в Центральной, Восточной и частично Южной Украине, не включая полуостров Крым, в рамках проекта сбора документальных свидетельств о судьбах людей, в годы Второй мировой войны привлекавшихся к рабскому и принудительному труду на территории Третьего рейха (International Slave and Forced Labourers Documentation Project). Половину интервью мы записали в городах (как крупных, так и небольших), половину – в районных центрах, деревнях и селах. Из 40 устных историй 23 были рассказаны женщинами, 17 – мужчинами. Средний возраст рассказчиков на момент проведения интервью составлял 82–84 года, большинство из них родились в 1924–1926 гг. и попали в наиболее массово вывозимую группу принудительных рабочих. Самой старшей из наших собеседниц было 92 года (1914 г. р.), самому младшему, вывезенному на работы в Германию вместе с семьей и работавшему на уборке трудового лагеря, улиц и вокзала в Берлине, – 69 лет.

По своей структуре это полуоткрытые нарративные автобиографические интервью продолжительностью по 3,5–4 часа, которые строились по известной схеме последовательного чередования первой (открытой), второй (разъясняющей), третьей (содержащей открытые вопросы) и четвертой (критической) фаз. Помимо подготовки двух копий интервью (на стандартных кассетах в случае аудио- и на кассетах BETACAM в случае видеозаписи) участники проекта оформляли транскрипт, составляли протокол интервью и краткую биографию опрашиваемого, а также заполняли подробную анкету, содержащую ответы на вопросы, которые впоследствии составили стандартизированную базу биографических данных бывших принудительных рабочих[3].

Из 13,5 млн иностранцев, которые на протяжении всей Второй мировой войны работали на территории Германии и оккупированных рейхом землях, 8,4 млн были гражданскими лицами, которые попали в рейх из разных стран Западной и Восточной Европы. По состоянию на 30 сентября 1944 г. около 2,5 млн гражданских рабочих рейха были гражданами Советского Союза – остарбайтерами[4]. На территории рейха они работали во всех областях и сферах использования труда иностранных гражданских рабочих: на заводах и фабриках, железных дорогах и в строительных организациях, сельском и домашнем хозяйстве. Освобожденные в 1945 г. как советскими, так и союзными войсками, они по несколько месяцев ждали отправки домой, проходя длительные проверки в советских проверочно-фильтрационных лагерях, а также проверочно-фильтрационных и сборно-проверочных пунктах, после чего мужчины призывного возраста часто шли служить в ряды Красной Армии, а женщины от одного месяца до полугода работали при различных воинских подразделениях, в том числе на работах по демонтажу и вывозу на территорию СССР германского промышленного и сельскохозяйственного оборудования, различных материальных ценностей. Вплоть до прекращения существования СССР эта категория участников войны оставалась политически непризнанной, а их социально-правовой статус неурегулированным. В 1995 г. в соответствии с дополнениями к Закону Украины «О статусе ветеранов войны и гарантиях их социальной защиты» к перечню лиц, которые признавались участниками войны, добавлялись также те, кто был «насильно вывезен с территории бывшего Союза ССР в период Великой Отечественной войны на территории государств, которые находились в состоянии войны с СССР или были оккупированы фашистской Германией, если они не совершили в этот период преступлений против родины»[5]. В свою очередь, Законом Украины от 23 марта 2000 г. бывшие принудительные рабочие наряду с узниками концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания были признаны жертвами нацистских преследований[6].

В своей работе с устными историями бывших украинских принудительных рабочих – остарбайтеров мы исходили из того, что весь массив этих источников, на наш взгляд, можно анализировать с двух точек зрения: *института* принуж-

дения к труду и *опыта* принуждения к труду. При изучении *института* принуждения к труду как феномена военного времени исследовательский интерес чаще всего направлен на поиск дополнительной информации о жилищных и бытовых условиях и распорядке дня, на характеристику производственного процесса, методов поощрения и наказания, определение специфики системы обеспечения того или иного лагеря и т.п. Если же поставить перед собой задачу изучения *опыта* принуждения к труду, который и после окончания войны не раз подвергался личностному переосмыслению вплоть до сегодняшнего дня, полностью новый взгляд на феномен принудительного труда дает нам развитие смыслов интервью и интерпретация символов, метафор и значений, содержащихся в нем. Здесь наибольшее значение для исследователя приобретают субъективность изложения рассказчиком особенностей собственного опыта, попытки интерпретации и объяснения событий прошлого, которые, вероятно, мало добавляют к «объективной» информации об этих событиях, но дают представление об их психологической цене для непосредственных участников, становятся источниками изучения механизмов формирования коллективной и индивидуальной памяти и способов их актуализации. В этой связи особую актуальность приобретает ставшее уже хрестоматийным для современного устного историка утверждение: «То, во что верят информанты, в той же мере составляет исторический факт (факт того, что люди в это верят), что и реально случившееся событие»[7]. Поэтому при анализе устноисторического свидетельства наряду с проверкой фактической достоверности важное значение для нас имело исследование именно несоответствия, отклонения повествования от реального исторического факта, что, в свою очередь, дало возможность изучения так называемой «нарративной правды», которая предопределяет отбор тем и сюжетов рассказа, организовывает их содержание, обеспечивает невербальный аккомпанемент устной истории и тем самым предоставляет историку дополнительные возможности для понимания опыта и его значения в жизни человека. В свою очередь, анализ опыта принуждения к труду в нацистской Германии во время Второй мировой войны, базирующийся на изучении развития смыслов интервью и интерпретации символов, метафор и значений, содержащихся в нем, позволил также исследовать «формулы вписывания» этого опыта в автобиографические нарративы рассказчиков и построенные на этой основе варианты «представления себя» в процессе рассказывания собственной истории жизни, то есть определенные модели самопрезентаций[8].

В результате анализа автобиографических интервью наших информантов мы пришли к заключению о наличии трех основных стратегий «представления себя» бывшими украинскими остарбайтерами[9]. Во-первых, это стратегия соответствия – нормам и стандартам жизни советского общества, а также официальной, принятой в этом обществе версии о войне. Стратегия соответствия чаще всего не допускает возвращения к теме принудительного

труда после того, как она была однажды описана в пределах соответствующего тематического блока, по логике биографического конструкта этот опыт не является определяющим в дальнейших жизненных практиках информантов. Жизнь этой группы людей – «нормальная», «как у всех», и в своих автобиографических нарративах они больше внимания уделяют рассказам о своей семье, работе, различных жизненных успехах и неурядицах. Характерно, что непосредственное пребывание на принудительных работах, по их словам, никак не повлияло на отношение коллег или знакомых и не препятствовало дальнейшей жизни и работе:

> «Вот я не помню… Ну, мне никто ничего никогда не говорил, что "ты вот была в Германии". Нет, никто… Я ж говорю, у нас был парторг, он умер… Так он даже ходил по пятам за мной: "Шура, вступай в партию, Шура, вступай в партию". Я говорю: "Да нет. Я еще нет. Я еще не созрела"»[10].
>
> «– А вот когда на работу устраивались, никто вас там, мол, не притеснял из-за того, что вы в Германии были?
>
> – Нет, нет.
>
> – Легко, да, устроились сразу на работу?
>
> – Ну потом я… побыла ж дома, пока сынок маленький был. Потом пошла в колхоз. Немножко так я поработала рядовой, потом меня бухгалтер взял у контору. Бухгалтер колхоза… он меня сначала взял… на молотарке весовщиком, потом взял у контору весовщиком бухгалтера. Я проработала помощником бухгалтера 12 лет у колхозе. После этого меня избирают секретарем сельсовета. И до пенсии я доработала секретарем сельсовета»[11].

В то же время рассказ о пребывании на принудительных работах бывшие остарбайтеры достаточно удачно «вписывают» в советский вариант войны в целом и в советскую версию истории принуждения к труду в частности, а именно в принятую в СССР «версию сопротивления». Об этом свидетельствует, во-первых, рассказ об обязательном, пусть минимальном и незначительном, но вреде, который остарбайтеры пытались нанести, работая на промышленных предприятиях, в строительных и других организациях:

> «Делали немножечко там брак. Защищали Родину. Немножечко делали… Французы – не знаю, а мы, девчата, делали. (Тихо) вот так зайдешь в туалет, а там полно брака. Делали. А душа была вроде… Легче было нам. Что мы ж все-таки как-то… делали»[12].

Во-вторых, соблюдение «версии сопротивления», на наш взгляд, реализовывается в историях о разных видах непослушания или о демонстративном нарушении дисциплины, к которым прибегали остарбайтеры. Впрочем, в обоих этих

случаях главным является стремление рассказчика любыми средствами показать себя борцом и участником сопротивления, а не пассивным и молчаливым «рабом»:

> «Ходит начальница, между столами которая: "Шнель! Шнель! Шнель! Работать! Шнель! Быстрей работайте, туда-сюда". И она отвернулась, а я как от сидела, та так ей – на тебе язык! Все засмеялись. Она как оборачивается сразу – и увидела. Как взбесилась она: "Как так, немку передразнила!" И сейчас подняла там, жалобу, вызывает мастера – туда-сюда, так и так – "униз ее туда, на формовку". А там как поработал два месяца – и с копыт долой, отравление пылью этой, и все – целикоз легких. Ну туда, так туда – ничего ж не поделаешь, заработала»[13].
>
> «А мій сусєд як ішов із лагеря, розказував, та й тот, коли їх вели на роботу, а він во: (поет) "За Родіну! За Сталіна!" Так вони як далі йому й за Родіну, й за Сталіна, так він тоді і без сознанія лежав, та й усе. Ото тобі й за Родіну, й за Сталіна»[14].
>
> «Ми ж когда ноччю работали, ноччю когда работали, а дньом ми були свободні, дома були. І ми начали там у Берліні вискакувати. З проволоки вирізали дірку, хто-то ви… це не я, хлопці вирізали, вона одкривалася та хвортка, закривалась, проволока колюча. І отам барак ідеш, по путях, отам Галєнзеє, станція була… Так начали ото… вискочим туда, у Берлін на станцію. Там їздили ми по тому. І ото на тому… заходиш, ми ж стремились у магазін, ото де хлєбний магазін… І ми ото роздобудем… Ну за ето ганяли німці, строго наказували»[15].

В отличие от рассказов о работе на крупных предприятиях, в которых образ «хозяина» часто деперсонифицирован и олицетворяет не конкретного человека, а нацистское государство в целом, в историях пребывания на принудительных работах в сельских или домашних хозяйствах, где остарбайтеры очень тесно общались со своими «хозяевами», версия сопротивления находит другое выражение. Сопротивление насилию над человеком, который вынужденно оказался в подчиненном положении, реализовывается здесь в инверсии отношений власти, главным образом, благодаря изображению бывшим остарбайтером себя как человека равного или превосходящего своего хозяина в каких-то знаниях, умении, опыте.

Так, например, мы записали многочисленные рассказы о дружеских отношениях молодых украинских работниц со своими хозяйками (если они были почти одного возраста), о случаях родительской опеки и определенного «принятия» остарбайтеров в семью хозяев (преимущественно если эти остарбайтеры были одного возраста с детьми немцев), даже истории о любви «хозяйского» сына к работнице:

> «А він як забира мене, тот… син оцей, – я кажу так, як є, – забира ж отдєльно, забира мене на піч, щоб я ганяла птичок. А він у мене та вхлопався. Улюбився. А в мене коси ще такі длінні були, і не одрізав ніхто, провіряли ж усе, єслі в кого найдуть, зразу помажуть маззю, така, що ти й голову забудеш ото. І вели ото мене де тут, а хлопці й кажуть: "Юта, як буде він вдруг тебе насільнічати – кричи. Ми його тут тоже… Не імiє він права трогати тебе". Ну, а він не трогав. Він каже: "Не бойсь, я тєбє не трону. Конєц войни – ти будеш у мєня женой"»[16].

Показательным примером отношения к работнице как к человеку равному, человеку, которого считают настолько «своим», что доверяют хранить во время бомбардировки ценные семейные вещи, является такой эпизод:

> «Вот как тревога, хозяйка: "Идем, Александра, в бункер, идем, Александра". Давала она мне вот такой мешочек с чем-то тяжелым: "Неси, Александра". Вот чего-то она мне доверяла. Ну, мне кажется, там это было или сбережения, или золото, или серебро, что-то было. Ну, вот такой мешочек. И я тащу тот мешочек (со смехом) и за ней иду, в бункер спускаемся. В метро, мы в метро, это, на станции прятались от бомбежки. Кончилась бомбежка, возвращались домой, и опять… Доверяла она мне. Доверяла. И питались мы за одним столом»[17].

Инверсия властных отношений в этой группе рассказов осуществляется и прямым позиционированием рассказчиком себя как человека, который имеет определенную свободу действий и является «хозяином положения» в реализации собственных склонностей и приоритетов:

> «Я як наберу, пацани ото, такі пацани лєт по восім, любителі їздить на конях, вони мені віжки подбирають зразу, я їм даю, вони правлять, куди їхать знають, за мной ото, а я свищу свістом песню "Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин", оцю песню, а вони ж на вус мотають і собі ж підсвистують, і понаучувалися, і свістять, увесь город свистить, я де не їду – уже сидять пацани: "Ей, Петро" – і біжать. Я їм кажу – та сідайте, повилазять, сідають. "А ну, шо ето"... і не ету, кода, а другу пісню "...наши танки бистри" тоже. І вони це все понаучувалися, і весь город знає цю пісню, ходять, співають. Дівчата йдуть із фабрики чи з завода, кажуть – оце ти, Петро, понаучував всіх дітей. Я говорю – хай знають це шо, це наші пєсні, руські...»[18].

Однако (и это важно отметить) советская версия сопротивления предусматривала сопротивление именно врагу, однозначно негативному фашисту, поэтому наличие в рассказах позитивных характеристик как рядовых немцев,

так и «хозяев» мы посчитали элементом современного осмысления проблемы принудительного труда, «смысловые рамки» которой не в последнюю очередь сформированы практикой компенсационных выплат.

Следующую стратегию «представления себя» мы назвали стратегией самооправдания с помощью обвинения, когда рассказчик стремится оправдаться перед обществом и государством за «измену», которую, сам того не желая, вынужденно совершил, работая на территории враждебного государства. В этом случае тема принудительного труда звучит на протяжении всей биографии как значимая и детерминирующая весь последующий жизненный опыт, а бывший остарбайтер позиционирует себя не как борца, а как жертву: обстоятельств, агрессивной политики двух тоталитарных государств, развязавших войну, и дальнейшей политики советского государства по отношению к остарбайтерам. Эта стратегия характерна преимущественно для людей с пассивной жизненной позицией, у которых не сложилась личная или профессиональная жизнь и которые все свои неудачи и ограниченную реализацию жизненных планов объясняют именно фактом пребывания на принудительных работах в нацистской Германии.

С точки зрения влияния коллективных представлений на индивидуальное осмысление опыта пребывания на принудительных работах эта стратегия представляет собой пример вписывания частной истории жизни в «неофициальную» в отличие от версии сопротивления точку зрения советской власти на остарбайтеров как изменников и преступников:

> «Тогда нельзя этого было делать, ну оно как-то презирали этих людей, они были, они были, как сказать, изменники Родины – вплоть до того, что изменники Родины. "Я работал на Германию" – всё, этим всё сказано. Я в Германии был? – был. Работал? – работал. До свидания. Ну, самое простое такое, аргументы. И факты, как говорится. Работал – работал, всё. Изменник Родины, чи как оно – против Родины…»[19].

Почти все рассказчики этой группы в своих устных историях подчеркивали необходимость сокрытия факта своего пребывания на принудительных работах, в первую очередь от окружающих – коллег, друзей, знакомых, ведь в их коллективных представлениях работа в Германии была позором:

> «От мужа я не скрывала. Мы скрывали от всех наших знакомых… вот сейчас же люди говорят: "Алла, а мы не знали, что вы были в Германии". Понимаете? Мы скрывали это. Понимаете, мы как бы были, ну как… Мы были так угнетены, обижены, что вот свою боль, вот эту. Ну, скажешь этому человеку, а человек это поймет иначе. Другие люди говорили: "Вы ж добровольно уехали. Вас никто не вывозил. Вы ж поехали в этих СВ, или как они называ-

ются, купе". Попробуй докажи, что ты поехала не в купе… Поэтому, конечно, даже мои знакомые, с которыми я потом дружила, с завода "Арсенал" – никто не знал, что мы были в Германии. Только знали анкеты»[20].

В отличие от предыдущей для этой группы рассказчиков характерно использование крайне негативных оценок всех немцев, наличие штампов и устойчивых конструкций предыдущей советской эпохи – «немецко-фашистские нелюди, палачи, душегубы, звери». Привлекает внимание и краткий, «телеграфный» стиль передачи опыта пребывания в Германии, а также его «растянутость» по всему интервью. На наш взгляд, это связано с тем, что опыт пребывания в Германии оказался очень травматичным для этой группы людей, и к травме насилия над волей со стороны нацистского государства добавилась не меньшая травма ограничений, презрения и пренебрежения со стороны государства советского, перебороть которую у них не хватило сил в течение всей жизни.

Характерное введение в рассказ образа врага-нациста содержат устные истории тех респондентов, кого вывезли на принудительные работы в раннем возрасте вместе с родителями. Свое негативное отношение к немцам они экстраполируют на тех, кто был близок им по возрасту и с кем они имели больше возможностей контактировать, – на немецких детей:

> «Но дети все равно издевались над нами. Дети, я помню один мальчишка, (сурово) наверное, эсэсовец был, не наверно, а точно эсэсовец. Так он все время так (грозно): "Руссише швайнэ рае! Руссише швайнэ рае!" – так с презрением таким… Я думала: "Если придут наши, так я тебя уничтожу!" (Со злом). Такое у меня было, понимаете… И я его один раз встретила на улице. Но он был большой мальчик. Ему было… Если мне было девять – ему десять лет... Так и… я так на него посмотрела и говорю… Вот так говорю: "Дойчланд, дойчланд – юбер алес. Дрались, дрались…» (Смех.) И, сказала полностью это слово, понимаете. Но он на меня… он белый стал. И он на меня посмотрел и вот так вот… Он бы меня убил вот сейчас (громко). Но я ему высказала все, что хотела (спокойно). И мне было так легко. Легко тем, типа того, что я отомстила ему, за его оскорбления (плачет)»[21].

Эта разделенная на части история, центральная в рассказе о пребывании нашей респондентки А. Горевой на принудительных работах в нацистской Германии, символична с нескольких точек зрения[22]. Во-первых, с точки зрения изучения того значения, которое автор вкладывает в описываемое событие и свой опыт пребывания в Германии. Для самого яркого эпизода своего нарратива А. Горева избрала емкую и язвительную пословицу явно не из детского репертуара (во время интервью она постеснялась произнести ее окончание), которой подытожила не только собственное пребывание на принудительных работах,

но и войну в целом. Большое значение имеет здесь и совокупный образ антигероя рассказа. С одной стороны, это «большой мальчик», то есть уже не ребенок, обиды которого рассказчица оправдывает заключительной репликой эпизода: «Ну, это дети – это вполне естественно». С другой стороны, характеристики «точно эсэсовец», «убил бы вот сейчас» отсылают скорее к совокупному образу врага-нациста, чем описывают реального подростка-обидчика, который по возрасту мог быть членом гитлерюгенда, но не СС.

Во-вторых, значимость этой истории заключается в ее функциональных особенностях. Кроме рамочного обрамления всех историй, в которых главной героиней выступает рассказчица, структурообразующее значение здесь имеет мотив восстановления справедливости. Его реализация придает законченность тематическому блоку, посвященному войне и ее месту в автобиографическом нарративе А. Горевой: высказывание, от которого стало «так легко», компенсирует не только горечь детской обиды, но и служит символическим возмещением за все испытания военного времени.

Диаметрально противоположной выделенной нами стратегии самооправдания с помощью обвинения является третья стратегия – стратегия протестной социализации, когда индивид позиционирует себя активным в социальном плане субъектом и пытается минимизировать влияние «принудительно-трудового» этапа на свою жизнь в целом, хотя и осознает его значимость. Эта стратегия свойственна людям, которые определенным образом протестовали против системы ограничений, наложенной советским обществом на профессиональные и личностные практики тех, кто во время войны работал на территории нацистской Германии. Эта система, действовавшая в первые послевоенные годы, включала, среди прочего, негласные указания о нежелательности брака с бывшими остарбайтерами, ограничения при поступлении на учебу или работу, запрет на возвращение для постоянного проживания в Киев, Москву и Ленинград лицам, которым на момент вывоза на принудительные работы исполнилось 18 лет, и т.д. Однако в отличие от предыдущей модели самопрезентации протестная социализация допускала постоянную борьбу за реализацию собственных (часто амбициозных для окружающих) жизненных планов с помощью перманентного поиска путей для обхода существующих запретов: это были смена фамилии, сокрытие факта пребывания на принудительных работах при вступлении в брак и приеме на работу, различные уловки при прохождении проверок и т.п. Интересным примером протеста против ограничений, например, в карьере, реализованного в виде сознательного раздражения окружающих и показательного дистанцирования от коллектива, является такой эпизод:

> «Относились ко мне там на работе более или менее нормально, но было негласное указание партийных органов городских, те, которые были в плену, и те, которые были в Германии, угнанные, это я… остарбайтеры, их не про-

двигать по службе, ничем не премировать, ничем не поощрять, значит, держать их, проще говоря, в черном теле… и я решила – ах, раз мне нет возможности создать карьеру себе, допустим, в аспирантуру там пойти или еще каким-нибудь способом думать о карьере, – ну что ж, есть другие еще в жизни интересные вещи, как спорт, как музыка, концерты, театры. И я жила, как многим казалось, в свое удовольствие. Я, можно сказать, но скажу, была всегда красиво одета, как сейчас вспоминается, была, нас было двое самых элегантных женщин в Гипрококсе, я и еще одна женщина. Мы всегда модно, красиво одевались, вот. Потом, я всегда ходила в филармонию, в концерты. Потом я занималась, то в волейбол играла, то потом в настольный теннис, в общем, жила как бы в свое удовольствие, но это было результатом того, что у меня не было своей семьи, а семьи я так и не создала»[23].

Необходимо отметить, что тематический блок рассказа о принудительном труде эта группа информантов так же, как и в первом случае, помещает в рамки навязанной советской идеологией версии сопротивления, но уже не столько для того, чтобы доказать свою лояльность официальному дискурсу о войне, сколько для того, чтобы подчеркнуть активную жизненную позицию. В рассказах этой группы респондентов примеры сопротивления также имплицитно инвертируют властные отношения, однако основной интенцией здесь выступает идея восстановления справедливости, в реализации которой главную роль играет именно рассказчик. Даже воспоминания остарбайтеров, вывезенных на принудительные работы в возрасте 5–6 лет вместе с родителями, содержат эпизоды своеобразного детского протеста и мести:

«Наших солдат человек шесть ходило впереди и я замыкающий, значит, и вошли в эти самые, в эту оранжерею, или как ее назвать, цветочную или что. Вот мы идем и рассматриваем, да. Вот солдаты что-то там говорят между собой… и вот там возле некоторых вазонов вот этих с цветами, да… Все так красиво было, благоухает, солнце бьет через стекла… Стоят фотографии немецких солдат, немецких офицеров, в таких красивых рамках, не кое-где, везде. Ну, я не знаю, или тут работали женщины, это были их мужья там, сыновья, но, тем не менее, перед этим же проходили наши части, уже они освобождали ж это… И вот когда я увидел эти фотографии да… я начал это все рушить. Рушить, да. Ну, немцы, немецкие фотографии, немецкие офицеры… Да. И я стал это крушить. А там, значит, какой-то солдат говорит: “Малыш, перестань! Перестань добро рушить!” А второй говорит: “Да пусть отведет душу, пусть отведет! Хоть здесь отведет на фрицах душу!”»[24].

Чаще всего этот протест (в основном в рассказах мужчин) проявлялся уже не в преодолении властных отношений или восстановлении справедливости,

а в практике, названной нами авантюрно-приключенческой. Повествования бывших остарбайтеров содержат истории о невероятных случаях побегов, о способах облегчения работы, поражающих своей хитростью, об обманах и злодействах, оставшихся незамеченными или наказанных несоответственно мягко. Примечательно, что все эти случаи респонденты описали не как тяжелое травматическое воспоминание, а как азартное юношеское приключение. Например, рассказ Павла Толстого[25], вывезенного на принудительные работы в 14 лет, состоит из эпизодов побегов (с нескольких заводов в Берлине и из «бауэрского» хозяйства) и наказаний за эти побеги (от штрафного до концентрационного лагеря). Впрочем, и после освобождения рассказчик не прекращал «шалить» и убегать, в этот раз – из американского и советского лагерей для перемещенных, о чем рассказал с тем же азартом юношеского приключения и определенной «романтикой» беглеца-путешественника, которые структурировали тематический блок непосредственного пребывания на принудительных работах.

Особенности конструирования повествования о пребывании на принудительных работах остарбайтерами, попавшими в Германию в детском возрасте, заслуживают отдельного внимания. Кроме «представления себя» в рамках отмеченных выше моделей самопрезентаций, рассказам этой группы присущи следующие черты. Устные истории детей-остарбайтеров намного ярче передают эмоционально-психологическую «картину» военного времени, чем рассказы бывших принудительных рабочих старшего возраста. Изестно, что значимые для человека воспоминания содержат именно те социальные стереотипы (или подчиняются их давлению), которые господствовали в определенном обществе на момент запоминания события. Все дальнейшие переосмысления могут лишь немного «исправить» те мерки, которые человек применяет, оценивая свое прошлое[26]. Именно в рассказах детей-остарбайтеров события и опыт войны не поддаются переосмыслению и в спектре личных переживаний сохраняют для рассказчиков большое значение. Эти «военные истории» предельно эмоциональны, в них респонденты вводят собственные мысли и слова «из того времени», которыми они их выражали и думали непосредственно во время события, тем самым подчеркивая его высокую психологическую значимость. Исходя из этого, воспоминания о пребывании на принудительных работах детей-остарбайтеров можно рассматривать как воспоминания-вспышки[27] или как яркие мгновения жизни, которые хранят особую «метрику» пространства, адекватную возрасту или условиям восприятия ситуации, и в которых актуализируется «мир переживаний», имевший место собственно в момент фиксации события.

Этой группе респондентов присущ и особый способ вербализации собственных воспоминаний, объединяющий рассказ с описанием, причем именно описание запомнившейся картины – яркого образа прошлого – является доминирующим. Образ прошлого, запечатленный в памяти детей-остарбайтеров,

содержит не только зрительные, но и слуховые, кинестетические, одорные составляющие, воспоминания о которых придают картине многогранность и насыщенность:

> «…Идет вторая волна наших солдат, их уже больше, да. И тут мы уже кинулись им навстречу, начали целовать их, начали целовать сапоги. Вот именно что эти сапоги **пахли** (выделено мной. – *Г.Г.)* дегтем, суглинком и вот чем-то специфическим, неприятным немецким. Да это вот это запомнилось, тоже врезалось так. Именно вот этот третий **запах** врезался. Такой **запах** вот нигде я больше вот не ощущал. Он какой-то специфический, резкий, неприятный **запах**. И это не только в одного, да, и в другого и в третьего солдата. Где они были, я не знаю. **А вот это запах да, вот запомнился**. Вот…»[28].

Особая «метрика пространства» как специфическая характеристика артикуляции детских воспоминаний воссоздается также благодаря продуманной «организации» этого пространства: почти каждый эпизод-картину авторы помещают в четко очерченное пространство географических и материальных объектов – улиц, домов, лесов, рек, разнообразных сооружений. При этом, определяя место расположения объектов разной природы, какими они сохранились в воспоминаниях, рассказчики обращаются к своим нынешним знаниям или пытаются дать бывшие и современные названия сооружений и улиц, где разворачиваются описываемые события. Кроме этой особенности локализации события в определенном пространстве существуют и другие характерные черты организации рассказа-картины, свойственные многим фрагментам и историям бывших детей-остарбайтеров. А именно: ссылка на авторитетное мнение (в интервью с Е. Рудневым, например, на известный роман-документ «Бабий Яр» А. Кузнецова и популярные в советское время «Воспоминания и размышления» Г. Жукова), а также на похожие воспоминания других людей (родителей или знакомых). Такие ссылки дают возможность рассказчику не только подкрепить собственные воспоминания воспоминаниями близких людей – участников описываемых событий (а также имплицитно ввести их в рассказ как действующих лиц), но и расширить смыслообразующую составную события включением «официальных», «экспертных» знаний и оценок, которые дополнительно легитимируют рассказ. Ссылки на воспоминания других бывших остарбайтеров свое смыслообразующее значение приобретают преимущественно в устных историях детей-остарбайтеров. Достаточно часто в этих рассказах упоминаются истории знакомых принудительных рабочих для уточнения и подкрепления фактологической стороны собственного нарратива (дополнительная информация о распорядке дня и условиях работы, детали быта и т.п.), что свидетельствует о стремлении объединить собственный рассказ с воспоминаниями других людей и таким образом коллективизировать первоначально индивидуальный опыт.

Завершая анализ особенностей конструирования идентичности и моделей самопрезентаций в устных историях украинских остарбайтеров, необходимо отметить характерные черты общей структуры их автобиографических нарративов, особенно первой, открытой, не ограниченной и не стимулируемой вопросами интервьюера фазы. Анализ стратегий самопрезентации мы осуществляли в первую очередь на основе этой фазы, но во время и самого интервью, и работы с полученными текстами столкнулись с рядом проблем, главная из которых – сложность для достаточно большого числа информантов в конструировании своего рассказа без направляющих вопросов с нашей стороны. Свободно и без нашей помощи первую нарративную часть выстраивали те, кто уже давал интервью в рамках других исследовательских проектов, а также те, кого принято называть «профессиональными свидетелями», – представители общественных организаций, имеющие богатый опыт рассказов о себе и своем пребывании на принудительных работах, приобретенный на разнообразных встречах, митингах и общественных мероприятиях. Эти рассказы хронологически и тематически логичны, хорошо структурированы, для них характерна устойчивая, многократно апробированная конструкция. Другие информанты, преимущественно сельские жители, имеют ограниченную практику вынесения собственного опыта в публичное поле, потому значительная часть их интервью – это ответы на наши вопросы. Такие ответы часто превращались в «проблемные нарративы», то есть свободные рассказы, которые не прерывались интервьюером, но длились в рамках заранее заданной тематики. Эти особенности построения рассказа о принудительном труде, конечно же, не влияют на познавательные возможности анализа устных историй, но учитывать их необходимо так же, как и, например, огромное влияние институциональной коммуникации на конструирование общей схемы автобиографических нарративов. К заключению относительно этого влияния мы пришли, анализируя интервью трех представительниц одной и той же общественной организации, работавших у разных хозяев и на разных предприятиях: в их воспоминаниях прозвучали идентичные истории – как по своему содержанию и составу участников, так и по конкретным деталям происходивших событий.

Вышеприведенные примеры, конечно, не исчерпывают всех возможностей организации рассказа о пребывании на принудительных работах в нацистской Германии, так же как и наши рассуждения и наблюдения не претендуют на всеобъемлющую интерпретацию всего богатства смыслов и значений устных историй бывших остарбайтеров. К этим, как и к любым, интервью можно ставить огромное количество других вопросов, применять другие подходы и методы анализа, которые составляют сущность критики устноисторического источника. В этой статье мы пытались показать, каким образом, анализируя форму и структуру текста интервью, можно делать выводы о системе представлений

рассказчика и о способах, с помощью которых рядовые люди, имеющие похожий в широком понимании опыт, структурируют свои рассказы и прошлое.

На наш взгляд, эта структуризация отображает определенную устоявшуюся логику передачи опыта от автора нарратива к адресату. Таким адресатом в любом интервью выступает и исследователь, и учреждение, которое, по мнению рассказчика, он олицетворяет, и общество в целом. Эта логика является неотъемлемой частью общей культуры, в которой сформировались мировоззренческие установки и поведенческие практики информантов, то есть культуры советского общества с ее известной идеологизированностью, системой ограничений, которая регулировала рамки, объем и информативную насыщенность сообщений, выносившихся в публичное пространство, ритуализированностью и т.п. Последняя предусматривала выстраивание рассказа при помощи и в рамках определенных формул – устоявшихся, апробированных официальными артикуляциями высказываний, которые не нуждаются в доказательствах, а воспринимаются аксиоматически. Срочный, начатый еще во время военных действий процесс переложения событий войны в набор упорядоченных воспоминаний наполнял коллективную память определенными высказываниями (формулами), которым (но не всем) впоследствии была обеспечена повторяемость, устойчивость и безальтернативность. Не всем – потому что вызовы военного времени и необходимость их послевоенного осмысления не всегда коррелировали друг с другом, и показательным в этой связи является место, которое отводилось именно остарбайтерам: от достаточно весомой роли, предоставлявшейся этой категории «жертв немецко-фашистских преступлений» в официальной, в первую очередь мобилизационной, риторике военных лет, к ее вытеснению на обочину официального советского дискурса о войне. Наиболее распространенной, объединяющей формулой советской версии коллективной памяти о принудительном труде, которая выдержала проверку временем и существовала в течение послевоенной эпохи, стала формула «рабства». Именно она до сих пор является силовым полем, «притягивающим» дискретные воспоминания и организовывающим их в рамках целостного нарратива, и именно вокруг ее подтверждения, опровержения или «смягчения» построено подавляющее большинство проанализированных автобиографических интервью.

Литература

Нуркова В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М., 2000.

Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-т в С.-Петербурге, 2003. С. 32–51.

Brown R. Flashbulb memories // Cognition. 1977. № 5. P. 73–99.

Gregg G. The Raw and the Bland: A Structural Model of Narrative Identity // Identity and Story: Creating Self in Narrative / Ed. by Dan P. McAdams, Ruthellen Josselson, and Amia Lieblich. American Psychological Association (APA), 2006. P. 64–87.

Handbook of Oral History / Ed. by Thomas L. Charlton, Lois E. Myers, Rebecca Sharpless; with the assistance of Leslie Roy Ballard. Lanham (MD, USA), 2006.

Riessman K. Analysis of Personal Narratives // Handbook of interview research: context & method / Ed. by Jaber F. Gubrium, James A. Holstein. SAGE, 2002. P. 695–710.

Spoerer M. Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz. Ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und Häftlinge im Deutsche Reich und im besetzten Europa 1939–1945. Stuttgart; München: Deutsche Verlagsanstalt, 2001.

Wallace J.B. Reconsidering the life review: The social construction of talk about the past // Gerontologist. Vol. 32. 1992. Issue 1 (Feb.). P. 120–125.

Примечания

1 Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-т в С.-Петербурге, 2003. С. 39.

2 Анализ современных тенденций в развитии устноисторической теории и практики см., например, в: Handbook of Oral History / Ed. by Thomas L. Charlton, Lois E. Myers, Rebecca Sharpless; with the assistance of Leslie Roy Ballard. Lanham (MD, USA), 2006.

3 Подробно о проекте см.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zwangsarbeit-archiv.de; Гринченко Г. Принудительный труд в нацистской Германии: историческая память и проблемы анализа биографических интервью // Вторая мировая война в памяти поколений: Сборник научных статей / Под. ред. И. В. Ребровой, Н. А. Чугунцовой. Краснодар: Эдварт-принт, 2009. С. 9–15.

4 Spoerer M. Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz. Ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und Häftlinge im Deutsche Reich und im besetzten Europa 1939–1945. Stuttgart; München, 2001. S. 222–223.

5 Про внесення змін і доповнень до Закону України «Про статус ветеранів війни, гарантії їх соціального захисту»: Закон від 22 груд. 1995 р., № 488/95-ВР // Відомості Верховної Ради України. 1996. № 1. Ст. 1.

6 Про жертви нацистських переслідувань: Закон від 23 берез. 2000 р., № 1584-III // Відомості Верховної Ради України. 2000. № 24. Ст. 182.

7 Портелли А. Особенности устной истории … С. 40.

8 Анализ моделей самопрезентаций см., например, в: Gregg G. The Raw and the Bland: A Structural Model of Narrative Identity // Identity and Story: Creating Self in Narrative / Ed. by Dan P. McAdams, Ruthellen Josselson, and Amia Lieblich. American Psychological Association (APA), 2006. P. 64–87; Riessman K. Analysis of Personal Narratives // Handbook of interview research: context & method / Ed. by Jaber F. Gubrium, James A. Holstein. SAGE, 2002. P. 695–710.

9 Постановку этой проблемы и общие контуры исследования см.: Grinchenko G. Ehemalige «Ostarbeiter» berichten. Erste Auswertungen eines Oral-History-Projektes aus der der Ostukraine // Hitlers Sklaven: Lebensgeschichtliche Analysen zur Zwangsarbeit im internationalen Vergleich / Hrsg. von Alexander von Plato, Almut Leh, Christoph Thonfeld; unter Ausgabe Mitarbeit von Elena Danchenko, Joachim Riegel, Henriette Schlesinger. Wien;

Köln; Weimar, 2008. S. 230–240. А также: Грінченко Г. Автобіографічні конструкції та стратегії саморепрезентацій в інтерв'ю-спогадах колишніх українських остарбайтерів (попередні результати дослідження) // Сторінки воєнної історії України: зб. наук. ст. / НАН України, Ін-т історії України. К., 2009. Вип. 12. С. 65–72.

10 Архів Східного інституту українознавства імені Ковальських, далее – АСІУ. Інтерв'ю FL042. С. 38 (Галкіна Олександра Миколаївна, 1925 р.н., запис інтерв'ю 08.12.2005).

11 АСІУ. Інтерв'ю FL039. С. 57 (Хомякова Марія Єгорівна, 1921 р.н., запис інтерв'ю 07.10.2005).

12 АСІУ. Інтерв'ю FL042. С. 12.

13 АСІУ. Інтерв'ю FL001. С. 10 (Абрамова Олександра Яківна, 1920 р.н., запис інтерв'ю 04.04.2005, 27.04.2005).

14 АСІУ. Інтерв'ю FL036. С. 15 (Шинкарьова Устинія Георгіївна, 1923 р.н., запис інтерв'ю 23.07.2005).

15 АСІУ. Інтерв'ю FL029. С. 29 (Соломаха Іван Дмитрович, 1924 р.н., запис інтерв'ю 05.12.2005).

16 АСІУ. Інтерв'ю FL036. С. 10.

17 АСІУ. Інтерв'ю FL042. С. 5.

18 АСІУ. Інтерв'ю FL024. С. 59 (Нагорний Петро Тимофійович, 1924 р.н., запис інтерв'ю 13.08.2005).

19 АСІУ. Інтерв'ю FL034. С. 42–43 (Толстой Павло Григорович, 1928 р.н., запис інтерв'ю 05.03.2006).

20 АСІУ. Інтерв'ю FL005. С. 52–53 (Горєва Олександра Георгіївна, 1935 р.н., запис інтерв'ю 22.12.2005).

21 Там же. С. 13, 15.

22 Детальный анализ интервью с А. Горевой см.: Гринченко Г. Принудительный труд в нацистской Германии в устных историях бывших детей-остарбайтеров // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник статей / Под ред. А.Ю. Рожкова. Краснодар: Традиция, 2010. С. 103–146.

23 АСІУ. Інтерв'ю FL003. С. 32–33 (Башлай Зінаїда Іванівна, 1914 р.н., запис інтерв'ю 19.12.2005). Детальный анализ интервью с З. Башлай см.: Grinchenko G. Zwangsarbeit im nationalsozialistischen Deutschland im Kontext des lebensgeschichtlichen Interviews einer ehemaligen ukrainischen Ostarbeiterin // Erinnerungen nach der Wende: Oral History und (post)sozialistische Gesellschaften / Remembering After the Fall of Communism: Oral History and (Post-)Socialist Societies. Julia Obertreis / Anke Stephan (Hg.). Essen: Klartext Verlag, 2009. P.133–150. А также: Гринченко Г. Принудительный труд в нацистской Германии: историческая память и проблемы анализа биографических интервью… С. 15–41.

24 АСІУ. Інтерв'ю FL027. С. 29 (Руднєв Євген Миколайович, 1936 р.н., запис інтерв'ю 22.04.2005).

25 АСІУ. Інтерв'ю FL034.

26 Wallace J.B. Reconsidering the life review: The social construction of talk about the past // Gerontologist. 1992. Vol. 32. Issue 1 (Feb.). P. 120. Об особенностях автобиографической памяти см.: Нуркова В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М., 2000.

27 Brown R. Flashbulb memories // Cognition. 1977. № 5. P. 73–99.

28 АСІУ. Інтерв'ю FL027. С. 21.

Эльмира Муратова

СОВРЕМЕННАЯ МИФОЛОГИЯ КРЫМА: КРЫМСКОТАТАРСКИЙ «МИФ О КОРЕННОМ НАРОДЕ»

Abstract

The article is devoted to the problem of myth creation in nowadays Crimea. It presents an analysis of the way the "myth of indigenous people" has been constructed by the Crimean Tatars who are going through the process of adaptation and integration after fifty years of deportation. The functionalist approach helps to understand how and what for this myth was created and disseminated by intellectuals, politicians and journalists. The article shows different forms of "myth of indigenous people" existence. It starts with the analysis of the book of Russian historian Valeriy Vozgrin "Historical Fates of the Crimean Tatars" which presents the whole process of ethno-genesis of Crimean Tatars, then goes through visual implementation of the main of ideas of the book in the documentary "Crimean Tatars" made by Crimean Tatar scholar Erik Kudusov and finally touches the issue of the "myth of indigenous people" presence in ethnic media.

Keywords: myth, Crimean Tatars, indigenous people, media-discourse.

Жизнь была – и нет. Все в мире зыбко.
На пустынном месте память – миф.
Но поет и плачет в сердце скрипка,
Здесь когда-то жил мой дед Лятиф [8].

Каждый народ в отдельные кризисные периоды своего бытия нуждается в мифах. Они помогают ему выжить, оправиться от потрясений, придают импульс для дальнейшего развития. Мифы представляют собой особое состояние человеческого сознания, в котором отсутствует четкое про-

тивопоставление между истиной и ложью, правдой и вымыслом, реальным и желаемым. К особой категории мифов можно отнести этнические мифы. Они являются системой взглядов представителей этноса на мир и свое место в нем, на отношения с другими народами в прошлом и настоящем. Как отмечал А.М. Лобок, миф является «своеобразным шифром культуры, позволяющим человеку идентифицировать свою культурную самость и при этом обеспечить принципиальную недоступность (эзотеричность) этой культурной самости взгляду любого внешнего наблюдателя» [6, с. 26]. Развивая мысль автора, можно сказать, что, постигая этот «шифр», мы сможем проникнуть в систему мировосприятия этноса, понять его ценностные ориентиры и в соответствии с этим выстроить свою линию поведения.

Крымскотатарский народ в настоящий момент переживает сложный этап в своем развитии. Возвращение из мест депортации, проблемы обустройства на «старой-новой» родине, сложности во взаимоотношениях с местным населением – все это создает основу для активного мифотворчества, которое призвано помочь народу адаптироваться, возродить свою культуру и добиться реализации прав в политической, экономической и иных сферах. Развенчивая укоренившиеся в сознании других этнических групп полуострова мифы о себе, крымские татары, в свою очередь, конструируют новые.

Одним из наиболее популярных на современном этапе крымскотатарских мифов является «миф о коренном народе». Сразу необходимо отметить, что задачей настоящего исследования является не установление «истины в последней инстанции», не поиск ответа на вопрос, кто в большей степени является коренным жителем полуострова. В фокусе внимания статьи находится сам процесс конструирования мифа и его распространение среди крымских татар. Наше восприятие мифа строится на принципах функционального подхода, для которого не столь важно выявить «правдивый» и «ложный» компоненты того или иного мировосприятия, сколько понять, с какой целью создаются мифы и как они используются в реальной политике [10, с. 3–12].

«Отцом-основателем» современного «мифа о коренном народе» является российский историк Валерий Возгрин, под чьим авторством в 1992 г. вышла монография «Исторические судьбы крымских татар» [3]. В глазах крымскотатарской общественности эта работа стала «фундаментальным трудом», содержащим целостную картину этногенеза и исторической судьбы народа. Учитывая важность указанного произведения для конструирования и последующего распространения мифа, считаем обоснованным воспроизведение его отдельных тезисов.

Для начала необходимо отметить общие контуры и контекст написания книги. «Исторические судьбы…» составлены в противовес доминировавшей тогда в советской исторической науке (книга была написана в 1987 г.) установке на освещение истории Крыма и крымских татар. В целом ряде мест работы

прослеживается полемика автора со сторонниками существовавших теорий и мнений, общей идеей которых было стремление доказать «исконность» русской территории полуострова и инородную для Крыма суть татар-пришельцев XIII в. В противовес указанным тенденциям В.Е. Возгрин выстраивает альтернативную систему прочтения древней и средневековой истории Крыма, обосновывая теорию автохтонности крымских татар.

Исходным тезисом концепции автора выступает акцентуация внимания на аборигенном народе полуострова – таврах, которых исследователь генетически связывает с культурой жителей Крыма II тыс. до н.э. Важным для В.Е. Возгрина является подчеркивание индоарийского происхождения тавров, подтвержденного антропометрическими данными и свидетельствами античных ученых. Таким образом, этот народ выступает первым автохтонным этносом полуострова, который в силу проживания в горной труднодоступной части Крыма сумел сохранить свою культуру в ситуации постоянных нашествий других кочевников вплоть до эпохи Средневековья. Затем, будучи сильно татаризированы, тавры, по мнению автора, остались жить на старых местах, но уже под иным именем, перейдя постепенно на татарский язык и заимствовав мусульманскую веру [3, с. 37].

Все остальные народы, пришедшие в Крым в эпоху античности и Средневековья, – киммерийцы, скифы, сарматы, греки, готы, печенеги, половцы и др. – растворялись в общем «котле» жителей полуострова – «вливали новую кровь» и оставляли свой след в материальной культуре. В.Е. Возгрин неоднократно подчеркивает европеоидный тип племен, населявших Крым, признавая, что монголоидными чертами обладали лишь гунны, но они, согласно археологическим памятникам, существенно не повлияли на этнотип автохтонного населения полуострова. Акцентуация на «европеоидности» местного населения призвана опровергнуть распространенный в российской и советской науке взгляд на крымских татар как на потомков монголо-татар – представителей монголоидной расы, каковыми они, как правило, изображались в художественных произведениях и кинолентах. Основной тезис В.Е. Возгрина состоит в том, что к моменту прихода в Крым монгольских орд полуостров был заселен европеоидным населением, которое не покинуло эту территорию и не было истреблено (таких свидетельств, по мнению автора, нет), а, напротив, ассимилировало пришельцев.

Отдельно автор останавливается на роли славян в истории Крыма и полемизирует со сторонниками теории отнесения их к «местному, коренному населению», пытавшимися обосновать неоспоримые исторические права русских на Крым как на свою древнерусскую территорию. Исследователь явно не разделяет позиции ряда советских авторов, например П.Н. Надинского, рассматривавших присоединение полуострова к России не как «захват чужой территории», а как «возвращение исконных территорий, которые в течение многих сотен лет были населены предками русских» [7, с. 64]. В.Е. Возгрин отмечает, что теория «крым-

ских славян» вызывает много вопросов, так как ни материальных, ни культурных следов раннего пребывания русских в Крыму обнаружено не было.

Суммируя выводы автора, можно отметить следующее: к моменту прихода в Крым монголо-татар в XIII в. полуостров был плотно заселен аборигенным населением, вобравшим в себя частички всех племен и народов, прежде населявших эту территорию. В результате культурного обмена и смешения автохтонного населения с пришельцами начал складываться крымскотатарский этнос, процесс формирования которого завершился в рамках политического объединения – Крымского ханства (1443–1783). Культура крымских татар с момента своего зарождения носила открытый характер, и эта особенность крымского этногенеза нашла отражение в удивительной веротерпимости, царившей на полуострове и отмеченной многими очевидцами и путешественниками.

Работа В.Е. Возгрина, опубликованная в период массового возвращения крымских татар из мест депортации, стала основанием, подкреплявшим процесс репатриации, а также предъявления претензий на восстановление прав репатриантов. Представляется, что целевой аудиторией книги в первую очередь были сами крымские татары, нуждавшиеся после многолетних идеологических обработок советской системы в аргументированном доказательстве своей автохтонности в Крыму. Работа была призвана способствовать укреплению национального самосознания крымских татар, повышению их стойкости перед лицом возникавших по возвращении трудностей и решимости активно участвовать в отстаивании интересов народа. За короткий период труд В.Е. Возгрина, получивший широкое признание среди репатриантов, стал настольной книгой во многих крымскотатарских семьях. Сама теория о синтезированной природе этноса (слияние представителей всех племен и народов Крыма в единую нацию) была воспринята с энтузиазмом политическими деятелями, представителями научных кругов и рядовыми крымскими татарами и на сегодняшний день является в их глазах единственно «верной» версией их этногенеза.

Сегодня «миф о коренном народе» занимает основательные позиции в сознании крымских татар и становится отправной точкой политических, научных и публицистических текстов. Он может быть обнаружен в выступлениях крымскотатарских политиков, трудах национальных историков и этнологов, а также на страницах этнической прессы. Из текстов миф перекочевал в сферу публичной политики, где подкрепляет политические и иные требования национальных лидеров, служит базовой идеей создания ряда объединений. Ниже мы рассмотрим отдельные имплементации этого мифа.

Фильм «Крымские татары»

Оригинальное развитие основных идей «Исторических судеб…» мы обнаруживаем в «научно-документальном» фильме «Крымские татары», снятом в

2008 г. Автором фильма является представитель крымскотатарской диаспоры в Москве, ученый, писатель, общественный деятель Эрик (Эрнст) Кудусов. Это произведение является первым из четырех в серии запланированных просветительских фильмов, призванных познакомить зрителей с историей и культурой крымских татар. Ряд заявлений автора и диктора фильма (телеведущего Шевкета Ганиева) позволяют предположить, что эта картина в отличие от книги В.Е. Возгрина предназначена для «внешнего» не-крымскотатарского потребителя. Фразы «фильм познакомит вас с крымскими татарами», «мы надеемся, что смогли развеять миф о крымских татарах, навязанный советской и коммунистической пропагандой, как о диком азиатском племени» свидетельствуют в пользу нашего вывода. На кого конкретно направлен фильм, становится понятно в самом конце ленты, когда Э. Кудусов обращается к мировой общественности с призывом «заняться серьезно этими распоясавшимися мизантропами», имея в виду русское население Крыма, которое требует «выдворения из Крыма коренного населения», а также обвиняет украинское правительство в «преступной нерешительности» в противодействии «русскому шовинизму». Таким образом, «Крымские татары» призваны сформировать «правильное» представление об этом народе у представителей мировой общественности и украинского населения страны.

Поставленная цель реализуется рабочим коллективом фильма своеобразным образом. Вопреки утверждению о том, что это «научно-документальный фильм», произведение пестрит довольно «крепкими» выражениями и автора, и диктора, не свойственными научному стилю. К примеру, критикуя художественный фильм «Огнем и мечом» (снят в 1999 г. польским режиссером Ежи Гоффманом), диктор выражает свое несогласие с представленным образом крымских татар возмущенным восклицанием: «Где режиссер раскопал таких уродов?» Или в конце фильма, говоря о нетерпимости и ксенофобии русских по отношению к крымским татарам, автор задается риторическим вопросом: «Что же это за такие выродки, которым тесно на земле?» Научный компонент картины ставится под сомнение и способом заключения выводов, который основан преимущественно на предположениях и гипотетических аналогиях и сравнениях.

В целом основная линия фильма созвучна ключевой идее труда В.Е. Возгрина и отражена во фразе «крымские татары – не этнос, а нация!», вынесенной в качестве базового девиза в самом начале картины. В дальнейшем эта идея получает развитие, демонстрируя «вклад» более «тридцати этносов» в процесс этногенеза крымских татар. Этот путь, как и в «Исторических судьбах…», прослеживается с тавров, однако здесь мы наблюдаем несколько иные интерпретации и умозаключения, отсутствующие у автора книги. Если у последнего тавры представляют собой аборигенное население полуострова, сформировавшееся на его территории, то у Э. Кудусова тавры являются пришельцами, одним из кельтских племен. Логика аргументации очень проста: «Поскольку Европу в те

времена от Причерноморья до Британских островов населяли племена кельтов, следовательно, логично допустить, что и тавры – одно из кельтских племен, ведь Крым – это часть Европы». Далее следуют еще более волюнтаристские аналогии. По мнению автора фильма, современные кельты – это шотландцы, уэльсцы, бретонцы, галлы и другие европейские этносы, характерной чертой которых является выдающийся нос (утверждение сопровождается показом соответствующих персонажей, подобранных именно по указанному признаку). Подобный «кельтский тип», по словам Э. Кудусова, можно часто встретить и среди крымских татар. В качестве доказательства автор демонстрирует в разных ракурсах известного крымскотатарского певца Рустема Меметова, которому «посчастливилось» наряду с хорошими вокальными данными быть обладателем выдающегося носа.

Тот же прием используется для идентификации греческих и итальянских корней крымских татар. Живым свидетельством наличия греческой крови стал показ известных крымскотатарских деятелей науки и культуры – Решата Аппазова, Сервера Какуры и др., являющихся выходцами южнобережного Крыма. Тезис об итальянском влиянии на процесс этногенеза автор фильма решил подкрепить авторитетом влиятельных крымских татар, лидеров Меджлиса крымскотатарского народа, – Мустафы Джемилева и Рефата Чубарова, корни которых берут свое начало в деревне Ай-Серез в Судакском регионе. Так, было отмечено, что М. Джемилев происходит из известного рода Тамах и его племянница Гульсум Тамах является обладательницей «типичного итальянского голоса и внешности». Р. Чубаров, как отмечается, хоть на «Мустафу не похож», но зато удивительно похож на знаменитого Пласидо да Минго, причем «как родной брат-близнец». И «даже тембры голоса у них одинаковы».

Как и В.Е. Возгрин, автор фильма озабочен проблемой соотношения европеоидной и монголоидной крови у крымскотатарского народа. Он утверждает, что все этнические группы Крыма, спасаясь от новых пришельцев, уходили в горы и именно там и происходило формирование коренного народа полуострова. Э. Кудусов недоволен тем, что режиссеры исторических фильмов, как правило, представляют крымских татар монголоидами. По его мнению, это делается намеренно для подчеркивания чужеродности крымских татар по отношению к русским. Он отмечает, что ногаи – субгруппа крымскотатарского этноса, для которых характерны монголоидные черты, составляют менее двадцати процентов всей нации, однако за пределами Крыма татар всегда изображали именно монголоидами.

Таким образом, фильм делает два основных вывода. Первый – крымскотатарская нация состоит из трех десятков этносов, пришедших в Крым на протяжении четырех тысячелетий. Второй – более древних насельников Крыма, кроме крымских татар, не существует. «До крымских татар в Крыму обитали лишь неандертальцы!». Поэтому крымские татары вместе с караимами и крымчаками

являются коренным народом Крыма, и этот вывод, по мнению Э. Кудусова, не подлежит никакому сомнению.

Выводы, сделанные автором фильма, и кадры, показанные в самом его начале, позволяют отметить, что эта работа является своеобразным ответом на распространение антитатарских настроений в крымском обществе, отмеченное в последние годы. Антитатарские надписи: «Татары, вон из Крыма!», «Татары твари!», разгром мусульманских кладбищ, столкновение на территории исторического памятника крымских татар – «Азизлер» в Бахчисарае – все эти кадры были продемонстрированы в самом начале фильма и сопровождены гимном СССР. Таким образом, было дано указание на виновника современного положения крымских татар – коренного народа, терпящего лишения и издевательства на своей родине. Отсюда и апелляция к международному сообществу и украинскому правительству, которые посредством осознания важности и неразрывности судеб Крыма и крымских татар должны не допустить «глумлений» над народом. Итак, на примере рассмотренного фильма мы видим, как «миф о коренном народе» из плоскости научной дискуссии перешел в плоскость политических заявлений и обвинений и выполняет весьма конкретную задачу.

Крымскотатарский медиа-дискурс

В наиболее явной форме «миф о коренном народе» присутствует в дискурсе крымскотатарских медиа, имеющих моноэтнический характер (ориентированных преимущественно на крымскотатарскую аудиторию[1]). Структура дискурса может быть разбита на две составные части. Первая представляет «образ себя», крымских татар, вторая – «образ Другого», остального населения полуострова, русскокультурного по своей сути[2]. В первой части доминирующим является тезис «крымские татары – коренной народ Крыма», обосновываются преемственность и взаимопроникновение различных народов в процессе этногенеза крымских татар. Вторая часть состоит из явных и иносказательных указаний на пришлый характер остальных групп Крыма, составляющих сегодня большинство населения полуострова и противостоящих коренному народу.

Следует сказать несколько слов о жанровом наполнении рассматриваемого дискурса. Наряду с доминирующими «научно-популярными» статьями журналистов, заявлениями политических и общественных деятелей присутствуют и поэтические произведения, многие из которых присланы читателями. Например:

«Пусть огнем горит под их ногами
Им чужая крымская земля,
Здесь татар дома стоят веками,
А за зло им будет бог судья» [2].

Примечательно, что сам термин «коренной народ» применительно к крымским татарам в большинстве случаев используется как общеизвестный и неоспоримый факт, не требующий никаких доказательств. Это подтверждает вывод о глубоком укоренении «теории Возгрина» в сознании репатриантов. Одновременно встречаются и публикации, содержащие пояснения и «аргументы» правомерности называться коренным народом. Тон подобных пояснений, как правило, назидательный, создающий ощущение заочной полемики автора с несогласными с подобной точкой зрения.

«Им не хочется знать и признавать, что все народы, населявшие Крым издревле, – киммерийцы, сарматы, готы, аланы, кипчаки, печенеги, жители Готии и Херсонеса, – все они стали крымскими татарами. Часть веровала в Тенгри, часть была христианами, но в итоге создался один народ, говоривший на языке земли крымской. И когда на ТВ и в газетах говорят о христианстве в Крыму, им так и хочется напомнить, что это наша история, история крымскотатарского народа» [5].

Последняя часть цитаты отражает существующие в среде крымских татар представления об их правомочности наследовать культурные памятники, имеющие не только мусульманскую природу (исторически крымские татары были единственными носителями ислама в Крыму), но и языческую, и христианскую. Это имеет явное политическое измерение и происходит, главным образом, в процессе более широкого противостояния крымскотатарских структур притязаниям Московского патриархата Украинской Православной Церкви на доминирующее положение в Крыму.

«Сегодня, 230 лет спустя, древнее, насчитывающее полуторатысячелетнюю историю историко-культурное наследие крымских христиан присваивается приверженцами Московского патриархата, возрождающих идеологию «Москва – третий Рим». Последователи этой имперской концепции захватывают пещерные монастыри и храмы на Мангупе, Шулдане, Чилтер-Мармаре, Черкез-Кермене, объявляют Крым "колыбелью православия", а себя правопреемниками древней культуры и традиций» [1].

Формируя «образ Другого», крымскотатарские СМИ указывают, как было отмечено, на пришлый характер большинства русскокультурного населения Крыма. Согласно публикациям, появилось оно в результате целенаправленной политики заселения полуострова после его присоединения к Российской империи в конце XVIII в. Обращает на себя внимание акцент на описание невысоких моральных и иных качеств «переселенцев».

«Тут же началась новая государственная политика – заселение полуострова, следуя логике, это было "полезное население". Под оными именовались отставные военнослужащие и проститутки, именно они открыли переселенческий сезон. Из них уже на месте соображали семейные пары. Сводили известным способом – по шапкам. Далее следовала куда более мощная концепция заселения полуострова. На эти цели тратились значительные средства и усилия» [9].

Сходный характер описания наблюдается и при изображении переселенцев «нового поколения», приехавших в Крым после депортации крымских татар в мае 1944 г.

«Мы ужаснулись, когда поняли, какое общество нам противостоит. Два миллиона последепортационных переселенцев, которые бросили свои жилища, хозяйство (если они у них были) и ринулись в теплый Крым, в крымскотатарские колхозы, дома, сады, чтобы насладиться чужой землей, «халявным» имуществом и стать навеки счастливыми. Власть и газеты им внушали, что крымские татары никогда не вернутся, и они, как губка, впитывали всю человеконенавистническую антитатарскую пропаганду. Им было не интересно, что выслали целый народ, со своей историей, культурой, укладом жизни. Главное – не допустить возвращения, не отдать, что "грабанули", используя момент. И так все 50 лет, пока не прогнила коммунистическая империя. Но основная масса по сей день не изменила своей воровской идеологии – "было ваше, стало наше"» [5].

Описания заселения «татарского Крыма» часто сопровождаются перечислением злодеяний, совершенных по отношению к коренному народу, – уничтожение исторических памятников, культовых сооружений, кладбищ, переименование всей макро- и микротопонимики и т.д. [4].

Рассмотренный крымскотатарский «миф о коренном народе» является лишь одним из функционирующих в современном Крыму наряду с «мифом о золотом веке», «мифом о геноциде» и др. Основная идея статьи заключалась в демонстрации различных форм бытования мифа, вовлеченность в процесс его конструирования и распространения представителей разных сфер – академической, публицистической, политической. Как и в других регионах мира (например, в Косово, Боснии), рассмотренный миф выполняет функции консолидации этноса, его мобилизации на выполнение вполне конкретных политических задач, обоснования предельно четких политических требований. Кроме того, отчетливо проявляется функция мифа служить «границеразделяющим механизмом» (boundary-defining mechanism) между представителями разных этнических групп Крыма. В ситуации активно протекающего процесса ассимиляции крымских татар миф помогает «воздвигать» и «удерживать» границы, препятствующие утрате этнической самоидентификации представителей этого этноса.

Литература

1. Абдуллаев И. Тест на достоинство (часть III) // Голос Крыма. 2009. 8 декабря.
2. Арифова Д. По ночам громят наши кладбища и мечети строить не дают… // Голос Крыма. 2009. 23 января.
3. Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. М.: Мысль, 1992.

4. Ильяс Д. Герои не умирают – они должны жить в памяти своего народа // Голос Крыма. 2009. 30 января.
5. Керим Р. Необходима перестройка структуры управления нацией // Голос Крыма. 2009. 30 апреля.
6. Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 688 с.
7. Надинский П.Н. Русские на Крымском полуострове // Советский Крым. 1946. № 3.
8. Памяти моего деда Лятифа из деревни Кышкара посвящается… // Голос Крыма. 2009. 30 апреля.
9. Сеитова Э. Повышение рождаемости – единая магистральная задача для крымских татар // Голос Крыма. 2009. 3 августа.
10. Myths and boundaries in South-Eastern Europe / Pål Kolstø. London: Hurst, 2005.

Примечания

[1] К подобным СМИ относится, к примеру, еженедельная газета «Голос Крыма», чьи публикации за 2009 г. были использованы в данной статье.

[2] Следует отметить, что в СМИ, ориентированных на славянское большинство Крыма, можно обнаружить схожий дискурс, состоящий из «образа себя» – коренного народа – славян и «образа Другого» – крымских татар, монголо-татарских пришельцев.

Алла Папцова

РОЖДЕНИЕ НАЦИИ: РОЛЬ ОБРАЗА ПРОШЛОГО В ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ГАГАУЗОВ

Abstract

The present article is studying the significance of the reflection of the Past in the process of the ethnical transformation of an ethnos into a nation. The mytho-historical tradition is part of a mytho-symbolical complex, and its significance depends on correlation with other components which are important for forming and making a nation.

The ethnical mobilization of the Gagauz people took place at the background of the economic crisis and multiple political processes caused by the collapse of the Soviet Union and formation of independent state of the Republic of Moldova. The process of building of the nation obtained the features of a cultural project, when the lack of material resources is successfully replaced by the symbolic ones. Despite the fact that the significance of the reflection of the Past became actual in the present, its main features were formed during the whole century. At every new stage of its development the mytho-historical tradition obtains new features allowing to solve the new tasks of the building of a nation.

Keywords: ethnical mobilization, reflection of the Past, mytho-historical tradition, building of the nation, cultural project.

Два последних столетия национальный вопрос не раз привлекал внимание практиков национально-освободительного движения и теоретиков наций и национализма, включая «инженеров национального строительства».

Для того чтобы уточнить предмет данного исследования, необходимо обозначить исходные посылки, наиболее общие основания понимания того, чем является нация. Содержание и эволюция данного понятия были детально рассмотрены

в работах Э. Хобсбаума, Э. Смита, Э. Геллнера, Б. Андерсона, Г.В. Касьянова и многих других.

Не останавливаясь на своеобразии подходов к интерпретации данного понятия, можно согласиться с теми из исследователей, кто считает, что термин и явление, которое он обозначает, – изобретение Нового времени (как это делает Э. Хобсбаум, определяя нацию как «новое историческое явление» [2, с. 26], а процесс возникновения наций связан с модернизацией, с созданием индустриального, или современного, общества.

Значимыми для формирования нации являются язык, культура, территория и то, что можно назвать мифосимволическим комплексом. Вместе с тем время, способ и обстоятельства возникновения наций различны, что до некоторой степени объясняет многообразие определений этого явления в работах исследователей, имеющих дело с разным эмпирическим материалом. Это не означает, однако, «умножения сущностей»: в каждом case study конкретные примеры позволяют уточнить значимость и действие отдельных компонентов из приблизительного «обязательного набора» наций, а также способствуют выявлению общего в феномене наций и осознанию тенденций эволюции его во времени и пространстве.

В этой связи особое значение приобретает изучение процесса роста национального самосознания и этнической мобилизации гагаузов.

Гагаузский случай привлекателен для исследователей в силу его особенностей, связанных со временем этногенеза, с «разнонаправленностью» языковой и религиозной идентичности гагаузов, которые, будучи тюркоязычными, тем не менее являются христианами, со спецификой процесса национального строительства, в котором особое значение символических элементов позволяет восполнить недостаток элементов материальных.

Автономно-территориальное образование Гагауз Ери появилось в 1994 г. вследствие благоприятного стечения обстоятельств: распад Советского Союза; сложности этнической мобилизации титульного этноса Молдовы, интеллектуальная элита которого выбирала между молдовенизмом и румынизмом; неожиданный интерес со стороны новых геополитических игроков на данном пространстве – прежде всего Турции, в меньшей степени Болгарии и Азербайджана; стремление Молдовы, взявшей курс на интеграцию в Европу в качестве демократического государства, предстать именно в этом качестве (тем более что недемократическая попытка решить проблему Приднестровья не была успешной); активность и конструктивная деятельность гагаузской интеллектуальной и политической элиты, теоретически обосновавшей необходимость создания автономии, разработавшей проект Уложения и добившейся поддержки европейских структур.

Даже очень благожелательный взгляд не нашел бы в этом конструкте привычных черт национального государства: территория Гагауз Ери не является

целостной, так как болгарские села вошли в соседний Тараклийский район; о национальной экономике говорить сложно, потому что большинство крупных предприятий, бывших частью советской экономической системы, прекратило существование, новые предприятия открывают чаще всего иностранцы – особенно активны турки; система образования и разнообразные учреждения используют в работе русский язык, и постепенно расширяется область применения государственного языка. Вместе с тем создание АТО обеспечивает дополнительные возможности для развития гагаузской культуры, дальнейшего роста национального самосознания, а значит, и процесса этногенеза.

Процесс национального строительства приобрел черты культурного проекта, в котором недостаток материальных ресурсов успешно замещается ресурсами символическими. Этот культурный проект оказывается связанным с модернизацией теми возможностями, которые она может обеспечить. СМИ, включая интернет, увеличивают воздействие мифосимволического комплекса, система образования способствует развитию гагаузского языка, изучаемого в качестве учебной дисциплины и в качестве языка, на котором преподается предмет «История, культура и традиции гагаузского народа». В свою очередь, успех культурного проекта повышает адаптивные возможности людей, втянутых в новый виток модернизации и становящихся частью глобального экономического механизма посредством вынужденной трудовой миграции.

Создание такого проекта представляется стратегической задачей и для государства, переживающего непростые времена в связи со сменой модернизационного проекта – отказа от такого его варианта, который предполагал особое значение государственного сектора в экономике. На постсоветском пространстве были опробованы различные варианты смены трансформации модернизационных проектов: одни страны попытались сохранить ресурсы государственного сектора (Беларусь), другие – сочетать это с расширением возможностей для частной инициативы (Россия, Украина).

Для Молдовы, не обладающей такими материальными ресурсами, как Россия и Украина, сохранение ресурсов государственного сектора было бы прямолинейным только при наличии мощного культурного проекта, мобилизующего граждан для решения сверхзадач. Но вместо единого государственного сформировалось несколько культурных проектов. Помимо собственно государственного проекта, при формировании которого даже не сложилось единого образа прошлого (у румынистов и молдовенистов разные его характеристики), сформировались культурные проекты национальных меньшинств и проект ПМР, наиболее последовательно отстаивающий молдавскую самобытность и формирующий специфической молдавский образ прошлого, а также образ «чужого».

Культурный проект гагаузов – единственный из проектов национальных меньшинств имеет политический ресурс в виде Автономно-территориального образования Гагауз Ери.

АТО, не сумев сохранить экономическое наследие советской эпохи, в наибольшей степени преуспело в создании своего собственного культурного проекта. Гагаузы, переживающие в настоящее время важнейшие этапы строительства нации, создали проект, который сочетает в себе символическое наследие советской эпохи (представление о мессианской роли гагаузов), европейские ценности (подчеркивается, например, особая толерантность) и важность традиции (значимость православия). Он гибок и открыт миру. Для его широкого распространения используется в качестве ресурса русский язык, что не умаляет значения такой цели автономии, как создание условий для развития национальной культуры, включая условия для развития гагаузского языка. Тщательно разработанная и разделяемая патриотами символическая составляющая призвана компенсировать недостающие физические элементы, например отсутствие автономной экономики, непрерывной территории.

Разворачивание этого культурного проекта приобретает характер культурной инсценировки. Не случайно особое значение в настоящее время, достаточно сложное в экономическом отношении, приобретают праздники: религиозные праздники (восстановление традиции); праздники, доставшиеся в наследство от советской эпохи, например 23 февраля и 8 Марта (сохранение преемственности); молдавские праздники (интегративные процессы); праздники, представляемые как особые гагаузские, например, Касым и Хедерлез (актуализация самобытности); «глобалистские» праздники (День Святого Валентина 14 февраля) и разнообразные годовщины, заменяющие триумфы как победы в настоящем. Их сочетание может показаться парадоксальным. Например, в 2007 г. в Гагаузии праздновалось 50-летие обретения письменности (несмотря на то что от данной письменности на кириллической основе в 1990-х гг. отказались в пользу письменности на латинице) и 100-летие со дня выхода первой книги на гагаузском языке. Но парадоксальность эта не осознается, что лишний раз демонстрирует значимость именно мифосимволического комплекса.

Важнейшей частью мифосимволического комплекса является мифоисторическая традиция. Роль ее в создании идеологии национализма неоднократно привлекала внимание исследователей. Различные аспекты ее функционирования рассматривались в трудах Э. Хобсбаума, Э. Смита, Э. Геллнера. Достаточно часто образ национальной истории в рамках националистической доктрины подвергался критике историков. Э. Смит считает скептицизм, даже враждебность, по отношению к национализму одной из основных черт, присущих большинству образов наций, нарисованных историками [7, с. 255]. Двумя другими чертами, по мнению исследователя, является «искусственность» («воображаемость», пользуясь термином Б. Андерсона) и «современность» наций и национализма [7, с. 255].

Изучение историософской традиции гагаузов позволяет рассмотреть эту преемственность в крайне необычном ракурсе. Современность указанной тра-

диции сомнений не вызывает. Имеющийся в распоряжении исследователей этнографический материал, собранный В.А. Мошковым в конце XIX – начале XX в., зафиксировал практическое отсутствие оригинальной легендарной традиции (за немногими исключениями в виде рассказа о «Капитане Димитри», своеобразной трактовки ряда библейских сюжетов и сюжета об Александре Македонском, который сражается с арабом и татарами, получает телеграмму и путешествует по аду). Анализ собственно мифологического комплекса выходит за рамки данного исследования, можно лишь констатировать наличие достаточно архаичных пластов, причудливо сохраненных в православной транскрипции. Фольклорный материал, а также сведения этнографов и священников, описывающих суеверия своих прихожан в «Кишиневских епархиальных ведомостях», о приметах, запретах и предписаниях, пронизывающих повседневную, неритуализированную сферу жизни, позволяют реконструировать мифологическую систему гагаузов в целом, но не в состоянии создать/воссоздать высшие ее пласты (пантеон богов, в частности) и отсутствующий героический эпос.

Вместе с тем появление историософской традиции и ее эволюция, изобилующая резкими поворотами, обнаруживают не только связь с конкретно-историческими и культурными процессами, но и известную самостоятельность, логику развития, в которой есть общее (апелляция к древности, построение связей с реальными или воображаемыми историческими событиями, героями, формами государственности) и особенное, преемственность не только с рисуемым образом прошлого, но и с «имперским проектом» недавнего прошлого и одновременно включение в нее демократического лоска «миссии гагаузов в настоящем». Развитость этой историософской традиции и интенсивность динамики ее продуцирования особенно заметны в сравнении с процессами, происходящими у этносов, которые в отличие от гагаузов можно было бы назвать «историческими», – у молдаван и болгар. Взаимосвязь процессов «государственного строительства» и развития мифоисторической традиции особенно заметна в сопоставлении различий в формировании образа прошлого у гагаузов Молдовы, Украины, Болгарии.

Хотя большинство историософских концепций и трудов, их отражающих, появились за два десятилетия существования АТО Гагауз Ери, для того чтобы рассмотреть процесс становления мифоисторической традиции, необходимо обратиться к концу XIX в. Стоит отметить, что хотя именно в XIX в. был зафиксирован этноним «гагауз» (согласно И.Ф. Греку первым в 1837 г. это сделал И. Толстой в «Статистическом обозрении колоний Бессарабской области»), появились первые описания гагаузов, но чиновники и этнографы не всегда выделяли гагаузов среди «задунайских переселенцев». Конфессиональная принадлежность и статус «задунайские переселенцы» в ряде случаев значили больше, нежели различия, которых в то время было немало (переселенцев делили по времени прибытия, по месту прежнего проживания). Постепенно шли интеграционные про-

цессы, стиравшие упомянутые различия и вписывавшие гагаузов в культурное пространство, которое все больше становилось российским.

К концу века появляются не только разнообразные версии происхождения гагаузов, но и первая концепция, выстраивающая схему этнической истории, приоритеты, систему координат «свой – чужой». В ней есть точка отсчета истории этноса – момент испытания (искушение, выбор приоритета), изображено славное деяние в форме жертвенных страданий, объясняется происхождение этнонима. В «Биографическом очерке рода и фамилии Чакир», написанном в 1899 г. протоиереем Дмитрием Чакиром, выстроена иерархия идентичностей. Автор относит этноним «гагауз» к болгарам-христианам, говорящим «по-турецки». В период пребывания на Балканах в ответ на «фирман султанский», согласно которому надо было «или принять магометанскую веру и удержать свой язык национальный болгарский, или переменить свой национальный болгарский язык на турецкий, а веру свою православную твердо и непоколебимо сохранить», гагаузы выбрали веру и, соответственно, утратили язык. В конечном счете, полагает автор, фамилия Чакир «болгарской нации, славянского племени» [10, с. 25]. Эта версия доживет до XXI в., но сохранится только у гагаузов Болгарии, отношение к ней гагаузов Молдовы изменится кардинально. Показательно, что те гагаузы Болгарии, для которых этническая принадлежность к гагаузам значима не менее, чем гражданская идентичность, не склонны ее разделять.

Отношение к туркам у Д. Чакира негативное, так как на Балканах те «притесняли христиан-болгар до последней степени варварства» [10, с. 25]. Вообще христианские народы Османской империи как народы-жертвы в XIX в. привлекали не меньшее внимание и вызывали не меньшее сочувствие, нежели жертвы тоталитаризма в конце XX в. Правда, образы жертв были разными. Европейцы больше сочувствовали грекам как отцам европейской демократии, а Россия – православным народам вообще (тем более что это вполне укладывалось в важную для нее политическую доктрину «Москва – третий Рим»), а болгарам и сербам как к тому же еще и славянам. Кстати, интересно, что и сами греки из двух возможных образов прошлого («Греция – родина демократии» и «Греция – родина православия») выбрали тот, который давал больше возможности для сближения с Западной Европой. Это проявилось, например, в том, что при реконструкции Парфенона был практически обойден вниманием средневековый период, когда Парфенон был православным храмом. Воссоздавались декорации периода рождения демократии.

В концепции Д. Чакира образ жертвенных страданий был доведен до абсурда: «А о церкви христианской нечего было и говорить: если и бывала где-то церковь, то вдали от жилищ, и устраивалась вроде шалаша, покрытого хворостом и камышом, без потолка, где ветер гулял во весь простор; священник в ней служил в турецкой чалме, опасаясь подозрений со стороны турок» [10, с. 25]. Даже если

не знать или забыть о существовании христианских общин-миллетов в Османской империи, то невозможно игнорировать наличие прекрасных храмов и монастырей на ее территориях. Для Д. Чакира конфессиональная принадлежность важнее языковой, и тем не менее, согласно его версии, именно сочетание языковой и конфессиональной принадлежности определило выделение гагаузов как этноса. Стоит предположить, что именно оно во многом вызвало тот интерес, который к гагаузам испытывали российские исследователи и который не угас до настоящего времени. Но это было частью целого: XIX век вполне можно назвать веком истории (его начало связано с представлением Европе культурных трофеев Наполеона, конец – с временем «открытия множества культур» и успехов этнографии). И особый интерес к тюркскому миру также определялся множеством факторов: были открыты орхоно-енисейские надписи, менялся стереотип тюркских народов (в них переставали видеть только разрушителей), шли процессы развития национального самосознания тюркских народов, появился пантюркизм (что показательно, на территории России).

Но из множества тюркских народов гагаузам одним из немногих удалось не только привлечь к себе пристальное внимание российских и европейских (например, К. Иречека) исследователей, но и удерживать его на протяжении столетия. Важнейший вклад в это внес В.А. Мошков. Профессиональный военный, он познакомился с гагаузами-солдатами в Варшаве, побывал в гагаузских селах Молдовы и опубликовал этнографические материалы в виде серии очерков «Гагаузы Бендерского уезда» в «Этнографическом обозрении», а в 1904 г. в виде фольклорных материалов на русском и гагаузском языках в 10-м томе издания В.В. Радлова под названием «Наречия бессарабских гагаузов». В.А. Мошков представляет уже две версии происхождения гагаузов – «болгарскую» и «тюркскую», подвергая их критике, но не предлагает особой историософской концепции. Побывав в гагаузских селах Бессарабии, В.А. Мошков отправился на Балканы, где обнаружил помимо гагаузов множество иных тюркоязычных народов – как христиан, так и мусульман. В тот период казалось, что на фоне этого многообразия значение его открытия нивелировалось. Составив краткий отчет о поездке, он прекратил свои исследования. Но из всех этих народов именно гагаузам удалось представить наиболее интересный миру и успешный культурный проект. И сделали это не гагаузы Болгарии, а исследованные В.А. Мошковым гагаузы Молдовы. Показателем их успеха было создание Автономно-территориального образования.

Анализ материалов В.А. Мошкова позволяет увидеть, что уже в конце XIX в. осознавалась разница между этническими стереотипами гагаузов и болгар, выделился культурный центр (село Комрат) и в то же время сохранялись региональные отличия между жителями сел. В культурном пространстве Бессарабии уже не конфессиональная, а языковая принадлежность являлась этнодифференцирующим фактором. Значение языка неуклонно возрастало, возможности его

расширялись (в 1907 г. Синод Русской православной церкви разрешил переводить богослужебную литературу на гагаузский язык). Ассимиляции гагаузов, болгар, украинцев и других народов постоянно мешали внешнеполитические факторы, заставлявшие вновь и вновь начинать формирование системы идентичностей. В 1856–1878, 1918–1940, 1941–1944 гг. Бессарабия входила в состав Румынии, а затем часть Бессарабии присоединилась к Украинской ССР, остальная часть – к практически едва только созданной Молдавской ССР. Позже распался Советский Союз, Украина и Молдова стали независимыми государствами и формирование системы идентичностей приходилось начинать снова. На этом фоне культурный проект гагаузов получил возможности дальнейшего развития и, как любой другой национальный проект, в конечном итоге должен был обосновать необходимость создания национального государства. Но общество еще оставалось традиционным, и проект будущего государства должен был вначале предстать в образе государства прошлого (обычный для такого типа обществ способ легитимации).

Протоиерей Михаил Чакир пишет на гагаузском языке «Историю гагаузов Бессарабии» (1934). Если в исторической конструкции центр гагаузского мира мог быть помещен и в другое историческое пространство, то настоящее связано с Бессарабией, что отражено в названии труда. Предстоящее рождение нации в будущем вызывало интерес к происхождению этноса в прошлом, и М. Чакир приводит множество версий происхождения гагаузов, отмечая, что «гагаузы происходят от турок-узов, огузов, от настоящего тюркского рода». Отличие от болгар М. Чакир подчеркивает разными способами, включая указание на различные этностереотипы. Это вполне современное утверждение тем не менее получено способом, характерным для традиционного общества. Автор опирается на мнение «одного очень умного, видного гагауза 80-летнего возраста». М. Чакир называет государством гагаузов Добруджанское княжество, отделившееся от Тырновского княжества в XIV в. и просуществовавшее несколько десятилетий. Некритический подход сделал книгу М. Чакира ценным достоянием мифо-истории, а его высочайший авторитет как просветителя гагаузов сделал все его мифо-исторические концепции устойчивыми и весьма влиятельными. Книга М. Чакира была издана в румынский период, чему способствовал удачный выбор места «государства гагаузов»: Добруджа – объект жесточайших территориальных споров между Румынией и Болгарией.

Во второй половине XX в. были созданы важные предпосылки для следующего этапа этнической мобилизации гагаузов: идет модернизация (урбанизация, индустриализация, коллективизация); формируется стройная система образования, которая становится важнейшим каналом социальной мобильности и создает условия для усвоения самых разнообразных символических продуктов, в том числе того, что предлагает мифосимволический комплекс; развивается письменность, издается литература на гагаузском языке. Культура

гагаузов активно изучается этнографами, и в 1987 г. основывается отдел гагаузоведения АН МССР. Естественно, модернизационные процессы коснулись всех жителей Молдовы. И объем печатной продукции на болгарском языке не уступал объему ее на гагаузском.

Изучение истории государства стало важной идеологической задачей только что образованной в рамках настоящих границ Молдавской ССР, выступающей в роли наследницы средневекового государства Молдова, появившегося в 1359 г. Поэтому и художественная литература, и литература по истории издавалась большими тиражами.

Сфера интересов гагаузских исследователей представлялась в большей степени характерной для традиционного общества, так как преобладали труды по этнографии (работы М.В. Маруневич), в то время как среди болгарских исследователей преобладали историки (Н.Н. Червенков, И.Ф. Грек, Е.И. Челак). Это не означает, что история гагаузов Бессарабии не становилась предметом исторического исследования, просто она не отделялась от истории болгар (И.И. Мещерюк, И.Ф. Грек, И.А. Анцупов).

В конце 1980-х гг. обсуждение проблем функционирования и развития национальных языков привело к этнической мобилизации практически во всех республиках Советского Союза. Именно для обсуждения вопросов развития гагаузского языка и культуры в 1988 г. был образован дискуссионный клуб «Гагауз Халкы», ставший в 1989 г. политической организацией. Перипетии политической борьбы привели в конечном итоге к созданию Автономно-территориального образования Гагауз Ери.

Гагаузский язык получил разнообразные возможности развития. Как предмет он изучается в детских садах, гимназиях, лицеях, вузах; на нем издается литература, его используют СМИ. Однако обучение ведется на русском языке, русский язык и государственный язык используют в своей работе государственные учреждения, предприятия и организации.

В начале XX в. В.А. Мошков описывал ситуацию, когда гагаузы выучивают русскую азбуку (вместе с языком), используют ее для написания гагаузских слов, русский язык при этом могут и не помнить. В настоящее время русский язык используется как одно из действенных средств презентации гагаузского культурного проекта, поскольку он знаком, причем в его литературной и повседневной формах, всем жителям Гагаузии; достаточно широкая его распространенность делает гагаузский проект не внутренним продуктом, а универсальным. Не стоит, однако, преувеличивать значение русского влияния. Перед зданием университета были торжественно установлены бюсты представителей разных народов. Это М.В. Маруневич (этнограф, политический деятель Гагаузии, педагог), Д. Карачобан (гагаузский поэт, этнограф), Сулейман Демирель (президент Турции), Гейдар Алиев (президент Азербайджана), А.С. Пушкин (русский поэт) и М. Эминеску (румынский поэт). Можно усмотреть символическое значение в том, в

какой сфере деятельности (политической или культурной) допускается влияние других народов.

Но какими бы ни были тактические приемы распространения культурного проекта, привлекательность и устойчивость его обеспечивались иными обстоятельствами. К моменту представления собственных культурных проектов народы Молдовы подошли с разными стартовыми капиталами. В активе молдаван был статус титульного этноса независимого государства, быстро ставшего признанным членом мирового сообщества, члена СНГ и одновременно государства Европы. В пассиве – сложности политической истории влекли за собой сложности в формировании национальной интеллектуальной элиты. Этот процесс приходилось вновь и вновь начинать заново. Каждый новый виток политической истории усложнял систему идентичностей, на «цементирование» общества и укрепление «молдавского национального проекта» историей было отведено всего сорок лет, и эти годы стали временем индустриализации, модернизации и вместе с тем во многом ломки традиционных структур. Молдавская ССР выступала в роли исторической преемницы средневековой Молдовы, воплощая тем самым проект создания национального государства на этой культурной основе. Действительный исторический ресурс, тем не менее, «сыграл» позже, чем нужно, потому что наиболее активная фаза формирования европейских наций происходила в XIX в. Тот потенциал, которым обладала формирующаяся молдавская нация, был по существу «разобран» вместе с ее территориями, попавшими в состав России, Австро-Венгрии. Более того, унионистское движение в Валахии и Молдове предложило формирование нации на более широкой основе посредством объединения. Вообще, идее создания наций присуща интенциональность. Наиболее прочно цементируют нации XIX в. колониальные захваты. Хотя высшей целью национального строительства объявляется национальное государство, реально в XIX в. идет не только формирование наций, но и создание колониальных империй (Британской, Французской и т.д.). Таким образом, унионистский проект формирования нации являлся более перспективным, тем более что указанные различия в стереотипах Молдовы и Валахии существовали наряду с конфессиональным единством, очень значимой культурной основой. Тем не менее молдавская идентичность сохранялась и позже. Деятельность России дала ее носителям уникальный шанс создания еще одной европейской нации. В XX в. Молдове неоднократно предоставлялись возможности создания национального государства: и в форме МАССР, и в форме МССР, и в форме Республики Молдова. А «вписанность» в евразийско-российское культурное пространство давала шанс и другого рода: специфика культурных стереотипов молдаван подкреплялась, молдавский язык закреплял диалектное своеобразие, подчеркнутое кириллической графикой. Молдова обретала черты государства Пограничья, разделяя и объединяя в себе Запад и Восток. Для того чтобы молдавский этнос был нацией, способной противостоять культурному притяжению стремительно

развивающейся румынской нации, необходимо было, помимо прочего, сформулировать сверхзадачу, образы «своего» и особенно «чужого» или «другого» в том смысле, в каком понимает это И. Нойманн [6].

Гагаузский культурный проект имел меньше всего ресурсов. Это тюркоязычный, но православный этнос (в основном без учета религиозного плюрализма, распространение которого – глобальная тенденция, хотя в Молдове не столь заметная, так как 93% жителей Молдовы, по данным переписи 2004 г. , являются православными), что делает его маргинальным в мире тюркских народов. У гагаузов нет такой метрополии, как у болгар. Гагаузский литературный язык только начал формироваться, и на нем нельзя было немедленно создать множество научных текстов и перевести на него систему образования, особенно высшего. Этноним «гагауз» зафиксирован только в XIX в., а ведь гагаузам необходимо было найти культурного героя, славные деяния и все то, что обычно для арсенала строительства нации. Само это строительство нации было вынужденной мерой и воспринималось как единственный шанс избежать ассимиляции. Если в рамках Османской империи еще была лазейка в виде особого статуса немусульманских общин, а Советский Союз был интернациональным государством, то рост националистических настроений в Молдове и особенно унионистские проекты объединения с Румынией представлялись более чем реальной угрозой ассимиляции.

И в 1980-е гг. начинается создание культурного проекта, который мог иметь различные очертания, и для каждого варианта находились и уже озвученные историософские концепции, и историческая традиция. Можно было остановиться на болгарском варианте. К нему склонялись Д. Чакир и многие болгарские историки. Так, достаточно большим тиражом (3000 экз.) издан труд Д.И. Гургурова «Гагаузы – потомки тюрок-огузов или славяно-болгар?», переведен на русский язык труд болгарского историка И. Градешлиева «Гагаузы». Но этот вариант мог стать еще одним проектом ассимиляции: если гагаузы – это болгары, то не стоит говорить о самобытности. Поиски аргументов в пользу «болгарской версии» происхождения гагаузов гагаузскими исследователями не ведутся. Однако в Болгарии эта версия не только существует, но и получила поддержку на уровне государства: гагаузам предоставляют болгарское гражданство как этническим болгарам.

Можно было выбрать и греческую версию происхождения гагаузов и трансформировать в этом направлении культурный проект. В ее пользу сведетельствует особая позиция гагаузов в период воссоздания Болгарской патриархии. Контакты с Грецией достаточно интенсивны. В Комратском университете дважды набирали группу студентов, изучающих греческий язык профессионально. Греческие исследователи издают книги в Молдове, участвуют в работе конференций, проводимых в Комрате. Особенно представительной была греческая делегация на конференции «Православие и идентичность гагаузов» в 2008 г. Но этот культурный проект был бы интересен только самодостаточным грекам.

Наиболее привлекательной для создания образа прошлого стала версия о тюркском происхождении гагаузов. Здесь тоже просматривалось множество вариантов, но они не конкурировали: не было борьбы между печенегофилами и куманофилами, различные версии возникали в разное время. Поэтому целостность гагаузского проекта и единство гагаузского сообщества не разбивались. В пользу тюркского варианта гагаузского проекта было множество доводов внешнего и внутреннего характера: гагаузский язык является тюркским, и в массовом сознании немодернизированность языка воспринимается как его архаичность; тюркское происхождение гагаузов в сочетании с их конфессиональной принадлежностью – православием – подчеркивает их уникальность. На самом деле православными тюрками являются не только гагаузы, но и, например, чуваши, однако именно гагаузы сумели сделать это своим брендом. Тюркское происхождение гагаузов освящено традицией. О нем говорил М. Чакир, которого считают просветителем гагаузов. Турки и азербайджанцы, движимые пантюркистскими идеями, готовы поддержать тюркский народ, не настаивая на «туркизации» или «азербайджанизации». За пределами образа прошлого остались воспоминания о притеснениях от турков. Это стало возможным вследствие роста трудовой миграции в Турцию. Именно Буджак становился центром гагаузского мира, и это не побуждает вспоминать о переселении.

В связи с этим интересно сопоставление с отношением к переселению у болгар. В Болграде, например, был восстановлен Храм-усыпальница генерала И.И. Инзова, который пользовался большим уважением у задунайских переселенцев. Этот бюст Инзова мог быть установлен и на Аллее Славы в Комрате, но этого не произошло. Тюркская версия происхождения гагаузов претерпевала трансформации в соответствии с духом эпохи, представая то в образе романа Диониса Танасаглу «Узун керван» («Длинный караван») (80-е гг. XX в., когда такая форма представления идеологических установок была очень распространена в советском обществе), то в опусах «энтузиастов», непрофессиональных историков, то в трудах авторов, претендующих на то, чтобы считаться профессиональными историками, но реально ими не являющихся. К примеру, используя авторитет Института стран Азии и Африки, один из самых плодовитых авторов настоящего времени Ф. Ангели заставляет Константина Багрянородного, жившего в X в., рассказывать о событиях века XI [1, с. 118]. Племена, которые с более или менее большой вероятностью можно было бы отнести к возможным предкам гагаузов, прямо называются гагаузами. Эту подмену понятий четко обозначил и раскритиковал М.Н. Губогло на Втором Всемирном конгрессе гагаузов и на страницах газет.

Интересно, что при всем многообразии вариантов возможных тюркских предков гагаузы Молдовы в отличие от гагаузов Болгарии не ищут их среди протоболгар Аспаруха, образовавших Первое Болгарское царство, так как не оно, а Добруджанское княжество избрано на роль протогосударства гагаузов.

Помимо складывающейся «естественным путем» мифолегендарной традиции предпринимаются попытки сконструировать еще и «культовую систему гагаузов». Насколько эти попытки искусственны, можно проследить на примере так называемого «культа коня». В.А. Мошков если и пишет, что скотоводство составляет одну из главных отраслей хозяйства у гагаузов, то с оговорками, что лучшими специалистами по лошадиной части считаются молдаване, они обычно служат лошадиными пастухами («хергеледжи»), а всеми остальными пастухами служат гагаузы. Даже покровитель пастухов Св. Тодур считался молдаванином. И вообще, описывая верования гагаузов, В.М. Мошков приводит следующее поверье: «В лошади сидит шайтан, потому что при Рождестве Спасителя весь домашний скот старался накрыть его соломой и только одна лошадь стаскивала солому и сено» [5, с. 261]. Казалось, этими материалами можно пренебречь, тем более что при создании своей историософской концепции М. Чакир постарался учесть этот момент и «подправил» этнический стереотип, указав, что «гагаузы любят лошадей и за хорошую лошадь готовы отдать душу» [9, с. 92]. Идею кочевого прошлого постарались поддержать исследователи, и это вызвало ожесточенный спор между М.Н. Губогло, настаивавшим на чрезвычайной разработанности у гагаузов терминологии, связанной с лошадьми, и А.В. Шабашовым, категорически с этим не согласным. Вместе с тем усилия по созданию этого культа не остаются бесплодными, и в настоящее время возрастает интерес к конным состязаниям, ставшим возможными благодаря энтузиазму основателя конезавода К.В. Келеша.

Разворачивание культурного проекта гагаузов и создание образа прошлого еще не завершило «генетическую стадию», на которой важнейшими вопросами являются вопросы происхождения этноса. Вместе с тем уже намечены контуры дальнейших трансформаций. Одним из направлений является свойственная формирующимся нациям «империалистическая экспансия», расширение границ. В соответствии с духом постмодернистской эпохи экспансия эта носит символический характер и актуализируется в дни Всемирных конгрессов гагаузов (Первый Конгресс состоялся в 2006 г., Второй – в 2009-м.). Не случайно делегаты Второго конгресса в течение 40 минут смотрели фильм «Гагаузы Бразилии», символизировавший глобальный характер распространения гагаузской культуры.

Еще одной тенденцией современного этапа создания образа прошлого является «освоение» факта создания автономии (появились книги об этом событии), что означает завершение того этапа в ее истории, который можно назвать «Время Оно» – сакральное время созидания, время, которое отныне будет воспроизводиться в праздниках и ритуалах.

То, что отныне именно Буджак становится центром гагаузского мира, особенно отчетливо проявилось в символическом освоении этого пространства, прикреплении к нему посредством создания истории городов (стараниями

С.С. Булгара уже написаны «История Комрата» и «История Вулканешт») и истории сел. Показательно, что фотоальбом, изданный ко Второму конгрессу гагаузов, содержит информацию о каждом ее населенном пункте. Символическое прикрепление к земле нашло отражение и в попытках энтузиастов, например Д.Ф. Узуна, обосновать связь гагаузов с народами, населявшими Буджак в древности, в частности с ираноязычными скифами.

Процесс этнической мобилизации гагаузов детально изложен М.Н. Губогло в таких его трудах, как «Русский язык в этнополитической истории гагаузов» (2004), «Именем языка» (2006). Выделены его этапы и факторы, обстоятельства и особенности. М.Н. Губогло говорит о рождении культа Прошлого, но при этом указывает на «конструирование» этого культа [3, с. 111]. В характеристиках хода этнической мобилизации содержатся черты культурного проекта гагаузов. М.Н. Губогло пишет, что «поиски ответа на вопрос о смысле истории гагаузов во второй половине XX века достигли своего апогея и найденный ответ потряс не только самих гагаузов, но и многих тех, кто раньше даже не подозревал о существовании целого народа». В этом главная особенность гагаузского проекта – его мессианский характер. Миссия гагаузов – быть примером для всего мира. О том, что мир это понял и гагаузов заметил, свидетельствует тот интерес, который вызывает феномен гагаузов у иностранцев. За последние несколько лет в России защищен целый ряд диссертаций по истории, этнографии гагаузов. Помимо гагаузских исследователей, защищавшихся в Институте этнологии РАН (Е.Н. Квилинковой, Д.Е. Никогло, О.К. Каранастас-Радовой, П.М. Пашалы и др.), это российские исследователи (И.А. Субботина и Н.В Аникин). В Азербайджане на гагаузском материале защитила диссертацию Г. Каранфил, в Турции – Т. Арнаут, М. Стамова-Туфар, в Болгарии – Е.С. Сорочяну, в Молдове – Л.С. Чимпоеш, В.И. Сырф. Помимо болгарских, греческих, турецких, румынских, украинских исследователей ряд книг о гагаузах написан польским исследователем Е. Хатласом, книга о гагаузах готовится к изданию во Франции. Анализ миссии гагаузов можно было бы рассмотреть на материале гагаузских авторов, но вызывает интерес трактовка ее в речи на Первом Всемирном конгрессе гагаузов в 2006 г. тогда еще президента РМ В. Воронина. Называя гагаузов наследниками и продолжателями одной из самых уникальных культур мира, В. Воронин обращается к тем временам, когда из глубин средневековой Азии, «как из плавильного котла, выплескивались один за другим народы великой тюркской семьи». Благодаря тому что предки гагаузов «объединяли в единый организм народы и цивилизации старого света» (не разрушали и завоевывали, как это думали о татарах и османах раньше, а интегрировали), еще тысячу лет назад мир обретал черты той глобальности и взаимозависимости, той универсальности и единства, которые столь четко и однозначно проступают сейчас» [2, с. 7]. Гагаузский проект включил и то, что могло быть использовано при создании государственного проекта. В. Воронин отмечал: «Двенадцать лет назад в Молдове была провозглашена

Гагауз Ери, двенадцать лет назад бесконфликтно, без жертв, в согласии, на территории Молдовы гагаузы нашли свою уникальную форму самоопределения. А ведь это был и остается единственный на постсоветском пространстве случай, когда самоопределение разрешилось в столь цивилизованных формах» [2, с. 9]. В. Воронин признал гагаузов нацией не только достойной самоопределения, но и осуществившей его, подчеркнул роль гагаузов в достижении согласия. Впрочем, 12 лет прошло не со дня провозглашения непризнанной Гагаузской Республики, а со дня предоставления ей автономии центром, и это символично.

В общих чертах этот образ гагаузской истории разделяется и интеллектуальной элитой, и общественностью Гагаузии. Согласованность в понимании своей истории как чего-то очень ценного для гагаузов, а также для человечества в целом делает образ прошлого важным средством этнической мобилизации. В свою очередь рост этнического самосознания определяет интерес к прошлому, проявляющийся и в увеличении объема литературы, и в расширении круга лиц, вовлеченных в создание трудов о прошлом, и в появлении радикальных концепций непрофессиональных «энтузиастов-исследователей», убежденных в том, что отсутствие прямых свидетельств о ранних этапах истории гагаузов (историки сходятся во мнении, что этноним «гагауз» зафиксирован в источниках только в XIX в.) является результатом «Замалчивания». Тезис о «Замалчивании» разделяется интеллектуальной элитой, что напоминает мифы о похищении сокровищ и возвращении их доблестными героями, а также связано с теорией «Заговора», характерной для архаического сознания. Интересно, что «скромное обаяние» теории «Заговора» и «Замалчивания» таково, что ей оказываются подвержены и глубокие аналитики. «Гагаузскому народу в 1960–1970-е годы XX столетия на виду всего цивилизованного человечества довелось испытать на себе третий вариант (этнической дискриминации) – манкуртизацию замалчиванием. Сегодня не сказать об этом означало бы оставить в истории гагаузов темное пятно накануне взлета их этнической мобилизации», – пишет М.Н. Губогло, лично внесший огромный вклад в то, чтобы цивилизованное человечество увидело и разобралось в проблемах этнической истории гагаузов. Но раз речь идет о событиях накануне взлета этнической мобилизации гагаузов, значит, что по крайней мере часть ответов не была получена потому, что не было «социального заказа».

Все эти процессы свидетельствуют о том, что рост национального самосознания достиг того уровня развития, на котором возможно не только смутное ощущение своей значимости и достаточно архаическое сремление найти первопредка, но определенное взросление, перенос акцентов с мифоисторических деяний первопредков на осмысление собственной истории. В то же время обширная мифоисторическая традиция сыграла важную роль в процессе этнической мобилизации и в становлении автономии, позволив символическими ресурсами восполнить недостаток иных ресурсов.

Литература

1. Ангели Ф. Очерки истории гагаузов – потомков огузов (серединаVIII – начало XXI века) Кишинэу: Tipogr. Centrala, 2007.
2. Воронин В.Н. Горячее сердце Молдовы // Всемирный конгресс гагаузов. Кишинев: Pontos, 2006.
3. Губогло М.Н. Именем языка. М.: Наука, 2006.
4. История и культура гагаузов / Под ред.С. Булгара. Кишинев: Pontos, 2006.
5. Мошков А.В. Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев, 2004.
6. Нойманн И. Использование «Другого». М.: Новое издательство, 2004.
7. Смит Э. Национализм и историки // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 236–263.
8. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1870 г. СПб.: Алейтейя, 1998.
9. Чакир Д. Биографический очерк рода и фамилии Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX в. Кишинев: Pontos, 2005. С. 25–57.
10. Чакир М. История гагаузов Бессарабии // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX в. Кишинев: Pontos, 2005. С. 80–108.

Жак Рупник

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОСТКОММУНИЗМА: В ПОИСКАХ НОВОЙ МОДЕЛИ

Двадцатая годовщина падения коммунизма, явившаяся основополагающим моментом начала демократических изменений в Центральной и Восточной Европе, отмечается в то время, когда термин «демократическая революция» вызывает не приятное волнение, а смущение в тех странах, которые непосредственно пережили опыт коммунистического прошлого. В Польше и Венгрии мы могли бы соотносить такую реакцию с их опытом перехода как мирного и договорного процесса. Многим полякам и венграм актуальным и лучшим наследием 1989 г. представляется не просто игнорирование юбилея, а, скорее, полное отрицание революционной логики. Не Париж 1789 г., но скорее «испанская модель» 1970-х гг. занимала главное место в умах польских и венгерских участников круглых столов, что позволило обеспечить неожиданно безболезненный переход этих стран от тоталитарного рабства к демократическому обществу.

Однако на этом консенсус заканчивается. В Польше двадцатая годовщина практически свободных выборов 4 июня 1989 г. отмечалась в трех разных церемониях, проведенных в трех разных городах. На первой присутствовал президент Лех Качиньский, на второй во главе всех торжеств стоял премьер Дональд Туск, а третья проходила в Сейме в Варшаве. В Венгрии двадцатая годовщина мая 1989 г., когда была открыта граница с Австрией, прошла без заметного общественного энтузиазма и в отсутствие главного лидера оппозиции Виктора Орбана. В конце июня в условиях обострившегося глобального экономического кризиса были опубликованы результаты опроса общественного мнения, которые показали, что почти половина всех молодых венгров думает, что жизнь в условиях того времени, которое когда-то обозначалось термином «гуляшный коммунизм», была лучше, чем нынешняя[1].

Даже в Берлине, где падение стены 9 ноября 1989 г. стало знаковым моментом, атмосфера была безгласной, особенно в свете признаний о том, что Михаил Горбачев сыграл бóльшую роль в этом историческом моменте, нежели считалось ранее[2]. Ошеломляющими представляются результаты опроса общественного мнения, опубликованные в марте 2009 г.: большинство населения на территории бывшей Восточной Германии полагают, что жизнь в Германской Демократической Республике (ГДР) была лучше[3]. Похоже, что «Остальгия» распространилась и на новое поколение, которое помнит ГДР и его однопартийную коммунистическую диктатуру весьма смутно, если вообще помнит. Демократизация Восточной Германии, осуществленная через объединение в 1990 г. с Западной Германией, проходившая с наименьшими потрясениями в сравнении с другими странами Восточного блока, сегодня неоднозначно воспроинимается в обществе.

Что касается южной части Чешской Республики, то чехи теперь с осторожностью и даже неуверенностью говорят о получившей всемирный резонанс «бархатной революции». Бывший диссидент и заместитель председателя сената Петр Питхарт предпочитает термин «переворот»[4]; актер Павел Ландовски, подписавший Хартию 77, предлагает «отмену крепостного права»; средства массовой информации скромно обозначают произошедшее как «события ноября 1989 г.» или просто «ноябрь». Очень любопытно, что никто в Праге не может назвать автора термина «бархатная» революция и не претендует на «копирайт». Вацлав Гавел, самая заметная фигура революции, приписывает этот термин западному журналисту. Сам термин, как и то, что за этим последовало, видимо, был создан на Западе.

Несмотря на «Остальгию», в Центральной и Восточной Европе нет настоящего желания вернуться к диктатуре. Однако, несомненно, имеет место «кризис ожиданий» и даже чувство, будто «революцию предали», что проявляется в разочаровании демократией спустя два десятилетия с момента ее установления. Никто не тоскует о возвращении коммунизма, но ясно, что демократия больше не может опираться на свою легитимность как имеющую основание в 1989 г. и полное отрицание старого режима, произошедшего на тот период. Даже краткий обзор недавних событий, описание которых вряд ли попадет в западную прессу, обнажает причины, обусловившие отсутствие «триумфа 1989» в странах бывшего Варшавского договора. Лопнул недвижимый балтийский пузырь, и Латвия впервые сталкивается с волнениями в обществе. Венгрия и Словакия (в которой существует венгерское меньшинство) втянуты в тлеющую войну слов и нервов. В Праге временное правительство, возглавляемое бывшим коммунистом-статистиком, управляет кабинетом, в то время как новые выборы откладываются из-за напряженного политического противостояния по поводу решения Конституционного суда[5]. Любому, кто считает, что перспектива популистского или националистического вызова демократии в Центральной и Восточной Европе

достигла своего пика, когда близнецы Качиньские заняли посты премьер-министра и президента Польши в 2006 и 2007 гг., придется задуматься. Выборы остаются свободными и честными, но участие избирателей уменьшается[6]. Существуют все необходимые институты, но при тщательном рассмотрении они становятся похожими на пустые ракушки. Не существует альтернативы демократии, нет и доверия этим институтам[7], а политические элиты, которые были главенствующими в период двух десятилетий переходного периода, выглядят полностью исчерпавшими свой потенциал.

Можно было бы рассеять подобный пессимизм за счет положительной оценки процесса демократизации в данном регионе подобным образом: объявленные в 1989 г. цели заключались в том, чтобы закрепить основные свободы и создать демократическое правительство, достичь процветания, используя рыночную экономику как самый верный путь, и «вернуться в Европу» (что на практике означало присоединение к Европейскому союзу как сообществу свободных наций, обеспечивающему мир в Европе). В целом эти цели были достигнуты, по крайней мере в той части Центральной Европы, которая тянется от стран Балтии в южном направлении к Словении. У демократии нет явных конкурентов: в результате выборов меняются правительства, но не режимы. После первоначального кризиса переход к рынку привел к десятилетию быстрого роста и повысил уровень жизни большинства населения. Расширение Европейского союза было завершено в 2004–2007 гг., в конечном итоге превратив восточные «пригороды»[8] Европы в часть континентального процветающего демократического мейнстрима. Процесс перехода был не столь успешным на близлежащих Балканах и на периферии бывшего Советского Союза, где гибридные режимы все еще продолжают сталкиваться с нерешенными задачами по созданию независимых национальных государств и консолидации демократических конституционных порядков.

Если в целом такие процессы протекали успешно, а могли бы иметь более негативные показатели (на что указывает более бедственное положение указанных стран-соседей), почему же жители Центральной и Восточной Европы неохотно отмечают двадцатую годовщину освобождения своих стран от коммунистического рабства и свои достижения за этот период? На самом деле, в этих странах ощущается атмосфера усталости и истощения, сопровождающая переход к демократии, рынку и европейской интеграции.

Ранняя усталость от демократии?

1989 г. положил начало ожиданиям, что процесс строительства демократии после периода тоталитаризма станет важным испытанием, наполненным большим значением для всех демократических стран. Процесс, в котором все составляющие элементы свободного самоуправления (конституции и парламенты,

гражданское общество и граждане) требовалось определять или даже изобретать заново, привлек огромное международное внимание, так как представлял собой эксперимент, который мог бы вдохновить некоторые испытывающие кризис западные демократии. Тем не менее то, что появилось в Центральной и Восточной Европе, было всего лишь имитированием западных моделей. В этом отношении 1989 г. резко отличался от 1968 г., когда идеалисты Пражской весны опирались на идею о том, что следовало использовать подлинный «третий» путь, а именно модель, которая полностью отличалась и от коммунистической системы, и от западных моделей. Великая имитация, которая последовала в 1989 г., в целом была успешной, по крайней мере в том, что касается конституционных и институциональных вопросов. Единственная проблема заключалась в том, что образец для подражания сам претерпевал нелегкий период. Взяв на вооружение основополагающие принципы западной демократии, Центральная и Восточная Европа, похоже, получили и все проблемы западной демократии, включая постоянно снижающийся уровень политического участия, огромную пропасть между гражданами и политической элитой, низкое доверие к парламентским и государственным институтам, а также рост популистских и националистических выпадов против либеральной демократии[9].

Оценивая все произошедшее, Вацлав Гавел сейчас говорит, что «мы боролись за другую политическую систему, отличающуюся от той, с которой мы покончили». Разочарования в постреволюционной жизни «можно бы было в определенной степени предсказать, но [они] оказались значительно более сильными, чем представлялось изначально»[10]. Почему тогда «демократическое изобретение» 1989 г. так быстро отодвинулось в сторону? Так как данный переход осуществлялся благодаря договоренности между умеренными коммунистами и диссидентами, способствовавшей появлению новых демократий, было бы полезно дать оценку тому, что произошло с демократическими надеждами 1989 г., проанализировав мир тех, кто когда-то были диссидентами, и их бывших противников, тех, кто был коммунистами.

Слишком хорошо, чтобы победить?

До недавней поры парадокс перехода мог быть суммирован следующим образом: в 1989 г. демократическая культура Центральной и Восточной Европы в форме различных диссидентских движений консолидировалась и сокрушила приходящие в упадок политические структуры, с помощью которых коммунистические лидеры пытались держать демократию под контролем. Однако как только начались «игры» обычной парламентской политики, бывшие коммунисты, с их превосходящим уровнем сплоченности и опыта, обыграли более демократически настроенных, но хуже организованных бывших диссидентов. Это можно рассматривать как феномен, который вполне предсказуемо мог бы

установиться в качестве только единовременной, начальной, сопровождаемой активным участием фазы демократизации (когда явка избирателей составляла 90%), уступающей место более рутинному климату, при котором профессионалы, а именно бывшие аппаратчики, могли легко победить любителей, ориентировавшихся на ценности. Движения были заменены партиями, в то время как менеджеры и эксперты заслонили интеллектуалов-диссидентов, чье видение «антиполитики», основанное на этике и гражданском обществе, плохо подходило для реальностей ежедневной партийной и парламентской конкуренции. В такой ситуации диссиденты и политическая культура, которую они представляли, проиграли из-за своих достоинств, которые, в зависимости от вашей точки зрения, были неподходящими или «слишком хорошими» для того, чтобы победить.

Согласно еще одной, более критической, точке зрения, бывшие диссиденты потеряли свое влияние именно потому, что отказались от диссидентского наследия: их действия в 1989 г. и позднее обеспечили демократическую легитимность, необходимую для эксперимента со свободным рынком, что имело свою логику, но и определенные политические ограничения. «Шоковая терапия», которая была использована в Польше под эгидой Солидарности Леха Валенсы и Яцека Куроня, оказалась успешной с экономической точки зрения, но при этом игнорировала политическое наследие и социальную проблематику, которые ассоциировались с Солидарностью. Те, кто сильнее всего хотел продолжать вести политику в русле диссидентской традиции (подчеркивая важность этики, дискурса прав, верховенства закона и гражданского общества), вскоре были отстранены. В июне 1992 г. на последних выборах в Чехословакии перед «бархатным разводом» бывший диссидентский Гражданский форум не смог набрать необходимые 5% для получения места в парламенте. В Польше и Венгрии избирательные объединения, придерживавшиеся диссидентской традиции, столкнулись с аналогичной ситуацией. Данные примеры вновь заставили обратиться к старому вопросу о статусе демократического инакомыслия при коммунизме: были ли диссидентские группы, которые стали известными в 1989 г., только верхушкой массивного демократического айсберга, скрывающегося под поверхностью обществ, управляемых коммунистами, или же диссиденты представляли просто отдельные островки гражданского мужества внутри обществ, которые в любом случае всегда были пассивными и подчиняющимися при коммунистическом правлении?

Помимо диссидентского наследия существует также множество других путей, которыми пошли бывшие коммунистические партии. В Центральной Европе коммунисты стали социал-демократами. (Только Чешская Республика имеет неизмененную коммунистическую партию, которая регулярно получает более 10% голосов.) На Балканах, наоборот, коммунисты обратились к национализму: более мягкому в Румынии и Болгарии, более радикальному на территории

Югославии, где Слободан Милошевич самым ужасным образом использовал саркастическое замечание Адама Михника о национализме как «последней стадии коммунизма». В отличие от своих соратников на Балканах бывшие коммунистические партии Центральной Европы повели себя как главные сторонники демократизации в своих странах. Они не только одобрили новую демократическую систему, но также активно продвигали рынок и членство своих стран в НАТО и в Европейском союзе.

Роль коммунистических партий в нынешнем демократическом некомфортном состоянии обоснована не столько их очевидным нежеланием противостоять коммунистическому прошлому, сколько их жаждой управлять государством. При коммунизме номенклатура управляла государством через партию. В последнее время номенклатура продемонстрировала свои способности в сфере внутренней торговли и совершения самостоятельных сделок во время приватизации государственных активов. Анна Гржимала-Буссе считает, что там, где существует ограничение конкуренции партий, также ограничивается и мощь государства, что открывает множество возможностей для распространения политической коррупции[11]. Бывшие коммунисты в Венгрии, Польше и Словакии ассоциируются именно с распространением подобной практики.

Широко известно мнение Роберта Д. Патнэма, что социальный капитал – это связи, построенные на доверии, или, иными словами, это ключ к активной поддержке со стороны граждан и укреплению демократической культуры. Страны старого Восточного блока, однако, раздражает присутствие социального капитала в превратной форме. Самые сильные связи, унаследованные из прошлого, в особенности номенклатура, являются силами коррупции, направленной на то, чтобы обходить законы и постановления, что позволяет обслуживать эгоистические интересы своих членов. Легко представить, как такие группы подрывают веру в демократию и верховенство закона. Бывшие коммунисты по большей части поддерживают демократию, чтобы использовать ее ради своего блага.

В поисках новых форм, отличных от форм государственного социализма, страны Центральной и Восточной Европы остановили свой выбор на модели свободного рынка. Командная экономика потерпела фиаско, и представлялось, что рынок является лучшей альтернативой. «Никаких экспериментов!» и «Третий путь ведет к Третьему Миру!» стали слоганами дня, когда местные агитаторы за свободный рынок, такие как Лешек Бальцерович, одобрили метод «шоковой терапии», предложенный американским экономистом Джеффри Саксом. Эта идея основывалась на предположении, что есть только одна настоящая модель рыночной экономики и что она может быть применена где угодно при условии настолько быстрой реализации, когда не возникает возможности для юридических и институциональных ограничений, которые могут ее «сбить с пути».

За идеологической преданностью свободному рынку стояло давление «вашингтонского консенсуса», поддержанного МВФ и Всемирным банком для того, чтобы одновременно провести быструю приватизацию и дерегулирование, а также создать более открытые рынки труда. Государство рассматривалось как враг свободы и наследие старого режима, и от него необходимо было избавиться посредством совместных усилий политических либералов (часто бывших диссидентов), которые хотели укрепить права человека и индивидуальные свободы, и экономических либералов, выступающих за укрепление свободного рынка.

Достижения модели рыночной экономики в Центральной и Восточной Европе нельзя отрицать. За последнее десятилетие рост экономики в данном регионе проходил в два раза быстрее, чем в странах Западной Европы. Это привело к тому, что влияние мирового финансового и экономического кризиса 2008 г. почувствовалось еще сильнее. Отказавшись от коммунистического пути развития, нелегко признавать, что капиталистическая модель может придти к кризису, о котором, в конце концов, заявляла старая коммунистическая пропаганда. Жители Центральной и Восточной Европы строили капитализм, практически не имея своего капитала (большая его часть пришла из-за границы), и обнаружили, что не могут оградить себя от более крупных кризисов или иметь «капитализм в одной стране». Пропагандисты свободного рынка Восточной Европы предпочли «англо-американскую» модель, противопоставляя ее континентальной модели, которая, как они считали, слишком жестко регулировалась «государством всеобщего благоденствия». Однако кризис ударил по Соединенным Штатам и Великобритании особенно сильно и заставил правительства этих стран пойти на кардинальные меры, которые включали национализацию банков. Таким образом, следовать англо-американской модели стало достаточно сложно.

В условиях, когда государству пришлось сделать шаг назад, чтобы спасти капитализм, рыночный либерализм 1989 г. оказался поверженным. Независимо от местных разновидностей политической и экономической элите Центральной и Восточной Европы пришлось столкнуться с реальностью, показавшей, что выбранная ими модель претерпела крах. «Либеральный» момент внутри более глобального процесса перехода подошел к завершению. Учитывая, что годы подъема остались позади, а идеология свободного рынка стала менее активной, в настоящий момент наиболее актуальными представляются давно откладываемые дебаты о «типе капитализма», наиболее подходящего сегодняшнему дню. До недавних пор преобладала некоторая путаница. Культурные левые были экономически «правыми» (предпочитая рынок), в то время как культурные правые (националистические консерваторы, такие как Качиньские в Польше и Орбан в Венгрии) были экономически левыми (ориентировались на государство). Сейчас, похоже, вопрос о «разновидностях капитализма» может стать главным вопросом, вокруг которого будут происходить будущие изменения в политике Центральной и Восточной Европы.

Пределы Европы

Эффективное использование Европейским союзом политики «выполнения условий» в период вступления в ЕС сыграло ключевую роль, содействуя укреплению демократии в Центральной и Восточной Европе. В качестве основополагающих требований были заявлены демократия и права человека, что не подлежало обсуждению. Европейский союз подчеркивал желание и способность новых предполагаемых членов обеспечивать выполнение европейского законодательства, известного как «acquis communautaire». Действительно, Европейский союз так сильно настаивал на этом, что его даже обвинили в расшатывании единой партийной конкуренции и парламентского процесса. Есть определенная доля правды в том, что расширение своего единого рынка и использование единых правовых норм в Восточной Европе Европейским союзом угрожают выхолащиванием сущности местной политики. Как принятие демократии и рынка, так и «европеизация» основываются на имитации. Однако в то же время нельзя отрицать, что это было сделано для того, чтобы укрепить стабильное верховенство закона. В Болгарии, Румынии и Словакии нелиберальные политические элиты обнаружили, что стоимость противостояния интеграции в Европейский союз была слишком высока для домашнего электората, как и для экономических и дипломатических отношений[12]. Такая логика справедлива сегодня и для Хорватии, и даже для Сербии.

Сейчас, когда затихли волнения по поводу «большого взрыва» после вступления десяти новых членов и необходимо учитывать все сложности, с которыми сталкивается ЕС по мере того, как пытается реформировать свою систему управления и пересмотреть весь проект, практически все страны ЕС разделяют позицию, что дальнейшее укрупнение (помимо вступления Хорватии) не включено в ближайшую повестку дня и что в любом случае это не единственная форма отношений, которую ЕС может или должен строить со своей периферией. Страны Западных Балкан – Албания, Босния, Косово, Македония, Черногория и Сербия – намерены постепенно совершить переход от их нынешнего статуса стран, находящихся под европейском протекторатом, к полному принятию в полноправные члены ЕС. Для других (от Украины до Кавказа) политика соседства или Восточного партнерства – единственное, что планируется, по крайней мере в среднесрочный период. Однако может ли «трансформационная сила» ЕС быть эффективной, помогая демократизации бывших советских республик, когда членство в ЕС не является реально достижимой целью? Некоторые комментаторы в новых странах-членах заявили о «членстве без принадлежности». Что если формальное членство само по себе становится менее и менее вероятным, чем дальше вы продвигаетесь на восток? Сейчас кажется ясным, что в следующие двадцать лет модель, успешно реализованная в Центральной и Восточной Европе после 1989 г., вряд ли повторится где-то за границами Балкан.

Расширение ЕС достигает своих пределов и уже даже начало уменьшаться, если рассматривать его влияние на весь регион.

Двадцать лет, прошедших с 1989 г., привели нас к окончанию тройного цикла. Мы стали свидетелями того, как сильное волнение по поводу демократического перехода и консолидации привело к симптомам «усталости от демократии» и истощению элиты. Мы стали свидетелями того, как успешный экономический переход от государственного социализма пал жертвой кризиса модели свободного рынка. Мы наблюдали за тем, как трансформирующая сила ЕС достигла своих геополитических границ. Нации Центральной и Восточной Европы успешно копировали модель, которая сейчас находится в кризисе. Как и весь остальной мир, они сейчас находятся в поиске новой демократической парадигмы.

Примечания

1 Данные Венгерского опроса общественного мнения опубликованы в газете «Hospodarske Noviny» (г. Прага) 29 июня 2009 г.

2 Сейчас это широко фиксируется в различных документах благодаря открытию архивов. См. также: Meyer Michele. Histoire secrète de la chute du mur de Berlin. Paris: Odile Jacob, 2009.

3 Bonstein Julia. Homesick for a Dictatorship: Majority of Eastern Germans Feel Life Better under Communism. 7 марта 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.spiegel.de/international/germany/0,1518,634122,00.html

4 Pithart Petr. Devetaosmdesaty [Nineteen eighty-nine]. Prague: Academia, 2009. S. 17–23, 55.

5 Объясняя судебное решение, судья Конституционного суда Павел Холлендер предупреждал, что «сомнения в базовых правовых нормах на политической основе представляют собой вызов демократии и создают потенциальную опасность авторитаризма и тоталитаризма». Данная цитата была представлена в журнале «Respekt» 14–20 сентября 2009 г.

6 Для того чтобы понять, в чем заключается участие, следует принять во внимание явку в Европейский парламент в мае 2009 г., которая составила немногим более 28% в Чешской Республике и Словении и всего 19,6% в Словакии.

7 Согласно опросу общественного мнения, проведенному компанией SANEP и опубликованному в ежедневной пражской газете «Pravo» 26 сентября 2009 г., только 4% респондентов сказали, что они доверяют парламенту.

8 Jedlicki Jerzy. A Suburb of Europe: Nineteenth-Century Polish Approaches to Western Civilization Budapest: Central European University Press, 1999.

9 Susan J. Pharr, Robert D. Putnam and Russell J. Dalton. Trouble in the Advanced Democracies: A Quarter-Century of Declining Confidence // Journal of Democracy. 11 (April 2000). S. 5–25.

10 Peter S. Green., Andrea Dudikova. Havel Laments as 'Consumer Palaces' Occupy Nation // Bloomberg News. 18 июня 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.bloomberg.com/apps/news?pid=20602088&sid-aQcul8qcNNgc

11 Anna Grzymala-Busse. Rebuilding Leviathan: Party Competition and State Exploitation in Post-Communist Democracies. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

12 Milada Vachudova. Europe Undivided: Democracy, Leverage, and Integration After Communism. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Курт Вулхайзер

МОЖЕТ ЛИ РУССКИЙ ЯЗЫК БЫТЬ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДЛЯ БОЛЕЕ ЧЕМ ОДНОЙ НАЦИИ? (Часть 1.)

Беларусь повсеместно считается наиболее «русифицированной» из всех бывших советских республик. И в самом деле, за пределами Российской Федерации только в Беларуси русский язык удерживает такое доминирующее положение практически во всех сферах общественной жизни. Однако близкие связи двух стран в сфере политики, культуры и языка не превращаются в желание большинства белорусов приобрести русскую идентичность и искать присоединения своей страны к восточному соседу. В то время как идея о восстановлении СССР имела множество приверженцев в Беларуси в середине 1990-х и значительная часть населения до сих пор предпочитает более тесные связи с Россией связям с Европейским союзом, недавний опрос общественного мнения показал снижение уровня поддержки идеи союзного государства Беларусь-Россия среди граждан Беларуси. Доля таких граждан в результате опроса достигает 10–12% в том случае, если объединение определяется как присоединение Беларуси к Российской Федерации и отказ от своих собственных национальных институтов (IISEPS, 2008). Тем не менее не существует бесспорного подтверждения тому, что растущая преданность граждан Беларуси идее независимости своей страны с момента распада СССР сделала их более склонными отказаться от использования русского языка в пользу белорусского, который до сих пор повсеместно считается номинально «родным (национальным)» языком.

В подобной ситуации, казалось бы, на уровне лингвистического опыта условия в Беларуси очень благоприятны для «постимперского» социолингвистического сценария, когда

язык бывшего центра империи сохраняет важное, даже доминирующее, положение на прежних территориях, но во многих случаях перестает функционировать как маркер политической преданности империи и/или идентификации с ее доминантной этнолингвистической группой (2005). Однако, учитывая доминирующее положение тропа «одна нация – одно государство – один язык» в Восточной Европе и постсоветском регионе, а также сильное нормативное предубеждение против признания четких национальных разновидностей (вариантов) русского языка за пределами России, статус русского как национального языка белорусов продолжает оспариваться.

В процессе проведения двух переписей населения в постсоветский период в 1999 и 2009 гг. большинство самозаявленных этнических белорусов объявили белорусский их «родным языком». Этот язык в советские времена, как правило, рассматривался в качестве языка индивидуального этнического наследства, а не языка, которым человек овладевал в раннем детстве первым или на котором люди говорили наиболее свободно. Двойная лингвистическая идентичность большинства белорусов точно так же отражена (или, можно сказать, увековечена) в квазибилингвальной политике государства, где стандартный белорусский язык служит главным образом символическим источником, в то время как русский язык (с различной степенью влияния фонологических, грамматических и лексических компонентов белорусского языка в зависимости от уровня образованности говорящего и речевой ситуации) является доминирующим «немаркированным» языком как формального, так и неформального общения для большинства населения, проживающего в городах. Существуют также смешанные белорусско-русские варианты, известные в Беларуси как *«трасянка»*[1], которые заменяют традиционные сельские диалекты и которыми широко пользуются (в основной массе рабочий класс) мигранты в городах и большая часть населения маленьких городков.

Именно подобное противоречие (конфликт) между реальным использованием языка и символическими функциями языка лежит в основе идеологического конфликта между теми, кто защищает продолжающееся языковое доминирование русского языка, и теми, кто хочет укрепить роль белорусского языка в стране (2001). В этой статье я, во-первых, проанализирую современную языковую ситуацию в Беларуси на основе результатов переписи населения и данных опросов, а также влияние государственной языковой политики на использование языка в публичной сфере. Далее я обращусь к сложной и развивающейся природе белорусской идентичности и двойственной роли языка в качестве маркера «белорусскости». Я считаю, что нет смысла концентрироваться только лишь на лингвистических демографических показателях и языковой политике. Для того чтобы достичь более полного понимания социолингвистической динамики в любом обществе, монолингвальном или мультилингвальном, необходимо проанализировать так называемый «языковой режим»

(наполненный смыслом, предложенным Маклафлином в 2007 г.), который включает не только официальную политику и инструкции, но также неформальные нормы, отношения и опыт, которые влияют на использование языка в публичной сфере. Языковой режим, в свою очередь, в значительной степени зависит от дискурсивных репрезентаций языка и лиц, на нем говорящих, которые выражают глубоко укоренившиеся представления, концептуальные схемы и идеологические установки. Анализируя эксплицитные металингвистические дискурсы представителей правительства, политической оппозиции, научного сообщества, а также обычных граждан, можно придти к выводу, что эти дискурсы играют ключевую роль в создании, по сути, целых языковых сообществ и создают, легитимируют и воспроизводят существующий языковой режим в Беларуси.

1. Языковые демографические показатели, использование языка и языковая политика в современной Беларуси

1.1. Современная языковая ситуация: результаты переписи и анкетирования населения и их ограничения

Русский язык ни с юридической, ни с функциональной точки зрения не может считаться языком меньшинства в Беларуси, несмотря на тот факт, что жители, определившие себя белорусами, составляют большую часть населения страны. Согласно переписи 1999 г., белорусами назвали себя 81.2% от общего населения, русскими – 11.4, поляками – 3.9, украинцами – 2.4%. В 2009 г. перепись показала дальнейшее увеличение в сторону прибавления «государственной» нации по сравнению с другими группами: белорусами себя назвали 83.7% населения, русскими – 8.3, поляками – 3.1, украинцами – 1.7% (Национальный статистический комитет, 2009)[2]. Согласно переписи 1999 г., 85.6% всех этнических белорусов в Беларуси (и 73.6% от всего населения) указали белорусский в качестве «родного языка». На вопрос о языке повседневного общения дома только 41.3% этнических белорусов (и 36.7% всего населения) утверждали, что говорят на белорусском, в то время как 58.6% этнических белорусов (и 62.8% всего населения) заявили, что общаются на русском (Национальный статистический комитет, 2009). Более высокая цифра 2009 г., свидетельствующая об использовании белорусского языка, по сравнению с переписью 1999 г. отражает больше пробелорусские настроения, чем реальное лингвистическое поведение; скорее всего, основная часть населения, относящегося к этой группе, говорит или на местных сельских диалектах и/или на смешанных вариантах белорусско-русского языка («трасянка»). При этом не более 10% говорят на более или менее стандартном белорусском языке. В то же время значительная часть из почти 63% тех, кто заявляет, что говорит на русском, особенно в небольших и маленьких

городках и сельской местности, на самом деле, по-видимому, говорят на смешанных белорусско-русских вариантах. Интересно сравнить эти результаты с предварительными результатами переписи 2009 г. и переписью 1999 г. и более ранними переписями, проводившимися в Советском Союзе. «Родной язык» (*родной язык/родная мова*) был в анкете четко определен как «язык, выученный в детстве первым» (*язык, усвоенный первым в раннем детстве / мова, засвоеная першай у раннім дзяцінстве*). Учитывая более жесткие рамки определения этого термина, неудивительно, что только 53% всего населения (и 60% всех самоопределившихся белорусов) обозначили белорусский в качестве их «родного языка», в то время как 41,5% населения выбрали в качестве родного русский язык. Если обратиться к языку, используемому дома, то в 2009 г. 23% (от всего населения, которое насчитывало 9,5 млн человек) заявили, что говорят на белорусском, в то время как 70% заявили, что говорят на русском языке (Национальный статистический комитет, 2009).

Однако, учитывая зависимость результатов переписи от субъективной самооценки респондентов по сравнению с эмпирическим наблюдением, а также тенденции использовать категории, которые не всегда в полной мере совпадают с местным восприятием социолингвистических явлений, можно полагать, что переписи в определенной степени более объективны, чем этнографические и основанные на дискурсе подходы, которые обычно используются для изучения языка и идентичности. На самом деле, как полагает Гэл (1993: 33), категории, которые включаются в государственные переписи, видимо, менее правдоподобно отражают переживаемую населением социальную реальность, которую они хотят описать, чем официальная идеология, а также политические и экономические интересы, выступающие стимулами для сбора данных посредством переписи. Независимо от того, считаются ли данные переписи объективными мерками лингвистического поведения (и если мы отбросим в сторону идеологические и политические факторы, которые влияют на сбор данных и их анализ), в белорусском контексте эти типы данных всегда играли ключевую роль в дискуссиях по поводу языковой политики для того, чтобы, с одной стороны, поддержать, а с другой – выступить против действующего языкового режима.

Что касается данных о языке, полученных в результате переписи населения в Беларуси в 1999 и 2009 гг., выявляется одна особенность, а именно: ответы по пунктам «родной язык» и «язык, на котором общаются дома» рассматриваются как единое целое и вместо нескольких вариантов ответа (даже если бы опрашиваемые могли указать более чем один язык, кажется, что только единичный ответ был отражен в результатах исследования) дается один. Этот недостаток был отмечен в новостном репортаже на Белорусском государственном телевидении осенью 2009 г., когда президент Лукашенко (вместе со своим пятилетним сыном) выступал как анкетируемый участник всеобщей переписи населения.

Отвечая на вопрос о «родном языке» (сам вопрос был задан на русском языке), президент указал и белорусский, и русский языки, в то время как в ответ на вопрос «На каком языке Вы обычно разговариваете дома?» он сказал: «По-разному. От белорусского до русского, и на "трасянцы" тоже»[3] (Радио Свобода, 2009). Переписчик пометил в качестве ответа оба языка, полностью проигнорировав «трасянку» в качестве ответа. Предварительные данные переписи, которые уже были опубликованы, однако, не предоставляют информации о количестве опрошенных, которые выбрали более одного языка в качестве ответа для каждого из этих двух вопросов. Также отсутствуют данные о респондентах, которые идентифицируют язык, используемый дома, как «смешанный» или «трасянку» (хотя, учитывая зачастую уничижительную коннотацию данного термина, кажется вполне вероятным, что многие лица, пользующиеся смешанными белорусско-русскими вариантами, не стали бы характеризовать свой язык именно таким образом).

Летом 2009 г. Информационно-аналитический центр при Администрации президента Республики Беларусь провел анкетирование относительно уровня владения языком и использования его в стране, выявив, что «подавляющее большинство населения Беларуси владеет белорусским языком» (БЕЛТА, 2009). Согласно данным этого опроса, 29.4% всех респондентов говорят, читают и пишут на белорусском языке свободно, 52.5% в состоянии говорить и читать на белорусском, а 8.3% его понимают, но неспособны говорить или читать на нем. Что касается использования языка, 35.1% опрошенных заявили, что они применяют белорусский язык часто или иногда дома, а 29.7% – на рабочем месте или в учебном заведении. Анкетирование также включало вопрос: «Какой язык вам ближе, роднее независимо от степени владения им?». Согласно полученным ответам, 69.5% указали русский язык, в то время как белорусский язык был выбран только 36.7% опрошенных.

Стоит также принимать во внимание данные недавних обзоров и анкетирования, проводимых в Беларуси независимыми агентствами и исследователями. В общенациональном анкетировании, включавшем более 1000 взрослых респондентов, проведенном в августе и сентябре 2009 г. опросным агентством NovAK при поддержке Белорусского института стратегических исследований, был задан вопрос об уровне владения языком, а также его использовании. Только 31.6% заявили об активном владении разговорным языком, активных навыках чтения и письма на белорусском языке, в то время как 42.7% указали «пассивное владение навыками чтения и понимания на слух». Однако только незначительное меньшинство – 2.3% респондентов утверждали, что неспособны понять разговорный белорусский язык. С точки зрения частоты использования языка мы можем видеть, что большая часть опрошенных (почти 75%) постоянно использует русский язык, в то время как только 5.8% сказали то же самое о белорусском языке, а 23% респонденов признались, что никогда

не используют белорусский язык (табл. 1) (Будзьма, 2009). Среди большинства респондентов, которые утверждают, что используют русский язык постоянно, есть значительный сегмент тех, кто использует белорусский язык «часто» (13.9%), «иногда» (26.3%) или «редко» (31%). Иными словами, результаты анкетирования указывают на то, что большинство белорусских граждан используют белорусский язык по крайней мере определенную часть времени. При этом возникает вопрос о том, что на самом деле означает подобное спорадическое использование языка? В теории это могло бы относиться к ситуативному переключению с русского языка на белорусский. Это также могло бы рассматриваться как случайное, прагматично мотивированное использование белорусизмов в разговорной русской речи или даже прагматично немотивированное смешивание, т. е. «трасянка». К сожалению, данные этого анкетирования предоставляют весьма ограниченный объем информации о том, что именно предполагает «использование» белорусского языка в фактической лингвистической практике опрошенных.

Таблица 1. **Как часто Вы используете каждый из указанных языков?**

	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Постоянно
Русский	0.8%	2.1%	3.8%	18.9%	74.4%
Белорусский	23.0%	31.0%	26.3%	13.9%	5.8%
Другой	81.0%	7.2%	6.3%	1.9%	3.5%

Источник: Будзьма, 2009.

Данные анкетирования также позволили сделать выводы об использовании русского и белорусского языков в различных функциональных контекстах – как в семье, так и на рабочем месте. В отличие от многих более ранних исследований в данном анкетировании респондентам был предоставлен третий вариант ответа (помимо «русского» и «белорусского») – «местный язык». Данное название позволяет избежать уничижительных коннотаций термина «трасянка», но является в определенной степени проблематичным, так как оно делает четкую ссылку на местные белорусские диалекты, которые не все говорящие приравнивают к «смешанным» языковым вариантам. Отсутствие категории «смешанный язык» в анкете, несомненно, приводит к более частому упоминанию использования русского языка. Тем не менее результаты анкетирования достаточно точны в демонстрации доминирования русского языка (или, возможно, более точно указывают на русскоговорящих лиц) во всех сферах общения, в то время как респонденты, которые утверждают, что говорят на белорусском или местном языке (диалектных или смешанных вариантах) дома, составляют примерно одну треть населения.

Таблица 2. **На каком языке Вы говорите чаще всего?**

	Русский язык	Белорусский язык	Другой язык
Дома с членами семьи	68.6%	6.9%	24.5%
С близкими друзьями	71.2%	6.3%	22.5%
С соседями	72.7%	5.9%	21.4%
С людьми из того же самого региона	63.1%	11.1%	25.8%
С коллегами на работе	78.1%	5.5%	16.4%
С незнакомцами в общественных местах (на улице, в общественном транспорте)	84.1%	3.6%	12.2%

Источник: Будзьма, 2009.

Недавнее исследование, проведенное группой немецких исследователей (Киттель и др., 2010), также проливает свет на использование «смешанного» языка в современной Беларуси. Эта проблема была в значительной степени проигнорирована при всеобщих переписях населения и, например, при таком анкетировании, как исследование Novak/BISS в 2009 г. В 2008 г. с помощью случайной выборки были опрошены 1400 белорусских граждан в семи различных местах (по 200 респондентов в каждом), включая Минск и шесть городов среднего и меньшего размера, относительно используемого ими языка. Респондентов разделили на три категории в зависимости от возраста, представляя примерно три поколения, что позволяло исследовать социолингвистическую динамику во второй половине XX в. (в условиях реального времени). В центре исследования находилось использование языка самоопределившимися белорусами, а не всеми гражданами независимо от этнической принадлежности. Представляющие себя как русские или имеющие другую небелорусскую этническую принадлежность (национальность) были исключены из выборки. В итоге для анкетирования оставили 1230 респондентов[4].

В отличие от выбора между русским и белорусским языками, предложенного во время всеобщей переписи населения, Киттель предложил респондентам указывать «смешанный язык» не только при ответе на вопрос об использовании языка, но также и при ответе на вопрос о «родном языке» (в отличие от переписи в 2009 г., когда «родной язык» не был определен как язык первичной социализации). Как видно из табл. 3, при наличии такого варианта в анкете значительный процент опрошенных всех трех возрастных категорий выбрал «смешанный язык» в качестве родного. В то время как у избравших «смешанный язык» обнаруживается небольшое различие в ответах между возрастными ка-

тегориями (с поразительным увеличением в среднем поколении, что отражает, видимо, эффекты кампании по «белорусизации» начала 1990-х), наблюдается явная тенденция к увеличивающейся идентификации с русским языком как родным в 1-й возрастной категории и белорусским – в 3-й.

Таблица 3. **Самостоятельно выбранный родной язык, по возрастным категориям**

	1-я возрастная категория (50+), %	2-я возрастная категория (дети), %	3-я возрастная категория (внуки), %
Смешанный язык	33.6	42.3	36.6
Русский язык	59.6	49.1	43.5
Белорусский язык	19.6	24.9	36.9

Источник: Киттель и др., 2010: 61.

Другим важным новшеством в анкетировании, проведенном Киттелем и его командой, является попытка исследователей обеспечить больший диапазон различных обозначений для языковых вариантов, которыми пользуются респонденты в ежедневной коммуникации. Таким образом, в дополнение к «стандартному русскому языку» (русский литературный язык), «стандартному белорусскому языку» и «смешанному языку» (смешанный язык) участникам анкетирования были предоставлены варианты «стандартный русский язык с использованием белорусских слов» и «стандартный белорусский язык с использованием русских слов»[5].

Как видно из табл. 4, большинство респондентов не используют «чистый» стандартный белорусский язык в каждодневной коммуникации. В то же время некоторая часть анкетируемых использует «чистый» стандартный русский язык. При этом более 80% опрошенных во всех трех возрастных категориях использовали некоторый смешанный тип, будь то русский язык с белорусскими словами или другие «смешанные» перечисленные варианты. Необходимо отметить, однако, что в этом исследовании был задействован только один большой город – Минск (население 1,8 млн). Другие города являются малонаселенными – 51 000 человек в Слониме, 10 000 в Хотимске, например. Возможно, процент более молодых респондентов, утверждающих, что они обычно используют «смешанный язык», был бы несколько ниже, если бы выборка включала более крупные белорусские городские центры, включая Гомель (население 481 197), Могилев (население 367 788), Витебск (население 342 381), Гродно (население 327 540) и Брест (население 310 800). Тем не менее следует обратить внимание на то, что 19% самых молодых респондентов в Минске продолжали указывать на «смешанный

язык» как свой родной (к сожалению, статья не предоставляет информации об использовании смешанного языка по городам).

Таблица 4. **Язык для ежедневного использования**

	1-я возрастная категория (50+), %	2-я возрастная категория (дети), %	3-я возрастная категория (внуки), %
Стандартный белорусский	1.1	0.6	0.0
Белорусский с некоторыми русскими словами	4.9	5.4	2.5
Стандартный русский язык	7.2	19	13.7
Русский язык с некоторыми белорусскими словами	31.3	41.2	50.2
Белорусско-русская или русско-белорусская смесь	55.5	42.8	33.4

Источник: Киттель и др., 2010: 63.

В данном исследовании также анализировались взгляды респондентов по вопросам лингвистической идентичности «смешанного языка», или «трасянки». Было выявлено, что 39.3% респондентов полагают, что «смешанный язык» является вариантом белорусского, в то время как 18.7% – что это вариант русского языка. Поразительно, однако, что 39.9% считают «смешанный язык» самостоятельным (Киттель и др., 2010: 54)[6].

1.2. Взаимодействие русского и белорусского языков в Беларуси: социолингвистические модели и параллели

В определенном смысле социолингвистическая ситуация в Беларуси напоминает ту особенность, которую в креольских исследованиях называют «посткреольским континуумом», социостилистическим континуумом вариантов, который появляется, когда креол *(базилект)* вступает в близкий и поддерживаемый контакт с его первичным языком-лексификатором (иными словами, акролектом)**.** Люди из различных социальных слоев, с различным уровнем образования контролируют различные, частично накладывающиеся друг на друга сегменты континуума, в то время как спикеры с более высоким статусом пользуются языком, который находится ближе к акролектальному разнообразию. Большая часть населения стремится использовать в ежедневной коммуникации диапазон промежуточных вариантов (мезолект) с людьми, сочетающими в различных пропорциях базилектальные и акролектальные особенности в зави-

симости от социальных условий, уровня образования и коммуникативной ситуации. Получаемый социостилистический континуум во многих отношениях похож на одноязычную перемену стиля, наблюдаемую в различных исследованиях языковых вариантов, используемых в комплексных городских речевых сообществах.

Посткреольская модель континуума была впервые применена к белорусской ситуации российским исследователем Корьяковым (2002). Корьяков справедливо указывает на изменчивость самого континуума в зависимости от размера сообщества (табл. 5). Белорусскую ситуацию особенно интересной делает то, что в дополнение к стандартному русскому акролекту есть также стандартный белорусский язык, который для некоторых коммуникантов выступает в качестве альтернативной акролектальной цели в определенных ситуациях общения. Что касается акролектальных вариантов, Корьяков не смог выявить наличия стандартного белорусского языка как альтернативной цели в небольших городах, городках и деревнях, где некоторые члены местной интеллигенции используют белорусский стандартный язык (или его приближенные варианты) вместе с местными вариантами стандартного русского языка в определенных формальных контекстах.

Таблица 5. **Белорусский лингвистический континуум (Корьяков, 2002: 124)**

	Большие города	Небольшие города	Городки	Деревни
Акролект	Р, СБ	Р	Р	Р/Т
Мезолект	Р	Р/Т	Р/Т	Т
Базилект	Р/Т	Т	Т/СБ	БД

Р – русский язык; Т – «трасянка»; БД – белорусские диалекты; СБ – стандартный белорусский язык

Принимая во внимание определенные генетические отношения между русским и белорусским языками (результат дивергентного развития в пределах довольно однородной группы поздних общих восточных славянских диалектов, а не результат взаимодействия между доминирующим языком-лексификатором и его соответствующим креолом), а также наличие стандартного белорусского языка, обладающего важной функцией маркера белорусской национальной специфики, лингвистический континуум в Беларуси можно было бы также сравнить в определенной степени с социостилистическим континуумом в южной части Шотландии. Базилектальный предел шотландского континуума в сельской местности представлен консервативными региональными диалектами

шотландцев (представляющими дивергентное развитие северного нортумберлендского английского языка / древнеанглийского языка), которые, учитывая различную степень лексического развития, также служили базой для письменного шотландского, используемого, в частности, в литературе и даже (хотя более редко) в журналистике и научных трудах. В более крупных городах и городках смешанные англииско-шотландские варианты, такие как вариант Глазго («скороговорка Глазго») и диалект эдинбургского рабочего класса, а не традиционные сельские шотландские диалекты, выступают в качестве базилекта. В конце акролектального континуума находится стандартный шотландский английский язык (изначально стандартный британский вариант английского языка с шотландским акцентом) (Дуглас, 2006)[7].

Шотландский язык, по-видимому, играет важную роль в национальной идентичности шотландцев, так же как белорусский для белорусов (Дуглас, 2009; Шотландское правительство, 2010). Среди говорящих на обоих традиционных языках – белорусском или шотландском диалектах можно наблюдать определенный лингвистический комплекс неполноценности по отношению к доминирующим языкам, а именно английскому или русскому. В случае и шотландского и белорусского «языковость» традиционного национального языка продолжает оспариваться в определенных регионах. Шотландский язык при этом часто рассматривается просто как дивергентная группа диалектов английского языка, в то время как белорусский, хотя он и получил большую степень признания как независимый язык уже в 1920-х, безусловно, все еще рассматривается многими русскоговорящими как «диалект» русского языка или его искаженная версия. В обоих случаях обширный контакт с соответствующим стандартным языком, английским или русским, привел в настоящее время к лингвистической конвергенции, которая иногда рассматривается заинтересованными сторонами как дальнейшее материальное подтверждение тому, что шотландский и белорусский являются просто диалектами доминирующих стандартных языков. За последние двадцать лет и в Шотландии, и в Беларуси постепенно изменялось отношение к языку, хотя усилия, прилагаемые для более широкого использования шотландского и белорусского языков в публичной сфере, продолжают наталкиваться на широко распространенное двойственное отношение со стороны общества.

Как и с любыми социолингвистическими сравнениями, у подобных аналогий, действительно, есть определенные ограничения. Одно из основных отличий заключается в следующем. В случае с белорусским языком систематизированный стандарт был подготовлен и введен в общественное пользование, по крайней мере в некоторых сферах (1920–1930-е), прежде чем началось широкое распространение лингвистической конвергенции с русским языком. В случае же со среднешотландским языком усилия, направленные на то, чтобы создать единый систематизированный письменный стандарт, оказались в значительной степени неудачными, хотя процесс конвергенции шотландских диалектов и шотланд-

ского стандартного английского языка (как и городские нестандартные варианты южного британского варианта английского языка) идет быстро. У защитников белорусского языка еще остаются определенные разногласия по поводу орфографии, грамматики и словаря (некоторые специалисты предпочитают вариант языка, основанный на первоначальной систематизации 1918 г., предложенной Брониславом Тарашкевичем, другие предпочитают более «русифицированный» язык, появившийся после введения норм в 1933 г.). Существование систематизированной формы языка, которая используется по крайней мере в некоторых престижных социальных сферах, оказалось более действенным способом утверждения «языковой» независимости белорусов. Напротив, отсутствие единой стандартизированной формы у шотландцев, несмотря на ее периодическое использование при письме, несомненно, способствовало широкому распространению среди лиц, говорящих на шотландском, представлению о том, что их родной язык вне зависимости от того, насколько он отличается от стандартного английского языка в фонологии, морфологии, синтаксисе и словаре, является просто «сленгом» или «плохим английским языком». Таким образом, в значительной степени именно существование систематизированного стандарта, особенно в случае близких языковых вариантов, способствует дискурсивному созданию «языка» с отдельным названием, идентичностью и границами.

1.3. Языковой режим в современной Беларуси: государственные приоритеты, политика и методы

Языковая ситуация в Беларуси сегодня не может быть полностью понятна без учета сложного взаимодействия между правительственной политикой, использованием языка и отношением к языку за последние двадцать лет. В 1990 г. Беларусь была одной из последних советских республик, которая приняла Закон о языке: белорусский язык получал статус единственного официального государственного языка республики, при этом русский язык оставался «языком межэтнической коммуникации» (языком межнационального общения). В отличие от законов о языке во многих других советских республиках белорусский Закон о языке был в значительной степени символической мерой и оказал небольшое влияние на использование языка в публичной сфере. Только после того, как Беларусь получила полную независимость в 1991 г. после переворота в Москве, белорусские власти начали предпринимать определенные шаги, чтобы расширить использование белорусского языка в различных областях, включая образование, СМИ и правительство. Политика официальной «белорусизации», проводимой непрочным союзом националистов и государственных бюрократов, столкнулась с многочисленными препятствиями, включая нехватку преподавательского состава и учебных материалов в школах, отсутствие стандартизированной технической и научной терминологии, обструкционизма со стороны многих прави-

тельственных чиновников, и, возможно (что наиболее важно), прохладную, а в некоторых случаях даже враждебную реакцию части общественности.

Выборы популистского политического деятеля Александра Лукашенко в качестве главы недавно созданного института президентства летом 1994 г. привели к изменениям в языковой политике в независимой Беларуси. Хотя борьба против коррупции и экономических проблем доминировала в риторике кампании Лукашенко, вскоре после выборов он также начал обращаться ко все более спорной языковой проблеме, предлагая снова сделать русский язык вторым государственным языком. В 1995 г. Лукашенко спонсировал референдум по предоставлению русскому языку статуса второго языка. 83% из числа тех, кто голосовал (приблизительно 54% всех имеющих избирательное право), высказались «за». Однако, как и предупреждали защитники белорусского языка, введение официального «двуязычия», вместо того чтобы гарантировать равное использование двух языков, интерпретировалось в большинстве правительственных учреждений как сигнал вернуть небыстрый процесс «белорусизации» на прежний уровень, существовавший несколькими годами ранее, что в действительности означало возврат к языковому режиму в БССР в последние годы советского периода, когда доминировал русский язык.

В 1998 и 1999 гг. Закон о языке в БССР был исправлен, чтобы отразить новый правовой статус русского языка как второго государственного языка, но поправки были сформулированы таким образом, чтобы сделать использование белорусского языка в значительной степени необязательным. Вместо того чтобы предусмотреть равный правовой статус этих двух языков, исправленный закон 1998 г. просто требует использования «белорусского и **(или)** русского языка»: в данном случае разделительный союз на самом деле разрешает исключительное использование русского языка в большинстве случаев.

Конституция Республики Беларусь все еще гарантирует право всех граждан использовать свой родной язык, свободно выбирать язык общения (хотя остается непонятным, в каких областях), а также выбирать язык обучения в системе образовании (статья 50). Статья 4 Закона о языке, кроме того, требует, чтобы все правительственные чиновники и служащие на национальном, региональном и местном уровнях свободно владели белорусским и русским языками «в степени, необходимой для того, чтобы выполнять свои обязанности» (Конституция, 2004).

Закон об образовании (статья 5) гласит, что «белорусский и (или) русский языки» являются главными языками обучения в школах и университетах, а государство гарантирует выбор языка обучения и «создает условия, необходимые для того, чтобы реализовать это право». В то время как дополнение союза «или», по существу, разрешает превосходство русского языка в образовательном процессе, статья 24 гласит, что обучение белорусскому языку как предмету является обязательным во всех образовательных учреждениях вне независимости от области специализации.

Несмотря на наличие формальных юридических гарантий для лингвистического равенства белорусского и русского языков, конечно, было бы нереалистичным ожидать политики уважения лингвистических прав всех граждан в государстве, которое регулярно нарушает другие конституционно гарантируемые права, такие как свобода слова и свобода собраний, и подвергает жесткой цензуре средства массовой информации. Таким образом, Общество белорусского языка (неправительственная организация, которая продвигает белорусский язык и контролирует выполнение языкового законодательства), Общество белорусских школ и белорусских групп прав человека зарегистрировали многочисленные случаи, когда гарантируемые Конституцией языковые права белорусскоговорящих граждан были нарушены или когда правительственные чиновники или другие граждане удерживали белорусскоговорящих граждан от реализации этих прав (Богданкевич и др., 2000). Напротив, не было зарегистрировано случаев, когда русскоязычным гражданам создавались препятствия для реализации их конституционного права использовать русский язык в публичной сфере.

Как и в последние годы советского периода, с середины 1990-х гг. белорусский язык в официальном использовании имел в значительной степени декоративную функцию, что нашло свое отражение в существовании надписей на белорусском языке наряду с надписями на русском языке в правительственных учреждениях, в использовании двуязычного (белорусско-русского) варианта бланков в официальной документации (с текстами в основном на русском языке), а также в случайном появлении эмблем и лозунгов на белорусском языке в дни национальных праздников (Браун, 2007). Большинство законов издаются только на русском языке; фактически к концу 1990-х только 9 из 450 принятых законов были изданы на белорусском языке. Не только президент Лукашенко непосредственно, но и большинство других правительственных чиновников (за исключением министров просвещения и культуры) говорят почти исключительно на русском языке во время общественных выступлений. В 2007 г. сообщалось, что в Национальном собрании, парламенте страны только один представитель из 210, глава Комиссии по образованию, культуре и науке Владимир Зданович, выступал на белорусском, а не русском языке.

Существенный спад в преподавании исключительно на белорусском языке, который начался после референдума 1995 г., продолжался в значительной степени и во время первого десятилетия XXI в. Во время расцвета «белорусизации» в системе образования в 1993–1994 гг. 40.6% всех школьников и 76% всех первоклассников получали образование на белорусском языке, в то время как к 1999–2000 гг. только 30% всех учащихся начальной и средней школы обучались исключительно в белорусскоязычных школах, преимущественно в сельской местности. К 2008–2009 учебному году только 18% всех обучаемых учились в белорусскоязычных школах или группах. По данным на 2009 г., только 1.9% всех

первоклассников в городских школах обучались в исключительно белорусскоязычных школах.

Однако в стране с преимущественно русскоязычными школами белорусский язык и литература продолжают оставаться обязательными предметами. До 2006 г. обязательные уроки по белорусской истории и географии также преподавались на белорусском языке во всех школах (в настоящий момент по директиве Министерства образования выбор языка для подобного предмета должен осуществляться в соответствии с пожеланиями родителей).

Хотя русский остается доминирующим языком в системе образования в Беларуси, следует отметить, что белорусский тем не менее используется более широко для обучения, чем в последние годы существования Советского Союза. По данным белорусского Министерства образования, в 2005–2006 гг. из всех 325 000 студентов, обучавшихся в государственных университетах, 54% получали образование исключительно на русском языке, 44% – на русском и белорусском и только 2% получали образование исключительно на белорусском языке (Гигер и Слобода, 2008: 52).

Рис. 1. Декоративное использование белорусского языка в общественной сфере. Двуязычный плакат для президентского Фонда талантливых студентов. В (белорусское?) будущее…

Русский язык также занимает доминирующее положение в печатной прессе в Беларуси. Согласно информации Белорусской ассоциации журналистов (январь 2009 г.), 43% всех периодических изданий печатались исключительно на русском языке, 27% – на русском и других языках в соответствии с их официальной регистрацией, 5% –исключительно на белорусском языке, в то время как 22.9% – «на белорусском и других языках». Русский язык также доминирует в издательской деятельности. В 2007 г., например, книги на белорусском языке, представляя 430 отдельных наименований, составляли только 7% от всего количества книг, опубликованных в стране (Белорусская ассоциация журналистов, 2009: 7).

На радио и телевидении также доминирует русский язык. Было подсчитано, что только 5% программ на радио и телевидении, созданных официальными средствами массовой информации, транслируются на белорусском языке. На национальных телевизионных каналах не более 15% времени в эфире отводится программам на белорусском языке, причем особый акцент делается на исторических, литературных и этнографических вопросах. Большая часть новостных и аналитических программ, касающихся политических, экономических и социальных вопросов, также транслируется на русском языке.

Рис. 2. Декоративное использование белорусского языка в русскоязычном средстве массовой информации. Название «Рэспублiкi», официальной газеты Совета Министров Беларуси (2011). Название написано в соответствии с правилами стандартной белорусской орфографии, а цитата, представленная выше, взята из записей Кастуся Калиновского, ведущей фигуры в пантеоне белорусского национализма, лидера антирусского восстания в Литве и Беларуси в 1863 г., а также издателя первой белорусскоязычной газеты «Мужыцкая правда». Сама цитата, по сути, бивалентна: только слово «урад» («правительство») отличает данную фразу от русского эквивалента. Однако фраза под названием написана на русском языке, как и все остальные материалы в газете

Еще одним показателем возможного изменения в языковой политике стала публикация в сентябре 2009 г. результатов анкетирования, посвященного вопросам использования языка и предпочтений в сфере языковой политики, проведенного информационно-аналитическим центром при Администрации президента Республики Беларусь. Результаты показали, что 81% населения считают, что владеют белорусским языком достаточно хорошо, чтобы говорить и читать, а 50.1% всего населения страны поддерживают идею более широкого использования белорусского языка в публичной сфере при условии, что это будет сделано без всяких нарушений, в то время как приблизительно 1/3 респондентов указали, что существующий уровень использования белорусского языка является достаточным. Кроме того, согласно результатам правительственного исследования, 50.8% опрошенных считают, что белорусскому языку требуется государственная поддержка, в то время как 27.1% полагают, что подобная поддержка неоправданна. Более удивительным был тот факт, что 58.2% респондентов «полностью» или «частично» готовы использовать белорусский язык в учреждениях культуры, а 56.9% – в учреждениях образования. В то время как отчеты в прессе не предоставляли информации о методе составления выборки, что вызвало вопросы о надежности подобных результатов, их широкое распространение Бе-

лорусским телеграфным агентством (БЕЛТА) и другими официальными средствами массовой информации позволили предположить, что власти создают основу для изменения политики в сфере языка.

В январе 2010 г. белорусское правительство приняло «План мероприятий по популяризации белорусского языка», который содержит график конкретных мероприятий по расширению использования белорусского языка в жизни общества. Начиная с осени 2010 г. Министерство образования должно было предпринимать меры по увеличению количества белорусскоязычных классов в начальной и средней школе, предоставить возможность обучаться на белорусском языке в русскоязычных школах, а также предоставить более широкий доступ к белорусскоязычным дошкольным учреждениям (Министерство образования, 2010). Более того, на уровне университетов должны были быть приняты меры, направленные на увеличение количества предметов (особенно в гуманитарных науках), преподаваемых на белорусском языке, а также обучать студентов негуманитарных специальностей необходимой терминологии. Другие меры, запланированные на 2010 г., включают публикацию новых учебников, учитывающих изменения в белорусской орфографии 1959 г., которые вступили в силу в сентябре 2010 г., увеличение количества книг на белорусском языке в школьных и районных библиотеках, организацию регулярных встреч с белорусскими писателями, языковых олимпиад, а также ряд других мероприятий, направленных на продвижение белорусского языка и литературы.

2. Национальная идентичность и отношение к языкам в Беларуси. Три национальных проекта: белорусофонный европейский, русофонный европейский и «креольский»

Случай с белорусским языком часто цитируется в работах, посвященных изучению наций и национализма в Восточной Европе, в качестве примера слабого или незаконченного строительства нации (Бекус, 2010; Иоффе, 2007; Марплз, 1999). Действительно, существует ряд признаков, показывающих, что процесс формирования белорусской нации еще продолжается, хотя почти два десятилетия независимой государственности уже внесли значительный вклад в этот процесс. Как в случае со многими достаточно новыми национальными движениями, народ Беларуси все еще не имеет единого ответа на вопрос, что значит быть белорусом, включая геополитическую идентичность страны, ее национальные мифы, а также роль языка для выражения белорусской идентичности.

На уровне дискурса элит (включая правящие элиты и им противостоящие элиты) некоторые наблюдатели считают, что в Беларуси в настоящий момент есть три конкурирующих национальных проекта, пытающихся завоевать доверие белорусских граждан, с различной степенью институализации, вну-

тренней связности и общественной поддержки (Булгаков, 2001; Иоффе, 2007): 1) белорусофонный европейский (названный Иоффе «нативистским»); 2) русофонный европейский (который некоторые сторонники первого направления уклончиво называют «московским либеральным»); 3) официальный белорусский государственный национализм (по терминологии Булгакова (2001), он представляет собой «креольский» проект). Я полагаю, что к этим трем проектам следует добавить четвертый, а именно русский ирредентистский национализм, который, несмотря на его маргинальную природу, все еще существует как отдельная политическая программа в стране, что стало заметным в результате недавних событий в Беларуси[8].

2.1. Белорусофонный европейский проект

Белорусофонный европейский (или, по терминологии Иоффе, «нативистский») проект представляет идеологическое продолжение белорусского националистического движения, которое возникло в начале XX в. и вылилось в провозглашение недолго существовавшей Белоруской Народной Республики (БНР) в марте 1918 г. Один из принципов этого проекта заключается в том, что белорусская государственность имеет свое происхождение не в Белорусской Советской Социалистической Республике или даже ранее в БНР, а в древнем восточном славянском княжестве Полоцком, и особенно в Великом Княжестве Литовском, в котором, как считают, предки белорусов играли главную роль[9]. Считается, что белорусские земли, никогда не попадавшие под власть Золотой Орды, остававшиеся на протяжении Средних веков и раннего современного периода в рамках европейской культурной орбиты, по праву принадлежат европейскому культурному сообществу. Приверженцы белорусофонного европейского проекта полагают, что белорусский язык является уникальным средством выражения белорусской национальной идентичности и обеспечивает носителям языка прямую и органичную связь с их предполагаемым европейским наследием. Что касается политики в области языка, сторонники проекта считают, что белорусский язык должен быть единственным государственным языком в Беларуси. В то время как опасный антирусский дискурс стал менее популярным среди поддерживающих этот проект, так как он стал больше ассоциироваться с деятельностью Европейского союза, многие заявляют, что Беларусь может реализовать свою «европейскую судьбу», только если дистанцируется от России и культурно и с помощью языка. С политической точки зрения белорусофонный европейский проект ассоциируется с маленькими оппозиционными партиями и организациями, такими как Белорусский народный фронт (БНФ), его молодежное подразделение «Молодой фронт», Белорусский студенческий союз, Социал-демократическая партия («Грамада»), а также христианские демократы (ранее Консервативная христианская партия, группа, отколовшаяся от БНФ).

2.2. Официальный («креольский») государственный национализм

Третий национальный проект, названный Булгаковым (2001), Иоффе (2007) и другими как «креольский»[10], сейчас активно пропагандируется белорусским режимом через средства массовой информации и систему образования. В настоящий момент он является самым сильным с точки зрения институциональной поддержки и политического влияния. В то время как в ранние годы политический режим полагался на ностальгию по СССР и идею воссоединения с Россией, часто закрепленных в размытом понятии «панславянский» или русофильской риторике, в последнее десятилетие растет особое внимание в официальном дискурсе к белорусским суверенитету и государственности, что сопровождается выборочным присвоением некоторых символов и дискурсов, ассоциирующихся с проевропейской либеральной националистической оппозицией. Этот синкретический идеологический конструкт был в определенной степени закреплен в «национальной идеологии белорусского государства», которая с 2003 г. стала элементом учебной программы школ и университетов.

В отличие от белорусофонных и русофонных европейских проектов «официальная белорусская идентичность», продвигаемая режимом, не отрицает советский период, но, скорее, обозначает его как славный и героический эпизод в истории белорусского народа. В последние 6 лет День Независимости (3 июля, годовщина освобождения Минска Красной Армией в 1944 г.) отмечается необычайно пышно, а белорусское правительство спонсирует ряд различных общественных инициатив для продвижения бренда белорусского государственного национализма, что стало заметным на примере таких кампаний, как «За Беларусь!», «За независимую Беларусь!», «Мы – белорусы», а также «Год родной земли» (2009), которые включают широкий спектр различных событий, концертов, соревнований и т.п. Также произошел заметный скачок в более широком использовании официальных государственных символов, включая красно-белозеленый белорусский флаг (за образец взят флаг БССР, утвержденный в 1951 г.), а также национальной эмблемы (за основу взята эмблема БССР, утвержденная в 1950 г.). Что особенно поражает в акценте, который делает существующий режим на белорусском патриотизме, так это то, что пока главным двигателем является не белорусский, а русский язык. В этом отношении белорусский государственный национализм представляет уникальное явление в постсоветском регионе[11].

Литература

Auer Peter. The construction of linguistic borders and the linguistic construction of borders // Markku Filppula, Juhani Klemola, Marjatta Palander and Esa Penttilä (eds.). Dialects across Borders: Selected Papers from the 11th International Conference on Methods in Dialectology, 3–30. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2005.

Bahdankevič Svjatlana et al., eds. Anjamenne: Z chroniki zniščennia biełaruskaj movy. Vilnius: Gudas, 2000.
Bekus Nelly. Struggle over Identity: The Official and the Alternative "Belarusianness." Budapest: Central European University Press, 2010.
Belaruskaja Asacyjacyja Žurnalistaŭ // SMI ŭ Belarusi ŭ 2008 hodze. 2009. (http://baj.by/index.php?module =p&tid=4&page=3).
BELTA. Podavljajuščee bol'šinstvo žitelej Belarusi vladejut belorusskim jazykom // Novosti Belarusi, September 18. 2009. (http://www.belta.by/ru/all_news/society/i_422619.html)
Bilaniuk Laada. Contested Tongues: Language Politics and Cultural Correction in Ukraine. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
Brown N. Anthony. Status planning in Belarus: An examination of written discourse in public spaces. Language Policy. 6 (2). 281–301. 2007.
Budz'ma. 2009. Vyniki sacyjalahičnaha dasledavannja "Nacyjalnal'naja identyčnasc' vačami belarusaŭ: xto my i jakimi my budzem?" (http://budzma.org/socium/pres-reliz-pa-vyni-kakh-prezyentacyi-sacyyalahichnaha-daslyedvannya-nacyyanalnaya-identychnasc-va-chami-byelarusaw-khto-my-i-yakimi-my-budzyem.html)
Bulhakaŭ Valerka. Vybary prezidenta kreolaŭ // Arche. 4. 2001. (http://www.Arche.home.by/2001-4/bulha401.htm).
Bulyko A.N. and Krysin L.P. (eds.). Tipologija dvujazyčija i mnogojazyčija v Belarusi. Minsk: Belaruskaja navuka, 1999.
Douglas Fiona. English in Scotland. In B.B. Kachru, Y. Kachru and C.L. Nelson (eds) // The Handbook of World Englishes. Oxford: Blackwell, 2006. P. 41–57.
Douglas Fiona. Scottish Newspapers, Language and Identity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
Engelking Anna. The Natsyas of the Grodno Region of Belarus: A Field Study // Nations and Nationalism 5 (2). 1999. P. 175–206.
Gal Susan. Diversity and contestation in linguistic ideologies: German speakers in Hungary // Language in Society, 1993. 22. P. 337–359.
Giger Markus and Sloboda Marián. Language Management and Language Problems in Belarus: Education and Beyond // Multilingualism in Post-Soviet Countries, ed. Pavlenko, Aneta Bristol, UK, 2008. Multilingual Matters. P. 41–65.
Ioffe Grigory. Culture Wars, Soul-searching, and Belarusian Identity. East European Politics and Societies, 2007. 21 (2). P. 348–81.
Kittel Bernhard, Diana Lindner, Sviatlana Tesch and Gerd Hentschel. Mixed language usage in Belarus: the sociolinguistic background of language choice // International Journal of the Sociology of Language. 2010. 206: 47–71.
Konstitucija. 2004. Konstitucija Respubliki Belarus' s izmenenijami i dopolnenijami, prinjatymi na respublikanskix referendumax 1996 i 2004 gg. (http://pravo.by/webnpa/text.asp?RN=v19402875).
Korjakov J.B. Jazykovaja situacija v Belorussii // Voprosy jazykoznanija. 2002. 2. P. 109–127.
Korjakov J.B. 1999. Population of the Republic of Belarus by nationality and spoken languages in 1999 (http://belstat.gov.by/homep/en/census/p6.php).
Mečkovskaja Nina B. Postsovetskij russkij jazyk: Novye čerty v sociolingvističeskom statuse. Russian linguistics. 2005. 29:1. P. 49–70.
Radyjo Svaboda. 2009. Lukašenka havoryc' doma na trox movax. 14.10. 2009 (http://www.svaboda.org/content/article/1851690.html)

Scottish Government Social Research // Public Attitudes towards the Scots Language. Edinburgh: Scottish Government Social Research, 2010.
Woolhiser Curt. Language Ideology and Language Conflict in Post-Soviet Belarus. In Camille O'Reilly (ed.) // Language, Ethnicity and the State, vol. II. New York: Palgrave, 2001.

Примечания

1 Дословно – «смесь сена и соломы».

2 Следует также учитывать, что если «белорусский» понимается исключительно как этническая, а не гражданская идентичность, то Беларусь может превратиться в одну из наиболее гомогенных стран на бывшем постсоветском пространстве и стать похожей на соседнюю Литву, где самоопределившиеся этнические литовцы составляют 84% населения. Вне зависимости от того, рассматривается белорусский как характеристика этнической или гражданской идентичности, игнорируется вопрос о том, что в результате двух мировых войн, Холокоста, вынужденной эмиграции этнических поляков и ассимиляции, в XX в. этническое разнообразие на белорусской территории значительно уменьшилось.

3 Многие белорусы посчитали бы, что данная фраза была произнесена на «трасянке», так как при произнесении происходит ожидаемое изменение белорусского задненёбного звука /к/ в /ц/ в местном (предложном) падеже, в то время как слово «тоже» сказано на русском вместо традиционного белорусского «таксама».

4 Однако исследователи, видимо, не отслеживали этнических белорусов, которые родились или провели часть жизни за пределами Беларуси, хотя этот фактор мог оказать серьезное влияние на использование языка.

5 Не вызывает сомнения тот факт, что данные, предоставляемые респондентами самостоятельно, с точки зрения методов частоты использования нестандартных вариантов являются неточными, так как существует тенденция среди опрашиваемых преувеличивать использование более так называемых «высоких» престижных разновидностей языка и преуменьшать использование более «низких» и менее престижных разновидностей.

6 Необходимо учитывать, что термин «смешанный язык» (на белорусском – «змешаная мова», па-змешанаму) используется сельскими жителями во многих частях Беларуси для обозначения местных диалектов. Они также используют данный термин для разграничения используемого ими языка – и русского, и белорусского.

7 Вариант стандартного английского языка с шотландским акцентом (данный вариант считается престижным) возник в Шотландии сравнительно недавно; в первой половине XX в. шотландцы считали разновидности нормативного произношения (такие так акценты Морнингсайд и Келвинсайд в Эдинбурге и Глазго) более престижными, хотя в настоящее время образованная часть населения считает подобное произношение чересчур манерным и жеманным.

8 В теории другие маргинальные или неудачные национальные проекты в Беларуси могли бы быть названы «литвинскими», так как их сторонники выступают за возрождение исторического Великого Княжества Литовского (включая современную Беларусь, Литву и часть восточной Польши) в качестве демократического мультиэтнического многоязыкового государства в составе Европейского союза. Сейчас этот утопический проект можно было бы, в определенной степени, сравнить с гораздо более успешным примером

современного шотландского национализма, который смог создать «условное сообщество», сочетая элементы двух главных местных культурных традиций, периодически враждебно настроенных по отношению друг к другу, а именно исторического Королевства Шотландии, германоязычного (шотландцы и англичане) в южной части Шотландии и кельтского севера и северо-запада Шотландии, где население первоначально говорило на гаэльском языке.

9 Сторонники данной точки зрения полагают, что более ранняя форма белорусского старого рутенского языка (также известного как старобелорусский, а в русских источниках – старозападный русский) широко использовалась с XIV по XVII в. в качестве административного и юридического языка Великого Княжества и для написания и перевода как литературных произведений, так и религиозных трактатов, в то время как балтийский язык, который теперь называют литовским, не имел официального статуса в Литовском государстве и редко использовался на письме до XIX в.

10 Данный термин, который первоначально использовался украинским писателем и публицистом М. Рябчуком по отношению к постсоветской Украине, опирается на первоначальное значение термина «креол» (испаноговорящая колониальная элита, рожденная в Латинской Америке, которая смогла добиться независимости от Испанской империи, но при этом запрещала местные языки и культуры).

11 Осенью 2009 г., в то время как Беларусь готовилась ко второй переписи населения в постсоветский период, пробелорусскоязычные неправительственные организации инициировали гражданскую кампанию в ответ на официальные патриотические празднования, устроенные государством. Кампания, названная «Будзьма беларусамі», использовала культурные события, занятия, лекции и концерты в различных городах для продвижения идеи «белорусской идентичности» и белорусского языка.

Ирина Шуленкова

РЕЦЕНЗИЯ
Valerie Bunce, Michael McFaul, Kathryn Stoner-Weiss (eds.). *Democracy and authoritarianism in the postcommunist world.*
Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 347 p.
ISBN 978-0-521-11598-8

За время существования «посткоммунизма» регион Восточной Европы, как в целом, так и отдельные страны, не раз подвергался анализу исследователей, занимающихся проблемами политических, экономических, социальных трансформаций. Изначально авторы не скрывали радости по поводу победы западной модели развития над коммунистической и предсказывали «светлое демократическое будущее» бывшим социалистическим государствам. Однако со временем пришло понимание того, что скорая победа демократии коснулась далеко не всех в регионе: некоторые страны действительно добились многого на этом пути, однако ряд государств до сих пор классифицируется как стабильные автократии, в то время как третья группа стран находится в категории гибридных режимов.

Как указано в прологе книги, «целью этого сборника является возможность воспользоваться интеллектуальным преимуществом такого разнообразия, но в то же время типичности этой части мира, чтобы извлечь ключевые знания о возникновении, развитии и упадке как демократии, так и авторитаризма». Данная работа представляет собой попытку взглянуть на двадцатилетний процесс политических трансформаций в регионе Восточной Европы комплексно, собрав воедино авторов, которые не раз уже публиковали свои исследования отдельно в виде статей или монографий и которые являются признанными экспертами в данной научной области.

Процессы политических трансформаций в сборнике рассматриваются через призму трех волн демократических перемен в регионе: первая, 1989–1992 гг., характеризуется быстрым возникновением демократических режимов в некоторых странах региона; ко второй волне относятся государства, реформированные в рамках процесса вступления в Европейский союз (середина 1990-х – 2004 г. и 2007 г. расширения ЕС); и, наконец, третья волна связана с падением диктаторских режимов в результате электоральных процессов в период с 1996 по 2005 г. Как отмечают редакторы сборника, несмотря на то что каждая из этих волн охватывает разные страны региона и характеризуется использованием разных стратегий, в то же время все они обладают общими чертами: во-первых, отмечается значительная роль внешних факторов в процессе; во-вторых, каждая волна породила не только новые демократические режимы, но и выявила сильных авторитарных лидеров, сумевших сохранить свои властные позиции.

Статьи сборника собраны в четыре раздела. Первые три посвящены соответственно каждой из трех волн демократизации в регионе. Тон в первом разделе задают Майкл Макфол (Michael McFaul), а также Валерии Банс (Valerie Bunce) и Шарон Волчик (Sharon Wolchik) анализом событий 1989 г. – падения коммунизма и окончания холодной войны. Помимо выявления ключевых характеристик указанных событий авторы вводят три основных аргумента, которые будут проявляться и в последующих главах: подчеркивается значимость международной поддержки для демократических начинаний, мобилизации демократически настроенных участников процесса внутри страны и нацеленность на смену режима мирными методами.

Вторая часть сборника посвящена роли европеизации в форсировании демократических реформ в странах, нацеленных на вступление в Европейский союз. ЕС сегодня восхваляется как один из самых успешных «демократизаторов» в регионе. Однако авторы статей, Алина Мунгу-Пипиди (Alina Mungiu-Pippidi) и Милада Анна Вахудова (Milada Anna Vachudova), задаются вопросом, почему одни страны достигли большего успеха при проведении реформ в рамках европеизации, чем другие, и на каком этапе реформ, при использовании каких механизмов влияния и при каких условиях влияние ЕС приносит наиболее положительный результат, а когда его влияние не столь значительно.

В третьем разделе собраны эссе, посвященные смене власти авторитарных лидеров в результате электоральных революций. Цвета Петрова (Tsveta Petrova) представляет историю антиправительственной борьбы в Болгарии в 1996–1997 гг., Валерии Банс (Valerie Bunce) и Шарон Волчик (Sharon Wolchik) предлагают сравнительный анализ событий в Словакии в 1998 г. и Сербии в 2000 г., приведшим к поражению Владимира Мечьяра и Слободана Милошевича, еще два эссе раздела посвящены грузинской «революции роз» (Кори Велт (Cory Welt)) и украинской «оранжевой революции» (Майкл Макфол (Michael McFaul)) соответственно. Во всех описываемых случаях еще раз подчеркивается важность

массовых протестов против авторитарных правителей, а также коалиций между внутренними продемократическими силами и международными акторами.

И, наконец, последняя четвертая часть посвящена случаям неудавшихся демократических реформ и стабильным авторитарным режимам. Этот раздел открывает статья Люкана Вея (Lucan Way), в которой автор пытается выявить источники устойчивости авторитаризма в странах бывшего Советского Союза. Среди них названы сильная правящая партия, силовые механизмы (state coercive strength) и контроль государства над экономикой. Последующие эссе предлагают анализ конкретных стран. Кэтрин Стоунер-Вайс (Kathryn Stoner-Weiss) рассуждает на тему затухания демократических начинаний в России, Виталий Силицкий представляет глубокое исследование причин устойчивости авторитарного режима в Беларуси и Скот Радниц (Scott Radnitz) анализирует революцию в Кыргызстане и причины ее провала.

В целом книга представляет собой интересное собрание исследований, позволяющих увидеть достаточно полную картину разнообразия методов, форм и конечных результатов трансформации политических режимов в Восточной Европе за два десятилетия, прошедших со времени падения социализма, а также выявляющих причинные факторы развития как в сторону демократии, так и авторитаризма.

Светлана Сувейкэ, Лудмила Коадэ

РЕЦЕНЗИЯ
Sergiu Musteata, Igor Casu.
Fără termen de prescripție. Aspecte ale investigării crimelor comunismului în Europa (Без срока давности. Аспекты расследования преступлений коммунизма в Европе).
Chisinau: Cartier Publishing House, 2011, 789 p.,
ISBN 978-9975-79-691-0 (на румынском)

В 2011 г. в издательстве «Cartier» в рамках коллекции «Cartier istoric» выпущен коллективный сборник «Без срока давности. Аспекты расследования преступлений коммунизма в Европе», опубликованный при поддержке программы «Восток – Восток: Партнерство без границ» фондов *Сорос-Молдова* и *Сорос-Румыния*.

Написание и издание сборника были обусловлены двумя событиями, имевшими место в 2010 г. Первое связано с созданием Комиссии (Указом тогдашнего временно исполняющего обязанности президента М. Гимпу от 14 января) по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима в Республике Молдова. Ряд рекомендаций по осуждению коммунистического режима нашел отражение в исследованиях, включенных в рецензируемый нами сборник. Вторым событием стало проведение в Кишиневе в мае 2010 г. международной конференции, организованной Национальной ассоциацией молодых историков Молдовы (ANTIM) в рамках проекта «Демократия после тоталитаризма: уроки, извлеченные за последние 20 лет» при поддержке программы «Восток – Восток: Партнерство без границ» фондов Сорос-Молдова и Сорос-Румыния. Большинство авторов статей, вошедших в данный сборник, представили свои исследования и оценку тоталитарных режимов в изучаемых ими странах.

Появление сборника «Без срока давности. Аспекты расследования преступлений коммунизма в Европе» возродило

тему осуждения тоталитарного коммунистического режима в Республике Молдова, интерес к которой повышался также из-за нежелания властей вынести вердикт данному режиму по примеру цивилизованных государств. Вакуум, образовавшийся в связи с отсутствием официального заявления об осуждении коммунизма, заполняется исследованиями специалистов в данной области. Таким является послание и составителей книги, которые в предисловии характеризуют коммунистический режим в бывшей МССР как установленный вооруженным путем и продвигаемый с помощью террора и пропаганды, как бесчеловечный, репрессивный, несущий ответственность за совершение актов геноцида и страданий, причиненных молдавскому обществу (с. 7–12). Ссылаясь на ряд международных актов (например, Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов» от 25 января 2006 г., Резолюция Европейского парламента «О европейском сознании и тоталитаризме» от 2 апреля 2009 г., Резолюция Парламентской Ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделённой Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» от 2 июля 2009 г.), составители книги – Сержиу Мустяцэ и Игор Кашу – делают акцент на необходимости соблюдения Молдовой сделанных рекомендаций. Исследователи подчеркивают, что только так можно дистанцироваться от тоталитарного коммунистического прошлого, а государство может добиться прогресса на пути к демократии.

Сборник состоит из двух частей: первая отражает опыт бывших социалистических государств в изучении и осуждении коммунистического режима, вторая посвящена исследованию коммунистического режима в Молдове.

Первая часть работы (шестнадцать статей) написана специалистами – историками, архивистами, политологами – из бывших советских и/или бывших социалистических государств, а также из Великобритании и США и объединена общей темой: «Опыт бывших социалистических стран в исследовании и осуждении коммунистического режима». Представлены история и коммунистический опыт Румынии, Болгарии, Эстонии, Литвы, Чехии и Словакии, которые переосмыслили свое тоталитарное прошлое.

В детальном исследовании профессора Университета Мэрилэнд Вл. Тисмэняну коммунизм рассматривается не только как экономическая, моральная, социальная и культурная доктрина, но изучаются главные факторы, обосновавшие его: привилегированная роль партии и революционное преобразование человеческой природы (с. 13). Исследование выделяется комплексным анализом концепции коммунизма и обстоятельств, при которых удалось установить в России авторитарный режим, основанный на насилии и репрессиях против любой формы оппозиции (с. 16).

Айги Рахи-Тамм в своей статье «О расследовании советских репрессий в Эстонии» рассказывает о создании исследовательских центров и комиссий по

расследованию репрессивной политики, которые были созданы и функционируют в Эстонии, Чехии и Румынии. Так, в Эстонии на протяжении последних 20 лет было создано и действовало несколько таких комиссий, о которых рассказывает. Среди них:

– Комиссия, учрежденная в 1990 г. Академией наук Эстонии, которая предоставила картину ущерба, нанесенного Советским Союзом Эстонии и ее народу. Ее отчет был взят за основу для исторической и юридической оценки советских политических и военных действий, направленных против Эстонии в 1940 г., расцененных как агрессия, военная оккупация и аннексия (с. 54);

– Государственная комиссия Эстонии, учрежденная в 1993 г. парламентом Эстонии, которая подсчитала в Белой Книге от 2005 г. убытки и потери, понесенные эстонцами в результате советской и германской оккупации (с. 55–56);

– Центр изучения советского периода, сформированный в 1996 г. при Национальном архиве Эстонии, который опубликовал две работы по 1939–1941 гг. (с. 56);

– Музей оккупации в Таллинне, открытый в 2003 г. усилиями фонда Кистлер-Ритсо и посвященный истории Эстонии в период с 1941 до 1991 г. (с. 57);

– Международная комиссия по расследованию преступлений против человечности, созванная в 1998 г. президентом страны. О деятельности комиссии можно узнать из статьи Меэлис Марипуу и Меэлис Сауеаук «Эстонская международная комиссия по расследованию преступлений против человечности (1998–2008) и новые перспективы». В ней указывается, что основная задача Комиссии – установить в конкретные сроки преступления против человечности, совершенные в Эстонии (с. 72), – была выполнена: определены учреждения и имена тех, кто совершил преступления, а также опубликован объемный материал по новейшей истории Эстонии, в котором нашли отражение и преступления против человечности (с. 76).

Об опыте Чехии в применении институционального подхода при изучении прошлого Войтех Рипк пишет в своем исследовании «Репрессии и легитимация в позднем коммунизме в Чехословакии и Институт по изучению тоталитарных режимов». Автор подчеркивает, что вопрос учреждения специального института широко дискутировался в конце XX в. (с. 104–105) наряду с обсуждениями исторического периода, подлежащего изучению, статуса самого института и его атрибутов. Обсуждения вылились в создание Института по изучению тоталитарных режимов, предназначением которого являлись объективный анализ и оценка репрессивного и насильственного характера нацистского и коммунистического режимов в Чехословакии в 1938–1945 гг. и 1948–1989 гг. (с. 106, 108–109).

В Румынии также были созданы учреждения по изучению тоталитарного прошлого. Этому вопросу посвящена работа профессора Дениса Делетант из Великобритании «Вопрошая прошлое. Некоторые размышления об изучении

коммунизма в Румынии после 1990». Знаток румынских реалий прошлого и настоящего, автор пишет об Институте по расследованию коммунистических преступлений, созданный решением правительства в декабре 2005 г. (с. 128–131); о Румынском институте новейшей истории (с. 1310132); о Национальном совете по изучению архивов бывшей Секуритате (с. 133); о Гражданском академическом фонде, учрежденном Анной Бландиана и Ромулусом Русан (их работа – Мемориал жертвам коммунизма и сопротивления в Сигете – является самым известным памятником, осуждающим коммунистические репрессии в Европе) (с. 136); о Национальном институте по изучению тоталитаризма, который функционирует под эгидой Румынской академии (с. 136).

Особую роль в исследовании румынского тоталитарного прошлого сыграла Президентская комиссия по анализу коммунистической диктатуры, руководимая Вл. Тисмэняну. О деятельности комиссии более подробно говорит Кристиан Василе в статье «Президентская комиссия по анализу коммунистической диктатуры и доступ к архивам румынского коммунизма». Автор (член комиссии) указывает состав, раскрывает деятельность, успехи и трудности, с которыми сталкивались участники, а также условия, в которых работала Комиссия, учрежденная президентом Бэсеску в апреле 2006 г. Задача Комиссии заключалась в «научном осмыслении учреждений и методов, которые создали почву для злоупотреблений и преступлений коммунистического режима в Румынии от его установления и до Революции в декабре 1989 года», а также в открытии доступа к архивам по коммунистическому режиму, в изъятии национальных архивов у Министерства внутренних дел и администрации и т.д. (с. 201–203). Заключительный отчет, предоставленный менее чем за год работы Комиссии, который продемонстрировал беззакония, совершенные тоталитарным коммунистическим режимом и который был взят за основу президентом Бэсеску при осуждении коммунизма в декабре того же года, расцененивается как «веха в усилиях румынского общества прояснить свое отношение к прошлому» (Денис Делетант, с. 126).

Доступ к архивам с целью расследования тоталитарного прошлого является другой темой, которая затрагивается в первой части сборника. Айги Рахи-Тамм отмечает, что в Эстонии научное изучение коммунистического прошлого стало возможным после снятия запрета на специальные фонды и после постепенного открытия с осени 1991 г. фондов архива коммунистической партии Эстонии (с. 52–53). В Чехии, по словам П. Навратила, открытие архивов произошло благодаря ряду законов, принятых парламентом Чехословакии. Среди них следует отметить:

– Закон о люстрации 1991 г., посредством которого были сделаны первые шаги на пути открытия архивных фондов по безопасности, доступных изначально только для административных целей (с. 94);

– Закон о рассекречивании дел, открытых в период деятельности государственной Службы Безопасности 1996 г., модифицированный в 2000 г.;

– Закон об архивах от 2004 г., который открывал неограниченный доступ ко всем архивным материалам Службы Безопасности Чехословакии до 1 января 1990 г. (с. 96).

В Румынии открытие архивных фондов было процессом более длительным и сложным. Процесс открытия архивов происходил во время работы Комиссии Тисмэняну. Спустя два месяца после создания Комиссия получила привилегированный доступ к национальным архивам, но «ни в коем случае не полный», а некоторые дела были спрятаны (с. 205). Комиссия столкнулась с трудностями, связанными с доступом к архивам Министерства здравоохранения (с. 207), Национального института статистики (с. 208), Архива Службы внешней разведки, церковным архивам (с. 214) и т.д. Сопротивление со стороны национальных архивов и многих румынских архивистов, встреченное Комиссией, а также разногласия между архивистами и историками в постдекабрьской Румынии объясняются Алиной Павелеску социальными ролями, которые историки и архивисты представляют и воспринимают по-разному (с. 193). Однако важно, что в конечном итоге благодаря настойчивости и ходатайствам членов Комиссии было достигнуто постепенное открытие множества архивных фондов (с. 215), а документы, с которыми они работали, стали доступными для всех исследователей (с. 205).

В первой части книги рассматриваются и другие проблемы и темы, касающиеся коммунистического прошлого и/или его последствий для современного общества. Так, Айги Рахи-Тамм раскрывает тему депортации эстонцев, утверждая, что депортация в Эстонии была политическим актом насилия, а ее влияние ощущалось во всех сферах жизни (С. 68–69). Уве Поом пишет об идентитарной и интеграционистской политике в Эстонии, которая корнями уходит в советскую эпоху и которая является одним из самых значительных посткоммунистических сражений в данной стране, в большей степени по причине иного подхода к интерпретации новейшей истории региона (с. 78). Матей Медвечки анализирует эволюцию учреждения государственной безопасности в Чехословакии – от ключевого инструмента восхождения коммунистической партии к власти в государстве до инструмента контроля и репрессий, распространяющего страх и террор и ответственного за совершение многочисленных преступлений и чудовищных процессов (с. 94). Владимир Тольц описывает прием сигналов иностранного радио в Советском Союзе и реакцию Кремля, а также принятые им меры с целью ограничить доступ населения к «Голосу Америки», ВВС и т.д. Эссеист и литературный критик Смаранда Вултур пишет о румынской историографии в период 1990–2000 гг. и заявляет, что после революции все чаще начинали исследовать темы, игнорировавшиеся до 1989 г. (с. 170), относящиеся к коммунистическому прошлому и затрагивающие антикоммунистическое со-

противление, депортации, коллективизацию, а также политическую историю, вопросы идентичности и т.д. Статья Октавиана Роске затрагивает наболевший вопрос коллективизации сельского хозяйства в Румынии (с. 237). Адриан Чофлынкэ проявил интерес к исследованию роли Союза коммунистической молодежи Румынии как рычага контроля над населением до 1989 г. (с. 305). В статье Николая Вукова «Прошлое сквозь призму посткоммунизма: памятники национальной истории Болгарии после 1989» рассматриваются основные тенденции в представлении и интерпретации памятников национальной истории Болгарии после 1989 г. (с. 307).

Второй раздел книги – «Изучение коммунистического режима в Республике Молдова» – включает тринадцать исследований, подготовленных молдавскими историками, в основном членами Комиссии по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима. Представляя различные методологические подходы и будучи различными по содержанию, эти исследования направлены на восстановление малоизвестных страниц истории региона в советское время: анализируются понятия и термины, характеризующие путь эволюции советской историографии, поднимается проблема коллективной памяти и наследия коммунистического режима в Молдове. Представлены не только аргументы фактического и статистического характера, но и многомерный анализ в основном неопубликованных источников, а также интерпретации и оценки в качестве важнейших компонентов изучения истории Советской Молдавии.

Исследование Октавиана Цыку обеспечивает ретроспективный взгляд на эволюцию советского «молдовенизма» и идентитарной политики в Молдавской Автономной ССР и Молдавской ССР в 1924-1991 гг. Автор отмечает, что сегодня мы не можем обсуждать строительство молдавской идентичности без анализа того, как в географическом и социальном пространстве был введен «moldovenism – государственная политика в МАССР, МССР и СССР, которая имела навязчивую идею развития политического, этнического, исторического, культурного и языкового своеобразия среди румынского населения Молдавской ССР и остальной части Румынии» (с. 334).

Другой темой обсуждений стал вопрос о Большом терроре 1937–1938 гг. Статья Иона Варта и Татьяны Варта посвящена анализу Большого террора в Молдавской АССР в 1924–1940 гг.

В дополнение к чрезвычайно сложной картине репрессий 1937–1938 гг. в стране и в регионе, авторы представляют тематические исследования (кейс-стади), которые шокируют не только деталями личных трагедий, но и педантизмом и хладнокровием палачей. В том же контексте авторы Георге Негру и Михай Ташкэ представляют малоизвестные детали «Операции Кулаки» и «Румынской операции», которые представляли основные направления политических репрессий в МАССР в годы Большого террора. Приложения к

тексту исследования включают списки «специальных троек», таким образом открывая имена тех, кто приговаривал к расстрелу без состава преступления сотни людей (с. 444–455). Авторы реконструируют обе стороны баррикад, «врагов» и «героев», оставляя одновременно пространство, необходимое для размышления о случайном разделении общества и последствиях таких процессов.

Виорика Олару-Чемыртан предлагает ретроспективный анализ трех волн депортаций, имевших место в Бессарабии в 1940–1941 и 1944–1956 гг. Автор показывает, что депортации в советское время становились постоянным явлением. Независимо от критериев отбора жертвы (политических, социальных или религиозных) депортации имели массовые социальные, экономические и психологические последствия.

Историк Аурелия Феля представляет оригинальное исследование о голоде 1946–1947 гг. в Молдавской ССР, в котором два типа источников – мемуары и официальные документы – представлены «лицом к лицу». Автор указывает на то, что мемуары подтверждают данные официальных источников о жесткой политике Советского Союза в области сельского хозяйства.

Будучи преподавателями вузов, авторы рецензии столкнулись с нежеланием коллег утвердить введение курса по изучению антикоммунистического сопротивления в Румынии и в Молдавской ССР. В этом контексте исследовательница Елена Постикэ приводит достаточно аргументов об устойчивости сопротивления, подчеркивая, что среди различных категорий участников были те, кто выбирал активное или пассивное сопротивление как форму протеста против режима. Игорь Кашу, один из издателей коллективной работы, продолжает тему антикоммунистического сопротивления, которое также продолжается после XX съезда КПСС и до середины 1980-х. На основе файлов архивов КГБ, доступ к которым был открыт в момент формирования Комиссии по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима, автор восстанавливает образы политических противников режима – диссидентов и критически относящихся к власти людей, которые «выражали явно антисоветские и антикоммунистические взгляды или проявляли определенное поведение, заклейменное со стороны режима» (с. 520).

«Фундаментальной отличительной чертой советского социализма была уравниловка, желание уравнять различия в государстве, которое ограничивает, ломает и властвует» (с. 564). Таким образом, население Молдавской ССР, так же как и население других союзных республик, испытало на себе воздействие процессов социальной трансформации, о чем подробно пишут авторы исследования о социальном неравенстве в Советской Молдавии Николае Енчу и Серджиу Киркэ. Собственность была центром тяжести радикальных социальных преобразований в деревне, ее принудительная ликвидация с введением коллективизации, национализации и с укреплением сотрудничества фермы и колхоза

имела тяжелые последствия: разрушение материальных и моральных ценностей, которые формировали целостную взаимосвязь личности и общества.

Другая особенность режима – его антирелигиозная политика – стала объектом исследования Людмилы Тихоновой. Автор выявляет механизмы государственных репрессий против религии, верующих и Церкви (с. 599–646) и подчеркивает, что борьба с культами носила постоянный характер на протяжении всего советского периода, имея последствием разрушение морально-этических ценностей общества в целом и индивидуума в отдельности. Тем не менее исследуемый материал ясно показывает, что существовало индивидуальное и групповое сопротивление, которое носило религиозный характер и в котором проявляются духовные черты верующих.

Серджиу Мустяцэ и Петру Негурэ провели исследование, которое объясняет взаимосвязь между процессами воспитания, советизации и русификации и образования в Молдавской ССР, их комплексное воздействие на молдавское общество (с. 646–676). В последние два десятилетия было уделено большое внимание анализу стандартов и содержания учебников в Республике Молдова. Осуществлялся анализ советских учебников, которые служили в качестве эффективного средства пропаганды партии, поскольку они были полны «стереотипов, направленных на прививание страха и ненависти к “врагу”» (с. 671), искаженных интерпретаций и политизированных выводов. Авторы заключают, что реорганизация системы образования в Республике Молдова продолжается, и «в этой области продолжают проявляться рецидивы коммунистического наследия» (с. 675).

О том, каким образом была изобретена «точка зрения советской историографии по отечественной истории», написали известные исследователи Демир Драгнев и Павел Параска (с. 676–717). Историки подробно объясняют, как происходила интеркаляция политического дискурса в исторические работы, выявляя методы, при помощи которых партийные органы определяли научные направления. Авторы подчеркивают роль специализированных учреждений и отдельных лиц в этом процессе. Два последних исследования должны рассматриваться как единое целое, когда речь идет о развитии исторического образования в МССР.

В своей статье историк Анатол Петренку (член Комиссии по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима (с. 717–725)) подчеркивает, что ностальгия по славному прошлому питается также большевистской топонимией таким образом, что его значение должно постоянно доводиться до сведения граждан, которые в будущем потребуют возврата к старым названиям городов.

Исследование историков Игоря Шарова и Андрея Кушко вносит важный вклад в понимание связи между коммунистическим прошлым и настоящим. Используя слова Пьера Нора, авторы спрашивают себя, произошло ли в случае Молдовы «изменение отношения к прошлому», размышляют о том, что прошлое

остается «открытым полем» для интерпретации, а коллективная память до сих пор сливается с историческим знанием.

Дистанцирование от прошлого, связанного с травматической памятью, остается чрезвычайно важной задачей для наших историков. И в этом отношении западный и восточноевропейский опыт и стратегии являются исключительно ценными. Сегодня политический дискурс в публичном пространстве отмечен так называемой «символической конкуренцией» за объективность. Историки отмечают, что дистанцирование от прошлого – это постепенный процесс, который требует серьезных профессиональных усилий, а также подготовки общества. Прошлое следует понимать таким образом, чтобы оно становилось «резервуаром смысла и моральным вектором настоящего», заключают И. Шаров и А. Кушко.

Сборник исследований «Без срока давности. Аспекты расследования преступлений коммунизма в Европе» приглашает к сравнительному анализу, который осуществляется, по крайней мере, с двух позиций: переосмысления прошлого сквозь призму коммунистического опыта различных географических пространств Центральной и Восточной Европы; оценки роли различных учреждений и комиссий по изучению коммунистических режимов и значения проделанной ими работы для общества. Авторы анализируют различные источники – как официальные документы, так и мемуары, интервью, тем самым предоставляя альтернативные «истины».

Сборник является первым результатом коллективного усилия членов Комиссии по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима в Молдове. Будучи значимой с научной и образовательной точек зрения, книга, без всякого сомнения, призывает политическую власть к осуждению коммунистического режима и конкретным действиям. Представленные исследования способствуют формированию коллективной памяти здорового общества, которое учится на опыте прошлого, глядя достойно и с уверенностью в будущее.

НАШИ АВТОРЫ

Бабенко Светлана (Киев, Украина) – социолог, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных структур и социальных отношений факультета социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет). Сфера научных интересов: социальное неравенство в сравнительной (европейской) перспективе; сравнительные исследования постсоветских и посткоммунистических трансформаций в странах Центральной и Восточной Европы.

Баторшина Ирина (Калининград, Россия**) –** историк**,** кандидат исторических наук, научный сотрудник Балтийского информационно-аналитического центра РИСИ, начальник отдела исследования стран Балтии НОЦ «Института Балтийского региона» БФУ им. И. Канта. Сфера научных интересов: постсоветское развитие государств Балтии, утверждение и развитие дипломатических отношений между Россией и Литвой, интеграция Литовской Республики в Европейский союз и последствия евроинтеграционных процессов для Калининградской области.

Бреская Ольга (Вильнюс, Литва) – социолог, кандидат социологических наук, доцент, главный редактор журнала «Перекрестки», руководитель сектора научных исследований Европейского гуманитарного университета. Сфера научных интересов: теория Пограничья, социальная теория, городские сообщества в публичном пространстве, социология религии. Автор монографий «От транзитологии к теории Пограничья» (2008), «Индивид и корпорация в публичном пространстве» (2011).

Бреский Олег (Вильнюс, Литва) – юрист, кандидат юридических наук, доцент, рукводитель академического департамента права Европейского гуманитарного университета (Вильнюс). Сфера научных интересов: конституционное право, история правовых учений, социальная теория. Автор монографий «От транзитологии к теории Пограничья» (2008), «Локальность: к нормативным основаниям социального места и пространства» (2011).

Вайналавичус Донатас (Каунас, Литва) – политолог, имеет степень Ph.D. в области политических наук, является преподавателем университета Витаута Великого. Сфера научных интересов: международная политика в области безопасности, дипломатические организации, современные международные кризисы.

Венгерская Виктория (Житомир, Украина) – историк, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Житомирского государственного университета им. И. Франко. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет). Сфера научных интересов: проблемы национального строительства в XIX в., новая имперская история, экономическая история.

Вулхайзер Курт (Бостон, США) – филолог, имеет степень Ph.D. в области славянских языков и литературы, сотрудник Дэвис-центра российских и евразийских исследований Гарвардского университета. Преподает славянские языки и литературу в университете Брэндис (Бостон) с 2011 г., до этого периода – в Гарвардском университете. Сфера научных интересов: восточнославянская лингвистика, язык и этническая идентичность, языковая политика и языковые конфликты в постсоветской Евразии, язык и политические границы, социолингвистические подходы к изучению языкового разнообразия и изменений.

Гринченко Гелинада (Харьков, Украина) – историк, доктор исторических наук, доцент кафедры украиноведения философского факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет). Сфера научных интересов: устная история, memory studies, история повседневности.

Журженко Татьяна (Вена, Австрия) – канд. филос. наук, доцент. Закончила Харьковский Национальный Университет им. В.Н. Каразина, где работала с 1993 по 2010 г. доцентом кафедры теоретической и практической философии. С 2007 г. является старшим научным сотрудником Института политических наук Университета Вены (Австрия), стипендиатом Австрийского научного фонда (FWF). Работает над докторской диссертацией на тему «Политика памяти в пост-советском пограничье: Украина/Россия и Украина/Польша». Последняя публикация «Borderlands into Bordered Lands: Geopolitics of Identity on Post-Soviet Ukraine», Stuttgart: Ibidem 2010 (приз Американской Ассоциации Украинистов за 2010 г.).

Касьянов Георгий (Киев, Украина) – историк, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом новейшей истории и политики Института истории Украины Национальной академии наук Украины. Сфера научных интересов: теории национализма, история Украины, украинская историография. Автор более 10 монографий, среди которых «Украина 1991–2007. Очерки новейшей истории» (2008), «Laboratory of Transnational History Ukraine and Recent Ukrainian Historiography» (2009), в соавторстве с Philipp Ther, «Danse macabre: голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті – початок 2000-х)» (2010).

Климович Анастасия (Минск, Беларусь) **–** политолог, магистр политических наук, Белорусский государственный университет. Сфера научных интересов: отношения Беларусь – ЕС, территориальное сотрудничество, регионализация, европеизация, международное сотрудничество в области развития, еврорегионы, публичная политика в Беларуси.

Коадэ Лудмила (Кишинев, Молдова) – доктор исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии, старший научный сотрудник Института истории и политических наук Международного независимого университета Молдовы (Кишинев). Сфера научных интересов: внешняя политика Молдовы, отношения Молдовы с Россией и Европейским союзом, внешняя политика России на постсоветском пространстве. Автор ряда научных работ по истории Бессарабии и политики Молдовы, в том числе монографии «Учреждение земства в Бессарабии: историко-юридические аспекты» (на румынском, Кишинев, 2009).

Кретинин Геннадий (Калининград, Россия) **–** историк, доктор исторических наук, профессор, руководитель Балтийского информационно-аналитического центра РИСИ. Сфера научных интересов: региональная история.

Максак Геннадий (Чернигов, Украина) **–** политолог, президент Полесского фонда международных и региональных исследований, Чернигов (Украина). Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет). Сфера научных интересов: геополитика Восточной Европы, энергетическая безопасность.

Муратова Эльмира (Симферополь, Украина) – политолог, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет). Сфера научных интересов: ислам в Крыму, ислам и политика, межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму, СМИ и политика.

Папцова Алла (Чадыр-Лунга, Молдова) – историк, философ, старший преподаватель кафедры общественных дисциплин Комратского государственного университета. Сфера научных интересов: философия истории, социальная философия, история и мифология Юго-Восточной Европы.

Першок Филипп (Брюгге, Бельгия) – политолог, историк, имеет степень Ph.D. в сфере политических наук и европейских отношений, помощник по академическим вопросам в Колледже Европы в Брюгге по программе «European General Studies». Участник проекта «Becoming Europeans: Lithuanian Collective Identity after the Joining the European Union», финансируемого Советом по исследованиям Литвы. Сфера научных интересов: расширение Европейского союза и политика соседства, проблемы коллективной помяти, дипломатические элиты.

Пономарева Олена (Рим, Италия) – украинист, кандидат филологических наук, доцент Римского университета, где преподает украинистику при Департаменте европейских, американских и интеркультурных исследований на факультете филологии и философии. Изучает проблематику демократических трансформаций посттоталитарного общества в гуманитарной и социальной сфере.

Поздняк Вячеслав (Вильнюс, Литва) **–** политолог, кандидат философских наук, доцент Европейского гуманитарного университета. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет). Сфера научных интересов: политическая теория, теория международных отношений, геополитика, международная безопасность (security studies), европейские исследования, Европейская политика соседства, Восточное партнерство, внешняя политика Беларуси и постсоветских государств.

Рупник Жак (Париж, Франция) – историк, имеет степень Ph.D. по истории, директор отдела исследований в CERI (Центр международного образования и исследований) в университете Sciences-Po в Париже, профессор Колледжа Европы в Брюгге. Сфера научных инетересов: демократизация и европейская интеграция Восточно-Центральной Европы. Автор 14 книг, срели которых «Другая Европа» (The Other Europe, 1989), «1989: Европа и измененный мир» (1989: Europe and the World transformed, 2011).

Сувейкэ Светлана (Кишинев, Молдова) – историк, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории румын факультета истории и философии Государственного университета Молдовы. Читает курсы по современной истории румынского пространства и Восточной Европы, а также истории и культуры США. В 2010 г. опубликовала монографию «Basarabia în primuldeceniu interbelic (1918–1928): modernizare prin reforme» («Бессарабия в первом десятилетии межвоенного периода (1918–1928): модернизация путем реформ»), в 2011 г. в соавторстве с Ольгой Бреской публикует работу «Индивид и корпорация в публичном пространстве». Стипендиатка международной программы «Fulbright» Стэнфордского университета в Калифорнии, США (2009–1010), Президент Ассоциации выпускников программ обмена с США в Молдове (ADC).

Улунян Артем (Москва, Россия) **–** историк, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра балканских, кавказских и центральноазиатских исследований Института всеобщей истории РАН. Специализируется в области исторических региональных исследований, этнополитики, политической истории и истории международных отношений, является автором 17 изданий – монографий, учебных пособий, включая общефедеральное для 11-го класса. Одна из работ переведена и издана в Албании в 2011 г.

Шуленкова Ирина (Флоренция, Италия) – политолог, докторант Европейского университета во Флоренции. Сфера научных интересов – политические трансформации на постсоветском пространстве.

Информация для авторов

К рассмотрению принимаются оригинальные статьи (до 80 тыс. знаков), рецензии (до 20 тыс. знаков) и переводы (при наличии авторских прав). Материалы необходимо представлять на русском языке и присылать их по адресу: perekrestki@ehu.lt

Статьи должны сопровождаться:

1) краткой (до 250 слов) аннотацией на английском языке с указанием (на англ.) имени и фамилии автора, названия статьи и 5–7 ключевых слов;

2) сведениями об авторе на русском языке. В сведениях об авторе просим указать: город/страну, ученую степень и звание (если имеется), институциональную принадлежность (если имеется), сферу научных интересов.

Материалы необходимо присылать в формате «doc» или «rtf». Литература и сноски оформляются в конце статьи в разделах: «Литература» и «Примечания». При цитировании и ссылках на авторов в тексте необходимо указывать в скобках автора, год издания книги, если необходимо – страницу, например: (Дюркгейм, 1912:23) или (Geerz, 1996). Полная информация о книге должна находиться в разделе «Литература», в котором необходимо указывать только те источники, на которые есть ссылки в тексте.

Guidelines for Authors

“Perekrestki” invites qualified researches and reviewers to publish the articles, reviews and translations contribute to the journal’s issues. All materials must be submitted in Russian, electronic form, format Microsoft Word (doc. or rtf.): articles are normally 80000–90000 symbols, reviews – up to 20000 symbols. Texts should be e-mailed to perekrestki@ehu.lt.

All article submissions must be accompanied by:

1) a 250-word abstract (in English) with the author’s full name (first the given name, then the last name of the author in English), the title of the article and 5–7 keywords;

2) information about author in Russian (city/country, scientific degree and rank (if available), institutional affiliation (if available), research interests).

References and footnotes should be presented at the end of the article in the sections: “Works cited” and “Notes”. Citations and references to authors are referred to in the text by giving the author’s surname, the year of publication and the page numbers if necessary, for example, (Durkheim, 1912:23) or (Geerz, 1996). Full information on the book should be presented in the section “Works Cited” in which it is necessary to specify only the sources which are referred to in the text.

Примеры оформления литературы, сносок (Examples of Citations and Footnotes)

Книга (A book)

1. Инишев, И.Н. Чтение и дискурс: трансформации герменевтики. Вильнюс: ЕГУ, 2007. С. 28.

2. Ершов, П.М. Искусство толкования. В 2 ч. Дубна: Феникс, 1997. Ч. 1: Режиссура как практическая психология. Ч. 2: Режиссура как художественная критика.

3. Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей. У 4 кн. Акад. Навук Беларусі. Ін-т літ. Мінск: Навука і тэхніка, 1993–1994. Кн. 2. Пачатак XX ст. 1900–1917 гг. Рэд. В.А. Каваленка, І.Я. Навуменка. 1994.

Глава в книге (A chapter from the book)

1. Петрушонис, В. Средства оперирования контекстом в процессе культурной идентификации. В: *Американские исследования*: Ежегодник, 2004–2005. Под ред. Ю.В. Стулова. Мн.: Пропилеи, 2006. С. 394–404.

Перевод (Translation)

1. Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 145.

Статья (Article)

1. Michele Lamont, Virag Molnar. The Study of Boundaries in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*. № 28. 2002. P. 167–195.

2. Белякова Н. Эволюция церковно-государственных отношений в западных республиках СССР в период Перестройки // Вестник РУДН. М. Серия «История России». 2009. № 2.С. 111–120.

Электронный ресурс (Electronic Resource)

1. Бурдьё П. Начала. Choses dites. М., 1994 // Социальное пространство и символическая власть. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/hrest/burde.htm

2. Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З // Эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravo.by/WEBNPA/text.asp?RN=H10000361

3. Аузан А. Публичная лекция «Экономические основания гражданских институтов», 19 мая 2004 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polit.ru/lectures/2004/05/19/auzan.html

ЦЕНТР ПЕРЕДОВЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (CASE) ПРИ ЕВРОПЕЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Центр передовых научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE) при Европейском гуманитарном университете создан в 2003 г. при финансовой поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и административном содействии Американских Советов по международному образованию ACTR/ACCELS и Американского центра по образованию и исследованиям.

Основной целью деятельности CASE является содействие обновлению системы научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук, развитию профессионального сообщества, а также мобилизации интеллектуальных и профессиональных ресурсов для изучения процессов социальных трансформаций в Пограничье Центрально-Восточной Европы (Беларусь, Украина, Молдова).

Задачами центра являются:

- интенсификация научных исследований в области социальных трансформаций в регионе Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- накопление и распространение информации о научных исследованиях и учебно-методических разработках в области социальных трансформаций в регионе Пограничья;
- координация научных исследований по важнейшим проблемам и направлениям, соответствующим профилю центра;
- организация продуктивного научного диалога между исследователями и преподавателями региона по проблемам социальных трансформаций в регионе Пограничья;

– создание сети партнерских образовательных и исследовательских учреждений в Беларуси, Украине, Молдове;
– создание и развитие информационной базы для проведения исследований по проблематике центра;
– содействие мобильности региональных и зарубежных исследователей, вовлеченных в работу центра.

Основные виды работ CASE:

– проведение конкурсов для аспирантов и докторантов на получение стипендий для проведения исследований по проблематике CASE;
– осуществление образовательных программ для стипендиатов CASE;
– проведение региональных исследовательских семинаров и международных конференций;
– издание научного ежеквартальника «Перекрестки»;
– издание сборника работ стипендиатов CASE;
– издание монографий по проблематике CASE;
– создание и апробация учебных, учебно-методических материалов, а также инновационных технологий обучения стипендиатами центра;
– создание библиотеки CASE.

Тематические приоритеты CASE:

– теории и модели Пограничья в современных гуманитарных науках;
– исторические и этнокультурные контексты формирования Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
– трансграничная, межрегиональная и транснациональная кооперация в Пограничье;
– политические и правовые трансформации в условиях Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
– Беларусь, Украина, Молдова в контексте европейской интеграции: противоречия и преимущества Пограничья;
– Пограничье и проблемы европейской безопасности;
– национальная идентичность в условиях Пограничья;
– социальная роль образования и культуры в условиях трансформации (Беларусь, Украина, Молдова);
– регионы Пограничья в условиях глобализации.

ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛ «ПЕРЕКРЕСТКИ»

Подписка может осуществляться как на отдельные номера, так и на полный годовой комплект (три выпуска). Доставка за счет отправителя. Порядок оформления подписки включает два этапа.

1. Оплатить стоимость подписки в отделении банка
по реквизитам:

Получатель – **Европейский гуманитарный университет**
AB SEB Bank
пр. Гедимино 12, LT–01103, Вильнюс, Литва
расчетный счет **№ LT39 7044 0600 0545 3512 (EUR)**
SWIFT CBVILT2X
Назначение платежа: *Подписка на журнал «Перекрестки»*

Стоимость подписки за номер (включая пересылку):
а) для Литвы и Беларуси – **24 лит** (**7 евро**);
б) для стран ЕС – **30 лит** (**9 евро**);
в) для постсоветских стран – **26 лит** (**8 евро**).

Журнал высылается подписчику заказной бандеролью.

2. Заполнить бланк заказа и выслать вместе с копией документа об оплате по адресу: **ул. Тауро 12, LT–01114, Вильнюс, Литва**, кому: **Европейский гуманитарный университет**, либо сосканированный вариант по электронной почте на адрес: *office@ehu.lt*

Если копии документов не высланы, подписка не оформляется.

По всем вопросам, связанным с подпиской, обращаться
по тел. +370 5 263 96 50 или электронной почте *office@ehu.lt*

БЛАНК ЗАКАЗА

Редакционная подписка на журнал «Перекрестки»

Почтовый индекс ___________ Адрес подписчика__________________________________

____

Ф.И.О. ____

Телефон ___________________________e-mail ______________________________________

THE SUBSCRIPTION
FOR THE "CROSSROADS" JOURNAL

The subscription is available both for individual issues and a complete annual set (three issues). Delivery is at the sender's expense. The subscription procedure consists of two steps.

1. To pay the subscription at the bank. The bank details:
Receiver – European Humanitarian University
AB SEB Bank
Gedimino ave. 12, LT–01103, Vilnius, Lithuania
Current account **No LT39 7044 0600 0545 3512 (EUR)**
SWIFT CBVILT2X
Purpose of paymnet: *Subscription for the „Crossroads" Journal*

Price for an issue (including the delivery):
а) for Lithuania and Belarus – **24 Lt** (**7 Euro**);
б) for EU countries – **30 Lt** (**9 Euro**);
в) for post-soviet countries – **26 Lt** (**8 Euro**).

The journal is sent to the subcriber as registered postal packet.

2. To fill in the order form and send it together with the copy of the payment document to the address: **Tauro str., 12, LT–01114, Vilnuis, Lithuania** To: **European Humanitarian University** or the scanned copy to the e-mail: *office@ehu.lt*

If the copies of the document are not sent the subscription is not validated.

For any questions connected with subscription contact us
+370 5 263 96 50 or *office@ehu.lt*

ORDER FORM

Editorial Subscription for the "Crossroads" Journal

Zip code __________ Address ____

____

Name ____

Telephone ______________________________ e-mail ______________________________